

ДВЕ
ТРАГЕДИИ
XX ВЕКА

ТРИ
XX

ВЕКА

Николай Тараканов
Две трагедии XX века

Художник Михаил ГУРОВ

Тараканов Н.Д. Две трагедии XX века: Документальные повести.
— М.: Советский писатель, 1992. — 432 с.

Эта книга — напоминание о двух величайших трагедиях нашего века: взрыве ядерного реактора на Чернобыльской АЭС и землетрясении в Армении.

Записки их участника кандидата технических наук генерал-майора Н. Д. Тараканова отличает фактическая достоверность, глубокое понимание событий, боль за настоящее и будущее человечества.

Как простые солдаты бывают всякими — хорошими или так себе, сметливыми или «заторможенными», красивыми (не обязательно лицом — всем воинским обликом своим) или «тюфяками», — такими, соответственно, бывают и генералы. Бьющие в глаза лампасы, шитье золотом на мундире не спасают посредственного генерала от полупрезрительных солдатских ухмылок: «А ведь мало чего стоишь ты, наш начальник...» Не «командир» в таком случае, а именно «начальник»! И многое, весьма многое — в действиях, повседневном армейском поведении, в живых чертах характера — должно быть у генерала, чтобы солдаты на всю жизнь запомнили его как отца родного, своего солдатского отца, и с мужской, не напоказ, однако все-таки гордостью могли позже сказать: «Он был с нами...»

Это подтвержденное в горячих делах, а потому живущее в памяти-сознании определение, эта скупая солдатская похвала, — подумайте, — выше любого ордена.

«Он был с нами...»

Право на такую солдатскую память, солдатское уважение заслужил и автор этой книги — генерал-майор Николай Дмитриевич Тараканов. Не только всей многолетней службой своей в войсках — от взводного до командира на генеральской должности (таких честных, преданных долгу кадровых военных в нашей армии, слава Богу, немало!), — но еще и тем, что выпало именно на его долю, когда со своими подчиненными он оказывался глаза в глаза со смертью. И была не игра в прятки (кто кого обманет!) — была суровая, тяжелая, сверхопасная работа. Сродни бою работа.

В Чернобыле, после аварии на АЭС, где генералу Тараканову приказано было возглавить работы по удалению вредоносных продуктов выброса непосредственно на станции, в зонах с уровнем радиации свыше 1000 рентген в час, то есть при чудовищном уровне радиации, он, как отмечалось в представлении к награде, «для управления войсками рядом с разрушенным реактором на высоте 61,0 метра оборудовал командный пункт с телемониторами, схемами и другими наглядными пособиями для заключительного инструктажа офицеров, солдат, сержантов. Сложная и опасная операция длилась 12 суток. И все это время генерал-майор товарищ Н. Д. Тараканов находился на своем командном пункте».

Понятно, что под словом «находился» следует понимать действовал, с р а ж а л с я , если хотите; и, посылая на опасные участки тщательно проинструктированных подчиненных, когда им отпускались на выполнение задания всего лишь минуты, сам генерал не покидал командного пункта д н я м и . Понятно, что следствием этого стала жестокая лучевая болезнь (почти год в госпитале — и ныне она беспощадно ломает мужественного человека), но непонятно другое... Когда наверху потом «делили» Золотые Звезды Героев, их выдали тем, кто наблюдал за битвой с «белой смертью» в основном из Москвы и Киева, и Звезд, как у нас водится, не досталось только солдатам и офицерам генерала Тараканова, как и ему самому.

А сам генерал, выйдя из госпиталя, преследуемый постоянными болями, отбыл с вверенными ему подразделениями к месту еще одной великой трагедии, теперь уже в Армению, для ликвидации последствий небывалого по силе землетрясения... И снова лицом к лицу со смертью, а точнее — с ее кровавым «посевом».

Впрочем, как раз обо всем этом (включая и то, почему командный пункт необходимо было устраивать в непосредственной близости от разрушенного реактора; как солдаты в Спитаке пробивались через многотонные каменные завалы к жертвам землетрясения...) и рассказывается в книге генерала Тараканова «Две трагедии XX века», которую вы, уважаемый читатель, держите сейчас в руках.

Это, помимо всего, книга человеческой боли и человеческой сострадательности ко всему нуждающемуся в помощи и защите на Земле; это книга о пребывающем в угнетенности — из-за непрекращающихся политических экспериментов — русском народе, ибо сам автор ее — крестьянский сын, сполна познавший на собственном опыте, через многотрудную судьбу отца и

матери, каково жилось у нас сельскому человеку... И вместе с тем строки этой книги проникнуты гордостью за наших людей, способных в час грозных испытаний безоглядно встать в боевой строй: коли нужно — да будет так!

Это к тому же резкая, беспощадная в оценках и по выводам книга, обнаруживающая тем самым бескомпромиссность и нравственную последовательность натуры самого автора — воина, гражданина Отечества, сына России, человека чести и совести. Это книга, наконец,— книга русского генерала, из среды которых (чему немало примеров) с давних времен и поныне выходят достойные — по правдивости описаний и точности, глубине с л о в а — литераторы. Отнесем же к книге, как она заслуживает этого, — с нашим читательским доверием. Не ошибемся.

Эрнст САФОНОВ

Чернобыльские
записки,
или
Раздумья
о
нравственности

Предисловие

Впервые с автором этой книги, популярным генералом и писателем, я познакомился в январе 1980 года. В ту пору начальником Гражданской обороны страны был весьма деловой и разумный человек — генерал армии Александр Терентьевич Алтунин. Он всерьез занимался делами гражданской обороны.

15 января 1980 года по его приглашению ведущие ученые Академии наук СССР вместе со мной посетили Научно-экспериментальный комплекс по проблемам повышения устойчивости работы отраслей народного хозяйства и его территориальных звеньев. В залах корпусов на экспозициях, действующих макетах и стендах впервые в стране была дана научно проработанная оценка состояния устойчивости работы промышленности, электроэнергетики, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей. Тут же особо выделялись все узкие места в их работе и пути «расширения». Поразила нас тогда и огромная действующая диорама города, на которой демонстрировались требования норм инженерно-технических мероприятий гражданской обороны. Демонстрация диорамы сопровождалась показом специального кинофильма.

Авторами этого уникального изобретения были Н. Д. Тараканов, О. Н. Пашин, Р. Ю. Сухоруков и другие. Они же были и ведущими специалистами по созданию самого комплекса, который после нашего посещения я порекомендовал А. Т. Алтунину представить к Государственной премии СССР.

Мне хорошо запомнились доклады ведущих ученых и специалистов из Гражданской обороны — генералов Б. П. Дутова, М. П. Цивилева, Ю. Н. Афанасьева, Н. Д. Тараканова, О.Н. Пашина, В. Е. Аниканова и других. Но ближе всего мне был доклад по проблемам повышения устойчивости работы всей электроэнергетики, и в частности атомной. С обстоятельным докладом выступил тогда молодой генерал Николай Дмитриевич Тараканов. У действующего макета одного из атомных реакторов, как сейчас помню, он больше задавал мне вопросы по повышению устойчивости работы реактора, его надежности, живучести, чем комментировал сам. Его инженерная эрудиция, аналитический ум и смекалка привлекли мое внимание к нему.

Мог ли я тогда подумать, что этому молодому человеку придется через шесть лет руководить весьма сложной операцией по сбору и удалению ядерного горючего, графита и прочих продуктов выброса с третьего энергоблока Чернобыльской АЭС, честно выполнить свой воинский долг вместе с солдатами, потерять здоровье и остаться оптимистом да еще писать книги? Нет, не мог. Мне и в голову тогда не приходили мысли о допустимости подобной аварии.

Тогда на комплексе мы внимательно ознакомились с представленной проблемой и наметили ряд крупных научно-исследовательских работ по линии Академии наук СССР. Жаль, что мало воплотили в жизнь.

За ужином я подарил Николаю Дмитриевичу свою книгу «Атомная энергетика и научно-технический прогресс» с замысловатой надписью: «Дорогой Николай Дмитриевич! Подумайте о закрытых...» Присутствующие на ужине пытались расшифровать эту надпись, но, увы... Чуть позже генерал Тараканов точно раскодировал этот текст.

После нашего визита между Академией наук СССР и Гражданской обороной страны, ее руководством, учеными и специалистами, установились деловые контакты. Но следует признать, что внедрение в практику норм и требований гражданской обороны слишком далеко было от истины.

А теперь о книге Николая Дмитриевича Тараканова «Чернобыльские записки, или Раздумья о нравственности». Это книга талантливого человека. Все, что прошло через его

душу, ум и сердце, написано правдиво и художественно. Мне лично импонирует то, что автор как высокообразованный инженер, соприкоснувшись с аварией, сумел в тонкостях проникнуть в суть разыгравшейся трагедии и дать честное толкование безответственной деятельности эксплуатационников и руководства АЭС.

Забегая вперед, хочу сказать, что в сентябре 1990 года у меня состоялась встреча с Николаем Дмитриевичем по поводу проверки его организма на содержание плутония у нас, в Институте имени Курчатова. В беседе с генералом мне понравилась аналогия, которую он провел. Он высказался примерно так: «Анатолий Петрович, как вы думаете, если солдату, провоевавшему в Великой Отечественной войне с винтовкой образца 1899/30, сразу дать современное оружие, не говоря о ракетах, что будет?» Я ответил: «Может сам себя и застрелить». — «Верно, — сказал генерал, — Вот то же самое случилось и в Чернобыле».

И все же Чернобыль — трагедия и моей жизни тоже. Я ощущаю это каждую секунду. Когда катастрофа произошла, и я узнал, что там натворили, чуть на тот свет не отправился. Потом решил немедленно уйти с поста президента Академии наук, даже обратился по этому поводу к М. С. Горбачеву. Коллеги останавливали меня, но я считал, что так надо. Мой долг, считал я, все силы положить на усовершенствование реактора.

Отвечать за развитие атомной энергетики и конкретно за чернобыльскую катастрофу — разные вещи. Судите сами. Хотя, впрочем, убежден, что сказанное мною вызовет новый поток брани на мою старую, лысую голову. Но я покривил бы душой, если бы согласился с мнением, что теперь атомную энергетику развивать не надо и все АЭС следует закрыть. Отказ человечества от развития атомной энергетики был бы для него губителен. Такое решение не менее невежественно, не менее чудовищно, чем тот эксперимент на Чернобыльской АЭС, который непосредственно привел к аварии.

Мне часто задают вопрос: знал ли я о нем?

В том-то и трагедия, что не знал. Никто вообще в нашем институте не знал о готовящемся опыте и не участвовал в его подготовке. И конструктор реактора, стоящего на Чернобыльской АЭС, академик Н. А. Доллежалъ тоже ничего об этом не знал. Когда я потом читал расписание эксперимента, то был в ужасе. Множество действий по этому расписанию привело реактор в нерегламентное состояние. Не буду вдаваться в технические подробности, скажу только, что эксперимент был связан со снятием избыточного тепла. Когда реактор остановлен, турбогенератор по инерции крутится и дает ток, который можно использовать для нужд станции.

Спрашивают также, кто разрабатывал опыт.

Руководство АЭС поручило подготовить проект эксперимента Донтехэнерго, организации, которая не имела дела с АЭС. Дилетанты могут руководствоваться самыми добрыми намерениями, но они вызвали грандиозную катастрофу — так и произошло в Чернобыле.

Директор станции, не привлекая даже заместителя главного инженера своей АЭС, физика, разбирающегося в сути дела, заключил договор с Донтехэнерго о проведении работ. Регламент эксперимента был составлен и послан на консультацию и апробацию в институт «Гидропроект» имени Жука. Сотрудники института, имеющие некоторый опыт работы с атомными станциями, не одобрили проект и отказались его визировать.

Я часто теперь думаю: хоть бы «Гидропроект» поставил кого-либо из нас в известность! Но его сотрудники не могли даже предположить, что на станции все-таки решатся проводить эксперимент.

В нашем бывшем министерстве, Минсредмаше, об эксперименте тоже не знали: ведь Чернобыльская АЭС была передана Минэнерго. Может быть, это и было первой

ошибкой...

По-всякому можно относиться и к бывшему Минсредмашу, попрекать его отсутствием гласности, излишней секретностью, но там были профессионалы и по-военному дисциплинированные люди, четко соблюдающие инструкции, что в нашем деле чрезвычайно важно.

Существует инструкция, которую обязан соблюдать персонал любой АЭС. Это технический регламент, гарантия ее безопасности. Так вот в самом начале нового, ошибочного регламента Донтехэнерго записано: «Выключить систему аварийного охлаждения реактора — САОР». А ведь именно она включает аварийное охлаждение реактора. Мало того, были закрыты все вентили, чтобы оказалось невозможным включить эту систему. Ясно, что никто не имел права вести работу по «самодельному», а не по утвержденному регламенту.

Двенадцать раз эксперимент нарушал действующую инструкцию по эксплуатации АЭС! Одиннадцать часов АЭС работала с отключенной САОР!

Можно сказать, что изъяны существуют в самой конструкции реактора. Однако причина аварии все-таки — непродуманный эксперимент, грубое нарушение инструкции эксплуатации АЭС. Реакторы такого типа стоят и на Ленинградской, и на Курской АЭС — всего пятнадцать штук. Почему же авария произошла в Чернобыле, а не в Ленинграде, например? Повторяю, недостатки у реактора есть. Он создавался академиком Доллежалем давно, с учетом знаний того времени. Сейчас эти недостатки уменьшены, компенсированы. Дело не в конструкции. Вы ведете машину, поворачиваете руль не в ту сторону — авария! Мотор виноват? Или конструктор машины? Каждый ответит: «Виноват неквалифицированный водитель».

Пользуясь случаем, что пишу предисловие к честной книге генерала, прошедшего горнило Чернобыльской АЭС, хочу повторить в назидание потомкам следующее.

Атомная энергетика — стимул для развития промышленности вообще. Нельзя сейчас закрыть ее на 15—20 лет, как предлагают некоторые. Это значило бы окончательно растерять специалистов, а потом повторить весь путь заново. И так наши специалисты под давлением общественного мнения разбегаются кто куда. Нужно продолжать и существенно совершенствовать работы по АЭС.

Меня очень тревожит гонение на атомную энергетику, которое началось в стране. Не может целая отрасль науки и промышленности быть подвергнута остракизму. В этом отношении уже есть отрицательный опыт с генетикой и кибернетикой. Я по-прежнему убежден в необходимости развития для страны атомной энергетики. Убежден, что при правильном подходе к ней, при соблюдении всех правил эксплуатации она безопаснее, экономически надежнее тепловых станций, загрязняющих атмосферу, гидростанций, уродующих реки.

Когда пускали атомные электростанции, я часто брал туда с собой детей, потом внуков. Я не боялся аварий при этих пусках, хотя всегда были недостатки. Помню, и на испытание атомохода «Ленин» приехал с младшим сыном, школьником. Пуск любого нового блока АЭС обязан проявить все его недостатки. Пуск четвертого блока Чернобыльской АЭС в 1984 году также проявил недостатки, и были приняты меры к их устранению, но полностью эта работа закончена не была. Именно поэтому так называемый оперативный запас реактивности был гораздо ниже нормы, когда реактор нужно было — и полагалось — остановить. И аварии не было бы!

Безопасность работы — единственный критерий существования АЭС. Выполнить его можно, лишь учитывая уже имеющийся опыт работы. Зачем же разрушать отрасль промышленности, где работали ученые, инженеры, конструкторы, которые все-таки чего-то

стоили? Ведь все равно не обойтись без атомной энергетики, и новому поколению неизбежно придется к этому возвращаться и начинать все с нуля.

Академик, трижды Герой Социалистического Труда
А. П. АЛЕКСАНДРОВ

*МОЕЙ МАТЕРИ
И ОТЦУ-СОЛДАТУ
ПОСВЯЩАЮ*

От автора

Сейчас я спущусь с гор в долину. И пойду к людям. Вот только перетерплю боль. Она, подлая, всегда застаёт врасплох: сначала к горлу подступает отвратительная тошнота, потом голову начинает раскалывать адский молот, и все это сопровождается раздирающим душу кашлем. Тут-то и надо уползать. Потому что затем начнутся страшные конвульсии, когда ты уже не принадлежишь себе и хочется выть, кататься по земле, биться головой о камни.

Не тревожся, я привык. Надо только успеть спрятаться за скалы, вжаться в них и ждать. И еще важно не закричать от боли, бессилия: в горах далеко слышно...

Видно, такова доля многих, кому выпало работать в эпицентре чернобыльской трагедии. И мне еще повезло: пока жив. Да и врачебным вниманием не обделен.

Знаешь, я недавно получил горькое в своей безысходности письмо из Воронежа от молодой вдовы Ларисы Пахомовой. После чернобыльских событий ее муж, Игорь, призванный из запаса, тяжело заболел. Умер от чрезмерной дозы облучения — он вместе с шахтерами отрывал тоннель под четвертым энергоблоком АЭС, где ученые-физики пытались соорудить плиту с охлаждением. Но врачи его смерть вовсе не связывают с облучением, полученным при исполнении служебного и гражданского долга. Они не могут осмелиться нарушить предписания Минздрава СССР об «осторожном» отношении к возможным заболеваниям в связи с пребыванием в чернобыльском аду. О случаях подобного отношения врачей не раз писалось, говорилось по Центральному телевидению, цитировалась и показывалась бумага, подписанная бывшим министром здравоохранения академиком Чазовым.

Я хорошо знал этих парней. До армии они, как водится, безумствовали на дискотеках, ухлестывали за девчонками, наверное, не всегда ладили с милицией. Но видел бы ты глаза этих ребят на третьем блоке! Какая-то страшная, не по годам, мудрость светилась в них...

До смерти буду помнить урок, который преподавал мне один солдат там, на 5001-й отметке третьего энергоблока. Кажется, шел шестой день адской операции по удалению высокорadioактивных элементов. Я инструктировал строй солдат. «Народ устал ждать, когда наконец мы, воины Советской Армии, ликвидируем эту проклятую аварию, когда будет наконец закупорен этот нашумевший «саркофаг» — так примерно говорил я солдатам и офицерам. — Мы приступили к ответственному этапу — сбору и удалению всех

продуктов выброса от взрыва реактора. И от того, как скоро мы завершим операцию, зависит перекрытие «саркофага». Сегодня мы работаем шестой день. Работаем в зоне, где уровень радиации составляет более тысячи рентген в час. Всех, кто плохо себя чувствует и не готов выполнять задание, прошу выйти из строя». Строй не шелохнулся. После некоторой паузы я добавил: «Все отличившиеся будут представлены к государственным наградам и денежным вознаграждениям». Вот тут и оборвал меня тот самый солдат на полуслове, хотя в строю и не велено разговаривать, тем более перебивать старших. Солдат сказал: «Товарищ генерал, мы прибыли добровольцами на эту операцию не ради наживы».

Все, кто стоял в строю и перед строем, были в напряжении. Сотни солдатских глаз смотрели на меня и следили за моими действиями. Я совершенно спокойно, не выдавая своего волнения, попросил солдата выйти из строя. Уверенным шагом он вышел из первой шеренги, резко повернулся «кругом» и стал перед однополчанами. Я подошел к солдату, посмотрел ему в лицо и сказал: «Извини, солдат, ты прав, это не главная ценность в нашей жизни, спасибо тебе за науку». Потом крепко пожал ему руку и пожелал успеха в операции.

Я больше никогда не видел этого белокурого симпатичного парня. Где ты теперь, мой солдат, как живешь, как твоё здоровье? Перед тобой я виновен, что не запомнил ни твою фамилию, ни край, где ты родился. В той суматохе забыл поинтересоваться, как сработал ты тогда. Ведь до сих пор помню многих чудесных ребят. А вот тебя не запомнил. Но я уверен, что сработал ты по-геройски. Ведь во всей этой операции не было из трех с лишним тысяч солдат таких, кто бы не сработал. А может быть, ты тоже изнываешь от боли, валяешься по больницам и госпиталям, а порою не знаешь, в какую щель затиснуть себя, только чтоб не видеть сострадания близких и друзей. Еще раз спасибо тебе и всем солдатам — спасибо за адский труд на третьем блоке. Вот и думаешь, как же все это совместить: готовность к самопожертвованию одних и способность на подлость других, тех, кто вышвырнул их из памяти, как только стало ясно, что адская машина на Припяти остановлена?

Наверное, никто еще не описал, что это значит — бежать по невидимой, но особо опасной радиоактивной зоне, в которой светятся тысячи рентген в час. Группы майора Филиппова, лейтенанта Музыкина, парни Стародумова, вновь и вновь уходявшие «за разлом», — где вы сейчас? Вжимаясь в холодные камни гор, я мысленно молю судьбу, чтобы она оберегла вас от пыток лучевой смерти.

Не всегда выпадало работать по две минуты. Я помню нервный шок парней, узнавших от смельчаков дозиметристов Юрченко и Дмитрова, что на одном из участков зоны можно находиться всего 20—30 секунд. Уровень радиации превышал там три тысячи рентген в час. Десятки групп ходили туда. И возвращались озлобленные: ну что можно расчистить за это время? Операцию пришлось отложить до выяснения обстановки в зоне работ. Мои боевые помощники офицеры А. Сотников, А. Саушкин, Э. Кульчицкий, И.Тетерин, В.Кочетов получили впервые возможность передохнуть. Было принято решение провести более тщательную радиационную разведку. В разведку пошел командир отряда А. Юрченко. Он нашел источник мощного излучения — сборку с ядерным горючим, которая весила 350 килограммов и была придавлена внушительной массой проклятого графита. Как вышвырнуть оттуда эту невидимую смерть за несколько секунд, не знал никто. Наконец додумались «забинтовать» сборку свинцовыми лентами и лишь после этого сбросить в развал реактора. Подобных сборок были десятки.

Снова вой сирены, бег в излучающий смерть разлом, смена групп, дезактивация, количество «схваченных» рентген в учетной книжке, мучительная тошнота, головокруже-

ние, подавление страха. А ты знаешь, как сложилась судьба у некоторых героев Чернобыля — вот, к примеру, у отважного командира отряда спецразведки А. Юрченко? Нет, не знаешь. Да и откуда тебе знать! 5 марта 1990 года он, получив квартиру в Киеве, вынужден был объявить голодовку в связи с тем, что ему и его семье длительное время не давали прописку, а так как он вступил в борьбу с безнравственным руководством Чернобыльской АЭС, то его должность взяли и... ликвидировали. На восьмой день голодовки Александра Серафимовича Юрченко отправили в Москву в родное министерство для разрешения конфликта. Поздно вечером после переговоров его друзья-чернобыльцы В. Вилавичюс и доктор наук Г. Лапин привезли его ко мне домой. В этот вечер после нескольких дополнительных переговоров по телефону из моей квартиры Юрченко прекратил голодовку¹.

...Мне пора в долину. Боль отступает, и я уже чувствую тело: вот оно! Не верь знакомым, которые говорят, что сломя голову, подлечившись, полетел я в Армению. Все проще и сложнее. Проще потому, что я уже знаю, что такое эпицентр трагедии, и, кажется, могу неплохо в нем работать. А сложности — это из области личного. Это пусть остается со мной. Пускай выпендрено звучит, но так уж устроен: пока дышу — буду помогать. И мучиться мыслью, что ни Чернобыля, ни разрушений в Армении в таких масштабах могло не быть. Не должно было быть. Потому что это запланированная смерть. Несовершенный ядерный реактор, нарушение технологии его обслуживания и сейсмически нестойкие дома — суть одинаково равнодушного отношения к человеку. Смерть от радиации или смерть под обломками родного очага — какая разница!

Глава 1

Невидимый противник

Набирала силу весна 1986 года. В первые теплые дни после зимы вдруг прогноз погоды пообещал в ночь на 26 апреля приличные заморозки. Многие дачники, а точнее владельцы садовых участков, в спешке выезжали из Москвы и длинной вереницей легковых машин мчались по Киевскому шоссе спасать свои фруктовые деревья. Какая-никакая, а своя собственность. Ведь сколько сил и здоровья было вложено в освоение заболоченных участков земли только в нашем армейском садовом товариществе «Дубрава», что под Калугой! Зато у нас выращены яблони и груши, сливы и вишни, малина и клубника, смородина и крыжовник и прочее. И теперь все это было дорого. И летели дачники на свои участки спасать уцелевшее.

Родился я и вырос в селе Гремячем, что на Дону. В армии служу более 37 лет. А вот любовь к земле и с годами не утратилась. Не могу понять умом: ну почему человек не может быть настоящим хозяином своей земли? Ведь как же прав писатель Василий Травкин, который говорит, что крестьянин без земли — весьма забавно! Впрочем, у нас от крестьянина осталось только название. Могучий слой русского крестьянства вырублен, изничтожен до основания. В современной деревне, как это ни горько, преобладают бесхозяйственность, поденщина. Заждалась земля хозяина... Трудно не согласиться с писателем, а тем более мне.

Мы с моим близким и давним другом полковником Геннадием Васильевичем Граммаковым, как и многие другие военные, тоже рванули спасать свои посадки от

¹ Эта книга создавалась в течение нескольких бурных лет в жизни нашего общества, поэтому приведенные здесь оценки некоторых событий и людей изменились. В книге в отдельных случаях даны авторские подстрочные примечания

мороза. Езды до наших участков, что рядом с поселком Ивакино, в пределах полутора часов. За разговорами в дороге время пролетело незаметно. И это бывает нередко, когда с тобой рядом настоящий друг. Тут уж тем для разговоров, шуток — хоть отбавляй. Мой спутник Геннадий Васильевич — человек с большой армейской биографией. По профессии финансист. Но до чего же талантлив! Помню, я возглавлял комиссию по проверке гражданской обороны Якутской АССР. Он был в составе комиссии и проверял всю финансовую деятельность республиканского штаба Гражданской обороны. Проверка закончилась возбуждением уголовного дела по неправильному расходованию денежных средств. Нити тянулись и в наш штаб Гражданской обороны Российской Федерации. Забавно: когда мы с Геннадием Васильевичем докладывали Предсовмина Якутии В. И. Петрову результаты общей проверки, он в конце вдруг предложил Граммакову должность министра финансов. Вот с тех пор я частенько называю его министром. Нас сблизили и армейская служба, и нелегкие, затяжные командировки, и не менее важное обстоятельство — равнодушное отношение к стихам великих поэтов России, таких, как Фет, Тютчев, Пушкин, Баратынский, Есенин, Кольцов, и многих других.

...И вот мы уже в «Дубраве». Всю ночь жгли солому. Дым окутывал густой пеленой деревья и спасал их от мороза. Когда же нас дым доводил до слез, мы бежали в дом, пили горячий чай, ели бутерброды и, малость передохнув, вновь жгли солому. Так незаметно, в дыму и гари, пролетела эта ночь 26 апреля 1986 года, которая стала самой трагической для всей нашей планеты.

Разумеется, никто из нас не мог предположить, что в эту же роковую ночь за сотни километров от Москвы произошла страшная беда, которая практически отразилась на каждом из нас. Авария в Чернобыле болью отозвалась в сердцах миллионов. Но мы пока еще ничего не знали.

Для нас все началось с пронзительного телефонного звонка из Москвы. Комендант дачного поселка, участник Великой Отечественной войны, сапер 62-й армии маршала Чуйкова М. И. Журавлев, который в жаркие дни Сталинградской битвы под градом пуль и снарядов обеспечивал переправу через Волгу, бежал теперь по дачам офицеров и генералов и передавал всем, что объявлен «сбор», а для чего — он, естественно, не знал.

В общем-то, в этом не было ничего необычного. Офицеров гражданской обороны вызывают на службу в нерабочее время довольно часто: где-то разбушевалась стихия, вспыхнули лесные пожары, угрожает гидротехническим сооружениям ледоход, произошло землетрясение, а то и просто очередная тренировка или учения.

Потушили мы с Геннадием Васильевичем свои костры, привели себя в порядок и на скоростях в Москву. Заехали домой, переоделись и в штаб, на службу.

Как бы то ни было, но через два часа мы были в кабинете начальника штаба Гражданской обороны РСФСР. Здесь собрались все его заместители и начальники отделов. Весь облик его будто говорил: случилось нечто чрезвычайное. И первые же его слова подтвердили наши предположения: «Товарищи! В стране произошло чрезвычайное происшествие — взрыв на Чернобыльской АЭС. Обстановка там очень сложная, и многое пока неясно. Я только что от товарища Воротникова Виталия Ивановича. Принято решение в штабе Гражданской обороны России и в ряде АССР, краев и областей Российской Федерации, которым может угрожать радиоактивное заражение, создать оперативные группы и установить контроль за возможным загрязнением радиацией. С этого момента и до особого распоряжения наш штаб переходит на круглосуточную работу. Оперативную группу штаба будут возглавлять генералы — мои заместители. Первым сегодня заступает на дежурство генерал-лейтенант Попов Глеб Всеволодович...»

Таким было для нас начало длинной цепи драматических событий, которые стали

известны всей планете как чернобыльская трагедия.

Сразу же после совещания мы, как люди военные, по первым отрывочным данным пытались смоделировать ситуацию. Прикидывали, взрыву какого по мощности ядерного заряда могут соответствовать последствия аварии. Сошлись на мысли, которая может показаться парадоксальной и даже кощунственной: авария в Чернобыле по некоторым параметрам и особенно радиоактивному загрязнению ничуть не «лучше» ядерного взрыва. Тем более что теперь долгое время будут выделяться радиоактивные выбросы, заражая почву, воду, растительность, продукты питания.

Чернобыльская трагедия поставила много вопросов: технических, организационных, нравственных. Мы привыкли к людям-символам. Если культ, то Сталина, если волюнтаризм, то Хрущева, застойные годы — Брежнева, перестроечные — Горбачева. Словно и не было многих и многих борцов с негативными явлениями и столь же немалого количества карьеристов, прихлебателей, жуликов, просто подонков, чьими усилиями эти явления распространялись. Словно и не было объединенных определенными интересами классов, социальных групп в нашем обществе, словно нет противоречий и борьбы между ними.

Нечто подобное просматривается и на примере Чернобыля. Залечивать раны после аварии, порожденной преступной халатностью, пришлось армии, гражданским специалистам, ученым. Но и в этой ситуации за единицами широко известных героев — десятки, сотни и тысячи простых солдат и офицеров, проявивших не меньший героизм, а за должностными лицами, осужденными судом, — десятки и сотни тех, кто так или иначе способствовал их преступлению. Но где сегодня грань между теми и другими? Или, может быть, кому-то выгодно раствориться в общей массе? Чтобы не было ни героев, ни преступников, а все были равны? И как сделать, чтобы каждому (именно каждому!) воздать должное, дабы восторжествовала справедливость?

Над этими и другими вопросами мне и хотелось бы поразмышлять вместе с читателями в этой книге. А отправными пунктами наших размышлений пусть станут действительные события, факты, живые и мертвые люди, с которыми мне довелось длительное время работать в зонах ряда областей, подвергшихся радиоактивному заражению, и у разлома четвертого энергоблока, а позже встречаться в больничных палатах, которых я наблюдал в экстремальных ситуациях и в минуты спокойных раздумий.

Итак, бой с невидимым противником начался для нас 26 апреля. И, как всякий бой, он высветил, чего стоит каждый его участник, выявил достоинства и изъяны в подготовке войск и управлении ими. Но обо всем по порядку.

27 апреля 1986 года в 9 часов 00 минут я принял дежурство по оперативной группе от генерал-лейтенанта Г. В. Попова. Глеб Всеволодович, активный участник войны, организовал работу оперативной группы по-боевому: офицеры были распределены по направлениям и добывали необходимые сведения о состоянии радиоактивного заражения на местности, объектах, продуктах питания от подчиненных штабов Гражданской обороны автономных республик, краев и областей. На основных автомобильных магистралях, ведущих к Москве, а также в ряде городов Российской Федерации были развернуты и функционировали контрольные посты и пункты специальной обработки по дезактивации автомобильного транспорта. На постах велся строгий контроль и учет зараженной техники. Автомобильный транспорт был самым опасным объектом переноса радиоактивных загрязнений. Помню десятки случаев, когда в мое дежурство поступала нестандартная и несколько необычная информация по задержке радиоактивно зараженного транспорта даже на подъездах к Москве.

Наиболее характерный из них. 16 мая в 3 часа ночи позвонил начальник

оперативной группы штаба Гражданской обороны Московской области и доложил, что на одном из постов задержана грузовая машина «ЗИЛ-131», которая везет сыр из Брянска в Москву. При дозиметрическом контроле обнаружен повышенный фон радиации, причем только на машине. Дежурный спросил меня: «Что делать?» Я ему: «Ну, если сами не знаете, тогда слушайте: сыр срочно перегрузить в первую попавшуюся «чистую» машину с помощью ГАИ, а этот автомобиль дезактивировать». Под утро доложили, что машину отмыли и отправили по назначению.

Были зафиксированы и случаи другого рода: машина совершенно радиоактивно чистая, а продукция заражена выше допустимых норм.

Исключительно добросовестные дозиметристы на контрольных постах круглосуточно несли дежурство вместе с работниками Госавтоинспекции и задерживали радиоактивно загрязненный автотранспорт. Среди автолюбителей было немало недовольства в связи с частыми заторами на дорогах. Было это на многих магистралях, ведущих в Москву, Ленинград, Минск, Ростов-на-Дону, Воронеж, Калугу. Но жесткий контроль ставил надежный заслон на путях проникновения в глубь страны радиоактивно зараженных частиц на автомобилях, особенно тех, которые следовали с южного и западного направлений, то есть с Украины и из Белоруссии.

Без преувеличения скажу, что наша группа работала по-фронтовому. За сутки дежурства офицеры обычно окончательно выматывались. Всю ночь «выбивали» сведения, а к 8 часам утра на карту уже наносилась уточненная радиационная обстановка. Карты районов с наиболее сложной обстановкой готовились отдельно. К картам разрабатывались специальные графики изменений радиационной обстановки — начиная с первого дня после аварии. Отдельно прилагались сводные таблицы по основным показателям зараженности местности, воды, продовольствия, транспорта и т. д.

Признанным авторитетом в оценке и анализе радиационной обстановки был, к примеру, полковник Евгений Иванович Коптелов. Он образец современного высокоэрудированного, интеллигентного офицера. Его отличали аккуратность и аналитический склад ума. Никогда не было лишних слов в его речи и докладах. Кроме всего прочего, он постоянно занимался спортом, по лыжам неизменный чемпион объединенного спортивного коллектива Гражданской обороны СССР. А потому он в свои 55 лет легко переносил тяжелые физические и психологические нагрузки в любое время суток. Начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Дмитрий Андреевич Крутских ценил Коптелова, но и «гонял» по всем областям, подверженным радиоактивному загрязнению.

Забегая несколько вперед, скажу: когда я уже вовсю трудился в Чернобыле, вдруг примерно в августе приехали посланцы России — начальники отделов полковники Е. И. Коптелов и Ю. К. Сорокин. Спрашиваю: «А вы-то зачем?» Оказывается, их направил в командировку генерал-полковник Д. А. Крутских для изучения накопленного опыта по ликвидации последствий аварии в Чернобыле. Выделил я им вертолет, и они несколько дней летали и воочию знакомились с радиационной обстановкой на местности, а не по картам.

Как правило, к 8 часам утра печатался доклад с анализом обстановки, выводами и конкретными предложениями. Особенно часто откорректированный мною доклад печатала Лена Пряхина. Казалось бы, совсем гражданский человек и что ей до наших хлопотных дел? Однако она печатала вплоть до моего отъезда в Чернобыль. Я не помню, чтобы она проявила недовольство или опоздала в штаб к 7 часам утра. Много у нас замечательных, понятливых советских людей.

В 8 часов ежедневно начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-

полковник Д. А. Крутских заслушивал доклад начальника оперативной группы обо всех деталях обстановки и после этого уезжал в Совет Министров для доклада правительственной комиссии РСФСР. Когда доклад его проходил успешно, он приезжал окрыленный, в добром настроении, шутил, но стоило кому-то из нас допустить оплошность — получай по заслугам. Строго, но справедливо.

Порой обстановка была нервной, офицеры хронически недосыпали и иногда допускали неточности. Многие из нас и после дежурства оставались на службе и продолжали каждый по своему направлению вести работу. Честно сказать, были офицеры, которые к такому режиму работы оказались неподготовленными и тяжело переносили нагрузки. Иногда проявлялось и неумение офицеров решать нестандартные задачи.

Во многих областях Российской Федерации обстановка была беспокойной, особенно в Брянской, Тульской, Калужской, Липецкой, Воронежской областях. В эти области вылетали члены правительственной комиссии России, министры, генерал-полковник Д. А. Крутских, офицеры штаба и многие другие руководители и специалисты.

Как-то в 23 часа позвонил мне Дмитрий Андреевич и приказал на завтра к 10 часам утра вызвать с картами по обстановке начальников штабов Гражданской обороны Калужской, Тульской, Воронежской и ряда других областей для заслушивания.

Для некоторых из них приглашение было неожиданностью. За ночь едва добрались. Отдельные доклады были сумбурные. Разбор Дмитрий Андреевич сделал суровый, а некоторые уехали со взысканиями. Для них был назначен день повторного заслушивания. Большинство же начальников штабов своевременно овладели обстановкой, привели в готовность соответствующие службы гражданской обороны. Особенно четко было поставлено дело в Московской области, где начальником штаба был Герой Советского Союза генерал-майор Николай Петрович Варягов, в городе Москве — генерал-лейтенант Анатолий Васильевич Ермаков. Словом, экстремальная ситуация дала четкую оценку деловым и нравственным качествам многих должностных лиц, их организаторским способностям. Вместе с тем ряд таких оценок оказался для нас полной неожиданностью. Взять, к примеру, начальника штаба Гражданской обороны Воронежской области полковника Л. Ф. Лизова. В середине апреля 1986 года, то есть всего за полмесяца до описываемых событий, в Воронежской области на реках Воронеж и Дон создалась чрезвычайно опасная обстановка в период половодья. На реке Воронеж от берега оторвало плавучий кран и понесло на мост, столкновение с которым создавало угрозу его разрушения. Полковник Лизов проявил тогда армейскую находчивость и смекалку. Находясь в вертолете, он по рации связался с военными летчиками, попросил безотлагательно направить самолет, сообщил нужные координаты для бомбометания по этому плавучему крану, дабы его потопить. Летчики отреагировали немедленно. Прицельное бомбометание — и крупный мост через реку Воронеж и плотина были спасены.

А ровно через две недели произошла авария в Чернобыле. В Воронеже срочно собралась чрезвычайная комиссия. Оперативный дежурный в течение двух часов не мог найти начальника штаба. Была допущена халатность и дежурного, и самого Лизова. Эта комиссия постановила ходатайствовать об отстранении полковника Л. Ф. Лизова от должности, несмотря на то, что он привел доказательства, что был действительно занят по службе. Командование сочло применение столь строгой меры к находившемуся ранее на хорошем счету офицеру справедливым.

Я и сам не раз задумывался: справедливо ли такое? Служит человек безупречно 25—30 лет, и вдруг на тебе — один раз не оказался там, где положено, и вся предыдущая служба, доброе имя вроде бы и насмарку... Размышляя над этим, прихожу к выводу, что так и должно быть. Ведь задача офицера в том и состоит, чтобы всей службой готовиться к

тому, чтобы в нужный момент оказаться в нужном месте и незамедлительно действовать как полагается. Этот нужный момент для кого-то наступает один раз в жизни, для кого-то не наступает вовсе. Но готовность к нему — смысл нашей службы. Конечно, это постоянное напряжение дается нелегко, но оно необходимо. И если бы каждый в полной мере понимал это, не было бы ни рустов, ни чернобылей и других аварий, уносящих порой человеческие жизни.

Пример с полковником Лизовым не был типичным. В целом развертывание системы наблюдения и контроля на территории ряда областей Российской Федерации было произведено весьма оперативно. Теперь все зависело от конкретных людей, их профессиональной подготовленности, ответственности и нравственной позиции. Задача стояла одновременно простая и сложная: быстро и точно оценивать обстановку, оперативно передавать информацию о ней, принимать необходимые меры. Но, как показала жизнь, выполнение этой задачи потребовало от ряда должностных лиц определенного гражданского мужества, которого хватило не всем.

Подлинно драматические события развернулись на Чернобыльской АЭС, в самом Чернобыле и в Припяти в первые часы после аварии. И причиной их стала не только вышедшая из-под контроля энергия атома, но и вполне контролируемые человеческие страсти — как высокие, так и низменные. Но всему этому предшествовала разыгравшаяся трагедия века. Она совершилась глубокой ночью...

Поскольку мне по долгу службы приходилось не раз принимать участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, могу засвидетельствовать, что если по физическим затратам, масштабам работ они бывают сопоставимы с Чернобылем, то психологически бороться с «рукотворной» стихией куда сложнее. Когда идет борьба с природой, все люди оказываются «по одну сторону баррикад». Тут нет приукрашивания обстановки, попыток замазать какие-то негативные моменты. Здесь люди ни в чем не повинны, а потому положение дел представляют таким, каково оно есть на самом деле. На ряде же этапов ликвидации последствий чернобыльской аварии приходилось сражаться не только с незримым, но порой и с тщательно скрываемым недобросовестными должностными лицами противником...

Вообще еще до выезда в Чернобыль, находясь в Москве и получая соответствующую информацию, я пытался мысленно смоделировать ситуацию, отработать варианты действий людей в этой чрезвычайной обстановке, используя при этом опыт работ по ликвидации последствий стихийных бедствий. Хорошо понимал: один из важнейших вопросов, от которых зависит успех дела, заключается в том, как поведет себя в данных условиях каждый конкретный человек.

Теперь о технологии преступления.

В чернобыльской катастрофе человек был повинен от начала развития аварии и до конца. Процесс развития трагической аварии складывался примерно так. Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС в эксплуатацию был введен в декабре 1983 года. На 24 апреля 1986 года была запланирована остановка блока на планово-предупредительный ремонт. Программа проведения испытаний с отключенными защитами реактора в режиме полного обесточивания АЭС была утверждена главным инженером Н. М. Фоминым, который не отличался особой компетентностью.

Проведение подобного опыта предлагалось многим директорам АЭС, но так как большинство руководителей понимали опасность и значительный риск, то все они отказывались играть с огнем.

Перед остановкой были запланированы испытания турбогенератора № 8 в режиме выбега с нагрузкой собственных нужд. Цель этих испытаний — экспериментально

проверить возможность использования механической энергии ротора отключенного по пару турбогенератора для поддержания производительности механизмов собственных нужд блока в условиях обесточивания. Этот режим используется в одной из подсистем быстродействующей системы аварийного охлаждения реактора (САОР). При надлежащем порядке выполнение эксперимента на работающей АЭС не запрещалось.

Подобные испытания уже проводились и ранее на Чернобыльской АЭС. Еще тогда было выявлено, что напряжение на шинах генератора падает намного раньше, чем расходуется механическая энергия ротора при выбеге. В испытаниях, намеченных на 25 апреля 1986 года, предусматривалось использование специального регулятора магнитного поля генератора, который должен был устранить этот недостаток. Однако «Рабочая программа испытаний турбогенератора №8 Чернобыльской АЭС», в соответствии с которой они должны были проводиться, не была должным образом подготовлена и согласована.

Качество программы оказалось низким, предусмотренный в ней раздел по мерам безопасности составлен чисто формально. В ней указано лишь то, что в процессе испытаний все переключения делаются с разрешения начальника смены станции, в случае возникновения аварийной ситуации персонал должен действовать в соответствии с местными инструкциями, а перед началом испытаний их руководитель, инженер-электрик, не являющийся специалистом по реакторным установкам, проводит инструктаж дежурной вахты. Помимо того, что в программе, по существу, не были предусмотрены дополнительные меры безопасности, ею предписывалось отключение системы аварийного охлаждения реактора. Это означало, что в течение всего периода испытаний, то есть в течение четырех часов, безопасность реактора окажется существенно сниженной.

В силу того что безопасности этих испытаний не было уделено должного внимания¹, персонал к ним не был готов, не знал о возможных опасностях. Кроме того, как это будет видно из дальнейшего, персонал допускал отклонения от выполнения программы, создавая тем самым условия для возникновения аварийной ситуации.

25 апреля в 1 час ночи персонал приступил к снижению мощности реактора, работающего на номинальных параметрах, и в 13 часов 05 минут турбогенератор № 7 был отключен от сети. Электропитание собственных нужд было переведено на шины турбогенератора № 8.

В 14 часов в соответствии с программой испытаний от контура многократной принудительной циркуляции (КМПЦ) была отключена САОР. Однако по диспетчерскому требованию вывод блока из работы был задержан. В нарушение регламента эксплуатация блока в это время продолжалась с отключенной САОР. Это была роковая ошибка Фомина.

В 23 часа 10 минут снижение мощности было продолжено. В соответствии с программой испытаний выбег генератора с нагрузкой собственных нужд предполагалось произвести при мощности реактора 700—1000 МВт (тепл.). Однако при отключении системы локального автоматического регулирования (ЛАР), что предусмотрено регламентом эксплуатации реактора на малой мощности, оператор Л. Топтунов не смог достаточно быстро устранить появившийся разбаланс измерительной части автоматического регулятора (АР). В результате этого мощность упала до величины ниже 30 МВт (тепл.). Только в 1 час 26 апреля 1986 года ее удалось стабилизировать на уровне 200 МВт (тепл.). В связи с тем, что в этот период продолжалось «отравление» реактора, дальнейший подъем мощности был затруднен из-за малого оперативного запаса реактивности, который к этому моменту был существенно ниже регламентного. Это понимали начальники смены А. Акимов и Л. Топтунов.

И все же испытания решено было проводить. В 1 час 03 минуты и в 1 час 07 минут

дополнительно к шести работавшим главным циркулярным насосам (ГЦН) было включено еще по одному ГЦН с каждой стороны, с тем, чтобы после окончания эксперимента, в котором в режиме выбега должны были работать четыре ГЦН в КМПЦ, осталось бы четыре ГЦН для надежного охлаждения активной зоны.

Тут следует остановиться на особо важном преступнике— заместителе главного инженера АЭС А. Дятлове. Ведь это он в период проведения эксперимента командовал парадом. Он появился на Чернобыльской АЭС еще в 1973 году. До этого работал на одном из предприятий Дальнего Востока, где заведовал физлабораторией. На АЭС никогда прежде не работал и не знал их. И вот этот человек силой власти заставил оператора Л. Топтунова поднять мощность реактора. И тот поднял... Это был смертный приговор себе и многим товарищам.

Во всей этой трагедии были повинны А.Дятлов, Н.Фомин и директор АЭС В.Брюханов.

В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока А. Акимов нажал кнопку аварийной защиты (АЗ-5), по сигналу от которой в активную зону вошли все регулирующие стержни и стержни аварийной защиты. Стержни прошли вниз, однако через несколько секунд раздались удары, и оператор увидел, что стержни-поглотители остановились, не дойдя до нижних концевиков. Тогда он обесточил муфты сервоприводов, чтобы стержни упали в активную зону под действием собственной тяжести.

А. Акимов многое не знал, так как никогда не работал даже старшим инженером управления реактором, который он пытался изучить, и даже сдавал экзамены на рабочее место. Но вот тонкости конструкции тех же поглощающих стержней он не учел, потому что был инженером-электриком. А ведь именно в конструкции поглощающего стержня притаились смерть и вся последующая трагедия чернобыльской ядерной катастрофы...

Примерно в 1 час 24 минуты раздались последовательно два взрыва. Над четвертым блоком, как свидетельствовали очевидцы, взлетели какие-то горящие куски и искры. Часть из них упала на крышу машинного зала и вызвала пожар.

Уму непостижимо, как преступно подбирались кадры на этот особо важный объект, которым было доверено проведение опаснейшего эксперимента.

Так же непостижимо уму и то, что на таком объекте, как АЭС, в погоне за сиюминутной выгодой решили проводить эксперимент. Но что удивительно, тот же Акимов до самой смерти, которая наступила 11 мая 1986 года, продолжал высказывать одну и ту же мучившую его мысль, что он делал все правильно. Не принято говорить о покойнике плохо, но невозможно удержаться от оценки безнравственности и отсутствия понимания лично Акимовым совершенного преступления. То же самое позже твердил и Дятлов.

Да разве можно было с такими знаниями ядерной энергетики, знаниями реактора браться за столь ответственный эксперимент? Безумие! Это же настоящая диверсия.

Основным мотивом в поведении персонала было стремление быстрее закончить испытания. Персонал совершил беспрецедентное преступление перед своим народом и всем человечеством. Такими же преступниками стали и руководители АЭС. Итак, аварию сотворили одни, а расхлебывать пришлось ни в чем не повинным людям.

В результате взрыва в реакторе и выброса разогретых до высокой температуры фрагментов его активной зоны на крыши некоторых помещений служб реакторного отделения, деаэрационной этажерки и машинного зала возникло свыше 30 очагов пожара. Из-за повреждения отдельных маслопроводов, коротких замыканий в электрических кабелях интенсивного теплового излучения от реактора образовались очаги пожара в машинном зале над турбогенератором № 7, в реакторном зале и примыкающих к нему

частично разрушенных помещениях.

Особенно жуткая обстановка сложилась в машзале, откуда пробкой вылетел старший машинист турбины В. Бражник, который сообщил о пожаре и тут же бросился в огонь и смертоносную радиацию. Несколько человек последовали его примеру. Акимов и Дятлов тоже заглянули в машзал и увидели ужасную картину: горело в нескольких местах на 12-й и нулевой отметках, на желтом пластике выделялись раскаленные графитовые блоки и куски топлива. Седьмая турбина была завалена обломками кровли. Чад, черный пепел, хлопьями падающий вниз, хлещущее из разбитой трубы горячее масло, проломленная кровля, нависшая над пропастью машзала панель перекрытия. Акимов позвонил в пожарную часть.

В 1 час 30 минут на место аварии выехали дежурные подразделения пожарной части по охране АЭС из городов Припяти и Чернобыля. Первым прибыл караул лейтенанта В. Правика. Позже прибыл майор Л. Телятников.

Ввиду угрозы распространения пожара по покрытию машинного зала на соседний, третий блок и быстрого его усиления первоочередные меры были направлены на ликвидацию пожара именно на этом участке. Было также организовано тушение возникающих очагов горения внутри помещений с использованием огнетушителей и стационарных внутренних пожарных кранов. К 2 часам 10 минутам на крыше машинного зала и к 2 часам 30 минутам на крыше реакторного отделения основные очаги пожара были подавлены. К 5 часам утра пожар был ликвидирован. Но трагедия пожарных заключалась в том, что они совсем забыли, что пожар был на АЭС после взрыва четвертого атомного блока.

Пренебрегая мерами безопасности, пожарные получили такое облучение, которое стоило им жизни. Руководитель тушения пожара офицер Л. П. Телятников, ныне Герой Советского Союза, повинен в том, что не организовал периодическую замену всех расчетов с учетом радиационной обстановки, которой, по всей вероятности, он не владел. Ведь все пожарные, в том числе и Телятников, хорошо знали, что они охраняют атомную электростанцию, а потому должны были давным-давно отработать план борьбы с возможными пожарами в условиях радиации. Кроме того, они должны были иметь и соответствующую защиту и приборы радиационной разведки.

Авария на АЭС привела к полному разрушению реактора и его активной зоны, системы охлаждения, а также к разрушению здания реакторного зала, верхней плиты, герметизирующей реакторный отсек. Эта плита находилась почти в вертикальном положении. Верхняя часть реакторного зала была полностью разрушена, на крыше машинного зала, на территорию вокруг АЭС были выброшены целые графитовые блоки и их куски, железобетонные плиты, металлоконструкции. Из жерла реактора постоянно шел белый в несколько сот метров высотой столб продуктов горения (графита), а внутри реакторного пространства образовалось мощное малиновое свечение. Причинами свечения были раскаленные графитовые блоки, оставшиеся на месте, а также горение графита с выделением белесого продукта химической реакции — суммы оксидов углерода.

Первые измерения показали, что якобы существуют мощные нейтронные излучения. Если бы это было так, то некому было бы писать эти записки и некому было бы их читать. Человечество было на грани глобальной катастрофы. Бог или случай спас нас тогда: при последующих замерах и осмотре вблизи реактора наличие мощного нейтронного излучения не подтвердилось.

Глава 2

Исчадие ада

Из жерла разрушенного атомного блока выносился довольно мощный поток аэрозольной газовой радиоактивности. Горел графит, а каждая частица его несла на себе большое количество радиоактивных источников. Обычная скорость горения графита — одна тонна в час. В четвертом блоке его было заложено около 2,5 тысячи тонн. От их горения могла распространяться на большие территории радиоактивность.

К 10 часам 26 апреля в Чернобыль прибыла самой первой воинская часть гражданской обороны из Киева, личный состав которой провел углубленную радиационную разведку на территории АЭС и в 30-километровой зоне. Только после данных о радиоактивном загрязнении территории, полученных воинами гражданской обороны, руководство и АЭС и города Припяти наконец-то осмыслило всю пагубность этой беспрецедентной аварии и по масштабам и по последствиям. Все впервые и всерьез задумались над тем, что придется отвечать за преступление.

К исходу 26 апреля оставшиеся три реактора были заглушены. Четвертый, аварийный реактор беспрестанно извергал в атмосферу огромную массу высокордиоактивных элементов, и они щедро высыпались вокруг АЭС, в городах Припяти, Чернобыле и далее разносились по всему белому свету. Население Припяти и Чернобыля, уже не говоря о других населенных пунктах, жило в неведении, никто о радиационной опасности не оповещал. Будто никогда не было в этих городах гражданской обороны, руководители которой в первые часы после аварии обязаны были известить свой народ и уберечь его от облучения.

Примерно около 21 часа 26 апреля в город Припять прибыл заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина, с которым позже мне довелось работать. Он же возглавлял и Бюро по топливно-энергетическому комплексу в СССР. Теперь он стал первым председателем правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. До него пока еще не доходило, что в этих чернобыльских местах повсюду сеется радиоактивное заражение. Уже была заражена и территория и воздух, здания, сооружения, оборудование. Тут находился и министр энергетики А. И. Майорец, который только теперь признал, что действительно разрушен четвертый блок и взорван реактор. Вот только непонятно, кому пришла впервые в голову мысль, что надо срочно укрывать реактор в бетон, ибо, что делать с раскаленным и адски зараженным реактором, пока никто из прибывших светил не знал. Нужно было принимать немедленно решение об эвакуации. Но Щербина не торопился с эвакуацией. Он весьма спокойно сказал: «Не торопитесь с эвакуацией». Я больше чем уверен, что до Бориса Евдокимовича еще не доходила величайшая опасность радиации, нависшая над жителями не только городов Припяти и Чернобыля...

Председатель правительственной комиссии призывал всех, кто с ним находился, думать над тем, как заглушить реактор. Он воистину не верил, что реактор укротить нельзя. Он хорошо помнил, что в бытность его министром газовой промышленности пожарные часто укрощали разбушевавшиеся пожары на газовых скважинах и порою очень подолгу. Но то были газовые скважины...

После того как Щербина объявил о мозговом штурме, досужие умы понесли всякую околесицу. Одни предлагали поднять на вертолете огромный бак с водой и плюхнуть его на реактор. Сам Щербина предложил нагнать в подводный канал, что был рядом с блоком, водометные катера и оттуда залить водой раскаленный реактор. Но кто-то из физиков убедил, что этого делать нельзя, так как ядерный огонь водой погасить

невозможно: вода будет испаряться, и пар с топливом накроет все окрестности,— и эта идея отпала.

Один из досужих на ходу предложил забросать реактор песком и закрыть его таким образом наглухо. К сожалению, идею подхватили. Тут же запросили из Киева вертолетчиков.

Заместитель командующего ВВС Киевского военного округа генерал-майор Н. Т. Антошкин направился с вертолетчиками в Чернобыль. Тем временем правительственная комиссия наконец стала решать вопрос об эвакуации. Особенно настаивали на ней представители Гражданской обороны СССР и медики из Минздрава СССР. «Эвакуация необходима немедленно! — горячо доказывал первый заместитель министра здравоохранения СССР Е. И. Воробьев. — В воздухе плутоний, цезий, стронций... Состояние пострадавших в медсанчасти свидетельствует об очень высоких радиационных полях. Щитовидка людей, детей в том числе, настигнута радиоактивным йодом. Профилактику йодистым калием никто не делает... Поразительно!»

Борис Евдокимович подвел итог: «Эвакуируем город 27 апреля. Всю тысячу сто автобусов подтянуть ночью на шоссе между Чернобылем и Припятью. Вас, генерал Бердов, (замминистра внутренних дел УССР.— Н. Т.), прошу выставить посты к каждому дому. Никого не выпускать на улицу. Гражданской обороне утром объявить по радио необходимые сведения населению, а также уточненное время эвакуации. Разнести по квартирам таблетки йодистого калия. Привлеките для этой цели комсомольцев».

Б. Е. Щербина, замминистра электроэнергетики Г. А. Ташарин и академик В. А. Легасов на вертолете поднялись в ночное время в небо и зависли над аварийным четвертым блоком АЭС. Щербина в бинокль рассматривал раскаленный до ярко-желтого цвета реактор, на фоне которого хорошо были видны темноватый дым и языки пламени. Вся ядерная катастрофа была видна как на ладони...

Итак запоздалое решение было принято. В 13 часов по радио прозвучало обращение к гражданам о временной эвакуации. В 14 часов эвакуация началась. Но даже списков на эвакуацию не было подготовлено, и милиционеры составляли их на ходу.

К каждому подъезду были поданы автобусы. По радио население еще раз предупредили: одеваться легко, брать с собой только минимум необходимых вещей, — так как обещали через три дня вернуть всех обратно. Народ был обманут. Большинство людей послушались и даже не взяли с собой ни продуктов, ни денег, ни легких вещей. А ведь для эвакуации населения даже на короткий срок гражданской обороной предусматривалось определенное наименование и количество необходимых вещей. Будто гражданской обороны в эти роковые минуты и не существовало. Между тем в соответствии с Положением о гражданской обороне мэр города Припяти является начальником гражданской обороны и лично несет ответственность за ее готовность и действия.

Часть эвакуированных людей была вывезена в населенный пункт Иванково и расселилась по деревням, но многие пошли пешком вплоть до Киева. Огромные толпы людей, женщин с детьми, стариков, шли по дороге и обочинам. Машины часто застревали в этих толпах. Все напоминало о минувшей Великой Отечественной войне.

Очень было трагичным расставание жителей с домашними животными: кошками, собаками. Это была жуткая картина, когда собаки подолгу бежали за автобусами. Уже позже одичавших животных пришлось отстреливать на улицах и дорогах: они были опасны для человека.

В ночь на 27 апреля генерал-майор Антошкин по личной рации вызвал первую пару вертолетов. Но без руководителя с земли вертолетчики в этой обстановке сесть не могли. Тогда генерал взобрался на крышу 10-этажной гостиницы «Припять» со своей рацией и

стал руководителем полетов. С этой высоты был хорошо виден аварийный четвертый блок АЭС.

Утром 27 апреля по вызову Антошкина прибыли первые два вертолета, пилотируемые опытными летчиками Б. Нестеровым и А. Серебряковым. Этим летчиков я хорошо знал. Они произвели разведку с воздуха и начертили схему заходов на реактор для сброса песка. Подходы к реактору были весьма опасны, так как мешала главная вентиляционная труба АЭС. На высоте ста метров уровни радиации составляли около 500 рентген в час. А ведь для сброса песка необходимо было зависать над аварийным реактором на несколько минут. Борис Евдокимович нервничал, так как вертолетчики еще не начали сбрасывать песок в реактор. Но не было ни мешков, ни песка, ни лопат, ни людей, которые грузили бы песок. Первый песок возле кафе «Припять» загружали в машину заместитель министра среднего машиностроения А. Мешков и генерал Антошкин. Это, так сказать, по рекомендации самого Щербины. Потом подключились к этому делу управляющий трестом «Южатомэнергомонтаж» А. И. Антощук, главный инженер А. И. Заяц, начальник управления Н. И. Выпирайло и другие.

Позже Анатолий Иванович Заяц с хуторов колхоза «Дружба» набрал около 150 добровольцев на эти изнурительные работы. Они-то и работали не покладая рук на загрузке мешков с песком в вертолеты. Никаких средств защиты тогда не было и в помине.

Первым на «бомбометание» вел вертолет военный летчик первого класса полковник Нестеров. Скорость машины составляла 140 километров в час. Высота — 150 метров. Радиометр показывал 500 рентген в час. Зависали над щелью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой. Щель была всего метров пять шириной, и нужно было не промазать. Биозащита светилась, будто яркое солнце. Для сброса мешков с песком открывали дверь и на глазок бросали мешки. Никакой защиты на вертолете не было. Это уже позже додумались до свинцовой защиты снизу.

Первые 27 экипажей и помогавшие им А. И. Антощук, А. Ф. Дейграф и Д. И. Токаренко вскоре вышли из строя, и их отправили в Киев на лечение. Радиоактивность на высоте 110 метров из-за сброса песка в реактор значительно повысилась и составляла 1800 рентген в час. Пилотам становилось плохо в воздухе.

По состоянию на 1 мая вертолетчики сбросили 1900 тонн песка. В этот день Щербина сократил план сброса песка наполовину из-за того, что не выдержали бы бетонные конструкции, на которые опирается реактор. А всего было сброшено в реактор около 5 тысяч тонн сыпучих материалов.

Под этим грузом продолжал гореть графит в реакторе. К вечеру 9 мая около 21 часа в образовавшуюся пустоту рухнула эта масса песка, глины и карбида бора. Она выбросила из-под себя огромное количество ядерного пепла, а потому резко возросла радиоактивность на АЭС, в Припяти и во всей 30-километровой зоне. Этот пепел лег на Припять и окружающую местность.

Эффект от сброса песка и прочих сыпучих материалов был невелик, а может, даже и пагубен.

А вот как складывалась ситуация на атомной станции по линии гражданской обороны. В 1 час 55 минут начальник штаба Гражданской обороны ЧАЭС подполковник запаса С. С. Воробьев был вызван директором АЭС В. Брюхановым по телефону на станцию. Стойка циркулярного вызова должностных лиц была в исправном состоянии, но директор АЭС решил ее не задействовать. Руководящий состав АЭС телефонистка оповещала только выборочно. Что это означает? Нерешительность директора АЭС Брюханова? Скорее, чрезмерная осторожность, «дабы не поднимать лишней паники».

Воробьев, получив распоряжение директора о прибытии, захватил с собой

секретаря парткома и в 2 часа 15 минут выехал на личном автомобиле на АЭС, в 2 часа 30 минут они были уже на станции. В это время прибывшие на станцию по вызову Брюханова собрались у встроенного в административно-бытовой корпус убежища гражданской обороны, но войти в это защитное сооружение не смогли, так как никто из присутствующих не знал, где хранятся ключи от входа. А ключи находились у начальника смены. Это тоже показатель формального отношения руководства АЭС к содержанию в готовности защитных сооружений. Всем руководителям был урок. Они стояли и ждали Воробьева. Но Серафим Степанович не побежал в убежище, а взял с собой прибор ДП-5В и один пошел замерять уровни радиации. Стрелка прибора зашкаливала. «Значит, дела плохи», — подумал Воробьев и помчался искать начальство. Долго искать не пришлось, так как все еще стояли у закрытого убежища. Серафим Степанович возмутился: «Если не знаете, где ключи, так уж давно бы взломали замок... Ах да, — добавил он, — еще нужно же суметь открыть герметические двери, а потом снова задраить их». А всему этому надо было учиться...

Столь раздраженный тон Воробьева был результатом затянувшегося конфликта с руководством станции, порожденного наплевательским отношением администрации к нуждам гражданской обороны, к задачам обучения персонала, к неоднократным заявлениям по этому поводу болеющего душой за порученное дело коммуниста Воробьева.

Между тем Серафим Степанович открыл убежище, и в 2 часа 35 минут руководство спустилось в защитное сооружение. Воробьев доложил о высоких уровнях радиации вокруг АЭС, потребовал срочно разобраться в обстановке и принять меры. Однако директор АЭС Брюханов объявил всему руководящему составу... начало учения по гражданской обороне, запросил соответствующие документы, на что ушло до 20 минут. Воробьев за это время решил замерить уровни радиации в убежище прибором ДП-5В. Ввиду того что еще до аварии на ночь была включена система местной вентиляции для проветривания и сушки ограждающих конструкций убежища, то, естественно, радиоактивно зараженный воздух от аварийного реактора попадал во внутренние помещения сооружения, так как фильтровентиляция работала в «чистом режиме». Результаты замеров уровней радиации были доложены Брюханову, который распорядился выдать руководству противогазы и поднять по тревоге формирование гражданской обороны. Сбор формирований, по словам Воробьева, прошел неорганизованно, так как в ночное время эти формирования никогда и никто не поднимал по тревоге и не тренировал. Личный состав прибыл вместо назначенного пункта сбора прямо на станцию. Руководство АЭС этими вопросами состояния боеготовности не занималось.

В 2 часа 40 минут Воробьев по своей инициативе доложил об аварии оперативному дежурному штаба Гражданской обороны Киевской области, после чего лично решил провести детальную радиационную разведку вокруг четвертого энергоблока. Прибор ДП-5В вновь зашкаливал. Результаты разведки были доложены директору АЭС, но он им не поверил. Ясно, Брюханов струсил и все надеялся, что скоро аварию ликвидируют, а потому — зачем паника? Более того, как бывший военный химик — в свое время окончил академию химзащиты — Воробьев доложил, что след от реактора частично пошел по окраине города Припяти и что нужно срочно оповестить население и принять экстренные меры. Эти же результаты были сообщены в штаб Гражданской обороны Киевской области.

Воробьеву Брюханов приказал повторить еще раз разведку, но тот прежде сел в пожарную машину и поехал с майором Телятниковым на склад НЗ, чтобы выдать костюмы Л-1 и противогазы для личного состава пожарных. Кстати, у пожарных не оказалось ни спецзащиты, ни приборов разведки ДП-5В, а ведь охраняли атомную станцию! Склад на-

ходил в убежище. По пути к складу на асфальте были разбросаны куски графита, а уровни радиации даже в машине были значительные. Заместителю директора АЭС по науке Воробьев сообщил, что заметил на асфальте графит и пожарная машина едва его переезжает, в чем тот усомнился — то ли для отвода глаз, то ли действительно не понимая, что произошло. А появившийся главный инженер АЭС Н. Фомин заявил, что реактор «заглушён» и никакого графита не может быть на территории: «Это вам, Воробьев, что-то другое попало. Это басни, и вы не вносите панику на станцию».

С 5 часов 00 минут до 5 часов 30 минут начальник лаборатории отдела радиационной безопасности станции И. И. Коробейников тоже проводил замеры уровней радиации на границах промплощадки, и значения их в докладе были занижены в сотни раз. Более того, он дезинформировал Брюханова и заявил, что Воробьев распространяет ложные слухи и сеет панику среди людей, к чему надо принять меры, убрать его со станции.

После всего этого Воробьев взял с собой инженера из штаба Гражданской обороны АЭС Е. Н. Соловьева, и с двумя дозиметрическими приборами ДП-5В они выехали на очередную разведку. Разведку провели у административно-бытового корпуса, вокруг четвертого энергоблока, где по-прежнему приборы зашкаливали. Воробьев принял решение провести разведку по большому радиусу по дороге на город Припять. На перекрестке дорог стоял милиционер без защиты. Ему было предложено покинуть пост ввиду высокого уровня радиоактивного заражения местности, но милиционер пост не покинул.

По возвращении на АЭС в 6 часов 20 минут Воробьев доложил результаты разведки Брюханову, который и теперь не поверил данным. Более того, директор приказал Воробьеву уйти с АЭС и больше не паниковать и не появляться на глаза.

Инженер Соловьев предложил проинформировать об этом инциденте секретаря парткома АЭС. Секретарь парткома все выслушал, но отказался что-либо предпринимать и сказал: «Убеждайте директора». А ведь людей надо было давно снять с постов и убрать со станции!

Халатность руководителей переросла в преступление на глазах у подчиненных. Все это свидетельствует о проявлении полного невежества и безответственности руководящего состава, о низком уровне профессиональной подготовки по оценке радиоактивной обстановки и ее последствий, а также о недооценке и непонимании своих функциональных обязанностей по гражданской обороне. Но главным в преступном сокрытии масштаба аварии было то, что руководство АЭС забыло о людях, которых обязано было оповестить, уберечь и вовремя эвакуировать в безопасное место. Этого не произошло в первые сутки. Люди гуляли, справляли свадьбы, дети пошли в школу, любители рыбной ловли укатили на рыбалку.

По иронии судьбы накануне, в пятницу, в школах района прошли сборы по гражданской обороне. Дети показали на них очень неплохие знания правил защиты от радиоактивного заражения. И вот в субботу ребяташки, уже прослышавшие об аварии, придя в классы, спрашивали учителей: «Вчера же нас учили, что в подобных случаях нельзя выходить из дому до эвакуации. Почему же мы ходим по улице?» Что было отвечать учителям, если и более ответственные взрослые дяди будто забыли, чему их учили?

В 3 часа 00 минут — 3 часа 20 минут медицинская служба АЭС начала выдачу йодистых препаратов, запасы которых находились в цехах.

В 7 часов 00 минут Воробьев вынужден был открытым текстом доложить радиационную обстановку начальнику штаба Гражданской обороны Киевской области

полковнику В. Г. Корнюшину, который после этого прибыл на АЭС, но никаких решительных действий не предпринял...

Мы еще вернемся к событиям первых дней чернобыльской трагедии, ближе познакомимся с ее участниками. А сейчас мне хотелось бы предложить читателю поразмыслить над парадоксальным, казалось бы, явлением. Я уже поделился мнением, что истоком преступления должностных лиц стал страх. Но какова его природа? Чего они боялись? Не все же они трусы от рождения. Да и дальнейшее их поведение на АЭС показывало, что в ряде случаев они не боялись подвергать себя смертоносному облучению реактора. Так что же, борьба за правду, честное признание своей вины для них страшнее смерти?

Давно прошли времена, когда несогласие с начальством, отстаивание собственного мнения могло стоить свободы, а то и жизни. И тем не менее... Тем не менее, и сегодня нередко приходится встречаться, скажем, с летчиком-испытателем или сапером, смело смотрящим в глаза смерти, но не способным на собрании проголосовать против, поднять голос в защиту правды. А мало ли мы знаем примеров из истории, когда беззакония творились на глазах бесстрашных в прошлом революционеров или когда герои Великой Отечественной, по сути дела, становились молчаливыми соучастниками преступлений власть имущих в конце 40-х — начале 50-х годов? Разобраться во всем этом очень непросто. По-разному пытаемся мы объяснить эти явления. Говорят о том, что героический поступок на поле брани стоил жизни самому герою, а несогласие с руководством в былые времена угрожало всей его семье. Может быть, и в застойные годы гораздо легче было решиться на разовый мужественный поступок, чем на длительную, изнуряющую борьбу за справедливость, стоящую нервов, здоровья, положения в обществе, материальных благ и для себя, и для своей семьи. Приходилось слышать и другие объяснения.

Как бы то ни было, но способность различать правду и отстаивать ее, иначе говоря, совесть граждан, — это своеобразный иммунитет общества. Ослаб этот иммунитет, и вот уже проникают в общественный организм злокачественные клетки коррупции, лжи, карьеризма. Не будучи опознанными и не получая должного сопротивления, они завоевывают все более широкое жизненное пространство, метастазы поражают все новые и новые органы. Спасти общественный организм можно только объединенными усилиями тех, кто видит опасность и способен с ней бороться. И чем больше будет таких, тем крепче здоровье общества. С другой стороны, если не избавимся мы от этого подленького страха перед правдой, вряд ли будут возможными перестройка, обновление — все необходимое нам как воздух.

Особенно велика значимость нравственных качеств сейчас, когда в руках человека оказались такие силы, которые могут принести высочайшие блага людям, но могут привести их и к катастрофе. И если раньше человеку приходилось бороться со стихией, то теперь нередко приходится сражаться с вышедшими из-под контроля опаснейшими продуктами собственного труда, что и произошло в Чернобыле.

В Чернобыле ситуация была особая, но многое из того, что проявилось, скажем, при ликвидации лесных пожаров в Шатуре, с неизбежностью должно было проявиться и здесь. Ведь корни, как говорят ученые, поведенческих мотивов солдат 70-х и солдат 80-х годов в целом одни и те же.

...В первых числах октября 1974 года поздней ночью ко мне на квартиру позвонил начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Александр Терентьевич Алтунин. Он рассказал, что только что ему звонил первый секретарь Московского обкома КПСС Василий Иванович Конотоп и просил помочь спасти железнодорожную станцию Черусти и

ряд других населенных пунктов Шатурского района от разбушевавшегося в эту ночь мощного лесного пожара. А ведь только два года назад более страшная стихия лесных пожаров разыгралась по всей Московской и некоторым другим областям Российской Федерации. Как иногда говорил Александр Терентьевич, боевое крещение в новой должности начальника Гражданской обороны СССР он получил в 1972 году на этих самых лесных пожарах. И вот генерал армии Алтунин сказал: «Срочно выезжайте в Шатуру, куда в ваше распоряжение придут воинская часть гражданской обороны и невоенизированные формирования с объектов народного хозяйства. Вам надлежит возглавить операцию по борьбе с огненной стихией, а утром доложите мне о создавшейся обстановке и план ваших действий».

Около 5 часов утра я был уже в Шатуре. Мы сидели в кабинете у председателя райисполкома В. И. Чугунова, тут же присутствовала первый секретарь райкома партии В.Л. Якубчак. Ни им, ни тем более мне совершенно неясна была пожарная обстановка. Никто толком не знал, где эпицентр лесного пожара. Районные власти дали команду готовить транспорт для эвакуации населения из поселка Красная Гора и ряда других. Однако я предложил провести воздушную разведку и уточнить все детали до прихода воинских частей и формирований. На вертолете Ка-26 мы вылетели вместе с Чугуновым, начальником отдела пожарной охраны капитаном В. Ф. Рубцовым (теперь уже генерал-майор) и представителем лесного хозяйства. Картина с воздуха была жуткая. Лесной пожар свирепствовал и со всех сторон подступал к железнодорожной станции и поселку Черусти, где было более 8 тысяч жилых домов. Он подбирался также к поселку Красная Гора и ряду других сел, расположенных в лесах.

На карту мы быстро нанесли все очаги пожара и фронт его распространения. В 7 часов утра в штабе руководства было выработано основное решение по локализации пожара силами войск и формирований. К этому времени командир части гражданской обороны полковник И. Я. Рогозов прибыл в Шатуру и получил задание возвести заградительную полосу вокруг Черустей и Красной Горы. Заградительная полоса устраивалась шириной до ста метров с помощью армейских путепрокладчиков, инженерных машин разграждений, бульдозеров. Менее мощные народнохозяйственные бульдозеры подчищали эту полосу. Личный состав невоенизированных формирований был направлен вместе с пожарными и солдатами на тушение низовых пожаров, а часть людей была задействована на устройстве встречного пала. Там, где невозможно было применять технику, срочно запросили тротил и накладные шланговые заряды для устройства заградительных канав взрывом. Всего, помню, мы израсходовали более 20 тонн тротила.

Беда заключалась и в том, что в эти засушливые лето и осень большинство озер и водоемов совершенно пересохло и вода была дефицитом. Тогда и было принято решение срочно организовать перекачивание воды на расстояние до 20 километров из озера Ваймяжное. Для перекачки воды решили проложить полевой трубопровод. Эту операцию по подаче воды блестяще выполнили полковник А. Н. Чулкин и капитан Н. П. Ирга совместно с пожарными из Шатуры. В тяжелейших условиях, в гари и дыму, сквозь лесную чащобу прокладывали они с солдатами магистральный трубопровод. Через сутки вода хлынула в пересохшие водоемы, вначале высохшая земля долго впитывала ее, а потом началось и наполнение. Пожарные и поливомоечные машины круглые сутки подвозили воду для укрощения огня.

Наиболее опасная обстановка создалась в районе Красной Горы. Надо же случиться такому совпадению, что в июле 1986 года в районе тоже Красной Горы, но только Брянской области мне довелось выполнять аналогичную задачу. Я тогда предложил посадить

вертолет на окраине села. Вышли из вертолета и направились к солдатам, которые проявляли настоящий героизм при спасении поселка. Тут сражался батальон подполковника Б. Н. Мельничука. Позже на страницах газет «Правда» и «Красная звезда» рассказывалось об этом подвиге солдат, сержантов и офицеров, многие из которых были удостоены государственных наград. Старики и дети этого поселка были несказанно рады победе над стихией. Солдатам несли молоко, хлеб, фрукты и от всей души угощали своих спасителей. Искренность добрых и благородных чувств трудно передать — это нужно было видеть своими глазами.

Когда подвиг у Красной Горы был описан корреспондентом газеты «Правда» А. Юсиным под заголовком «Этот горячий октябрь», с Украины приехал кинорежиссер Евгений Шерстобитов. Он встретился с генералом Алтуниным. Шерстобитов привез с собой уже обработанный сценарий кинофильма «Не плачь, девчонка», написанный в соавторстве с Е. Шатуновским. Кинорежиссер сказал А. Т. Алтунину, что, прочитав рассказ о подвиге солдат, сержантов и офицеров под Шатурой и у Красной Горы, он решил весь свой сценарий переделать под эти события. Меня вызвали к генералу армии. Он познакомил нас с Шерстобитовым и тут же попросил, чтобы я вместе с генерал-лейтенантом Д. И. Михайликом оказал помощь кинорежиссеру в написании нового сценария и в подготовке и проведении съемок этого кинофильма. Ну и досталось нам с Дмитрием Ивановичем из-за этой идеи Шерстобитова! Мало того что мы действительно помогли в написании сценария, пришлось еще организовывать бесконечные съемки — то в подразделениях гражданской обороны в Подмосковье, то в Крыму, то в Запорожье. Но фильм, на мой взгляд, получился удачным, патриотичным. И вот спустя более двенадцати лет, когда после Чернобыля я лежал в киевской больнице, все тот же Евгений Шерстобитов разыскал меня на больничной койке и предложил создать кинофильм. На этот раз мне было уже не до кинофильма...

Но вернемся в шатурские леса. К исходу дня мы вместе с Чугуновым и капитаном Рубцовым едва выбрались из огненного кольца, которое теперь сузилось. Мне нужно было срочно доложить обстановку генералу армии Алтунину. Александр Терентьевич внимательно выслушал мой доклад и в заключение сказал, что на днях прилетит в Шатуру.

В течение нескольких суток мы вели борьбу, наступая со всех сторон на лесной пожар. Во многих местах эта операция имела успех. Но только на четвертые сутки мы полностью окружили этого неистового врага, соорудив заградительную полосу и подавив основные, наиболее активные его направления. Заградительная полоса в окружности составляла более 30 километров. Железнодорожная станция Черусти была вне опасности.

В период ведения борьбы с огнем направление ветра часто менялось и огонь буквально метался в окружении, пытаясь вырваться в прилегающие лесные массивы, поселки, но его натиск сдерживали, и в особо опасных местах действовали воины и пожарные капитана Рубцова. Этот молодой, но профессионально хорошо подготовленный, волевой офицер организовал развертывание передвижных насосных станций, мотопомп и умело руководил личным составом пожарных, владел обстановкой, и мы установили с ним тесное взаимодействие. Уже генералом Слава Рубцов тоже успеет побывать в чернобыльском аду.

Кроме того, огонь сдерживали мощными водяными завесами от полевого трубопровода. Когда под руководством полковника А. Н. Чулкина огонь окончательно был зажат в кольцо, вдруг совершилось совсем непредвиденное: прорвался подземный торфяной пожар на глубине до двух метров. Не удалось ему вырваться из кольца по поверхности — так проскочил под землей. Нужно было срочно менять тактику и способы борьбы с этим видом пожара.

Вместе с Рубцовым решили по заградительной полосе запустить траншейные армейские машины и экскаваторы на гусеничном и пневмоколесном ходу. Под руководством полковника И. Я. Рогозова воины-механики приступили к работам. По мере готовности траншеи заполнялись водой по полевому трубопроводу. Маневрами трубопровода занимался капитан Н. П. Ирга. В гари и дыму солдаты, сержанты, офицеры, рабочие и служащие работали зачастую в противогазах до полного изнеможения. Интенсивная борьба продолжалась около двух недель. Но это уже бы та борьба в огненном кольце. Мы рассекали теперь лес на сектора и по частям уничтожали огонь. И какую только технику мы не использовали для подвоза воды! Это были бензовозы и молоковозы, пожарные поезда и машины, мотопомпы, армейские водоразливочные станции типа АРС, трактора с навесными шестеренчатыми насосами и т. д.

Помню, когда приехал к нам генерал армии А. Т. Алтунин, то в первую очередь он облетел весь наш плацдарм и сказал: «Да, у вас тут была целая эпопея. Молодцы, что так по-геройски разделались с этой чудовищной стихией!» За это сражение многие солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями. В числе награжденных орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени был и я.

После всей этой пожарной эпопеи заместитель начальника Гражданской обороны СССР по политической части генерал-полковник Владимир Александрович Греков в шутку прозвал меня «пожарным вождем». Это прозвище надолго прилипло ко мне.

Владимир Александрович — один из замечательных, талантливых политработников, настоящий комиссар, прошедший всю Великую Отечественную войну, был в таком ее горниле, как Сталинград. Все офицеры штаба не только уважали его, но и сердечно, с любовью относились к нему. В нем было много теплоты и добра, справедливости и принципиальности. Он, отменный оратор, часами мог говорить, и только по существу, его слово доходило до сознания и сердца. Немаловажное качество — он знал истинную цену всем офицерам и в своих оценках никогда не ошибался. К большому сожалению, в своей службе подобных политработников я встретил не так уж много. Я не раз вспоминал его в трудные минуты Чернобыля.

...Еще одна пожарная эпопея, свидетелем которой я был, разыгралась осенью 1976 года на Дальнем Востоке. В отличие от пожаров под Шатурой она носила более трагический характер по своим последствиям. Хотя, как я уже сказал, борьба шла со стихией, но толчок трагическим событиям давали совершенно неразумные, преступные действия человека. И в том и в другом случае безответственные охотники оставили непогашенными костры в лесу. Ураганный ветер все остальное довершил уже без вмешательства человека. Так на Дальнем Востоке, в Амурской области, возник в тайге пожар, и огненный смерч прокатился с юга на север вплоть до Комсомольска-на-Амуре. Огнем были уничтожены десятки поселков, объекты народного хозяйства, часть складов с боеприпасами, сгорели полностью линии электропередачи, нарушилось железнодорожное сообщение. Было очень трудно укротить стихию. Воины, невоенизированные формирования гражданской обороны сражались самоотверженно, но успех был незначителен. Сказалась и слабая организация борьбы с огнем, и необученность формирований, и отсутствие эффективной техники, а порою попросту полная невозможность подступиться к отдельным районам пожаров.

Специальная комиссия, в составе которой я работал, обследовала все пожарища. Картина была ужасная. Особенно потрясли человеческие жертвы. Помню, как сейчас, обгоревшие трупы семьи одного машиниста. Они решили укрыться от огненного смерча в колодце, но и там он их настиг. У всех четверых сгорели головы. Такая же участь постигла геологов, которые пытались спастись в бочке с водой. И всем этим трагическим событиям

виной был человек.

В Чернобыле тоже человек был повинен от начала и до конца. Повинен перед природой, но прежде всего — перед другим человеком, перед тем, кто принял на себя удар, порожденный преступной халатностью, и, как это часто у нас бывает, виновными были одни, а расхлебывали другие. Пока брюхановы и его присные отсиживались в убежище, раздумывая, как скрыть масштабы катастрофы, бесстрашные пожарные 'сражались с огнем, получая смертельные дозы радиации. Помнится, в одном документальном фильме о Чернобыле простой рабочий высказал мысль, что, вместо того чтобы виновников трагедии помещать в комфортабельную тюрьму в ожидании очередной амнистии, лучше бы посылать их на излучающий реактор устранять последствия аварии. Что ж, по-моему, сурово, но справедливо. Почему, в самом деле, на больничной койке оказались не они, а многие мои товарищи по армейскому строю, кстати, зачастую незаслуженно обойденные вниманием прессы?

В сложившейся ситуации для принятия верного решения по ликвидации последствий аварии на АЭС непременно нужно было овладеть обстановкой как на самой станции, так и на прилегающей территории. Причем нужно было не просто овладеть этой обстановкой, а выявить и оценить радиоактивное заражение местности, объектов, зданий и сооружений, населенных пунктов, почвы, лесов, воздушных бассейнов, атмосферы и прочего. Все это возлагалось на наземную и воздушную разведки. Только они способны при тщательной подготовке и организации добыть нужные сведения. А ведь надо иметь в виду, что в результате аварии радиоактивному заражению была подвергнута значительная территория Украинской и Белорусской ССР, часть областей Российской Федерации. Как отмечалось в сообщении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, радиоактивному загрязнению подверглось около 500 населенных пунктов, 60 тысяч жилых домов и других зданий и сооружений. И все это надо было также обследовать, замерить уровни радиации и дать предложения правительственной комиссии. Сколько нужно было иметь разведчиков, приборов, транспортных средств! Это трудно себе представить, особенно тем, кто там не был и не видел всей огромной работы. Но к этому мы еще вернемся.

Глава 3

Командировка в Чернобыль

В первых числах июля мне были предоставлены очередной отпуск и семейная путевка в санаторий «Крым». Вечером 7 июля мы уложили вещи и собрались на следующий день вылететь в Симферополь. Однако все вышло по-иному. Далёко за полночь в квартире раздался телефонный звонок. Звонил оперативный дежурный штаба. Он сообщил, что утром мне нужно быть на службе. Стало ясно, что отпуск откладывается.

Это и подтвердилось утром. Генерал-полковник Крутских поинтересовался, не устал ли я от более чем двухмесячных дежурств. Я ответил, что не знаю такого понятия «устал», если есть другое — «надо». «Понимаю, что устал, — сказал Дмитрий Андреевич, — но отдыхать нам с тобой еще рано. — И положил передо мной телеграмму, которая предписывала мне с группой офицеров убыть в Чернобыль, — Об одном прошу, земляк (Дмитрий Андреевич тоже воронежский), зря не лезь...»

Снявшись с партийного учета в райкоме партии и получив инструктаж "в штабе Гражданской обороны СССР, мы поехали на Киевский вокзал за билетами. Хотя был разгар летнего сезона, охочих ехать на Киев было не так уж много. Билеты приобрели быстро, и в 15 часов 30 минут, наскоро попрощавшись с расстроенными домашними, которые, впро-

чем, давно уже привыкли к таким неожиданным расставаниям, я сидел у окна вагона отправляющегося в сторону Чернобыля поезда.

Наш вагон оказался практически пустым. Проводница бойко щебетала: «Не только в этом вагоне, но и в других нынче пассажиров, желающих ехать в наши края, не так уж и много. А что творилось в мае и июне, — продолжала она, — надо было видеть своими глазами. Народ тикал из Киева валом. Мы все задыхались от переполненных вагонов. И чего только люди не предлагали, лишь бы уехать от этой проклятой радиации...»

В ее словах была правда. Люди из ряда областей Украины покидали родные места и разъезжались по всей стране. Они появились в Москве, Ленинграде, Пскове, Новгороде, Воронеже, Новосибирске и других городах. Им оказывали содействие партийные и советские органы, вне очереди предоставлялись квартиры, их трудоустраивали. Но, к сожалению, этим процессом миграции толком никто не управлял. Кто куда надумал выехать — туда и выезжал.

Это была хаотическая миграция, которая вносила элемент паники и неорганизованности. Забегая несколько вперед, хочу сказать по этому поводу, что, будучи в Полесском районе Киевской области вместе с Председателем Совета Министров Украины А. П. Ляшко, мы поинтересовались, сколько из 39 тысяч эвакуированного к ним из окрестностей Чернобыля населения осталось проживать теперь. Оказалось, немногим более 5 тысяч человек. Этот пример свидетельствует о том, что вопросами эвакуации населения и определения порядка проживания нужно заниматься по линии гражданской обороны всерьез, придавать им плановый характер, в противном случае последствия могут быть весьма печальные. А у нас порою хорошо все выглядит только на бумаге.

Далеко за полночь под мерный стук колес поезда я попытался уснуть. Обычно с женой и дочкой мы в отпуск ездим только поездом. Уж больно по душе нам этот вид транспорта. Куда бы ни ехал — на юг или север, на восток или запад, — навстречу тебе необозримые просторы Родины, величественные поля и леса, зеленые луга, серпантины дорог и рек, молчаливые экзотические горы. Всегда оживленно на станциях и полустанках, народ постоянно куда-то спешит. Выйдешь из вагона, а тут тебе бабушки предлагают горячую молодую картошку с малосольными огурцами, простоквашу, фрукты, овощи и прочую снедь. Правда, нынче эти обычаи сохранились не везде...

И все же сон меня не брал. В голове вертелись, словно в калейдоскопе, события, связанные с чернобыльской аварией.

Размышлял о масштабах радиоактивного заражения. За многие годы службы в армии мы сотни раз на картах в период командно-штабных и других учений оценивали возможные последствия ракетно-ядерного удара вероятного противника по административно-политическим центрам, объектам народного хозяйства, коммуникациям и прочему. Эта оценка включала в себя пожары, разрушения объектов, дорог, мостов и, несомненно, расчет площадей радиоактивного заражения. Порою в ходе учений присутствовала какая-то формальная сторона этой оценки, и теперь до глубины души не доходила реальная радиационная обстановка, которая сложилась после аварии на Чернобыльской АЭС. Невольно в голову назойливо лезли одни и те же мысли. Ну почему человек так безумен в своих действиях? Создал ядерное оружие, планирует его применение для уничтожения самого же себя, материальных ценностей, величайших памятников архитектуры и искусства, сотворенных его же гением на протяжении многих веков? Наконец, сознательно уничтожает живую природу — специальным оружием или, например, оставляя костер в лесу? Ведь все, что создано в природе, обеспечивает ему жизнь на Земле. Природа его кормит, поит и радуется, а он так варварски относится к ней! Да, такой человек действительно безрассуден и безнравствен.

Настал тот исторический момент, когда мы, люди планеты, не должны позволить фанатикам, мракобесам даже и мыслить о возможности применения ядерного оружия. Только наш человеческий разум и коллективная воля, приведенные в действие, могут отвести нависшую над миром угрозу уничтожения всего живого на Земле.

Представить все последствия ракетно-ядерной войны почти невозможно. Самая тяжелая и кровопролитная из всех войн — вторая мировая — унесла только в нашей стране более 20 миллионов человеческих жизней. А ведь в этой войне применялись обычные средства уничтожения человека и материальных ценностей. И совершенно несоизмеримы с утратами возможные последствия ракетно-ядерной катастрофы.

Перед закрытыми глазами проплывали живописные картины моего милого села Гремячего Воронежской области, которому крепко досталось в годы Великой Отечественной войны. Я и не представляю, что могло бы стать с окрестностями этого села от воздействия современного оружия или последствий вот такой аварии, как на Чернобыльской АЭС.

Село уютно разместилось вдоль тихого Дона, неподалеку от родины поэтов-земляков Алексея Кольцова и Ивана Никитина. Их в нашей семье просто боготворили. С незапамятных времен до самой войны в доме на видном месте висели портреты Кольцова и Никитина. Отец рассказывал, что эти портреты привез наш дед Тихон из Москвы, где проходил службу в течение двадцати лет. Эти портреты, как по наследству, передавались из поколения в поколение вместе со скупыми рассказами о великих земляках, воспевавших наши края. Помню, как еще моя бабушка Солоня поведала о трагической судьбе Кольцова, рожденного в семье скотопромышленника и ставшего по воле отца его правой рукой в торговых делах.

В 20-х—30-х годах на юге Воронежской губернии еще оставались придонские нераспаханные степи и луга. Пастбищное скотоводство являлось важной отраслью хозяйственной жизни большого количества окрестных сел. Какой огромный вред был нанесен, когда распахали эти луга! Всегда ведь у крестьян водился скот. В дореволюционные годы купцы часто скупали его у крестьян, откармливали в степях и лугах, а потом поставляли на воронежские бойни. Мяса хватало всем.

Стихи Кольцова я десятки раз слышал от своей мамы. Особенно надолго в душу запали чудные слова:

Где вы, дни мои,
Дни весенние,
Ночи летние,
Благодатные?
Где ты, жизнь моя,
Радость милая?
Пылкой юности
Заря красная?..

Отец наш стихи никогда не читал, но очень любил петь. До самой своей смерти, обладая сильным голосом, он пел песни Кольцова. До сих пор в ушах звенит порою голос его: «Под горой, за рекой, хуторочек стоит».

И сколько же в нашей округе природа создала чудных, живописных мест! Порою, когда вновь встречаешься с этими местами, просто безмолвствуешь, только восхищаешься всей этой дивной красотой, ибо слова тут лишние.

Село наше утопает в садах и лесных посадках. С западной стороны оно прикрито Гремяченской горой. На ней когда-то располагался районный центр. Вот с этой самой горы открывается взору неопишутый ландшафт Придонья. Насколько видит глаз,

извивается величавый Дон с его с одной стороны пологими, с другой — крутыми берегами. За Доном сразу же начинается и тянется до самого Жирова леса сохранившийся наш знаменитый зеленый луг. Перед покосом, когда созревает трава, он особенно хорош душистым запахом трав и цветов, от которых просто пьянеешь. А посмотришь поверху, он, как огромный цветной ковер, сотканный из множества самых привлекательных, ярких нитей, распластался вдоль тихого Дона.

К сенокосу наши сельчане всегда готовились как к большому празднику. Хоть и тяжела работа — косить луговую траву вручную, но это был действительно праздник. Когда появились колхозы на Дону, то вначале косили траву для колхоза, а потом нарезались делянки и косили для своих личных хозяйств.

Мы, пацаны в возрасте пяти-шести лет, любили ходить на сенокос со своими отцами. Правда, нас не всегда брали с собой, так как мы отвлекали от работы косарей. Мы могли уйти в лес, на озеро, да и на самом лугу запросто можно было заблудиться, а значит, за нами нужен был присмотр, и это порою дорого обходилось нашим отцам. Хорошо помню, как однажды целый день родители искали соседского мальчонку Пашку, который оторвался от нашей детской гурьбы, заблудился в высоких луговых травах, в изнеможении уснул, и только к вечеру его отыскали, изрядно покусанного комарами.

Мне всегда было очень жаль, когда острая коса мужика-косаря срезала красивую луговую траву и цветы. Умом своим пытался понять, зачем нужно губить эту прелесть. Подкошенные трава и цветы стремительно падали, ложась очень ровным рядком, а уже через несколько часов все было безжизненно, увядало. Я понимал, что луговая трава — хороший корм, но все же докучал отцу вопросом: неужто больше нечем кормить животных, кроме луговой травы и цветов?

И тогда отец терпеливо разъяснял мне, что так было испокон веков, что сено — лучший корм для коров, как хлеб насущный — для нас, людей. Отец с воодушевлением объяснял мне: «Посмотри, сынок, какой уход за этой травой! Вот после покоса травка хорошенько подвянет, потом подсохнет под лучами солнца, потом все эти рядки женщины перевернут граблями, а когда уж и совсем она высохнет и превратится в сено, мы ее соберем в копны, а копны свезем в стог. Вот это и будет корм всей скотине. С наступлением зимы, когда Дон станет, все это сено будет перевозиться на колхозный двор — на корм. Скот будет сыт всю зиму, до молодой травы на пастбищах».

Посередине нашего великолепного луга, чуть ближе к лесу, как-то очень естественно расположилось огромное озеро Донище. В нем чего только нет: разнообразная рыба, раки, великолепные белые и желтые лилии, камыш, а главное — хворостинник. Когда я подхожу к этому озеру, то сразу наплывает чувство горькой утраты наших старших товарищей, погибших весной 1943 года.

Их было четверо. Все они дружили с моим братом Сашей. Когда немцы выгнали нас из Гремячьего, то с семьями этих славных ребят мы жили в одной, совместно отрытой землянке. Ребята были старше нас на много лет, и ходили мы за ними буквально по пятам. Сколько в них, деревенских парнях, было душевной теплоты и заботы о нас, малышах! Они никогда не обижали нас, более того, защищали от других. И вот в 1943 году, весной, после освобождения Воронежской области от фашистов — год выдался голодный — четверо ребят во главе со старшим, Алексеем, из села Немытка, что прямо рядом с Гремячьим, набрали несколько противотанковых мин, взяли весла и пошли на озеро Донище глушить рыбу. Это дело было неплохо отлажено, и, как правило, подобные операции проходили успешно.

В тот роковой день ребята вместо замедленного детонирующего шнура взяли с собой шнур мгновенной детонации. Снарядив очередной заряд, они выплыли на середину

озера, подожгли шнур и выбросили заряд за борт. Рванул он тотчас, и все четверо были разорваны в куски. Четыре узелка останков своих детей собрали родители и похоронили в одной могиле. Эти узелки до сих пор стоят у меня перед глазами, особенно когда я бываю у озера Донище. В то время и досок-то не было, чтобы сделать этим прекрасным парням гробы.

Тогда, пожалуй, впервые в жизни я стал свидетелем трагедии, порожденной неграмотным обращением человека с продуктами человеческого же труда. Но то были пятнадцатилетние полуграмотные сельские мальчишки военного поколения. Позже приходилось не раз разбираться с трагедиями, у истоков которых стояли ответственные работники, дипломированные специалисты, академики. Тут уже люди расплачивались не за безграмотность, а за безнравственность. И сейчас поезд приближал меня к месту, где проявилась эта безнравственность с особой силой, угрожая непредсказуемыми последствиями.

Вот такой раздольный луг в излучине тихого Дона, с живописнейшим озером Донище, простирается до Жирова леса, где как бы передает все свои прелести в другой, более суровый мир лесной природы, в его объятия. Происхождение названия леса мне неизвестно. В этом смешанном лесу растут дуб, ясень, клен, сосна, тополь. В нем обитает множество птиц и животных. Когда прислушиваешься к разноголосому пению птиц, то невольно думаешь: кто их в такой чудный хор собрал и отрепетировал?

Украшением нашего леса, его гордостью является царь-тополь. Он возвышается над всем лесом и как бы напоминает о себе: «Посмотрите, какой я великан!» А он действительно могуч. Едва ли не десяток здоровенных мужиков, взявшись за руки, обхватывают его.

В период Великой Отечественной войны линия фронта четко проходила по Дону. На правом берегу реки, где было село Гремячье, находились фашисты, а на левом — войска Советской Армии. Так вот наблюдательный армейский пункт был размещен на этом славном царь-тополе.

В дни празднеств на селе, особенно до войны, молодые пары, а то и целые семьи со всей детворой совершали прогулки по лугу, лесу и непременно к царь-тополю и лесным озерам. Здесь распевали песни, плясали с прибаутками и частушками, мужчины боролись около этого дерева, выявляя, кто сильнее.

Никто точно не знает, сколько же лет этому дереву. В 50-х годах впервые на дерево обрушилась беда: во время мощной грозы ураганным ветром сорвало огромный сук. Мужики неоднократно пытались распилить сук на дрова, но из этого так ничего и не вышло: уж больно был велик. Сук долго-долго лежал на земле, потом начал гнить, пока совсем не превратился в труху.

Но особым украшением леса был и есть каскад лесных озер, которые все соединены между собой. Насчитывается их всего пять. Вода в этих озерах прозрачная как слеза и мягкая. В этой воде водится множество рыбы, растут лилии и кувшинки, и у берегов создается впечатление, будто плавают специально нарезанные букеты цветов. С обеих сторон каскада озер вдоль пологих берегов стоят могучие дубы, непоколебимые, но чуть-чуть склоненные своими кронами над лазурью зеркала вод, а отдельные из них даже дотягиваются до красавиц лилий. И вот когда сидишь на противоположном берегу озера, особенно под закат солнца, то видишь отражение всей этой картины в воде. И как же все чудно создано в природе — ничего лишнего! Только мы порою не знаем ее законов или, не желая их хорошо изучить, вмешиваемся в ее жизнь и пытаемся перекроить на свой лад. А что из этого получается? Она же нас за это жестоко наказывает.

Кое-кто склонен видеть одну из причин снижения нравственности в утере связи

человека с родной землей, в усиливающейся миграции населения. Мол, если в данной местности люди знают не только тебя, но и несколько поколений твоих предков, так же как и ты знаешь соседей, если твои поступки отражаются на чести всей семьи, всего рода, если на земле, которую ты обрабатываешь, придется трудиться твоим внукам и правнукам — это одно дело, и другое дело, если ты, как говорят, человек без роду-племени, кочуешь с места на место, меняешь работу, друзей. В таких условиях, считают, легко забываются как твои неблагоприятные деяния, так и благородные поступки, забудут и самого тебя через пару лет после отъезда...

Видимо, нельзя отмахнуться с порога и такое мнение. Но нельзя забывать, что всегда остается с человеком его собственная совесть, которая формируется не только под воздействием природы, семейных устоев и ближайшего окружения. Есть у нравственности и более широкие социальные корни.

Немаловажное значение для формирования личности имеют литература, искусство, народное творчество. Ну а в наших русских деревнях исстари детей воспитывали на сказках, преданиях, легендах. Запомнилась и мне одна такая легенда.

Есть в нашем Жировом лесу Сонькино озеро. Названо оно в честь красавицы цыганки Сони. Историю о ней рассказывала мама долгими зимними вечерами, щедро украшая свое повествование многими живописными подробностями, которые теперь лезли в голову под стук колес.

В давние времена по воронежским селам очень часто кочевали цыгане, как и по всей России, Украине, Бессарабии и прочим местам. Известно было в народе, что цыгане — свободолюбивый и своенравный народ, до работы неохотливый, жуликоватый, к оседлой жизни почти не привыкший.

Однажды большой цыганский табор нагрязнул в село Гремячье. Цыгане выбрали себе место у излучины Дона, быстро разбили шатры и тут же принялись за дело. Одни гурьбой ходили по дворам и гадали, другие меняли лошадей, третьи ублажали богатых своими веселыми песнями да плясками. В зажиточную семью рыбака пришла ватага цыган: мать, старшая дочь Соня — ей шел семнадцатый год — и четверо малых цыганят. Мать Сони, оставив детвору во дворе, вошла в дом, отыскала хозяйку и начала гадать. Тем временем старенькая бабушка Варя, мать хозяйки дома, вышла на крылечко и стала одаривать блинами детей. Бабушка Варя была доброй, набожной и приветливой. Она по-своему сочувствовала бродячим цыганам, более того, жалела их.

Совсем неожиданно из сада с острой косой в руках появился хозяйский сын. Он только что кончил первый покос в саду и босой, без рубахи стоял и смотрел на цыган. Его черные влажные кудри слегка падали на лоб. Ему только что минул девятнадцатый год.

Прислонив косу к конюшне, он сразу заметил среди цыганят редкой красоты цыганку, у которой была черная коса по пояс, совсем юное лицо и чуть-чуть припухшие губы. Она стояла в нерешительности и слегка теребила косу. Он подошел ближе и, не отрывая глаз от нее, промолвил: «Ну что, красавица, погадай и мне. Как тебя зовут?» Цыганка тихо ответила: «Соня». — «А меня Иван. Вот и познакомились».

Соня и Иван полюбили друг друга. Через многие испытания пришлось пройти им. Родители Ивана, христиане, не могли дать согласие на его женитьбу, так же как и Соня по цыганским обычаям могла выйти замуж только за своего соплеменника, к тому же Соню любил цыган Ромазан. Соня убежала из табора, встретила в условленном месте с Иваном и ушла жить в Гремяченский Лог к одинокой старушке. После неудачной попытки уговорить родителей Ивана Соня поселилась в поместье крупного помещика Алисова, которому были нужны рабочие руки. Но Соню приметил приехавший из Воронежа помещичий сын, который попытался овладеть ею. Соня, убежав, тайком пробралась к

Ивану. И снова попытка склонить родителей Ивана на женитьбу сына кончилась неудачей. Тогда Иван и Соня, связанные вожжами, бросились в озеро.

В ту пору ходил слух, будто какой-то рыбак находился недалеко от происходящего. Обезумев от увиденного, этот рыбак бросился в деревню, чтобы рассказать обо всем. Молва быстро пронеслась по селу и докатилась до родителей Ивана. Не владея собой, отец и мать бросились к озеру и сразу же наткнулись на узелок со знакомыми вещами. Но родители все еще не верили в случившееся.

Много народу собралось у озера. Нашлись смельчаки ныряльщики, которые извлекли тела утопленников. Подогнали повозку, на которую постелили свежую луговую траву. Поверх нее уложили рядышком Соню и Ивана, прежде кое-как напялив на них одежду. Накрыв тела попоной, повезли их в деревню. Какой-то малец догнал повозку и бросил на тела мокрые венки из лилий, сплетенные Соней.

Село горестно встречало повозку. Все, кто был дома, вышли на улицу и горько плакали, осуждая родителей Ивана.

На следующий день состоялись похороны. В церковь покойников не повезли, так как священник отказал, ссылаясь на то, что самоубийц не положено по церковным канонам отпевать в христианской церкви. Похоронили их все же в одной могиле на горе.

Долго в том озере никто не купался. Но прошли годы, и оно вновь ожило. Из всех пяти озер в Жировом лесу Сонькино озеро самое красивое. И если вам, дорогой читатель, выпадет случай побывать в воронежских краях, непременно посетите эти места, особенно Сонькино озеро.

Рассказы матери про Сонькино озеро производили на меня сильное впечатление. Мне было около шести лет, когда я впервые услышал эту легенду.

И вот теперь, когда ночной поезд мчал к месту жуткой аварии, все эти подробности всплыли вновь. Я пытался понять, чему же учили нас эта и подобные ей легенды, столь широко распространенные на Руси. Есть в ней и красоты природы, и нежность чувств, и отзывчивость простых людей, и верность дружбе, и почтение к старшим. Но есть и другое: неготовность к борьбе с догмами, безропотное повиновение старшим, неспособность драться за свои убеждения, за свою любовь. Единственное, на что оказались способны герои легенды,— протест самоубийством. И для них переступить через сложившиеся патриархальные устои, через местное общественное мнение, борьба за справедливость оказались страшнее смерти. И ведь так было не только в легендах. Так было и в нашей жизни, и не очень уж давно. Может быть, здесь и кроется одна из тех нравственных проблем, которые высветила чернобыльская трагедия. И в академике Легасове, глубоко запряженный, сидел тот же извечный русский мужик, что и в Иване, с его совестью, порядочностью и растерянностью перед злом, рутинной, перед тем, что позже было названо застойными явлениями. Но об этом интересном человеке чуть ниже.

Под самое утро я задремал. И хотя нам надо было ехать дальше Киева, на Овруч, я все же вечером попросил проводницу разбудить меня перед столицей Украины, чтобы взглянуть после событий в Чернобыле на этот древний город, в котором не раз бывал ранее. Проводница постучала в мое купе, и дремота тут же исчезла.

Ровно в 8 часов наш поезд прибыл в Киев. На перроне вокзала вопреки моим ожиданиям было совсем не многолюдно. Народ вроде бы никуда не спешил. Мы с товарищами вышли на платформу.

Думаю, имеет смысл представить читателю некоторых из моих спутников — будущих активных участников чернобыльских событий. Вот из соседнего вагона выходит полковник Николай Александрович Гелевера, импозантный, с отличной выправкой немолодой уже человек, классный оператор, который давно ждал момента своими

руками «пощупать» обстановку, был уверен, что без него это делали не так, как надо. Об опасности он, кажется, и не думал. Не думал он о ней и в первые дни в Чернобыле, направляясь вместе со мной, полковником А. А. Дьяченко и моим учеником полковником Ю. Н. Клименко на радиационную разведку в самые опасные места — четвертый энергоблок, «рыжий лес», ряд секторов населенных пунктов Киевской и Житомирской областей... А через два года мы встретились с Николаем Александровичем на больничных койках госпиталя имени Бурденко.

А вот коренастый, плотный, безудержно храбрый бывший десантник полковник Алим Андреевич Кузнецов. Занимая высокий пост в ходе чернобыльской эпопеи, он неоднократно рвался в самое пекло, добровольно принял участие в опасном эксперименте по определению уровней радиации в особо опасных зонах.

Александр Петрович Сотников — невысокого роста крепыш по прозвищу Кулибин. Я не знаю, чего бы он не смог сделать — от ремонта часов любых марок, автомобилей или телевизоров разных систем до организации сложнейших работ по дезактивации оборудования первого и второго энергоблоков ЧАЭС. Но о нем речь будет впереди. А пока что только мысль: самых высоких наград заслуживают не некоторые руководители «от показухи», а именно такие, как Александр Петрович Сотников, не думавшие о наградах, а просто выполнявшие долг.

Но, рассказав только о таких людях, как Гелевера, Дьяченко или Сотников, мы сказали бы не всю правду. Мы привыкли, что если фронтовик, то обязательно герой, «афганец» — герой, «чернобылец» — тоже герой. Действительно, многие участники чернобыльских событий были именно такими. Но и там, как везде, были свои подлецы, трусы, прохиндеи, ищущие, на кого бы переложить хотя бы часть положенного им груза. И очень бывает обидно, когда из чувства такта, жалея, мы не раскрываем их истинное лицо, а какое-то время спустя они бьют себя в грудь: «Я — чернобылец!» — с энергией, вдесятеро большей, чем порою скромно заметит о себе истинный герой.

С одним из таких мне пришлось встретиться еще в вагоне поезда. Ко мне в купе зашел старший офицер и поинтересовался моим мнением о предстоящих работах по ликвидации последствий аварии и его роли в них. На вид он был ничем не примечателен, белобрыс, но его поведение почему-то не располагало к нему. Я сразу сказал, что первейшая наша задача — лично овладеть обстановкой в опасных зонах. Тут он опустил глаза, потом встрепенулся, сказав мне несколько лестных фраз. Это вызвало во мне резкую антипатию к этому человеку, я подумал: «Не отходные ли пути готовит?» К сожалению, я не ошибся. В дальнейшем этот офицер под любым предлогом уклонялся от вылетов и выездов в радиоактивно зараженные зоны. Как огня боялся получить лишний рентген. Пришлось нам в Чернобыле с ним распрощаться досрочно. А фамилию его не называю не из чувства ложного такта: попросту я ее забыл. Так уж, видимо, мы устроены: доброго человека стремимся запомнить навсегда, а людей, подобных моему временному попутчику, спешим забыть.

Между тем мы зашли в здание вокзала, купили утренние газеты. Очередей нигде не было. На лицах многих прохожих была какая-то печаль, все говорили приглушенно, очень тихо. Бросилось в глаза отсутствие детворы, которая всегда во всех общественных местах вносит заметное оживление. Я тут же вспомнил, что почти все дети эвакуированы, вывезены в санатории и дома отдыха. Минуты стоянки поезда нам показались очень долгими, и мы пошли по своим вагонам. Я зашел к себе, и та же белокурая миловидная проводница быстро спросила: «Ну, як Киев? Все побачили? Тогда сидайте в купе, а я зараз подам чай».

Поезд медленно набирал скорость, мы удалялись от древнего Киева, окрестности

которого утопали в зелени. Улицы и переулки были пустые. В огородах и на приусадебных участках виднелись отдельные фигурки людей. Мы все дальше отъезжали от города.

Проводница принесла горячий, хорошо заваренный чай, печенье и предложила бутерброды с добротным украинским салом. Тут же в шутку сказала, что все мужчины должны постоянно есть сало или мясо, если они хотят быть мужчинами. Я улыбнулся ей и ответил, что у нас на Дону, так же как и на Украине, мужчины этого правила придерживаются, если только жены заботятся об этом и умеют вкусно готовить. Она бойко отпарировала: «А хиба можно держать таких жен, которые не умеют вкусно готовить? У нас на Украине таких нема».

Поблагодарив проводницу за сытный завтрак, я стал собираться к выходу. Следующая остановка была наша — станция Коростень. Распрощавшись с проводницей и поблагодарив ее, мы вышли из вагона. Шел проливной дождь. На платформе нас встретил молодой майор А. Шепилов, который оказался моим учеником по Московскому высшему командному училищу дорожных и инженерных войск, в котором многие годы я преподавал предмет «Машины инженерного вооружения». Мы уселись в машину и направились в город Овруч, что неподалеку от Чернобыля. По дороге майор Шепилов подробно доложил обстановку в Чернобыле, в прилегающих зонах и контролируемых секторах на территории Украины и Белоруссии. Несколько позже мне не раз приходилось брать с собой этого грамотного офицера при выездах в Чернобыль, на самую атомную станцию, в ряд населенных пунктов, в том числе при работе в городе Припяти. Несколько позже майора Шепилова пришлось откомандировать в Москву в связи с ухудшением здоровья. Благо, все обошлось.

И вот мы в Овруче. Этот древний город основан в X веке. Тут долго удельным князем был внук Игоря и Ольги Олег Святославович. Он умер в 977 году и похоронен в этом городе.

По прибытии я представился генерал-лейтенанту А. К. Федорову. Тут присутствовал и генерал-лейтенант Б. П. Дутов. После непродолжительной беседы мне сказали, что время не терпит, надо вращаться как можно быстрее в обстановку — и за дело. Федоров показался мне человеком с военной костью: в нем вроде бы совершенно отсутствовали малейшие элементы «цивильного» поведения, как будто он так и родился военным человеком. Он был достаточно образован и эрудирован, умел шутить и понимал юмор других. Его отличали высокая требовательность и личная исполнительность во всех делах, умение организовать офицеров на выполнение любой задачи.

В Чернобыле абсолютно все солдаты, сержанты и офицеры работали до глубокой ночи. Зачастую совещания проходили после 24 часов. Офицеры давно забыли, что такое выходные. Помню, как сейчас, по предложению политработника полковника Г. П. Чекулаева был объявлен выходной день после только что проведенного партийного собрания. Однако, когда все командование осталось работать, большинство офицеров тоже отказались от выходного дня и приступили к работе. Под руководством генерал-лейтенанта Федорова был подготовлен и блестяще выполнен ряд заданий правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Он сам лично часто вылетал на АЭС, в населенные пункты и на объекты народного хозяйства, подвергшиеся радиоактивному заражению.

Генерал-лейтенант Дутов в отличие от Федорова больше походил на маститого ученого, чем на строевого генерала. Его отличала высокая научная эрудиция, манера очень тактично обращаться с офицерами, глубоко анализировать все вопросы и принимать весьма обдуманные решения. В Москве мы долго работали вместе. Многие годы я был его заместителем. Работа всегда у нас спорилась. И вот теперь мы в одной

упряжке на ликвидации последствий аварии.

От нас всех — генералов и офицеров, сержантов и солдат — в этот ответственный период требовались огромные усилия и полная самоотдача. Велись работы по дезактивации населенных пунктов — почти 60 тысяч жилых домов, различных зданий и сооружений, а также колхозных и совхозных полей, лесов. Интенсивно выполнялись работы по защите водных ресурсов. В поймах рек сооружались дамбы, специальные защитные устройства. Все участники ликвидации последствий аварии на АЭС сражались за коренное улучшение радиационной обстановки в 30-километровой зоне и прилегающей к ней территории. Это был настоящий бой с невидимым врагом — радиацией.

Глава 4

Сражение за овладение радиационной обстановкой

В опасной ситуации, сложившейся сразу же после взрыва, для принятия верного решения по ликвидации последствий аварии на АЭС непременно нужно было овладеть полной обстановкой как на самой станции, так и на прилегающей территории. Причем нужно было не просто овладеть этой обстановкой, а выявить и оценить радиоактивное заражение местности, объектов, зданий и сооружений, населенных пунктов, почвы, лесов, воздушных бассейнов, атмосферы и прочего. Как и предполагалось после нанесения ракетно-ядерного удара, эту опасную работу должны были проделать наземная и воздушная разведки. Только они способны при тщательной подготовке и организации добыть нужные сведения. А ведь надо иметь в виду, что в результате аварии радиоактивному заражению была подвергнута значительная территория Украинской и Белорусской ССР, часть областей Российской Федерации. Сколько нужно было иметь разведчиков, приборов, транспортных средств! Это трудно себе представить, особенно тем, кто там не был и не видел всей огромной работы.

27 апреля прибыли и другие воинские части Киевского военного округа, а также специальный отряд химвойск Советской Армии. Они приступили к разведке и выполнению первоочередных работ. Была начата воздушная разведка. 28—29 апреля весь район предполагаемого радиоактивного заражения был пропорционально расчленен на зоны, которые возглавляли генералы. В каждой зоне находились группировки войск, занимавшиеся дезактивацией территории, зданий, сооружений. Была определена и 30-километровая зона, к ней добавились так называемые малые зоны, или «цезиевые пятна».

Несколько слов по поводу этих «пятен». Они, по сути дела, стали открытием Чернобыля. До сих пор никто не предполагал, что такое возможно. Мы считали, что в результате ядерного взрыва или аварии, подобной чернобыльской, радиоактивному заражению будет подвержена некая сплошная территория, учились рассчитывать и определять ее конфигурацию, исходя из следа радиоактивного облака. Так пытались оценивать обстановку и в первые дни после чернобыльской катастрофы. Но теория теорией, а жизнь вносила существенные коррективы в нее и заставляла действовать по-новому, уходя от сложившихся стереотипов. Оказалось, что отдельные места, по нашим расчетам зараженные, на самом деле были «чистыми», зато возникли эти самые «цезиевые пятна» за счет того, что радиоактивно зараженные частицы цезия или стронция, перенесенные ветром, выпадали в осадок на больших расстояниях от Чернобыля. Пришлось руководствоваться не схемами, а реальными замерами на больших пространствах, что значительно увеличило объемы работ. «Цезиевые пятна» появлялись и

на территории Белоруссии и России.

В результате полученных данных были определены населенные пункты: из одних население срочно эвакуировалось, в других проводилось временное отселение, в третьих, где оставалось население, срочно начиналась дезактивация. Такая сложная, порою опасная и кропотливая работа была организована в Киевской, Житомирской, Могилевской, Гомельской и некоторых российских областях штабами и службами гражданской обороны.

В первые дни ликвидации последствий аварии мне пришлось принимать участие в разработке и проведении ряда операций по взятию проб и выявлению радиационной обстановки. Несмотря на некоторое уменьшение интенсивного выброса из аварийного реактора, коварное воздействие радиации через различные факторы оставалось. Поэтому прежде всего ставилась задача определения прямого воздействия радиации от возможного выпадения выбросов, то есть установление гамма-фона и радионуклидного состава в почве, воде и так далее. Вполне понятно, что радиоактивные вещества выпали на землю и возможно облучение с ее поверхности. Немалую опасность представляло наличие радионуклидов в продуктах питания, растительности и животном мире и их соответствующее влияние на человека.

Однажды в июле рано на рассвете с большой группой офицеров мы вылетели на трех вертолетах на территорию Белоруссии. Каждый офицер к тому времени в совершенстве овладел методикой замеров уровней радиации, взятия проб почвы, продуктов питания, зеленой массы, воды. Помню, мы прилетели в населенный пункт Пирки, где нас ожидали представители Советской власти и солдаты на бронетранспортерах. В одном строю стояли солдаты, в другом, напротив, — офицеры. Предельно сжато мною была поставлена конкретная задача по выявлению радиационной обстановки в ряде населенных пунктов обследуемого нами района. Установил время начала и окончания работ. Через несколько минут подал команду: «По машинам!», а затем: «Вперед!» Словно в боевой обстановке, взревели моторы, специальные разведмашины рванулись на выполнение задания. А задание было нелегким. В условиях радиоактивного заражения нужно было каждому офицеру на карте найти указанный населенный пункт, определить его геометрический центр, взять в нем нужные пробы и измерить уровень радиации, потом по компасу определить азимут с направлением луча на Чернобыльскую АЭС; на этом луче взять три пробы через каждые три километра; потом развернуться на 120 градусов и снова проложить луч и на нем взять также по три пробы; потом еще раз определить такой луч и проделать то же самое. У каждого офицера за спиной металлические кольца для взятия проб, пустые бутылки для воды, пробы, малая саперная лопата и так далее.

Условия выполнения ответственного задания были непростые.

Нужно было ходить по лесам и болотам, по оврагам и зарослям. Многим старшим офицерам было далеко за сорок, а то и за пятьдесят лет. Но высочайшее чувство ответственности и гражданского долга всякий раз обеспечивало успешное выполнение операции. Не могу не назвать таких офицеров, как Г. А. Кауров, В. М. Гусев, А. М. Матущенко, А. И. Конин, А. П. Сотников, В. А. Давыдов, Б. И. Мартынов, В. П. Фоменко, и многих-многих других.

И вот при очередном выполнении задания, когда вся военная экспедиция убыла к указанным населенным пунктам, я сел в вертолет и решил облететь несколько таких пунктов для контроля. Все шло по науке. В одном селе, из которого было эвакуировано население, я попросил вертолетчика сесть около милицейского поста. Капитан милиции, фамилию теперь не помню, доложил по-военному о своих задачах по контрольно-

пропускному режиму. Я спросил капитана, откуда он сам. Тот представился, сказав, что он из Минской высшей школы милиции и работает доцентом кафедры. Я спросил: «А кто заведующий кафедрой?» Он назвал фамилию — полковник В. Ф. Комар. «А где он сейчас?» — «Полковник Комар — наш комбат, находится недалеко, в Хойниках». Моей радости не было предела, так как с Валерием Фомичом мы учились вместе в адъюнктуре Академии имени Куйбышева на одной кафедре, начальником которой был молодой генерал, доктор технических наук, профессор Александр Георгиевич Лобов. После выполнения задания, на обратном пути я нашел Валерия Фомича. Но поговорить нам по душам тогда не довелось. Валерий Фомич по-армейски, очень четко организовал работу контрольно-пропускных пунктов на всей территории Белоруссии. Он был весь в делах и заботах. Кроме того, он отвечал за охрану эвакуированных населенных пунктов. Через полгода, когда Валерий Фомич узнал, что я болен, он прилетел из Минска в шестую больницу Москвы, где мы весь день вспоминали свои лучшие годы учебы, дружбы, ну и, конечно, Чернобыль. Это удивительный товарищ и замечательный человек.

Распрощавшись с капитаном милиции, мы с экипажем вертолета Ми-8 направились к месту посадки. Через несколько минут командир экипажа майор А. И. Рогачев мастерски поднял свою машину, взмыл в небо, и мы полетели в Пирки. Нам предстояло разобраться с результатами замеров, каждый из которых вносил дополнительную информацию в картину радиоактивного заражения, кстати, довольно значительно отличающуюся от прогнозируемой.

26 июля в соответствии с шифровкой, полученной из Генерального штаба, нужно было срочно выяснить радиационную обстановку, сложившуюся в ряде населенных пунктов Брянской области.

Как на грех разразилась невероятная гроза. Вертолеты отставили. Сели в автобусы и «уазики» и отправились в дальнюю дорогу. Ливень сопровождал нас почти до конца пути. Мы с разведчиком ехали в «УАЗ-469» впереди колонны, регулярно замеряя уровни радиации на маршруте. Гамма-фон почти на всем пути был повышен. Вечерело. Позади Мозырь, Гомельская область, город Гомель. И вот Брянская область.

Вдруг водитель говорит: «Товарищ генерал, что-то один автобус с офицерами затерялся». Разворачиваем машину и мчимся в обратную сторону. Проехали километра три, смотрю и глазам не верю: автобус с офицерами завис над крутым оврагом. Малейшее неосторожное движение — и все полетят в тартарары. Видно, водитель в темноте потерял дорогу.

Вылезаю из машины, осматриваю эту жуткую картину и самым осторожным образом, через дверцу водителя, высаживаю всех офицеров. Потом принимаю решение — копать дерн и таскать его под повисшие над оврагом правые колеса автобуса. Прошло около часа, и пирамида из дерна основательно укрепила крутой скат рядом с дорогой. Но своим ходом автобусу выезжать нельзя, так как возможно, что пирамида при движении автобуса оползет. Останавливаю проходящий автобус с пассажирами и прошу водителя отбуксировать наш автобус потихоньку. Водитель категорически отказывается: видно, испугался парень. В такой обыкновенной обстановке проявилась трусость молодого человека. Я не стал настаивать, хотя мог его заставить.

Но вот на трассе появился молоковоз. За рулем тоже молодой парень, — видно, что только отслужил в армии. Он сразу же понял ситуацию, зацепил приготовленный трос и по моей команде тихонько отбуксировал автобус от обрыва.

Поблагодарив водителя, я спросил его, когда он вернулся из армии и где служил. Быстро и четко юноша ответил: в этом году его демобилизовали из Афганистана. Я крепко пожал ему руку и пожелал счастья. Мы направились по своему маршруту в районный

центр — Красную Гору. Было далеко за полночь. Ехали молча. Капитан с прибором ДП-5В на коленях дремал. Мои мысли были невольно обращены к старшему брату Ивану. Ведь для нашей семьи Брянская область связана с особыми воспоминаниями. Здесь в небе Брянщины в июле 1941 года сражался наш Иван, военный летчик. Его давно нет в живых, но память хранит о нем самые добрые воспоминания. Здесь же он получил первую тяжелую контузию в неравном воздушном бою. В таком состоянии он около двух недель выходил из окружения, вышел и выжил. А неподалеку от тех мест в пехоте сражался в это же время отец.

Тяжелые испытания легли на плечи нашего народа. Наверное, до самой смерти сохраняются в памяти ужасы войны, которые пришлось увидеть еще мальчишкой. Земля тогда действительно горела под ногами.

Не обошла война стороной и нашу семью. За месяц до ее начала отца взяли на переподготовку рядового состава. Ему тогда было сорок два года. Мы ждали, вот-вот вернется отец домой. 20 июня 1941 года брат Иван окончил Тамбовское летное училище и тоже известил нас, что скоро приедет в отпуск. Но ни отец, ни Иван так и не вернулись тогда. Более трех лет мы ждали их возвращения.

А наше село Гремячье — центр Гремяченского района — оказалось в 30-километровой прифронтовой полосе. 7 июля 1942 года при осуществлении операции «Клаузевиц» 6-я полевая фашистская армия направилась от Воронежа вдоль правого берега Дона через Малышево, Юневку и Гремячье. В село фашисты ворвались утром. Моя память сохранила одну деталь захвата села немцами. В нашем саду уже созревали вишни. День был воскресным. Мама рано встала и собралась на базар, что посередине нашего районного центра, на горе. Я было увязался за ней. Но на этот раз она как будто предчувствовала недоброе и меня на базар с собой не взяла. Я остался у калитки и смотрел ей вслед. Увидел, как к ней на деревянной ноге подошел инвалид дядя Степа. Вдруг со стороны горы на бреющем полете появился фашистский «мессершмитт» и пулеметным огнем полил нашу деревню. Какое-то мгновение — и дядя Степа, перерезанный пулеметной очередью, упал прямо в ноги моей маме. Она вначале от ужаса остолбенела, потом, поняв, что произошло, закричала громко на все село: «Люди, помогите!» Все, кто услышал крик матери, сбегались, в том числе и семья дяди Степы, но он был уже мертв. Это была первая жертва в нашем Гремячем.

Мама вернулась домой вся в слезах и в страшном испуге. Мы уселись вокруг нее, как цыплята вокруг заботливой наседки, и она тихонько сказала: «Кончилась и наша мирная жизнь, дети». Буквально через час-другой в направлении Калача пошла, отступая, советская танковая колонна. Головной танк остановился прямо против нашего дома. Из него вышел, по всей вероятности, комиссар и обратился к собравшимся жителям. Он громко сказал, что их отступление — это явление временное: «Мы скоро вернемся и разобьем врага». Комиссар стоял у обочины. Я до сих пор не могу понять трагического происшествия на глазах у всех жителей. То ли из конца колонны, то ли где-то из середины вдруг вылетел танк и на всей скорости, объезжая колонну, помчался по левой стороне дороги. Этот танк сбил офицера, и тот упал в кювет замертво. Через несколько минут колонна помчалась дальше на Калач. Жители обезумели от происшедшего, не могли понять, что случилось. Или трусили танкисты, или механик-водитель в узкую щель не заметил офицера и сбил его чисто случайно. Но куда он так торопился? Ведь вся колонна стояла... Скорее всего, это была первая в моей жизни встреча с трагическими последствиями паники.

Как только танки скрылись и пыль маленько осела, мои братья Александр, которому было четырнадцать лет, и Петр по просьбе мамы взяли лопаты и тут же за кюветом начали

рыть могилу. Потом подошли бабы и стали помогать. Все документы офицера вместе с сумкой отнесли, кажется, в сельский Совет. Память не сохранила, откуда он и кто. Танкиста завернули в белую простыню, потом закутали в попону и опустили в могилу. Аккуратно засыпали землей. Кто-то успел соорудить крест.

Через некоторое время в село ворвались фашисты на мотоциклах. Они облили хату Хрипушиных бензином и запалили. Семья едва успела повыскакивать в чем есть из дома. Видимо, это был какой-то сигнал, что фашистским войскам можно следовать через этот населенный пункт. Спустя несколько минут на машинах появились моторизованные части 6-й полевой фашистской армии.

Несколько позже часть колонны — примерно машин пятьдесят — остановилась в Гремячем. Вот тут мы впервые и увидели настоящих фашистов-головорезов. Это были не люди, а какие-то голодные звери. Они бросились по домам и выгребли все продукты. Залетели и к нам несколько фрицев. Забрали хлеб, сало, мясо и даже чугунок с кашей. Все мы онемели, а когда они уходили со двора, то я, не понимая опасности, выхватил из ведра с углями головешку и бросил ее в спину одному. Видно, это его особенно не смутило, однако он повернулся и погрозил кулаком. Зато мама схватила меня и, пожалуй, впервые в жизни дала подзатыльник.

Одновременно ворвались немцы и в райцентр, что на горе. В райотделе милиции дежурил наш сосед милиционер Чернушкин, совсем молодой парень. Заметив приближение немцев, он занял оборону и начал вести стрельбу. Несколько фашистов были убиты. По всей вероятности, когда у него кончились патроны, он попытался убежать в Гремяченский лес, что был неподалеку. Фашисты ранили его и схватили. Там же, на горе, у оврага, состоялась казнь милиционера Чернушкина. Немцы согнали почти всех жителей Гремяченской горы, а кое-кто прибежал снизу. Пришли и его родители. Вначале фашисты вырезали на его груди пятиконечную звезду, потом перевернули и вырезали на спине две полоски кожи, а потом уже, после страшных мук, поставили на колени у оврага и расстреляли. Спустя сутки его похоронили в этой ерушке (так назывались у нас овраги). Фашисты не искали семью истерзанного милиционера, но мать и старшая сестра его в тот же день тронулись умом. Сестра и племянник по сей день живут одни на этой усадьбе Чернушкиных.

Лютая ненависть к фашистам рождала неистовую жажду мщения в сердцах односельчан. Ни одного дня не обходилось в Гремячем без происшествий, вплоть до нашей эвакуации. Ночью после казни милиционера Чернушкина были подожжены фашистские продовольственные временные склады и несколько автомашин. Подпольная комсомольская организация во главе с Иваном Баутиным действовала с первого дня и активно мстила за своих погибших земляков и унижения жителей.

Участились воздушные налеты на Гремяче. Мама распорядилась срочно отрыть в саду две глубокие землянки наподобие бомбоубежищ. Старшие братья и сама она отрывали землянки по всем правилам военной науки — Г-образной формы. Расчет на оборудование двух бомбоубежищ у мамы был прост: если в одно из них попадет бомба, то в другом в живых останется хотя бы полсемьи. Так поступали и другие жители. В садах рыли укрытия и маскировали их дерном и ветками. А для меня начиналось практическое знакомство с гражданской обороной, которая впоследствии стала моей военной судьбой.

Фашисты между тем настолько обнаглели, что выгребали у нас буквально все подчистую. Забирали коров, поросят, кур и прочую живность. Для того чтобы не бегать за курами во дворах, они приспособили так называемые колотушки в полметра длиной с резиновым набалдашником. Заходит во двор фашистский детина и начинает охоту: бросает такую палку в курицу, и добыча в руках.

Четвертый энергоблок Чернобыльской АЭС после взрыва 26 апреля 1986 года

Посещение президентом АН СССР А. П. Александровым экспериментального комплекса гражданской обороны по проблемам повышения устойчивости работы отраслей и объектов народного хозяйства, февраль 1982 года

*Тараканова Наталья Васильевна (1899—1991)
Тараканов Дмитрий Тихонович (1899—1983)*

Тараканов Николай Дмитриевич с женой Зоей Ивановной, дочерью Леной и внуком Ильей.

*Таракановы: Иван Дмитриевич (1921—1971), Александр Дмитриевич (1927—1977),
Петр Дмитриевич (1929), Мария Дмитриевна (1930), Борис Дмитриевич (1931—1978),
Нина Дмитриевна (1936)*

Участники первого эксперимента в особо опасной зоне АЭС (на переднем плане слева направо): А. Кузнецов, Н. Тараканов, А. Салеев, Ю. Самойленко

Так обеспечивалась защита органов дыхания человека от радиации

Удаление высокорadioактивных элементов с крыш третьего энергоблока АЭС

Штаб руководства операций на третьем энергоблоке АЭС.

Инструктаж воинов перед выходом в особо опасную зону АЭС для выполнения работ.

Экипаж вертолета, трагически погибшего 2 октября 1986 года в районе АЭС (четвертый слева В. Воробьев, седьмой—Л. Христоч, восьмой — А. Юнгкинд)

Награждение воинов, отличившихся при выполнении работ в особо опасной зоне АЭС

*Отряд специальной дозиметрической разведки (на переднем плане слева направо):
В. Стародумов, А. Юрченко, А. Саушкин, Г. Дмитриев, А. Гуреев*

Похороны, отважного разведчика А. Гуреева

*Руководство Министерства обороны СССР во главе с генералом армии П. Г. Душевым
прибыло в Чернобыль, июль 1986 года*

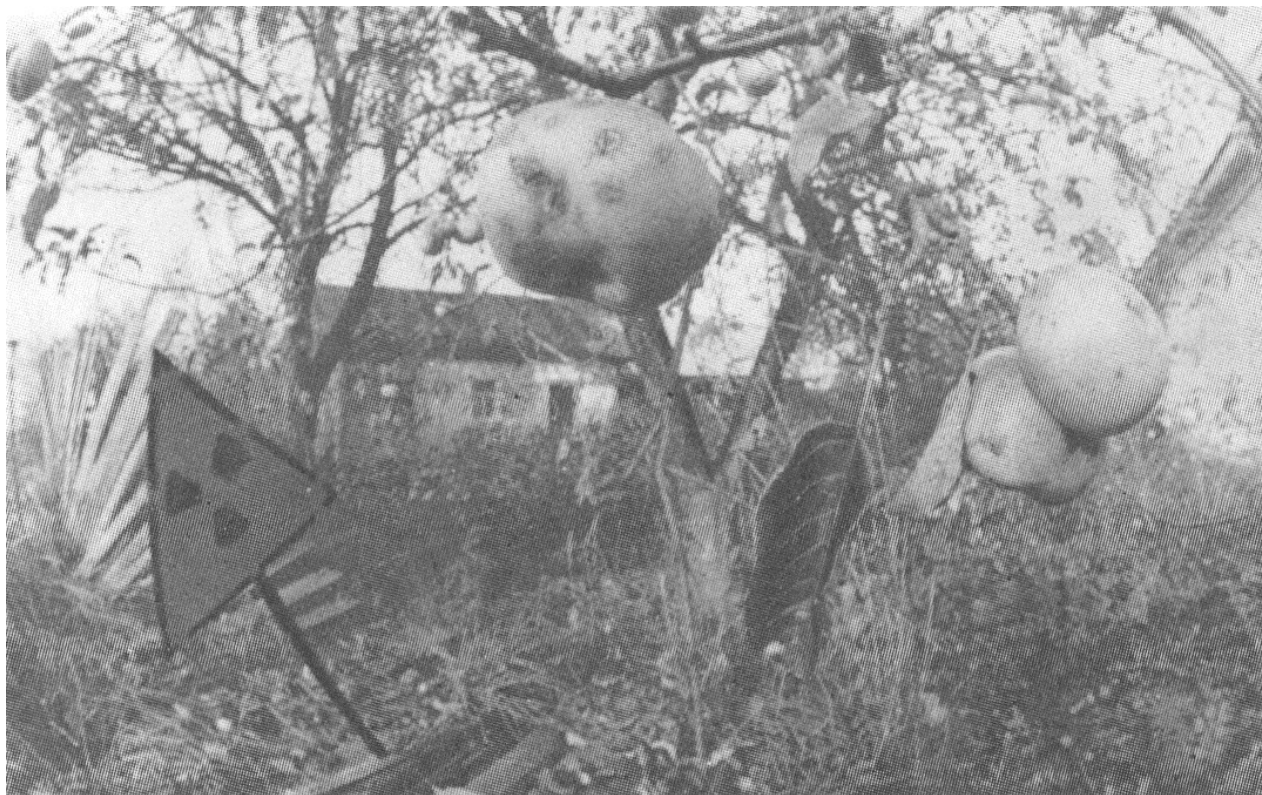
*Лучшие воины, командование и политический отдел полка гражданской обороны,
занявшего первое место в работах по дезактивации АЭС, 1986 год*

Председатель Совета Министров УССР А. П. Ляшко с членами комиссии в Полесском, июль 1986 года

Лес, который стал опасен для жизни и человека, и животных

Под воздействием радиации яблоки выросли невообразимого размера, но есть их опасно

Теленок, рожденный от облученной коровы

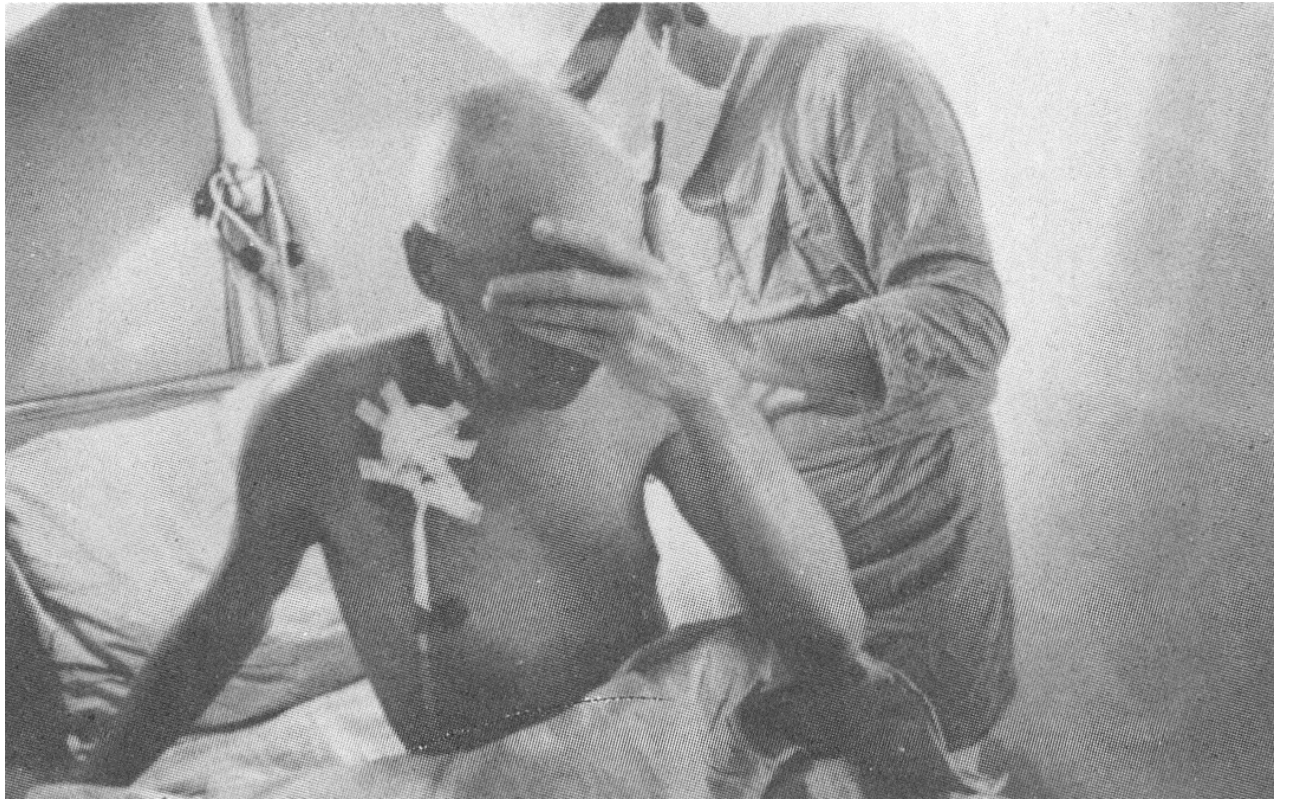
Животное-урод

Жеребенок с пятью конечностями

Сосна от облучения радиацией стала гигантской (слева)

А сколько таких мучеников, пострадавших от чернобыльской катастрофы...

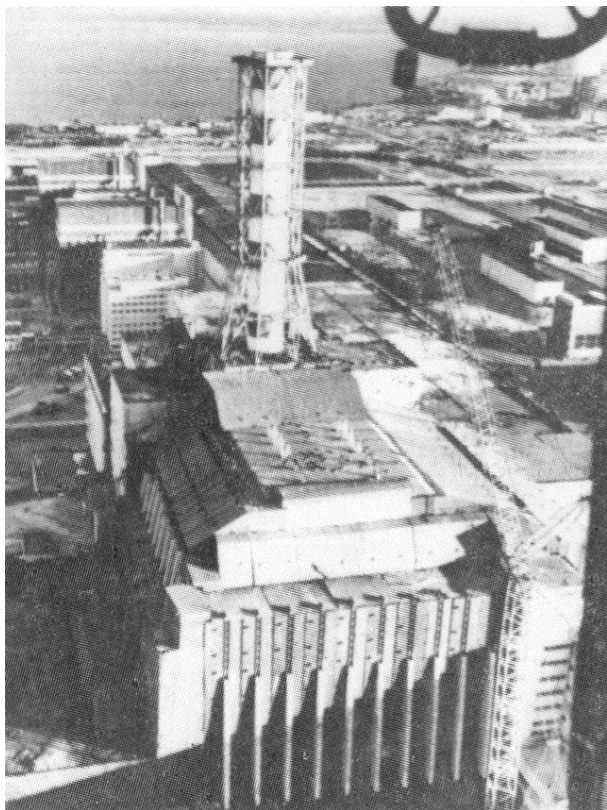
Примитивная защита экипажа машины листовым свинцом. Когда нет ничего, все средства хороши

А этот мальчик теперь сам излучает радиацию

Пять лет спустя встретились участники операции (слева направо): командир отряда разведчиков А. Юрченко, корреспондент АПН И. Костин, руководитель операции Н. Тараканов, разведчик В. Стародумов, кинооператор и режиссер Х. Салганник

*Укрытие взорвавшегося четвертого энергоблока АЭС.
Но и оно не гарантирует надежности*

За колючей проволокой 30-километровой зоны встретишь немногих, разве только работников милиции

За сутки до нашей эвакуации из Гремячьего мы с волнением наблюдали за трагедией в небе. Мама все говорила: «А вдруг там наш Ванюшка?» Бабушка Солоня стояла плакала и все крестилась и просила: «Господи, спаси наших, спаси наших». Было видно, как фашистский самолет с черной свастикой задымился и упал в Аксенову ерушку.

В воздушном бою был сбит и наш самолет, который пронесся с длинным шлейфом дыма над Гремячьим и упал на окраине села Семилуки, недалеко от огорода колхозницы Прасковьи Ивановны Щеголевой.

В самолете остался живым летчик 825-го штурмового авиационного полка 225-й авиадивизии Михаил Тихонович Мальцев, которому была дана боевая задача — поджечь Девицкий лес, где скопилось большое количество техники фашистов. Раненый летчик Мальцев при падении откусил себе часть языка и потерял сознание. Когда он очнулся, то увидел двух женщин, которые пытались тушить самолет. Потом они извлекли из кабины летчика и потащили его в хату. Уже в 60-х годах Мальцев вспомнил: когда они вошли в хату, то на столе лежала гражданская одежда, приготовленная женщинами. Но переодеться Мальцев не успел, так как одна из женщин вбежала в дом и крикнула: «Тикайте быстрее! Немцы идут!» Прасковья Ивановна позвала старшего сына и велела ему сопровождать летчика по оврагу и далее в лес.

Немцы влетели в дом, учинили обыск и допрашивали Прасковью Ивановну, где летчик. Потом обшарили все небольшое село. Позже подъехали гестаповцы в черных фуражках. Гестаповский офицер начал избивать Прасковью Ивановну, пытаясь узнать, куда спрятали военного летчика. Но Прасковья Ивановна твердила одно: «Не видела, не знаю...» Около десятка разъяренных эсэсовцев долго терзали Прасковью Ивановну, ее мать, детей, требуя сказать, куда исчез советский летчик.

Что стоило Прасковье Ивановне ради спасения всей семьи указать на тот овраг, по которому ушли летчик и ее сын? Но она этого не сделала. Тогда немцы расстреляли всех, кто был в доме, и сбросили тела в погреб. Спустя несколько дней старшая дочь Татьяна, которая жила отдельно, и родственница Екатерина Герасимовна похоронили всю семью во дворе дома. Значительно позже погибшей семье был поставлен памятник из красного мрамора.

И таких примеров выполнения патриотического долга было множество среди населения оккупированных сел.

Не раз в трудные минуты чернобыльских событий я задавал себе вопрос: каким образом в народе, не раз проявлявшем такую высоту духа, не раз с презрением смотревшем в глаза смерти, демонстрировавшем чудеса храбрости, самоотверженности, жертвенности во имя общего дела, вдруг находили питательную среду и расцветали пышным цветом такие гнусные пороки, как предательство, трусость, подлость, ложь и клевета? Где их истоки?

Конечно, во все времена были разные люди, в том числе и с самыми низменными нравственными качествами. Но почему же у нас именно такие на длительные периоды оказывались наверху? Что за дикий круговорот событий: люди непорядочные захватывают власть — в центре или на местах, — пользуются связанными с ней благами, доводят нацию до страшных бедствий, для спасения от этих бедствий призывают людей с истинно высоким духом, а когда те сделают свое дело, опять отодвигают их в тень, сами продолжая оставаться наверху? Что это? Закономерность? Неизбежность? Возможно ли и как порвать этот порочный круг? Какие социальные явления лежат в его основе?

...Неожиданно я очнулся от нахлынувших воспоминаний. Водитель негромко сказал: «Товарищ генерал, вдали светятся огни какого-то населенного пункта». Это была Красная Гора. Нашли райвоенкомат. Дежурный спал. Я разбудил его и спросил, что известно о

прибытии нашей экспедиции. Едва протерев глаза от сна, дежурный ответил, что он ничего не знает о нашем приезде. Тогда я сказал ему: «Срочно соедините с первым секретарем райкома партии». Секретарь райкома через несколько минут был на связи. Я представился. Он мне ответил очень вежливо, что нас ждали до двух часов ночи и думали, что мы уже так поздно не приедем. Очень по-доброму сообщил, что нас ждут в гостинице. «Устраивайтесь,— добавил он, — а потом вас проводят на ужин в столовую. Там тоже вас ждут». Затем секретарь спросил, когда мы завтра собираемся приступить к работе. Я ответил: «В пять часов утра». — «Что нужно вам для обеспечения выполнения задания?» Я попросил его дать на каждого офицера машину или мотоцикл и проводника, который знал бы места для обследования и взятия проб. На этом наш ночной разговор был окончен. Я извинился и пожелал спокойной ночи.

На следующий день в 5 часов утра на площади у здания райкома партии и исполкома стояли машины и проводники из работников милиции. После короткого инструктажа все офицеры разъехались по населенным пунктам. Мы же с первым секретарем райкома и председателем исполкома выехали в поселок Николаевку, где был повышенный уровень радиации. Николаевка расположена северо-западнее Красной Горы и является центральной усадьбой совхоза «Курганский». В селе проживало 472 человека, в том числе 232 ребенка. С 21 июля 1986 года силами жителей села начала проводиться дезактивация зданий, сооружений, дорог. Однако эффект был незначительный, и позже население было эвакуировано отсюда, а также из Барсуков, Князевщины, Нижней Мельницы и других деревень.

В Николаевку в тот же день прилетели первый заместитель Председателя Совета Министров РСФСР Ф. А. Табеев и вместе с ним первый заместитель председателя Госагропрома РСФСР В. А. Никитин, начальник штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-полковник Д. А. Крутских, ряд министров, представители научных учреждений и ведомств. У вертолетов собралось довольно-таки большое количество населения. Один из наиболее важных вопросов был задан Ф. А. Табееву: «До каких пор мы будем проживать в этом поселке с повышенным уровнем радиации? Когда наконец нас будут снабжать необходимыми продуктами питания?» Были заданы десятки других вопросов. Табеев исключительно внимательно выслушивал и отвечал на все вопросы, давал конкретные указания. Потом члены комиссии и все приглашенные пошли в сельский Совет, где была обсуждена сложившаяся обстановка, для уточнения которой в ряд населенных пунктов, в том числе и в Николаевку, прибыла и уже приступила к работе наша военная экспедиция. После разбора всех вопросов на данном совещании были оговорены основные предварительные решения Совета Министров РСФСР.

Наша экспедиция несколько суток проработала в населенных пунктах Брянской области. Мы исколесили ее вдоль и поперек. Нужное количество проб тщательно взяли в тех местах, которые были под подозрением. Последние пробы были доставлены капитаном Давыдовым из Барсуков. Это особенно памятные пробы. Они были взяты на заре, так как накануне в двенадцатом часу ночи капитан Давыдов прибыл с пустыми руками. Его подвел транспорт — группа, не добравшись до Барсуков, вернулась без проб. Поэтому офицерам пришлось встать в три часа ночи, добраться до места и действительно прямо на заре взять пробы, чтобы успеть к отлету в Чернобыль.

Полученные данные по Брянской области были неутешительными. Однако радикальных мер правительство Российской Федерации не приняло. И только опять спустя годы была разработана полная программа по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС для Брянской области.

В районе Чернобыльской АЭС характер радиоактивного заражения местности и

воздушной среды определялся метеорологической обстановкой, которая сложилась 26 апреля и в последующие несколько дней. Она обуславливалась юго-западной периферией антициклона, центр которого находился в районе Архангельска у поверхности земли. Это определило в указанном районе малооблачную, со слабыми ветрами в приземном слое погоду. Такая обстановка и предопределила формирование фронта и зон радиоактивного заражения в первые сутки после аварии преимущественно в западном и северном направлениях. Определение размеров зон радиоактивного заражения, уровней радиации, ориентировочных границ зон — все это было весьма ответственным и кропотливым делом военных и гражданских специалистов. Об этом частично уже шел разговор. Помимо работ, которые выполняли офицеры на земле, специально оборудованные самолеты и вертолеты курсировали над обширными территориями областей, фиксируя следы радиоактивного заражения местности. Это были и военные, и гражданские летательные аппараты.

С особой теплотой я вспоминаю теперь замечательного организатора, душевного человека доктора технических наук капитана 1 ранга А. М. Матущенко. Он лично длительное время занимался организацией работ и контролем воздушной среды над обширными территориями Украины и Белоруссии, а также контролем над самим аварийным реактором и прилегающей к нему местностью. Как правило, в светлое время суток Анатолий Михайлович не вылезал из самолета-разведчика или вертолета-разведчика. Он пылливо вел измерения гамма-излучений в атмосфере, обрабатывал полученные результаты, потом определял процентное содержание соответствующих радионуклидов в атмосфере, брал пробы аэрозольных продуктов на траекториях их переноса, вместе со своими подчиненными следил за тем, как «дышит» реактор. Но все полученные данные скрывались от народа, и никакой государственной программы не разрабатывалось. Никто об этом и не хотел думать...

Изнурительная работа по контролю за радиационной обстановкой в воздушной среде осуществлялась использованием самолетов-лабораторий, оборудованных рентгенометрами. За организацию этих работ отвечал замечательный военный ученый и прекрасный человек капитан 1 ранга Г. А. Кауров, с которым нас связала долгая дружба. Правда, как только мы встречаемся теперь с ним, Жора непременно вспоминает наше неординарное знакомство. Как-то я зашел в военторговскую столовую — смотрю, стоят в очереди летчики в грязных афганских робах. Я подошел к ним и потребовал покинуть столовую, пройти санобработку, надеть чистое обмундирование, а потом прийти в столовую. Без особых эксцессов летчики выполнили мои указания. И как позже оказалось, во главе этой команды был Георгий Алексеевич.

Лаборанты отбор проб воздуха проводили самолетными фильтровальными установками. Начиная с 26 апреля 1986 года режимы контроля были систематическими вплоть до 26 мая 1986 года, когда отбор проб аэрозолей из атмосферы проводился при полетах на высотах до 500 м, то есть в слое атмосферы, где преимущественно содержались радиоактивные продукты. Над самим реактором ежедневно проводили измерения мощности дозы и проводился отбор проб аэрозолей на высоте 300 м и на удалении 3, 5, 10 и 20 километров от АЭС.

Принятые режимы контроля в целом позволяли получить достаточно полную характеристику в воздушной среде с учетом привлечения траекторных данных по переносу воздушных масс из района АЭС в приземном слое атмосферы и на высоте 1500 метров.

Следует сказать, что над районами Европейской территории СССР в направлениях господствующих воздушных потоков из зоны АЭС спад концентраций продуктов выброса до величины 10^{-10} ки/м³ произошел к концу мая 1986 года, то есть через 30—35 суток

после взрыва.

Непосредственно на Чернобыльской АЭС и в 20-километровой зоне период спада концентраций до 10^{-10} ки/м³ составил 45—55 суток. При этом в отдельные дискретные сеансы контроля наблюдались «пиковые» выбросы в значениях концентраций, обусловленных, по всей вероятности, попаданием радиоактивно зараженных продуктов в атмосферу из реактора в период его остывания. Анализ полученных экспериментальных данных показал, что радиационная обстановка в воздушной среде определялась вкладом основных радионуклидов: стронций—90; итрий—90; цезий—137; церий—144; рутений—103 и 106; цирконий—95; ниобий—95. При этом было установлено, что вклад альфа-активности в суммарную радиоактивность проб составил на 1 июля 1986 года 0,7%, на 1 сентября 1986 года 1%, а к концу 1986 года 1,2%.

Когда мы проводили экспериментальные исследования, то установили характерную особенность радиоактивного заражения наружных поверхностей зданий и сооружений на АЭС и вблизи нее мелкодисперсной фракцией аэрозоля. Это приводило к прочной адгезии продуктов радиоактивного распада, что значительно затрудняло проведение дезактивационных работ. Все эти эксперименты проводились под руководством капитана 1 ранга Г. Каурова. Какие только способы и средства не применял он для ликвидации загрязнения! Даже пытался применить специальные дымы, но эффект был нулевой. Вот что значит радиация.

Как правило, оценка радиоактивного заражения территории, зданий и сооружений АЭС проводилась воинами-разведчиками измерением мощности дозы гамма-излучения на высоте 0,7—1,0 м от поверхности. Измерения проводились рентгенометром. По результатам оценки радиационного заражения принимались решения о проведении дезактивации.

Но вот что странно. Уже тогда, летом 1986 года, мы отработали карты радиационной обстановки на всей территории страны, где уровни загрязнения были более 5 кюри/км². Площадь этой территории составила около 28 тыс. км². Были у нас и данные по сотням населенных пунктов Украины, Белоруссии и России. Помню хорошо, что эти данные регулярно передавались в центр, а также в республики, заинтересованным ведомствам и местным властям для принятия необходимых мер. Но занавес секретности был воздвигнут такой, что эта информация до населения не доходила. И к великому стыду, только в мае 1989 года были официально сняты ограничения с публикаций по чернобыльским материалам. Госгидромет СССР наконец-то опубликовал в виде открытых брошюр и карт всю радиационную обстановку на территории, подвергшейся радиоактивному заражению. И ныне председатель Государственного комитета СССР по гидрометеорологии Ю. Израэль пытается оправдаться, что он и его фирма ни в чем не повинны. Ан нет! Не случайно Украинская экологическая ассоциация объявила накануне четырехлетия трагедии персонами нон грата для Киева товарищей Ильина и Израэля, которые подписали 7 мая 1986 года свое заключение о том, что вывоз детей из Киева нецелесообразен. Вновь избранный Киевский городской Совет обратился к Верховному Совету СССР и Президенту СССР М. Горбачеву с призывом включить Киев и сопредельные территории в зону экологического бедствия, а к генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру с просьбой включить в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о помощи Киеву, одному из крупнейших исторических и культурных центров нашей планеты.

В связи с этим вспоминаю, как по просьбе Совета Министров Украины военная экспедиция, которую я возглавлял, в июле 1986 года детально обследовала Киев, взяла сотни проб земли, растительности и воды на анализ. Результаты были неутешительные.

Если 30 апреля 1986 года средние уровни радиоактивного заражения были зарегистрированы 1,4 мр/час (максимальные на проспекте Науки — 2,2 мр/час), то в июле они еще были значительными. И хоть ныне Израэль оправдывается тем, что данные поступали в ЦК Компартии Украины, Верховный Совет УССР, но документ-то он подписал лично.

Сегодня более тревожную картину представляет создавшееся положение, когда на площади 1670 кв. км, загрязненной цезием-137, до сего времени имеются неотселенные деревни. До сих пор считалось, что обеспечение чистыми продуктами населения этих деревень позволило не превысить установленные дозовые нагрузки (критерии, введенные Минздравом СССР для первого, второго, третьего и четвертого годов после аварии). Однако в последнее время в подходах к оценкам допустимых нагрузок произошли существенные изменения.

Во-первых, в связи с окончанием первого 4-летнего периода (точнее до 1 января 1990 года) Минздравом СССР был введен предельный дозовый критерий «на всю жизнь» — 35 бэр, включая дозу, полученную за предыдущее время, начиная с момента аварии. Эта концепция подверглась жесточайшей критике учеными Белоруссии, Украины и общественностью.

Во-вторых, выяснилось, что далеко не везде, где надо, местные власти смогли обеспечить бесперебойное снабжение населения чистыми продуктами.

И, в-третьих, сам факт, что в районах высокого загрязнения население не может пользоваться продуктами местного и своего производства.

Вот почему теперь приходится сожалеть, что вопрос о критерии допустимых дозовых нагрузок специалистами-врачами и другими учеными не был решен раньше и потребовались годы, чтобы вновь вернуться к предложению об эвакуации жителей этих районов. Только с 1 января 1990 года Минздравом СССР введен новый критерий с предельной дозой — 35 бэр за жизнь (с учетом полученной дозы). А это значит, что автоматически возникли предложения об отселении ряда сел, где, с одной стороны, загрязнение достаточно велико (более 40 кюри/км² по цезию-137), с другой стороны, имеются трудности в обеспечении населения чистыми продуктами, а также в проведении специальных агрометеорологических работ, то есть трудности в проведении мероприятий, которые могли бы уменьшить дозу внутреннего и внешнего облучения ниже введенного предела — 35 бэр за жизнь.

По этому поводу не могу забыть приезд в Чернобыль только что назначенного начальника Гражданской обороны СССР генерала армии В. Л. Говорова, сына прославленного полководца Маршала Советского Союза Л. С. Говорова. С ним прибыла большая группа генералов и офицеров. Состоялось совещание, на котором Владимир Леонидович заслушивал руководящий состав по всем нашим делам. Совещание проходило в доброжелательной атмосфере. Говоров был выдержан, при докладах никого не перебивал, лично делал записи в рабочем блокноте. И только после наших докладов он и члены комиссии задали множество вопросов, но в очень корректной форме.

Состоялся и мой доклад, в котором я изложил проблемы, связанные с оценкой радиационной обстановки во всех населенных пунктах областей, подвергнувшихся радиоактивному загрязнению, изучением практического состояния жизнедеятельности населения, животного и растительного мира и разработкой комплексной программы по восстановлению нормальной жизнедеятельности населения, в том числе в местах, где она временно утрачена. Свой доклад закончил тем, что на стол начальнику Гражданской обороны СССР положил разработанную комплексную программу по данной проблеме и попросил ее рассмотреть и утвердить.

Вместе со мной над этой программой работали офицеры А. К. Дарков, Г. А. Кауров, М. П. Фоменко, Б. И. Мартынов, А. П. Сотников и другие. На этом же совещании я высказал просьбу о создании мощного единого координационного центра под эту программу. Владимир Леонидович внимательно выслушал мои предложения и сказал: «Хорошо. Спасибо!» В тот же день он утвердил и программу работ по предложенной проблеме.

Спустя почти два года в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года я прочитал большую статью «Вокруг зоны», в которой Председатель Совета Министров Белорусской ССР М. В. Ковалев полностью поддержал предложения первых секретарей Могилевского и Гомельского обкомов партии о создании союзной государственной комплексной программы и всесоюзного координационного центра по тем же самым проблемам, о которых шла речь на совещании, проводившемся генералом армии Говоровым. Стало очень обидно, и не за то, что не были в свое время реализованы твои предложения, а за то, что даже в период перестройки важнейшая проблема, касающаяся жизни и деятельности населения, оказалась неразрешенной. Допускаю, что, возможно, не удалось Владимиру Леонидовичу в верхах решить эту проблему. Теперь жизнь заставила к ней вновь вернуться, но годы безвозвратно потеряны.

И только 25 апреля 1990 года Верховный Совет СССР принял постановление «О единой программе по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и ситуации, связанной с этой аварией». Верховный Совет СССР отметил, что авария на Чернобыльской АЭС по совокупности последствий является самой крупной катастрофой современности, общенародным бедствием, затронувшим судьбы миллионов людей, проживающих на огромных территориях. Экологическое воздействие чернобыльской катастрофы поставило страну перед необходимостью решения новых, исключительно сложных, крупномасштабных проблем, затрагивающих практически все сферы общественной жизни, многие аспекты науки и производства, культуры, морали и нравственности.

На эти цели были направлены огромные ресурсы, усилия ведущих ученых и специалистов, что позволило предотвратить катастрофическое развитие связанных с аварией событий и радиационное поражение населения, снизить масштабы загрязнения окружающей среды.

Одновременно Верховный Совет СССР подтвердил, что меры, принимаемые для ликвидации последствий, оказались недостаточными. В районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению, сложилась крайне напряженная социально-политическая ситуация, обусловленная противоречиями в рекомендациях ученых и специалистов по проблемам радиационной безопасности, промедлением в принятии необходимых мер и в итоге потерей частью населения доверия к местным и центральным органам власти.

Все это теперь подтверждает мои соображения и предложения, высказанные начальнику Гражданской обороны СССР летом 1986 года. Как много потеряно времени, за которое можно было дать полную и детализированную информацию о загрязнении территории радионуклидами! В народе росли недоверие и протест из-за уровней временного дозового нормирования, введенного для пострадавших районов, необеспеченности дозиметрическими и радиометрическими приборами контроля. Уму непостижимо, что до сих пор десятки тысяч людей, проживающих в зонах повышенной радиации, не отселены, а жители пострадавших районов не обеспечены в полном объеме чистыми продуктами питания, товарами первой необходимости, надлежащим медицинским обслуживанием.

Верховный Совет СССР признал, что крупномасштабная дезактивация населенных пунктов была во многих случаях неэффективной, а идеологи этой дезактивации, руководство химвойск Министерства обороны, оказались просто несостоятельными.

За четыре прошедших года не были решены и вопросы надежной изоляции многих

источников высокой радиоактивности на промплощадке АЭС и за ее пределами. На значительных площадях сельскохозяйственных угодий, загрязненных радионуклидами, работы и теперь ведутся без должного учета аварийной ситуации, что обуславливает возможность производства и потребления продуктов питания, загрязненных выше установленных нормативов, и радиационного воздействия на работников сельского хозяйства.

Сложившееся положение во многом является следствием неправильной оценки на всех уровнях государственного управления в центре и на местах масштабов и последствий аварии на ЧАЭС, как поистине глобальной катастрофы, слабой координации действий, неоправданной монополизации исследований и засекречивания сведений о радиационной обстановке, особенно в 1986 году, недостаточной информированности населения, а также отсутствия полномочного государственного органа, ответственного за проведение мер по защите населения от последствий аварии.

Страна оказалась неподготовленной к глубокому осмыслению случившегося, своевременному решению научных, социальных, психологических и правовых проблем, что отрицательно сказалось на разработке и реализации широкомасштабного комплекса мер по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. И только теперь, в апреле 1990 года, Верховный Совет вынужден был принять представленную Советом Министров СССР государственную союзно-республиканскую программу неотложных мер на 1990—1992 годы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Однако в те тяжелые дни не только военные не знали покоя ни днем, ни ночью. Партийные, советские, хозяйственные руководители на Украине, в Белоруссии, Российской Федерации также потеряли покой, размеренный ритм жизни. Каждый старался проявить лучшие качества руководителя: доброе и уважительное отношение к людям, заботу об их быте, питании, трудоустройстве, оказании медицинской помощи — и, конечно, принимал активное участие в организации работ по ликвидации последствий аварии.

Неоднократно мне приходилось ездить по многим населенным пунктам Киевской и Житомирской областей с бывшим Председателем Совета Министров Украинской ССР А. П. Ляшко, начальником штаба Гражданской обороны Украины генерал-лейтенантом Н. С. Бондарчуком и сопровождающими их ответственными работниками аппаратов ЦК КП Украины и Совета Министров республики. Однажды целый день мы провели в селах Полесского района и в самом Полесском. Побывали в магазинах, школах, больницах и других учреждениях. И везде — люди, масса вопросов и самые доброжелательные разъяснения. Решения Председателем Совета Министров Украины принимались на месте. Люди спрашивали, что можно есть и чего нельзя, когда солдаты покончат с «этой радиацией», как ведет себя аварийный блок, когда он перестанет «плевать» и что с ними будет в дальнейшем. Были и такие вопросы: «Сколько мы проживем после этого?», «А почему нам не выплачивают компенсацию, ведь мы тоже живем на зараженной территории?» На значительную часть вопросов Александр Павлович отвечал сам, на ряд из них просил дать ответ меня и всегда уважительно говорил: «Сейчас нам генерал пояснит этот вопрос». Тут же брал меня под локоть и добавлял: «Ну давай, генерал, твой черед». Но на многие вопросы мы не могли дать ответа, так как они были вне нашей компетенции.

Собрал как-то Александр Павлович партийных и советских работников Полесского района, выслушал их мнения, ответил на все вопросы, тут же наметил проект решения Совмина Украины. В это время в Полесском районе воины интенсивно выполняли работы по дезактивации населенных пунктов, дорог, колодцев и прочих сооружений. В ряде случаев дезактивация домов и приусадебных хозяйств проводилась по пять — семь раз.

Эффект был невелик, так как окружающий гамма-фон еще держался из-за периодических выбросов аварийного реактора, а сами способы и методы дезактивации были тоже неэффективны.

На этом совещании я сказал Александру Павловичу, что дезактивацией занимаются в основном солдаты, а жители в лучшем случае или смотрят на их работу, или гуляют по улицам. Он тут же дал указания партийным и советским руководителям о вовлечении в эту работу местных жителей, причем, подчеркнул он, народу надо и разъяснять, и работать с ним. Действительно, после нашего отъезда вместе с солдатами работали и сельчане.

Глава 5

Рядом с реактором

На третий день пребывания в Чернобыле мы вместе с офицерами Дьяченко, Гелеверой, Сотниковым и фотокорреспондентом Володей Шейным на вертолете Ми-8 (командир экипажа — кавалер двух орденов Красной Звезды за

Афганистан майор Рогачев) облетели все здания и сооружения Чернобыльской АЭС, затем зависли над четвертым энергоблоком, и я впервые увидел жуткую картину разверзнутого неимоверной силой взрыва самого здания и расположенного в нем реактора. На крышах третьего энергоблока и площадках 140-метровой главной вентиляционной трубы взрывом была разбросана масса черного графита. На прикидку эта масса составляла более сотни тонн. Мне в голову не приходило тогда, что через два месяца я буду вместе с ближайшими помощниками проводить опасную и сложную операцию по сбору и удалению этой высокоактивной массы и руководить солдатами, которые заменят не сработавших «магических роботов».

Увлечись осмотром, я и не заметил, что мы висим над реактором почти десять минут. Мне напомнил об этом дозиметрист. Сейчас пытаюсь вспомнить, приходило ли тогда ощущение опасности. Пожалуй, нет. В моменты напряженной работы о ней не думаешь. Что меня поразило в тот день? При осмотре района как на территории АЭС, так и вокруг нее бросалась в глаза работа большого количества воинов, войсковых машин и механизмов. На пунктах специальной обработки непрерывно шла дезактивация. Сверху все это напоминало кишаший муравейник. И повсюду был наш советский солдат в своей зеленой униформе, солдат, о котором, на мой взгляд, стыдливо умалчивала пресса, писавшая о Чернобыле. И только в недавно вышедшей книге-альбоме фотокорреспондента АПН И. Костина «Чернобыльский репортаж» солдат занял должное место. Фотоаппарат врать не умеет, он фиксирует только факты...

Стремительный бег времени все более отдаляет нас от событий в Чернобыле, многое исчезает из памяти даже самих очевидцев. Сегодня мы отдаем дань признания и уважения воинам-интернационалистам, которые успешно выполняли свой воинский долг в Афганистане. Во многих школах страны наши добрые учителя умело используют в своей педагогической работе как примеры их героические подвиги, воспитывая на них в школьниках лучшие качества советского человека — гражданина, патриота, интернационалиста, защитника Родины.

Чернобыльские же события высветили еще одну яркую страницу героических свершений советских воинов, гражданских специалистов, ученых, простых рабочих. Но не слишком ли рано мы стали забывать об этих людях, их самом настоящем подвиге в Чернобыле? Многие ли могут рассказать о встрече с героями Чернобыля, которые, образно говоря, своими телами закрыли амбразуру ионизирующих излучений, заслонив

нас с вами от губительных лучей радиации? Можете ли вы назвать конкретные подвиги конкретных Людей, исключая, может быть, героев пожарных? Думаю, ответы будут только отрицательные.

А между тем подвиг при ликвидации последствий аварии в Чернобыле — это прежде всего героизм пожарных и специалистов, которые первыми приняли на себя удар атомной стихии. Они локализовали аварию, не дали ей возможность распространиться на другие энергоблоки. Подвиг в Чернобыле — это и героическая работа воинов Советской Армии по дезактивации самой АЭС, зданий и сооружений на ее территории, прилегающей местности, сотен населенных пунктов, различных коммуникаций, лесов и прочего.

Подвиг в Чернобыле — это одна из сложнейших и опаснейших операций по удалению высокорadioактивных продуктов выброса от взрыва четвертого энергоблока, с крыш третьего энергоблока и высотных площадок главной вентиляционной трубы АЭС. И еще много я мог бы привести видов и объемов работ, выполненных в Чернобыле, которые можно вполне назвать подвигом.

В сообщении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, опубликованном в декабре 1986 года, было сказано, что наш народ всегда будет помнить с глубокой благодарностью гражданский, трудовой подвиг рабочих, инженеров, ученых, специалистов, воинов Вооруженных Сил, проявленный в ходе локализации аварии в Чернобыле и устранения ее последствий.

И, несмотря на это, наметилась тенденция затухания освещения в печати героических дел в Чернобыле. Все реже на страницах газет, журналов, в теле- и радиопередачах говорят о героях Чернобыля. Кому выгодно это замалчивание? Только недругам это может быть на руку. Мы же несем от него большие потери, прежде всего в области воспитания молодежи.

Об этом мне думалось, когда довелось выступать перед школьниками в Уфе и на моей родине — в Гремячем. Много из рассказанного мной, как я понял, стало для ребят, да и для взрослых, открытием. Часами шел непринужденный обмен мнениями между нами. Продолжением встречи в Уфе стало решение ребят собрать материал об участниках ликвидации последствий чернобыльской аварии, у них появилось стремление больше знать о военных профессиях, о людях — порою их сверстниках, — совершивших подвиги.

А если бы каждый участник чернобыльской эпопеи — а нас тысячи — выступил хотя бы раз перед молодежью с правдивым рассказом обо всем, что там случилось!

Практически в ликвидации последствий аварии принимали участие представители всех уголков нашей необъятной Родины. Лично я был знаком и с воинами, и с гражданскими специалистами из таких городов, как Москва, Ленинград, Воронеж, Свердловск, Ташкент, Киев, Ашхабад, Вильнюс, Обнинск, Рига, Горький, Псков, Владимир, Фрунзе, Курск, Смоленск, и ряда других. Это были достойные посланцы, патриоты, преисполненные чувства глубочайшей гражданственности и долга перед народом, своим Отечеством.

Я думаю, что совершенно несправедливо не знать тех, кто не подвел Родину в трудную минуту. А многие вернулись из Чернобыля как с обычной службы, никто не кичился недавней своей опасной и изнурительной работой. Они просто честно выполнили задание и вернулись снова домой, в свои коллективы на производство, в колхозы, совхозы. Большинство из них — это скромные люди, они никогда не начнут первыми разговор о своих героических делах в Чернобыле.

Была ли в ваших краях встреча с участниками чернобыльской эпопеи? Боюсь, что такой встречи не было. Вот, к примеру, знают ли земляки из города Вольска Саратовской области полковника Александра Дмитриевича Саушкина? Будучи тяжело больным, он не

покинул АЭС и продолжал трудиться, оказывая лично мне, как руководителю операции по удалению высокорadioактивных элементов с крыш третьего блока и площадок главной вентиляционной трубы, помощь в подготовке воинов Советской Армии, обеспечении их специальной защитой, держал постоянную радиосвязь с Чернобылем, с территорией АЭС. А теперь он тяжело болен и, судя по всему, забыт...

А знают ли москвичи, что больше всего активных участников ликвидации последствий аварии в Чернобыле было из нашей столицы и что их земляк подполковник Александр Петрович Сотников принимал участие в подъеме и установке флага, словно над поверженным рейхстагом, на огромной, высотой 140 метров, вентиляционной трубе рядом с четвертым энергоблоком? И это было в условиях еще оставшейся радиации, и сам Александр Петрович чувствовал себя тогда уже не лучшим образом: позади были выполненные под его руководством дезактивационные работы на ряде объектов АЭС.

Несколько слов о полковнике М. И. Бушуре, которого ад и пламя Чернобыля, как и многих других офицеров штаба Гражданской обороны СССР, не обошли стороной. Сама его фамилия уготовила для него особую судьбу — укротителя бушующего огня. В составе первой оперативной группы, которую возглавил генерал-полковник Георгий Петрович Яшкин, были генералы Валентин Николаевич Завьялов, Георгий Яковлевич Самойленко, полковник медицинской службы Альберт Владимирович Виноградов и Михаил Иванович Бушуй. Опергруппа выполняла задание с 1 по 22 мая 1986 года.

Михаил Иванович непосредственно организовывал развертывание трубопроводных подразделений для подачи огромной массы воды для дезактивации техники на пунктах специальной обработки. Человек не щадил себя, вкладывал энергию, волю и знания в конкретное дело. Но какой парадокс! Чинуши из управления кадров гражданской обороны забыли представить Михаила Ивановича к правительственной награде. С какой обидой и горечью рассказывал мне Михаил Иванович об этом уже спустя целых пять лет! Да разве это люди в кадрах? Ничего святого у них нет за душой — ни совести, ни стыда. Зато себя они не забывали.

А известно ли в школах города Обнинска Калужской области об отважном разведчике-дозиметристе Геннадии Петровиче Дмитрове? Это же умница, квалифицированный физик, храбрец, душевный человек, но кто-то постарался, и он не отмечен правительственными наградами.

Таких честных, мужественных советских патриотов, выполнивших свой долг до конца, были десятки и сотни. Где они теперь? Как их здоровье? Чем занимаются? Как часто их привлекают на встречи в школы, организации, предприятия? Боюсь, что не часто. А жаль...

25 февраля 1988 года «Учительская газета» опубликовала мою статью «Письмо генерала учителю». Среди множества положительных откликов на нее было и письмо из Башкирии от В. Н. Хакимовой. Дословно привожу текст:

«Здравствуйте, уважаемый Николай Дмитриевич! Прочла в газете Ваше «Письмо генерала учителю». Мой муж, рядовой Г. Д. Хакимов, был призван для работы в Чернобыле. 40 дней работал на автогрейдере на станции, с 15.1.87 г. по 1.3.87 г. Вернувшись, продолжил работу на стеклозаводе. Получил дозу радиации. Вы пишете о больницах и госпиталях. У нас их не было. Ровно через год вызвали в поликлинику, чтобы формально провести по всем кабинетам, дабы заполнить карточки. Я не пытаюсь обвинить участкового врача, ведь таких больных у них не было. Муж несколько раз обращался в больницу, но ему не могут помочь в лечении, просто не знают как. Его здоровье меня беспокоит. Прошу Вас помочь».

Я вмешался в судьбу солдата, и помощь была оказана.

Это письмо — показатель пробуксовки перестройки. Неужто нужно какое-то особое вмешательство, чтобы врачи выполняли свой долг, тем более по отношению к таким людям, как «чернобыльцы»? К сожалению, такие случаи не единичны.

А мне с такими людьми посчастливилось рука об руку работать в течение трех незабываемых месяцев в суровых условиях Чернобыля, где каждый проходил всестороннюю проверку на профессиональную и нравственную зрелость, где сама жизнь однозначно, безжалостно определяла, кто есть кто.

Как я уже сказал, мое пребывание там началось с обследования территории АЭС и прилегающих зон ряда областей Украины, Белоруссии, России. Не буду подробно останавливаться на технологии замеров. В принципе они проводились так же, как и в описанных уже мной Пирках. Хотелось бы пообстоятельнее поговорить о людях, об их нравственных позициях, зримо проявившихся в чрезвычайных условиях. А сказать есть о чем.

За три месяца участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС я многое увидел, во многих работах принимал непосредственное участие. И теперь у меня сложилось очень твердое мнение обо всем этом, и особенно о людях.

Перед нами была поставлена задача овладеть радиационной обстановкой непосредственно на атомной станции, дезактивировать первый и второй энергоблоки и подготовить их к пуску.

Для оценки радиоактивного заражения внутри зданий, сооружений, а также всего оборудования была создана специальная группа из офицеров-разведчиков, которая не только проводила замеры уровней радиации, но и разрабатывала рекомендации по их снижению.

Особенно квалифицированно и авторитетно работала группа офицеров под руководством химика подполковника И. П. Рагулина. Эта группа размещалась в небольшой

комнатке административно-бытового корпуса ЧАЭС, рядом с директором и главным инженером. Все офицеры с утра и до поздней ночи не выпускали приборы ДП-5В из рук, лично вели замеры в первом и втором энергоблоках. Приехал я однажды в эту группу с генералом В. Г. Евдокимовым и полковником А. Р. Дьяченко. Рагулин доложил, что дезактивация в первом и втором блоках идет впустую, так как помещения разгерметизированы и администрация мер не принимает. Мы внимательно выслушали, переоделись в спецодежду, взяли с собой лейтенанта А. А. Кунцевича с прибором ДП-5В и пошли в первый, второй и третий блоки провести контрольные замеры.

В течение нескольких часов мы самым тщательным образом обследовали энергоблоки, провели массу замеров и нанесли на картограмму полученные уровни радиации. Своими глазами увидели полную разгерметизацию помещений. Стекла в ряде оконных проемов были выбиты еще при взрыве, металлические ворота деформированы, никто никакой санитарно-пропускной режим не соблюдал. И вот в таких условиях солдаты пытались проводить дезактивацию. Солдат из первого и второго энергоблоков приказали убрать.

После всего увиденного направились к директору АЭС Э. Н. Поздышеву. В это время на АЭС прибыл начальник оперативной группы генерал-лейтенант Г. А. Чуйко. Я вкратце проинформировал и его о состоянии дел с дезактивацией первого и второго энергоблоков, и мы вместе пошли к Поздышеву. У него в кабинете сидели еще два генерала и тоже с претензиями к администрации АЭС. Видимо, с ними Эрик Николаевич уже «подзавелся» как следует и, когда я начал ему говорить о безобразиях, вспылал: «Ну, это созвездие генералов доконает меня сегодня». Я все же попросил его выслушать, но он

не сдавался и спросил: «А где был этот ваш Рагулин? Кому он хоть раз докладывал?» Я ответил: «Давайте вместе и спросим». А Рагулин стоял под дверью. Я пригласил его в кабинет Поздышева, и он объяснил, что не раз этот вопрос в письменном виде излагал главному инженеру АЭС А. Штембергу. Эрик Николаевич возмутился. Тут я сказал Поздышеву, чтобы администрация подготовила необходимые материалы, а солдаты и офицеры будут помогать в герметизации этих энергоблоков. Меня поддержали генерал Чуйко и присутствовавший при этом заместитель председателя правительственной комиссии Ю. К. Семенов, который всех нас примирил. А Эрик Николаевич в знак признания своей вины угостил нас кофе. После этого у нас сложились самые добрые отношения.

Эрик Николаевич — исключительно грамотный инженер, наделенный недюжинными организаторскими способностями. Он прибыл со Смоленской АЭС. Дни и ночи находился теперь на Чернобыльской АЭС, с первых дней после аварии. Самые сложные и ответственные работы по наладке, ревизии всего оборудования и пуску первого и второго блоков атомной станции лежали на его плечах. Ему пришлось практически заново скомплектовать полный штат инженерно-технического персонала АЭС и организовать все виды работ.

Кроме того, на станцию постоянно приезжали члены правительства, министры, крупные ученые, военачальники, зарубежные гости, и с ними нужно было уметь держаться, давать соответствующую уровень гостей информацию, ставить перед ними вопросы и проблемы, координировать и увязывать желания и стремления многих представителей. И на все это хватало Эрика Николаевича. За многие месяцы работы на ЧАЭС Поздышева только, кажется, дважды на короткое время подменял Ю. П. Сараев, директор Смоленской АЭС. Все остальное время, с апреля 1986 года по январь 1987 года, Поздышев был безотлучно на АЭС. Эрика Николаевича выручала хорошая физическая подготовка, настоящая армейская закалка. Если он ночевал на Зеленом Мысу, то вставал рано утром и бегал по десять километров. Это удивительный человек во всех отношениях. Его искренне ценили и уважали во всех сферах. Особенной любовью он пользовался у военных. В разгар сложной и опасной операции по удалению высокоактивных материалов с крыш третьего энергоблока при дефиците времени он нашел возможность прийти к нам на командный пункт и посмотреть на работу солдат, сержантов и офицеров, выяснить, какая помощь нужна от администрации. Теперь Эрик Николаевич Поздышев трудится в Москве и живет неподалеку от меня.

Говоря о радиоактивном контроле на Чернобыльской АЭС, невозможно умолчать о безобразных фактах неподготовленности штатных технических средств контроля. Так, на второй очереди АЭС была смонтирована специальная система АКРП-06 («Горбач-1»). Занималось этой системой одно из предприятий союзного министерства. Но когда произошла авария, то оказалось, что она недоработана и в момент аварии не могла оценить радиационную обстановку. Так кто же за это в ответе? Куда вылетели народные средства? Почему эта система все же не сработала? А вот почему.

У нее была низкая помехозащищенность, отсутствовала система метрологического обеспечения, были частые выходы из строя датчиков. В комплекте аппаратуры не оказалось технических средств по контролю за внешней радиационной обстановкой вокруг АЭС, лабораторного оборудования для исследований радиационной обстановки и прочего. Стоимость комплекта составляла 10 миллионов рублей. И в нужный момент система подвела. Солдаты с приборами ДП-5В, «дэпешками», как ласково называли эти приборы, вручную по 58 точкам вели замеры на территории АЭС.

Индивидуальная дозиметрия в комплексе на АЭС была также не решена, так как

разработанный спектрометр излучений человека на станциях без переделок практически не применялся. Средства индивидуальной дозиметрии по сравнению с зарубежными образцами у нас крайне несовершенны.

В настоящее время выпускается ряд переносных дозиметрических приборов для контроля за радиационной безопасностью, в основном радиометры на базе сцинтилляционных датчиков, имеющие различные пределы измерений, но не созданы приборы, охватывающие широкий диапазон мощностей доз гамма-излучений. Серийно выпускаемых приборов по измерениям бета-излучений нет, так же как нет и приборов для контроля за содержанием в воздухе радиоактивных аэрозолей и потоков нейтронного излучения. Ранее было принято решение об укомплектовании АЭС военными приборами из серии «КОТИК», но, как показал опыт их эксплуатации, всех задач, стоящих перед службами радиационной безопасности, эти приборы не решают; более того, надежность их в эксплуатации крайне низка.

Из-за отсутствия необходимых дозиметрических приборов при ликвидации последствий аварии использовались военные приборы типа ДП-5В разработки 60-х годов. Прибор крайне инерционен в работе и, конечно, уже давно устарел морально, а основной заказчик, Управление химвойск, не проявило должной заинтересованности в его замене.

Говоря еще раз об индивидуальной дозиметрии, следует сказать, что в момент аварии и в начальный период ликвидации ее последствий значительная часть персонала ЧАЭС оказалась без индивидуальных дозиметров или имела фотокассеты ИФКУ, имеющие верхний максимальный предел измерений 3 бэра. Достоверных данных по фотокассетам нельзя получить из-за значительно большей, чем 3 бэра, дозы облучения. Поэтому в этот промежуток времени оценка облучения производилась по профессиональным маршрутам того или иного человека в соответствии с письменными объяснительными. Достоверность таких результатов весьма сомнительна.

Необходимо отметить и тот факт, что внутреннее облучение, вызываемое попавшими в организм через органы дыхания присутствующими в воздухе радиоактивно зараженными частицами, и в этом случае, и в дальнейшем не принималось во внимание, а внутреннее облучение в первоначальный период после аварии было преобладающим. Вот эти частицы в последующем и станут постоянным спутником моей жизни.

Не могу умолчать о безобразном факте по данному вопросу. К нам из Ленинграда, из Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, прибыл кандидат медицинских наук подполковник А. А. Салеев, с которым мы проводили эксперимент на крыше третьего энергоблока. Так вот однажды Александр Алексеевич с группой офицеров-медиков зашел ко мне в кабинет и задал вопрос, почему мы не учитываем внутреннее облучение и соответственно не интегрируем общее. Они пришли не с пустыми руками, достали инструкцию, утвержденную заместителем министра здравоохранения СССР А.И. Бурназяном, ныне покойным. Потом Салеев показал свои разработки, и у нас состоялся обстоятельный разговор. Стало ясно, что внутреннее облучение надо учитывать и оно еще опаснее для здоровья.

Тогда Салеев сказал: «Товарищ генерал, коли мы вас убедили, то, с учетом этого облучения, прошу утвердить список первых офицеров, получивших предельно допустимые нормы». Я взял ручку, утвердил список и ответил ему: «Передайте в финчасть на выплату денежной компенсации».

А на следующий день разыгрался конфликт. Генерал-лейтенант А. К. Федоров раскричался, подверг все эти доводы сомнению, объявил Салеева очковитрателем, список в припадке гнева порвал. Мне перепало тоже за «превышение полномочий», хотя это была сплошная чепуха. Мне было не по себе: во-первых, сам попал как кур в ошип, во-

вторых, неудобно перед офицерами, что меня-то они убедили легко, а я Федорова не смог переубедить. Они же, в свою очередь, ходили и переживали, что вроде меня «подставили под удар». Но зато после этого мы со всей яростью стали готовить специальную конференцию по внутреннему облучению, на которую прилетели академик АМН СССР генерал-полковник Ф.И. Комаров, военные и гражданские радиологи и другие специалисты. Конференция положила конец всем спорам. Вскоре состоялось решение об обязательном учете внутреннего облучения. Жаль только, что Федоров порвал список первых офицеров, получивших приличную дозу...

Ввиду отсутствия на ЧАЭС в достаточном количестве индивидуальных дозиметров принимались срочные меры по их доставке с других АЭС. Проблема обеспечения индивидуальными дозиметрами персонала ЧАЭС была решена в основном к исходу мая 1986 года, и то с большими потугами.

Все изложенное ярко свидетельствует о наличии негативных явлений и безответственности министерств и ведомств за судьбу персонала таких объектов народного хозяйства, как АЭС. По всей вероятности, во всех инстанциях царили благодущие и самоуспокоенность: мол, у нас никогда ничего не случится. Вот что означает на практике очень хорошее определение того времени — «застойный период».

И вот случилась опасная авария, которая высветила все узкие места общественного застоя и благодущия. Нужно честно признать, что руководство АЭС не было готово в этой чрезвычайной ситуации ни выявить сложившуюся радиационную обстановку, ни оценить последствия, ни тем более принять разумное решение. На самых первых порах все делалось в пожарном порядке; казалось, что хороши все способы и средства, которые под рукой, лишь бы укротить аварию. Но стало ясно, что в арсенале Чернобыльской АЭС не было эффективных средств и способов ликвидации ее последствий.

А что же дала наука? Ни в научном, ни в техническом, ни в организационном плане также серьезных рекомендаций не было. Я уж не говорю о силах и средствах. И как на войне, наш советский солдат, гражданин и патриот, горячо любящий свою Родину и свой народ, вступил в схватку с атомной стихией, порою сам плохо защищенный, а иногда и не подготовленный в этих условиях сражаться с невидимым и коварным врагом, который на каждом шагу подстерегал его.

Все участники ликвидации последствий аварии хорошо понимали, что от их активных действий в зонах работ зависит обеспечение нормальной жизнедеятельности населения, своевременное предотвращение распространения радиоактивного заражения на прилегающую местность, создание условий для ввода в строй первого и второго энергоблоков АЭС. Поэтому работа не прекращалась круглые сутки.

После успешного тушения пожара, выполнения комплекса работ по воздушной и наземной разведкам предстояли тяжелые дезактивационные работы на местности, в зданиях, сооружениях, в населенных пунктах, жилых домах.

На всей территории тридцатикилометровой зоны и прилегающих к ней районов были организованы систематический радиационный контроль и разведка дополнительными силами формирований гражданской обороны. Радиометрический контроль был введен на всех рынках населенных пунктов областей, прилегающих к зоне Чернобыльской АЭС, и далеко за ее пределами. Но это было уже несколько позже. А все страсти пока сосредоточились на самой АЭС.

В первую очередь нужно было срочно собрать и удалить с территории вокруг станции высокорadioактивный графит, обломки и другие продукты выброса из аварийного энергоблока. Эту опасную работу было решено выполнить с применением инженерных машин разграждений (ИМР) с определенной защитой. Эти машины имели

универсальное бульдозерное, крановое оборудование и манипулятор типа «человеческие руки». Машины запустили в работу. Для защиты экипажей подобных машин и другой техники производилась обивка внутренних поверхностей техники свинцовыми листами. Отдельные машины были переоборудованы на заводах, что также позволило ослабить действие радиации в десятки и сотни раз.

Кроме того, сбор и удаление реакторного графита производились специально изготовленными спиральными катками, а также отечественными и зарубежными бульдозерами-роботами.

Особенностью при дезактивации территории с высокими уровнями радиации являлась организация двух- или трехсменной работы инженерной техники, что требовало дополнительной численности механиков-водителей и водителей автомобилей. Солдату было все по плечу.

Высокие уровни заражения местности вынуждали менять способы применения техники. Было решено производить работы вахтовым методом. Каждая смена трудилась считанные минуты. Требовалась четкая и точная увязка действий людей и механизмов, постоянный дозиметрический контроль. Постоянно уточнялась радиационная обстановка и рассчитывалась радиационная безопасность. Часто сменялся не только личный состав, но и руководители, командиры подразделений.

Значительные трудности были связаны с тем, что в окружающую среду радиоактивные продукты попадали в виде мелкодисперсного аэрозоля (фракция частиц менее 1—2 микрон), пыли и газов. Все это требовало многократных перепроверок радиационной обстановки, определения соответствующих средств защиты для личного состава, расчета времени пребывания в зоне.

Подобного опыта действий в реальных условиях у нас еще не было. А потому не обходилось и без приключений. Поначалу механики-водители ИМР, БАТ, бульдозеров, несмотря на защиту кабин свинцовыми листами, излишне суетились, дергались, работа получалась некачественная. Боязнь переоблучиться буквально выбивала их из колеи, даже когда им показывали, что на дозиметре всего 2 бэра (рентгена).

Более того, был неприятный случай с расчетом на инженерной машине разграждений. Во время работы механик-водитель, переволновавшись, работал неуверенно и, не заметив приличной канавы, влетел в нее. Вместо того чтобы на несколько секунд открыть люк, осмотреться и решить, как лучше выволить машину из этой канавы, он распахнул люк и как заяц выпрыгнул на землю, оставил работающую машину и рванул в сторону, а за ним побежал и оператор. Напряженное состояние психики привело к срыву, да, пожалуй, и элемент трусости тут был налицо. Второй расчет подготовленных хлопцев, хорошо настроенных, был доставлен на «УАЗ-469» к этой машине, и они спокойно в течение трех минут выехали из канавы, за что были поощрены. Очень жалею, что фамилии этих солдат не остались в памяти.

Дезактивация территории осуществлялась также методом снятия грунта и удаления верхнего слоя покрытия. Наиболее эффективно зарекомендовали себя на этой работе путепрокладчики БАТ-М, а также бульдозеры, оборудованные специальной лыжей, регулирующей глубину зарезания грунта.

Срезанный и собранный грунт с помощью грейфера загружался в специальные контейнеры. Маршруты перевозки автомобилей с контейнерами выбирались вне дорог с интенсивным движением.

Перед началом дезактивации территории проводились эксперименты по определению степени защиты инженерных машин, составлялся акт и вычислялось время работ. После проведения работ техника, требующая обслуживания и ремонта,

подвергалась дезактивации до уровней, обеспечивающих безопасность.

Серьезной проблемой оказалась отмывка машин, дезактивация самой техники. Если пыль с корпуса и надкорпусных надстроек удавалось смыть до нормы путем струйного обмыва моющим раствором с использованием армейских разливочных машин типа АРС, то радиоактивную загрязненность гусениц удалить таким способом не удавалось. Систематически возвращались из района работ машины с высокими уровнями заражения. Особенно трудно было очищать траки от налипавшего на металл асфальта. Водные растворы не обеспечивали отмывку. Очищали механическим способом, что вызывало значительные дозовые нагрузки. Возникал парадокс: экипажи облучались не столько на работе, сколько при отмывке и очистке машин на ПУСО. В связи с этим возник вопрос о создании устройств и методов для отмывки траков гусеничных машин или пароежекторным способом или в растворителях.

В период интенсивных работ по дезактивации территории Чернобыльской АЭС, зданий, сооружений, прилегающей местности, населенных пунктов, жилых домов и других объектов войны Советской Армии, гражданские специалисты проявили не просто мужество и стойкость, они повсеместно совершали настоящие подвиги.

Со многими солдатами, сержантами и офицерами мне приходилось встречаться в Чернобыле. Но ведь надо такому случиться, что судьба мне подарила встречу с тремя командирами, моими учениками по училищу дорожных и инженерных войск, офицерами Е. Дубининым, А. Глехом и А. Аксельродом!

Мои ученики учились в одной группе с Героем Советского Союза подполковником А. Опариным, погибшим при выполнении интернационального долга в Афганистане. Личный состав их частей действовал на дезактивации, максимально применяя технику. И все же оставался и ручной труд, особенно в населенных пунктах, где саперными лопатами снимался радиоактивно зараженный слой земли. Эту землю грузили вручную на машины, потом увозили в могильники, где так же вручную разгружали. Скажете, парадокс? Да, парадокс, когда ничего лучше саперной лопаты в век технического прогресса для борьбы с разбушевавшимся атомом под рукой не оказалось. В достаточном количестве не было даже самосвалов, автопогрузчиков. Стыдно было глядеть солдату в глаза, но и прятать их, отводить в сторону я лично не хотел. Говорил все, как есть на самом деле. По инстанциям шли телеграммы, ставились вопросы, а самосвалов и автопогрузчиков так и не было в достаточном количестве. Об этом я часто вспоминаю сегодня, когда узнаю, что десятки самосвалов бесконтрольно шныряют по дорогам, развозя частным лицам ворованные «левые» грузы, тайком торгуя государственным бензином и прочее, и прочее. Вот так! Для воров они, оказывается, есть, а для Чернобыля их не хватало. И разгружали солдаты (может быть, сыновья или братья тех же леваков) радиоактивный грунт вручную...

Мои ученики, теперь командиры частей, уместно вспомнили о том, что на эти опасные работы сейчас надо бы поставить такую радиоуправляемую инженерную машину, модель которой мы сделали в 1970 году в Московском военном училище.

Для меня это была грустная история. Дело в том, что в 1969 году я получил разрешение начальника училища генерал-майора О. П. Николаева на поступление в адъюнктуру Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Успешно сдав конкурсные экзамены на кафедру, которую возглавлял профессор генерал А. Г. Лобов, я прибыл в училище для расчета. И тут Николаев срочно вызвал меня к себе и сказал: «Понимаешь, Николай Дмитриевич, в чем дело: ты у нас самый молодой преподаватель, активный рационализатор и изобретатель, а потому тебе поручается к семидесятилетию Маршала Советского Союза Чуйкова Василия Ивановича разработать модель современной инженерной машины. Как только выполнишь эту работу, так и отпущу тебя в

адьюнктуру». Эти условия меня возмутили, и я поначалу наотрез отказался выполнить эту просьбу. Потом Олег Петрович уговорил меня.

Меня освободили от проведения занятий, и я уселся за разработку чертежей радиоуправляемой модели путепрокладчика БАТ-М. Себе в помощники подобрал лучших рационализаторов из числа курсантов — А. Бреденко, Г. Громова и Н. Самойлова. В течение трех месяцев дни и ночи мы создавали модель этой машины. Еще на стадии разработки чертежей у меня возникла идея создания настоящей радиоуправляемой мощной машины для работы в очаге ядерного поражения.

Работа кипела. Около тысячи деталей мы выточили в основном вручную, так как модель была микроскопической по сравнению с натурой. Многие детали хромировали, внешний корпус машины покрыли зеленой эмалью, блок управления создавали отдельно. 10 февраля все работы были выполнены, и начальник училища собрал всех преподавателей в самом большом классе, в котором стоял разрезной макет путепрокладчика БАТ-М и бульдозера Д-493 «А». Кстати, эти классы мы вместе с курсантами сами оборудовали в свободное от учебы время.

Начались испытания. Наша модель выполняла все рабочие операции: по радиокоманде с пульта управления машина передвигалась на разных скоростях, производила развороты, поднимала и опускала рабочее оборудование — отвал и кран, разгребала завал из пенопласта и так далее. Из прозрачного желтого оргстекла мы сделали многогранный колпак — гараж, — и получилось весьма оригинально. Фотография этой модели вместе с ее разработчиками публиковалась в «Красной звезде». Я и мои помощники были поощрены маршалом Чуйковым.

Что касается адьюнктуры, то она от меня не ушла. Все обошлось хорошо. Я был принят на любимую кафедру Академии имени В. В. Куйбышева, и моим научным руководителем стал талантливый и эрудированный ученый, доктор технических наук, профессор Александр Георгиевич Лобов.

Судьба модели оказалась сложной. На ее базе мы разработали специальный тренажер для обучения курсантов вождению машин. Но покоя мне не давала идея создания специальной радиоуправляемой машины для работы в условиях очага ядерного поражения. Куда только я не писал и не обращался, но даже содействие Маршала Советского Союза Чуйкова не принесло успеха, хотя авторское свидетельство об изобретении я получил своевременно.

Обо всем этом мы с горечью вспоминали с моими питомцами, находясь на Чернобыльской АЭС. А как бы пригодилась в этой ситуации подобная машина!

И вот теперь бульдозеры, путепрокладчики, автогрейдеры и другая народнохозяйственная малоприспособленная техника срезали радиоактивно зараженный грунт, а ими управлял наш солдат. Всего было срезано, собрано и вывезено в неустроенные десятки могильников более 300 тысяч кубометров этого грязного грунта. А потом я буду получать письма, письма и письма от жен этих славных солдат с просьбой о помощи в лечении...

Основной целью дезактивации было обеспечение нормальной жизни и деятельности населения, воспрепятствие распространению радиоактивного заражения на прилегающую местность, создание условий для ввода в работу первого и второго энергоблоков АЭС. Все работы по дезактивации территории, зданий, сооружений, оборудования проходили в условиях радиоактивного заражения.

Дезактивация территории и объектов с высокими уровнями радиации проводилась по специальным проектам. Так, например, открытые распределительные устройства (ОРУ) АЭС, территория, на которой они были расположены, а также напорный бассейн имели

уровень загрязнения от 50 мр/час до 3—5 мр/час. Для выполнения подобных работ разрабатывался проект, составлялась программа и рекомендации. Для производства работ подбирались специальная команда, личный состав которой проходил тщательную медицинскую проверку. С командой проводился инструктаж по радиационной безопасности и правилам техники безопасности при эксплуатации энергоустановок. Руководителей команд обучали организации и производству работ. Кроме того, осуществлялся строгий учет и контроль за дозой нагрузки.

В первую очередь снимался радиоактивно зараженный грунт, он грузился в контейнеры и вывозился на могильники. После этого укладывались железобетонные плиты, раствором бетона забивали швы, а затем вся территория покрывалась полимерным составом.

Для дезактивации территории открытых распределительных устройств АЭС применялось гидрофобное покрытие. Сотни тысяч квадратных метров днем и ночью поливались этим составом по бетону, железобетонным плитам и нарушенным поверхностям зданий и сооружений. Уже в сентябре 1986 года правительственная комиссия приняла работы по дезактивации ОРУ для ремонтных и пусконаладочных работ.

2 июня 1986 года председатель правительственной комиссии Л. Воронин утвердил специальную программу дезактивации главного корпуса, вспомогательных сооружений первой очереди, обеспечивающих ввод в работу первого и второго энергоблоков АЭС. Главной задачей считалась дезактивация кровель этих энергоблоков, деаэрационной этажерки и машзала. В это время на крышах блоков еще продолжали лежать высокоактивные куски графита.

Для оценки радиационной обстановки на кровлях первого и второго блоков и деаэрационной этажерки специалисты с Кольской АЭС обследовали их состояние и дали свое заключение.

Ввиду отсутствия каких-либо технических средств куски радиоактивного графита и песок, оказавшиеся на крышах, снимали солдаты.

Спустя некоторое время после аварии на кровли зданий наносились с помощью пожарных машин специальные растворы для локализации радиоактивного загрязнения и пылеподавления. Работа была сложная, трудоемкая и требовала больших физических сил. И все же после выполнения ее на кровлях отмечались значительные радиоактивные загрязнения и совсем слабый эффект по предотвращению пылепереноса. Кроме того, на кровле, к примеру, деаэрационной этажерки имелись большие наплывы жидкого стекла и клея, удаление которых без повреждения кровли было невозможно. Подобные наплывы толщиной от одного до пяти миллиметров были зафиксированы и по краям крыши машзала. На отдельных участках образовалось вздутие рубероидного покрытия.

Для определения направления работ по дезактивации кровель было решено провести первый этап — дезактивировать кровлю машзала. Эти работы включали уборку мест скопления радиоактивно зараженного песка и сбор его в мешки. Работу выполняли солдаты вручную. Мешки с радиоактивным песком отправляли на захоронение в хранилище твердых отходов АЭС. Дело осложнялось наличием высоких уровней радиации, дальностью расстояния подноса тары к крану (до 400 метров) и ограниченной нагрузкой на кровлю машзала. Но солдаты, сержанты и офицеры понимали, что, пока радиоактивно зараженный песок вместе с другими материалами выброса не будет собран и удален, бессмысленно начинать работы по дезактивации первого и второго энергоблоков. Работа спорилась. Особенно отличились воины из частей гражданской обороны, которыми командовали офицеры Дубинин, Глех и Аксельрод. Победителями комсомольской вахты в честь Павла Корчагина стали воины части Аксельрода. Они на всех

видах работ показали себя людьми с несгибаемой волей.

В трудных условиях при соблюдении режима радиационной безопасности работы на высоте были выполнены в установленный срок, что позволило приступить к дезактивации первого и второго энергоблоков вместе с их оборудованием. Поначалу качество дезактивационных работ внутри помещений АЭС было низким. Сказывалось отсутствие персонала станции, особенно при дезактивации оборудования, электро-технического и тепломеханического. Участие персонала было крайне необходимо в связи со сложностью оборудования и жесткой потребностью в квалифицированном знании и соблюдении соответствующих правил техники безопасности на АЭС в условиях аварии.

Использование персонала ЧАЭС при работах по дезактивации было осложнено тем, что значительная часть его была эвакуирована, кроме небольшой дежурной группы. Персонал АЭС в подавляющем большинстве с методами и принципами дезактивации был незнаком. Этим делом никто ранее не занимался. Имеющиеся на атомных станциях подразделения — цехи дезактивации в обычных условиях выполняют, как правило, работы по содержанию санпропускников, стирке белья и уборке помещений общего пользования с относительно низким уровнем радиоактивного загрязнения, что не требует специальных знаний и навыков по дезактивации. Ремонтный персонал АЭС в обычных условиях выполняет локальную дезактивацию в процессе уборки мест по окончании работ, что связано также с незначительными уровнями радиоактивного загрязнения.

Таким образом, для выполнения задач по дезактивационным работам на наиболее сложных участках АЭС необходимо было скоординировать привлекаемые силы, обеспечить взаимодействие, отобрать нужных специалистов.

На первом этапе дезактивации участвовало большое количество научных групп различных организаций, министерств и ведомств СССР, имеющих некоторый опыт проведения подобных работ. Персонал ЧАЭС на этом этапе практически не участвовал.

Еще с 15 июля 1986 года на АЭС начал энергично работать специально созданный штаб по ликвидации последствий аварии во главе с главным инженером Н.И. Штембергом; его заместителем стал Ю.Н. Самойленко. Этот штаб занимался непосредственно организацией и проведением всех дезактивационных работ на ЧАЭС. В штаб были включены ученые, военные инженеры, специалисты АЭС, отряд спецдозразведки Союзатомэнерго, созданный из гражданских специалистов, изъявивших желание добровольно выполнять опасные функции разведчиков в полях высоких ионизационных излучений. Командиром этого отряда был А. С. Юрченко. Отряд разведчиков впервые столкнулся с такими уровнями радиации, что приборы зашкаливали. При ведении дозиметрической разведки одновременно производилась инженерная оценка состояния объектов и определялись маршруты выхода, подхода, возможные варианты работ в этих зонах. Короче говоря, как на войне, разведчики были глаза и уши командира. От качества и точности информации зависела жизнь людей, которым предстояло работать в этих зонах. Работали разведчики на совесть, пренебрегая опасностью. Я всю жизнь буду с особой теплотой вспоминать Александра Серафимовича Юрченко из города Фрунзе (теперь он живет в Киеве), Геннадия Петровича Дмитрова из города Обнинска, Валерия Михайловича Стародумова и многих других разведчиков.

При штабе было создано ремонтное производство по изготовлению оснастки и приспособлений, необходимых для дезактивации. Во главе этого производства стоял талантливый инженер В. В. Голубев.

Основная нагрузка по дезактивации, где бы она ни проводилась, ложилась на плечи солдат, сержантов и офицеров Советской Армии. Об этом наши журналисты очень немного писали. Причина одна: в места работ нужно было ходить и видеть этот адский

труд. Боялись? Возможно, и нет, но ходили мало.

Особую сложность и трудоемкость при проведении дезактивации представляли вентиляционные системы энергоблоков. Работа проводилась в тесных помещениях с применением сильнодействующих ядовитых веществ. Использовались средства малой механизации. Это осуществлялось только благодаря изобретательности Александра Петровича Сотникова, который по ходу работы чертил эскизы, заказывал приспособления на заводе.

Многие ученые старались выдать свои рекомендации по дезактивации, но эффективность их была, как правило, низкой. Работа по дезактивации первого и второго энергоблоков под руководством Сотникова и Васильченко была выполнена успешно, что позволило провести проблемный и основной пуск этих блоков в середине сентября 1986 года. Это, пожалуй, была первая победа над невидимым противником — радиацией, которую солдаты в основном выдворили из этих блоков. Хотя самый минимальный уровень радиации в них составлял 20 миллирентген в час, все же это была победа! Можно было готовить вахты для пуска первого и второго блоков. И они были запущены.

Хорошо помню, как было принято предложение министра общего машиностроения Е. П. Славского усилить контроль за «поведением» аварийного реактора с помощью специального оборудования, смонтированного на крышке для реактора, которую заказали на одном из предприятий Киева. И вот готовую крышку типа зонтика доставили военным вертолетом на площадку в Чернобыль, где монтажники под руководством специалистов установили соответствующую систему датчиков, термпары, газоанализаторы и прочее оборудование.

Как-то утром я приземлился на вертолете Ми-8 прямо рядом с этой крышкой. Минут двадцать я лазил по ней, а потом сказал монтажникам, что все это не особенно надежно. Вечером того же дня после работы на АЭС я подъехал на машине к вертолету и уже было уселся для отлета в Овруч. Смотрю, военные вертолетчики подвесили эту крышку и решили потренироваться, перед тем как накрыть ею «саркофаг». Вертолет с крышкой взмыл в небо, но на высоте метров ста крышка стала покачиваться, потом оторвалась от вертолета, плавно перевернулась конусом вниз и через несколько секунд ударилась о землю, превратившись в грудку металла. Это был конфуз. Как позже выяснилось, конструкторы плохо рассчитали стопорный болт, не подобрали нужное сечение, а потому его уже при малой перегрузке от раскачивания попросту срезало. И пришлось нам вновь проводить свои замеры на вертолетах.

Часто от нашего руководства на контрольные полеты вылетали кандидат технических наук капитан 1 ранга Г. А. Кауров, генерал-майор И. Б. Евстафьев и другие. Как-то я спросил своих коллег: «Где это вы блуждаете так подолгу?» Георгий Алексеевич расплылся в добродушной улыбке и ответил: «Вот когда полетишь с нами, то все поймешь, своими глазами увидишь, где мы блуждаем». В один из дней я дал согласие, и мы вылетели. Выполнив облет объектов, вертолет-разведчик Ми-6 приземлился на берегу Днепра в деревне Теремцы, из которой все население было давно эвакуировано. Я подумал, что мои товарищи решили искупаться в Днестре, так как в июле стояла невыносимая жара и порою дышать было нечем. Наша спецодежда вместе с нижним бельем постоянно была мокрой, поэтому мы ежедневно мылись в походной бане: тут был и пар, и горячая вода, и чистое белье, и чай. Так вот, вертолет сел рядом с деревенской хатой в этом самом поселке. Я посмотрел и глазам своим не поверил: из хаты вышел пожилой мужчина, за ним бабуля, а потом еще и сосед тоже со старухой. Я несколько опешил, когда увидел жителей. Я хорошо знал, что население из этой деревни давно эвакуировано. Уровни радиации были высокие. Мы вышли из вертолета. Жители искренне

благодарили за мешок муки, доставленный моими товарищами еще раньше. А теперь они привезли соль, консервы, хлеб. Оказалось, все очень просто. Несколько престарелых семей категорически отказались эвакуироваться из прекрасного приднепровского села Теремцы и, невзирая на радиационную опасность, остались жить дома. Наши товарищи при облете заметили их и решили разузнать, в чем дело. Причина отказа от эвакуации одна — любовь к земле, где они родились, выросли, состарились. Решили, как они заявили, умереть на этой земле. Естественно, что заботиться о них было некому, так как все были эвакуированы. Кауров и Евстафьев взяли над ними шефство.

Пока мы обходили эту небольшую деревеньку, хозяйка сварила чудную уху из судака. Без особой боязни (вот что значит незримость опасности, которую не приученный к ней человек попросту игнорирует) мы с аппетитом съели по две миски этого вкусного кушанья. За ухой старожилы рассказали нам о своей жизни, о минувшей войне и личном участии в былых сражениях. Один дедуля оказался бывшим разведчиком, майором в отставке.

День клонился к вечеру. Вертолетчики отлили керосина в пустые емкости и отнесли их во двор старикам. В керосине те остро нуждались. Мы тепло распрощались с гостеприимными хозяевами и взмыли в небо. Так больше мне и не довелось побывать в Теремцах, а потому и не знаю, как сложилась дальше судьба этих милых престарелых людей. Кажется, два года спустя чуть ли не их показывали по телевидению.

В вертолете мы все погрузились в грустные раздумья. Каждый думал о своем. Я снова вспомнил свою маму, которой в августе 1986 года исполнилось восемьдесят шесть лет. Одна живет в Гремячем. Сколько лет уговариваю ее бросить этот ветхий, неказистый домик и переехать ко мне в Москву! Но ни на какие уговоры она не поддается, особенно после смерти отца. Душой и телом приросла к родной земле, и ничто ее больше не прельщает. Свой садик и огород она в эти преклонные годы обрабатывает сама, да малость помогают моя старшая сестра Мария с мужем Василием, которые живут в Воронеже.

Пока мы летели назад, я все мысленно пытался сравнить Теремцы, расположенные у Днепра, и Гремяче, лежащее у тихого Дона. И то и другое село были удивительно красивы, но только Теремцы теперь были почти безжизненными. И такая тоска охватила меня!

Вскоре вертолет приземлился, и я, выйдя из него, заговорил с Георгием Алексеевичем о предстоящей поездке в Полесское для уточнения радиационной обстановки в самом райцентре. Эта поездка была вызвана замечанием, сделанным мне председателем правительственной комиссии Г. Г. Ведерниковым: якобы кто-то из наших офицеров исподволь замеряет в Полесском уровни радиации и информирует население об опасности проживания. Я проглотил, как говорится, эту пилюлю всенародно, но Геннадий Георгиевич подчеркнул, что нужно разобраться, найти виновников и принять меры, а заодно уточнить истинную картину радиационной обстановки в Полесском.

Вскоре мы были у себя, где нас с нетерпением ждал генерал-майор В. Е. Евдокимов. Речь зашла о делах, связанных с приездом первого заместителя министра обороны СССР генерала армии П. Г. Лушева. Мы в спокойной и деловой обстановке обсудили доклады по направлениям, подготовили нужные справки, уточнили по секторам радиационную обстановку, ход и объем выполнения работ войсками, определили постановочные вопросы.

Генерала Евдокимова отличает от многих других прекрасная черта: в любой обстановке совершенно спокойно, без суеты он выслушивал всех заместителей, учитывал их мнения, а потом уже, обобщая толковые предложения, очень умело и грамотно

формулировал окончательное решение. Совещания, как правило, были короткими, но деловыми.

В трудные минуты нашей напряженной жизни Василий Евдокимович умел снять усталость рассказом об интересных эпизодах своей службы. Помню, мы ужинали очень поздно и от сильной утомленности почти ничего не ели. Тут он начал рассказывать о своей службе в Китае. Много рассказал интересного. С юмором обрисовал посещение одного провинциального китайского «шанхая», то есть невзрачного ресторанчика, где офицеры иногда ужинали.

Генерал армии П. Г. Лушев прибыл к нам с большой группой генералов и офицеров. В десять часов утра он заслушал Евдокимова, заместителей и других специалистов по направлениям. Он требовал докладывать сжато по самым главным, принципиальным вопросам, давать точную оценку, делать выводы и конкретные предложения. После каждого заслушанного доклада комментировал его, тут же давал указания нам или прибывшим с ним генералам и офицерам. Метод его работы мне импонировал. Это тоже была своеобразная наука, когда извлекаешь определенную пользу для себя из опыта работы старшего начальника.

Впервые я познакомился с генералом армии в 1975 году, когда мы готовили крупные учения по гражданской обороне сразу в двух округах — Приволжском и Уральском. Будучи командующим Приволжским военным округом в звании генерал-лейтенанта, он вник в подготовку этого учения, оказывал всяческую помощь в создании крупного натурального полигона и подготовке войск и невоенизированных формирований. Я же с группой офицеров, прибывших из Москвы, несколько месяцев провел на этом полигоне. Мой заместитель, полковник М. И. Бушуй, полковники С. С. Авакимов, А. А. Чулкин, офицеры из округа дневали и ночевали на этом полигоне. И старания наши были отмечены командующим войсками округа. О нем и теперь говорят, что он уважает трудолюбивых генералов и офицеров.

К подготовке данного учения было подключено полностью управление по гражданской обороне округа, которое возглавлял в ту пору высокообразованный, выдержанный и честный генерал Г. К. Остапшин. Прошло добрых два десятка лет после этого, а Григорий Карпович помнит многое. Однажды он поделился своими воспоминаниями об А. Т. Алтуние.

К учению части гражданской обороны, офицеры управления округа готовились тщательно. Привлекаемый на учение батальон имел уже опыт тушения горящей скважины. За несколько месяцев до учения на левом берегу Волги в районе Энгельса вспыхнул пожар на одной из скважин. Только на третий день министр нефтехимической промышленности (к сожалению, фамилии его не помню) обратился к министру обороны с просьбой о помощи в ликвидации пожара. Необходимо отметить, что в объединении «Татнефть» в районе Альметьевска имелось невоенизированное формирование этого министерства, хорошо укомплектованное и обеспеченное необходимой техникой, прекрасно оборудованный полигон, на котором учились пожарные и на котором проводилось указанное учение, но министр в то время не занимался вопросами гражданской обороны и не знал о наличии в своем ведомстве этих сил и средств, поэтому и обратился к министру обороны. По-видимому, он и не представлял, что этими вопросами занимается начальник Гражданской обороны страны. Не представлял этого и министр обороны маршал А. А. Гречко. Вместо того чтобы поставить задачу генералу армии А. Т. Алтунину, министр обороны обратился к командующему войсками Приволжского военного округа, генерал-полковнику Ю. А. Науменко с вопросом: «Чем можно помочь в ликвидации пожара?» Как бы то ни было, подразделение гражданской обороны на седьмой день

ликвидировало пожар, а по вине министра нефтехимической промышленности три лишних дня горел газовый факел. Сколько сгорело ценного сырья, одному богу известно.

По-разному встречают прибытие военных начальников в войсках. От одних разбегаются, стараются не попасть на глаза, чтобы не быть оскорбленным, униженным. Прибытие генерала армии А. Т. Алтунина вызвало старание всего личного состава частей и управления округа, ритм жизни и подготовки частей не изменился. Офицеры и генералы округа знали его по прежней совместной службе, по прежним встречам. Это был лучший представитель генералов высшего эшелона Советских Вооруженных Сил. Честный, высоконравственный, широко мыслящий человек, дальновидный, хорошо подготовленный военачальник. Умел выслушивать мнение подчиненного, соглашался, если видел в этом мнении рациональное зерно, умело пытался убедить, если человек в чем-то заблуждался.

Помнится такой случай. В 1976 году вновь назначенный министр обороны маршал А. А. Гречко проводил одно из первых своих учений с несколькими округами, в том числе с Прибалтийским. На учение, кроме управления округа, была привлечена одна из мотострелковых дивизий. Представителем министра в округе был замминистра по боевой подготовке генерал армии В. А. Пеньковский. Дивизия была выведена в район, доукомплектовалась, получила задачу выдвинуться ночным маршем в новый район в готовности к совершению комбинированного марша — танки и другая тяжелая техника — железной дорогой, остальные части — своим ходом в западном направлении.

Командир дивизии принял решение на выдвижение в новый район, доложил решение генералу армии Пеньковскому и приступил к подготовке частей к выполнению задачи. Генерал-лейтенант Алтунин, командующий армией, прибыл в дивизию, тоже заслушал решение командира, связался с ВОСО округа, получил данные, что железнодорожные эшелоны начнут прибывать для погрузки техники через два часа. Станции погрузки находились рядом с районом расположения дивизии. Командарм предложил командиру дивизии пересмотреть свое решение — оставить гусеничную технику на месте в готовности к погрузке, с остальными силами выйти в новый район сосредоточения.

Командир дивизии согласился с логикой командарма, уточнил свое решение, доложил новое решение генералу армии Пеньковскому. И первое, и второе решения были выслушаны и утверждены без замечаний. Ночью дивизия вышла в новый район сосредоточения без танков и инженерной техники, о чем командир дивизии шифром донес в округ, а округ, в свою очередь, отправил донесение министру обороны.

Министр обороны посчитал, что его приказ не выполнен, возмутился и потребовал объяснения от генерала армии Пеньковского, почему тот, будучи в дивизии, не потребовал точного выполнения приказа министра. Генерал Пеньковский обвинил в недисциплинированности командира дивизии. Затем он позвонил по телефону командарму, который был еще в дивизии, и сообщил ему о разговоре с министром.

Генерал-лейтенант Алтунин сразу же возразил, что тут виноват не командир дивизии, не его недисциплинированность, а командарм, что это личная вина его, Алтунина, что генерал армии Пеньковский был свидетелем этого вмешательства. Этот пример говорит о многом.

На учения в Приволжском и Уральском военных округах прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин. Учения были спланированы по личному его указанию и направлены на отработку всех элементов ведения неотложных спасательных и аварийно-восстановительных работ в очагах ядерного поражения. Имитация очага поражения была максимально приближенной к реальным условиям.

Помню такой эпизод. Когда расчет на турбореактивной установке приступил к тушению крупного пожара, с ним не смогли справиться из-за высокой температуры огня. Весь пожарный расчет, кроме механика-водителя, мигом спрыгнул с установки и убежал прочь, хотя люди были в специальных теплоотражающих костюмах. Мужество проявил механик-водитель, он спас машину от огня.

Это был показатель слабой психологической подготовки пожарных. Но, несмотря на это, учение достигло своих целей, все участники получили высокую оценку от генерала армии А. Т. Алтунина и командующего войсками Приволжского военного округа генерал-лейтенанта П. Г. Лушева.

Узнал ли меня генерал армии Лушев теперь, спустя одиннадцать лет? Меня включили в группу его сопровождения для посещения войск по всем секторам в Чернобыле. Мы прилетели в Чернобыль. Завернули на атомную станцию. Я подошел к Лушеву, подал белый «лепесток» для защиты органов дыхания и сказал: «Прошу надеть эту немудреную защиту». Потом помог ему закрепить его на носу и голове, и мы отправились по назначению. После осмотра станции генерал армии вернулся вместе с нами в Чернобыль и начал внимательно заслушивать доклады о проделанной работе по направлениям. Первыми докладывали генералы Б. А. Плышевский, В. Н. Бухтояров, Ю. П. Дорофеев, М. Т. Максимов и другие. Запутаннее всех докладывал генерал-майор Бухтояров, а потому ему больше и досталось. Мне показалось, что он владел обстановкой, но почему-то растерялся.

Хороший, выдержанный доклад получился у генерал-лейтенанта М. Т. Максимова. Он касался работы развернутых пунктов специальной обработки техники и хода строительства зимних ПуСО. Максимов объективно доложил о неудовлетворительном ходе строительства зимних ПуСО, что было поручено Минэнерго СССР. Генерал армии Лушев прервал доклад Максима Тимофеевича: «Имейте в виду, товарищ Максимов, сражайтесь хоть с самим министром энергетики, но с вас я спрошу за их готовность к зиме». Максим Тимофеевич не пререкался, не пытался доказывать свою непричастность к возникшим трудностям. Он коротко, по-военному, ответил: «Есть».

В Чернобыле Максим Тимофеевич, как химик-специалист, выложился до предела. Приятно иметь дело с такими людьми.

После официального заслушивания руководящего состава генерал армии Лушев направился в войска. При встречах с солдатами он был исключительно внимателен к их нуждам. Как правило, вопросов ему задавалось много, и все по существу. Были и каверзные. В воинской части у химиков один солдат сообщил, что командиры и финансисты хитрят с оплатой за работу в зонах с повышенной радиацией. Командирам, финансистам и политработникам генерал армии «дал перцу». Этот эпизод я запомнил хорошо, а те, кого прямо касалось, наверное, долго не забудут. Но все было справедливо, без предвзятостей.

Зашли в одну из больших утепленных палаток на 50 коек. В палатке чисто, уютно и чувствуется, будет тепло и зимой. Генерал армии спрашивает замполита части: «А где радио?» Тот растерялся и не знает, что сказать. А говорить было нечего, так как до сих пор радиоточки не были оборудованы. Тоже произошел конфуз. Тогда один солдат притащил огромный радиоприемник. Он решил выручить замполита: вот, мол, смотрите, радио у нас есть. Но этот номер не прошел.

Прибыли мы к саперам. С нами был маршал инженерных войск С. Х. Аганов. Он был в спецодежде, но без погон. Этот высокообразованный военный инженер, эрудированный в разных областях науки и культуры, обладал крепкой памятью. Так вот, когда генерал Лушев встретился с воинами-саперами, он спросил у них: «А кто у вас начальник инженер-

ных войск?» Солдаты почти хором назвали маршала Аганова. Тогда он спросил: «А где маршал Аганов сейчас?» Ему ответили: «Рядом с вами». Солдаты, сержанты и офицеры знали своего маршала в лицо, так как он не раз был в подчиненных войсках в период ликвидации последствий аварии.

На этой встрече солдаты меньше задавали вопросов, но все же они были. Один солдат без стеснения встал и сказал, что тыловики, особенно работники продслужбы, стали хитрить с дополнительным питанием, редко выдают положенные фрукты и соки. «Мы знаем, — утверждал солдат, — что завоз фруктов и соков идет, а вот на стол к нам не всегда попадает». Тут-то был полный разнос офицерам тыла, и особенно работникам продслужбы.

Чуть позже мы осмотрели состояние специальной техники химиков, ее приспособленность к защите от проникающей радиации, содержание, готовность. Генерал армии техническим состоянием, «раскуроченностью» отдельных машин остался недоволен. Был в это время от химвойск генерал Бухтояров, которому изрядно перепало. Требования предъявлялись справедливые, так что обиженных, мне кажется, не было. И как можно было обижаться, например, одному видному политрабработнику, генералу, если на вопрос: «А сколько вы лично поощрили солдат, сержантов и офицеров за активное участие в ликвидации последствий аварии?» — он вынужден был ответить: «Ни одного?»

Можно было бы и дальше приводить примеры, но не в этом суть дела. Все эти негативные примеры были лишь отдельными эпизодами. В целом же в этот сложный и напряженный период ликвидации последствий аварии у большинства ее участников была высочайшая ответственность, начиная от крупных военачальников и кончая рядовым солдатом. В этом мы еще раз убедились в ходе объезда войск вместе с генералом армии П. Г. Лушевым.

Надо сказать, что каждый приезд большого начальника — это, с одной стороны, стимул для активизации работы подчиненных, а с другой — отвлечение от выполнения основных функциональных обязанностей, текущих дел. Приходится вертеться.

Вот и сейчас, улучив удобную минуту в ходе сопровождения Лушева, вместе с капитаном 1 ранга Кауровым и офицером-химиком мы умчались в Полесское выполнять поручение Г. Г. Ведерникова. Напомню: речь шла об уточнении радиационной обстановки в отдельных местах района и о выявлении источников информации для панических слухов.

Как показали тщательные измерения, радиационная обстановка была не совсем нормальной. А пресловутая утечка информации произошла в результате свободной интерпретации гражданскими людьми слова, неосторожно оброненного одним нашим специалистом. Дело, как говорят, не стоит выеденного яйца. Однако этот случай еще раз напомнил нам, насколько нужно быть осторожным с информацией в критических ситуациях. Суть не в том, чтобы скрыть от населения правду, а в том, чтобы не посеять ложь, могущую привести к серьезным последствиям. Здесь есть, на мой взгляд, аналогия с поведением врача у постели больного.

Обо всем этом и было своевременно доложено Г. Г. Ведерникову.

Но вернемся к делам Чернобыля.

На территории, в зданиях и других сооружениях АЭС постоянно сохранялась напряженность. Всех, кто работал здесь, беспокоила радиационная обстановка, которая была сложной и переменчивой. Уровни радиации в контрольных точках, расположенных в сотнях метров друг от друга на территории АЭС, различались порой во много раз.

Для оценки радиоактивного заражения внутри зданий, сооружений, а также всего оборудования была создана специальная группа из офицеров-разведчиков, которая не

только проводила замеры уровней радиации, но и разрабатывала рекомендации по их снижению.

Но встречались и такие офицеры, которые компрометировали это высокое звание даже в такой критической обстановке. Помню, как-то с полковником А.М. Невмоленко зашли поздним вечером в гостиницу небольшого городка: поужинать не успели и решили взять что-нибудь в буфете. В это время распахнулись двери ресторана, и мы увидели: за столом сидят и пьют водку офицеры, хотя официально в ресторане разрешалось пить только сухое вино. Мы прошли с Анатолием Михайловичем в кабинет к администратору и попросили пригласить сидящего за столом полковника. Понурился, подходит. Спрашиваем: «Кто вы?» — «Командир части», — «А кто с вами?» Отвечает: «Замполит, комбаты», — «Почему приехали пьянствовать так далеко?» — «Захотелось выпить — вот и все», — буркнул этот командир. Что говорить с пьяным!

Дорого обошлось посещение ресторана в Овруче и командиру, и его собутыльникам. Все они были привлечены к строгой партийной и административной ответственности. Вот и такие офицеры попадались в Чернобыле.

А солдаты, видя, как ведут себя командиры, тоже иногда бродили, только не по ресторанам, а по селам, и покупали самогон. Приходилось принимать исключительно жесткие меры по поддержанию дисциплины и порядка.

Надо сказать, случаям пьянства способствовали досужие разговоры: якобы спиртное снижает воздействие радиации на организм. Я не знаю, правда ли это, на себе не испытывал, а вот в воздействии спиртного на разум пьющих уверен, особенно если доза превышает предельно допустимую для данного индивидуума. И главное, попадались пьяными те, кто не работал в особо опасных местах Чернобыльской АЭС. Уж туда мы отбирали людей высоконравственных, физически закаленных, с сильной волей, настоящих патриотов Родины.

Глава 6

Человеческий фактор

Итак, в Чернобыле не хватало техники, и основная нагрузка легла на человека. Вместе с тем в том, что не хватало машин, опять же был повинен человек. И тут, и там человеческий фактор.

Вообще, хотя я, отдавая дань моде, и вынес «человеческий фактор» в название главы, признаться честно, не нравится мне это выражение. Будто творится все по какой-то «высшей воле», во имя какой-то «высшей цели», а человек со своими интересами выступает лишь как некий «фактор», ускоряющий или замедляющий движение. Но ведь творится- то все именно человеком, во имя его целей и интересов, а все остальное выступает в качестве факторов, помогающих либо мешающих ему. Поэтому и надо разбираться, какими идеалами и интересами руководствовался данный человек в той или иной ситуации, какие цели он перед собой ставил и к чему это привело.

По мере того как еще в Москве мне становились известны новые и новые детали чернобыльской трагедии, все более зримо вырисовывалась вина в ней конкретных должностных лиц. Хотелось самому разобраться, что они собой представляют, чем руководствовались в своих безнравственных, а порой и преступных деяниях.

Все более неприглядно представала личность бывшего директора АЭС Брюханова. Прибыв в Чернобыль, я испытывал какое-то трудно объяснимое желание поскорее увидеть этого человека, взглянуть ему в глаза. К июлю он уже был снят с должности директора, велось следствие, а Брюханов исполнял обязанности начальника отдела

безопасности труда. Долгое время он уклонялся от встречи, но в конце концов она произошла.

Передо мной сидел человек в элегантном костюме, с импозантной внешностью, манерами вышколенного аппаратчика. Я вглядывался в его лицо и пытался определить, что же главное в этом человеке, в чем его суть. Но вот это-то главное все время ускользало. Глаза постоянно отводит в сторону, ни одной примечательной, так сказать, индивидуальной черты.

Я пытался вызвать в себе сочувствие к нему. Ведь как бывает: что ни случись — за все спрос с руководителя, хотя он лично порой в случившемся неповинен. Но тут вспоминалось его поведение в первые часы после аварии, его напористость и агрессивность по отношению к тому же С. С. Воробьеву, ставившему превыше всего заботу о людях. Подумалось: попадись тот же Воробьев Брюханову в другое время — в порошок бы стер.

Нет, видимо, здесь не тот случай, когда страдает невинный руководитель. Брюханов виноват во многом. И прежде всего в том, что он — один из наиболее типичных руководителей периода застоя. А типичными были те, кто наиболее удачно копировал и перенимал стиль и методы работы верхов с их особой, десятилетиями складывавшейся нравственностью.

Я не профессиональный политик и не располагаю достаточно полной информацией, чтобы достоверно судить о всех деталях деятельности тех или иных руководителей партии и страны на разных этапах нашей истории. Но ведь и Брюханов, и ему подобные по своему положению не могли располагать подобной информацией. Они знали и видели то же, что и любой советский гражданин (может быть, чуть больше), и стремились копировать стиль верхов сознательно или потому, что так было легче. Что же видели мы в деятельности этих верхов? Какие нравственные уроки извлекали?

Не буду возвращаться к периодам руководства Сталина и Хрущева: о них читатель достаточно осведомлен и, думаю, сделал надлежащие выводы. Возьмем то, что поближе к нам, — время, когда у руководства партией и государством находился Л. И. Брежнев. Руководящее кресло он занял солидно и надолго. Вехи его бурной деятельности по интенсивному развитию застоя и насаждению подхалимства, угодничества, созданию так называемых «особых зон», как в Чернобыле, вне критики и контроля отмечались Золотыми Звездами, орденом «Победа», маршалским званием, Ленинскими и Государственными премиями, премией имени Королева и т. д. и т. п. Неудобных лиц из Политбюро ЦК КПСС выводили уже несколькими методами, без шума и гамы, без особых ярлыков оппозиционеров. Они даже получали новые должности.

Я более двадцати лет лично знаю активного участника Великой Отечественной войны, честного и замечательного человека — генерала Е. М. Журина, который в 18-й армии был всю войну начальником инженерных войск — заместителем командующего этой армией. Он и теперь проживает в Москве, на Ленинском проспекте. Так вот Евгений Михайлович вместе с Л. И. Брежневым шел дорогами войны более трех лет. Из многочисленных рассказов генерала постепенно вырисовывался портрет Леонида Ильича. Военная карьера начальника политотдела не баловала, как говорят, «не попал в струю». Как бы он в своей книге «Малая земля» ни описывал, что выше этой должности, начальника политотдела, он ничего не желал, независимо от его желания ему выше ничего и не предлагали. Только в конце войны получил звание генерал-майора.

После войны ему действительно предложили вернуться в армию с партийной работы. И он вернулся, но ненадолго. А уж карьера у него «пошла» после вторичного ухода из армии.

Что характерного отмечает в Брежнев период Великой Отечественной войны генерал Журинов? Прежде всего, он очень ценил дружбу, любил быть среди солдат и много раз бывал на передовой. Но и другую черту подметил Евгений Михайлович: «Уж больно любил Брежнев порисоваться, сыграть на публику, уважал подхалимов».

Давно мы с Журиновым планировали записать все его воспоминания и, возможно, издать эти мемуары. Ведь мало кто знает такой факт, что на Малую землю под Новороссийск прилетел маршал Г. К. Жуков, а ему, Евгению Михайловичу, довелось поздней ночью докладывать о состоянии минных полей на этой земле в присутствии командующего армией К. Н. Леселидзе и начальника политотдела Л. И. Брежнева.

«Доклад прошел нормально,— рассказывает Евгений Михайлович,— только Жуков спросил меня, почему я без погон. А погоны только ввели, допустим, вчера, а ночью я ползал на животе и проверял сам все минные поля. На мне не только не было погон, но и вид был арестантский: сапоги в грязи, на петлицах едва заметные знаки воинского отличия полковника, более-менее чистая одна фуражка. Жуков еще раз пристально, но уже с какой-то теплотой посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Леселидзе и Брежнева. С полминуты помолчал, а потом сказал: «Вы, полководцы! Начинжа надо беречь...» И больше ни слова. В ту же ночь маршал Жуков улетел от нас... И только после войны,— продолжает Евгений Михайлович,— мне еще раз посчастливилось встретиться с ним в 1956 году в Болгарии, где я был военным советником при Министерстве обороны. Вот тогда-то мы и вспомнили мой затрапезный вид на Малой земле».

Авторитет таких людей, как полководец маршал Жуков, непоколебим, ибо он признан народом, историей, а не отдельными личностями. Это был высоконравственный во всех отношениях человек.

Думая о том, какой плохой нравственный пример подавали простым людям даже высшие руководители партии и страны послеленинской эпохи, не говоря уже о рашидовых и Кунаевых, министрах типа Щелокова или его первого заместителя преступника Чурбанова и памятуя о пословице «Рыба гниет с головы», задаешь себе вопрос: как же не произрастать в той обстановке безнравственности среди руководителей разных рангов?

А что уж говорить о таком преступнике, как бывший директор Чернобыльской АЭС Брюханов, и его окружении! Брюханов — это яркий пример руководителя среднего звена, выросшего и воспитанного все на той же безнравственной почве. О его деятельности я ранее рассказывал. Но вот что примечательно: на «самом верху» и на уровне Брюханова процветали одни и те же пороки — Брюханов развел семейственность на станции, окружил себя подхалимами, работал в полнагрузки, упивался данной ему властью, был тщеславным, лучших специалистов с АЭС изгнал. Так, талантливый главный инженер Н. А. Штемберг вынужден был уйти за восемь месяцев до аварии на Балаковскую АЭС. Начальника штаба Гражданской обороны С. С. Воробьева Брюханов игнорировал, запретил ему ходить в энергоблоки и заниматься вместе со специалистами серьезными проблемами по повышению устойчивости работы АЭС, поднимать невоенизированные формирования по тревоге и готовить их к действиям в чрезвычайных ситуациях. А когда случилась беда, Брюханов проявил себя как трус, неспособный оценить сложившуюся обстановку, принять ответственное решение по своевременному оповещению населения и всех работающих на станции о радиационной опасности. Он умышленно игнорировал данные разведки по опасным уровням радиации на АЭС, добытые Воробьевым. Брюханов был приучен смотреть на верхи и не брать на себя никакой ответственности.

Ионизационное излучение из аварийного энергоблока Чернобыльской АЭС, как на рентгене, высветило не только безнравственность Брюханова, но и прежде всего порочный стиль руководства такой особо ответственной отраслью, как атомная

энергетика, слабые звенья в вопросах устойчивости и надежности АЭС, полную неподготовленность технических средств и способов для ликвидации последствий аварии, безответственность министерств за состояние автоматической станции для оценки радиационной обстановки и, наконец, неподготовленность руководящего состава, формирований гражданской обороны и населения к действиям в экстремальных условиях.

За все эти пороки и издержки в различных звеньях на разных уровнях руководства атомной энергетикой пришлось расплачиваться жизнью и здоровьем советских людей — военных и гражданских, рядовых работников и руководителей. Сколько лучших наших людей, истинных патриотов добровольно прибыло в Чернобыль со всех уголков страны! Они были готовы отдать силы, энергию, здоровье во имя спасения других людей, им вовсе не знакомых. О некоторых из тех, с кем мы делили нелегкую ношу Чернобыля, я и продолжу свой рассказ.

В ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, как сообщалось в печати, принимали участие около 40 министерств и ведомств. В числе первых в одном строю с армией были представители большой науки, медицины, атомной энергетике, строители, специалисты Госкомгидромета и другие. По-разному вели они себя в развернувшемся сражении. Были и осторожные, были и искатели наград и славы. Но большинство были настоящими солдатами. И первым среди них я назвал бы академика В. А. Легасова.

Когда мои первые записки находились уже в редакции, а я лежал в военном госпитале имени Н. Бурденко, как гром среди ясного неба прозвучало сообщение о трагической смерти академика Валерия Алексеевича Легасова, с которым мне посчастливилось не раз встречаться и даже спорить, отстаивая свою точку зрения. С этим крупным ученым и замечательным человеком в моей памяти связано много поучительного. А потому не могу не рассказать о наших встречах.

Первое знакомство состоялось в маленькой комнатке, где размещалась научная группа Научного центра Министерства обороны, а если точнее сказать — начальник этой группы полковник А. А. Дьяченко.

Несколько слов об этом центре. Теперь уж и не помню, кому пришла в голову идея создания Научного центра Министерства обороны. Но эта идея была своевременной и необходимой. Генеральный штаб Вооруженных Сил скомплектовал в этом центре несколько функциональных научных управлений по воздушной и наземной разведкам, по дезактивации и, гражданской обороне, медицине, тылу и транспорту и так далее. В центре были собраны лучшие умы армейской науки из различных родов и видов войск, которые не щадили себя в зонах радиоактивного заражения, разрабатывая способы и рекомендации по ликвидации последствий чернобыльской аварии. Долго буду помнить многих, с которыми свела судьба в этом аду, особенно таких ученых, как академик генерал-лейтенант А. Кунцевич, доктора наук генералы Б. Дутов, Б. Евстафьев, И. Голованов, В. Ваулин, кандидаты наук полковники Г. Кауров, А. Матущенко, А. Фоменко, И. Рагулин, В. Исаев, В. Федосеев, А. Дарков, Б. Мартынов, Э. Хамаганов и другие.

Так вот, однажды мы с полковником Дьяченко вернулись из поездки на аварийный энергоблок. Ездили на его западную половину, где только что начали монтаж каркаса «саркофага» под бетонную стенку. Мы остановились от этой стенки метрах в пятидесяти. Дальше на машине ехать было невозможно. В этой зоне радиоуправляемый бульдозер срезал грунт так, что после себя оставил рытвины. Мы вылезли из машины и подошли поближе к стенке. Анатолий Александрович заметил, что дальше идти нецелесообразно: «Посмотрите на прибор». Я взглянул на шкалу прибора ДП-5В: действительно, уровни заражения в этой зоне достигли опасных значений. Мы остановились и стали обсуждать технические детали заполнения каркаса «саркофага». На весь осмотр ушло минут пять —

десять. Водитель развернул «уазик», и мы поехали в Чернобыль. У водителя, солдата срочной службы, вид был нездоровый. Я спросил его, сколько раз он был у реактора и сколько всего времени он уже в Чернобыле.

Водитель ответил. Дьяченко молчал. Мне стало ясно, что солдата надо немедленно отправить из зоны. Но об этом я ничего не сказал Дьяченко в присутствии водителя, а когда приехали в Чернобыль, разговор пошел нелицеприятный. Вот в этот момент и зашел Валерий Алексеевич Легасов. Он понял, что я ругаю Дьяченко, и совсем тихо, чувствуя неловкость от своего присутствия, поздоровался. И тут полковник Дьяченко весьма дипломатично прервал мои назидания: «Николай Дмитриевич, а ведь к нам пришел сам академик Легасов, член правительственной комиссии». Мы поздоровались и представились друг другу. Он был в белом специальном костюме, в левой руке держал белую шапочку. Запомнились крупные очки в роговой оправе, прямые волосы, моложавое лицо и толстые губы.

Я невзначай бросил ему комплимент: «Для академика вы очень молодо выглядите». Он тут же ответил: «Да и вы молодой генерал. — И добавил: — Ничего, Чернобыль нас всех состарит». Втроем мы уселись за стол и повели разговор о работах в зоне строительства «саркофага», об опасностях радиации, которые подстерегают на каждом шагу.

Как-то я спросил Валерия Алексеевича: «Какова готовность ученых-ядерщиков для действий в экстремальных ситуациях, подобных чернобыльской?» — «В каком смысле?» — «Ну, например, время сбора, состав участников, экипировка, какой-то план или проект ликвидации последствий аварии». — «Да ты что, генерал, у нас все по-пожарному. Ведь как было на этот раз. Авария произошла ночью, а мы с утра 26 апреля 1986 года проводили партийно-хозяйственный актив. Перед его началом я услышал, что на Чернобыльской АЭС произошла какая-то авария. Лично мне об этом сообщил начальник главка ведомства, в подчинении которого находится наш институт, причем сообщил совершенно спокойно.

И вот начался стандартный доклад, в котором звучал хвалебный гимн атомной энергетике, большим успехам, которые ныне достигнуты. Докладчик скороговоркой сказал, что сейчас, правда, в Чернобыле какая-то авария (Чернобыльская АЭС тогда принадлежала Министерству электроэнергетики), «они там что-то натворили, какая-то есть авария, но она не остановит развитие атомной энергетiki...». Далее Валерий Алексеевич коротко поведал, как он собирался по тревоге, когда ему объявили, что он включен в состав правительственной комиссии. Он успел заехать в институт, где разыскал А. К. Калугина, начальника отдела, который разрабатывал и вел станции с реактором РБМК. Он уже знал об аварии, так как со станции ночью пришел сигнал — «один, два, три, четыре». Это означало: на станции возникла ситуация с ядерной, радиационной, пожарной и взрывной опасностью.

Жена Валерия Алексеевича позже рассказывала мне о том, что после его звонка она срочно вернулась с работы. Валерий Алексеевич сказал ей об аварии, случившейся на Чернобыльской АЭС, и что он в составе правительственной комиссии сегодня вылетает в командировку. Вылет в 16.00 с аэропорта Внуково. Уже там, в аэропорту, стало известно, что председателем комиссии назначен заместитель Председателя Совета Министров СССР Борис Евдокимович Щербина, он же председатель Бюро по топливно-энергетическому комплексу. Кто мог тогда предположить, что эта тяжелейшая и опасная авария будет продолжаться месяцами, а председателями комиссии будут назначены Иван Степанович Силаев, Геннадий Георгиевич Ведерников, Владимир Кузьмич Гусев, вновь Щербина... Они будут принимать и сдавать свою «вахту» по очереди, по истечении месячного срока.

Б. Е. Щербина в этот субботний день тоже проводил партийно-хозяйственный актив за пределами Москвы. Как только он появился, все заняли свои места и вылетели в Киев. В полете разговоры были тревожные. Валерий Алексеевич рассказывал Борису Евдокимовичу об аварии на «Тримайл-Айленд», которая произошла в США в 1979 году. Насколько известно, причины аварии, приведшие к той трагедии, не имели отношения к событиям в Чернобыле из-за принципиальной разницы в конструкции аппаратов.

В Киеве комиссию встречали несколько черных правительственных машин и тревожная толпа руководителей Украины. Но они не располагали точной информацией о происшедшей аварии.

Позже Легасов скажет, что ему и в голову не приходило, что мы двигаемся навстречу событию планетарного масштаба, событию, которое, видимо, войдет навечно в историю человечества, как извержение знаменитых вулканов, гибель Помпеи или что-нибудь близкое к этому.

Как-то мы заговорили с ним о мужестве и героизме, проявленных военными вертолетчиками при сбрасывании в разрушенный реактор песка, свинца, бора. Я спросил: «Валерий Алексеевич, ну зачем нужно было бросать свинец в реактор, ведь он же плавился, становился радиоактивно зараженным, поднимался вместе с продуктами выброса в атмосферу и развеивался по территории?» Он спокойно ответил, что свинец поглощал значительную часть ионизационных излучений. «А потом, — продолжил он, — теперь легко рассуждать, а когда мы впервые поднялись над реактором, то у многих было опасение, что он работает, а это значит, что продолжается процесс наработки короткоживущих радиоактивных изотопов. Первые наши измерения ничего хорошего не дали. Мы были перепуганы тем, что якобы действительно имеются мощные нейтронные излучения. Это означало, что реактор работает и дела плохи...» И тут он стал тепло рассказывать о механике-водителе бронетранспортера, который возил его к аварийному реактору, где Валерий Алексеевич убедился в отсутствии нейтронного излучения.

Была однажды и такая встреча, при которой я не удержался от каверзного вопроса: «Валерий Алексеевич, а где же была наука до аварии? Почему не была по-настоящему дана оценка устойчивости работы вообще всех АЭС, и в частности Чернобыльской? — Не давая ему ответить, продолжал наступать: — Ведь было же специальное решение ЦК КПСС и Советского правительства по данному вопросу. Этот документ готовила Гражданская оборона СССР, и докладчиком был министр обороны Маршал Советского Союза Устинов. А зачинателем всех этих дел по устойчивости был наш начальник Гражданской обороны генерал армии Алтунин. И за свою инициативу ему еще и пришлось держать ответ! Ваша наука, Минэнерго СССР да и Совет Министров СССР вместе с Госпланом серьезную работу пустили на самотек».

Валерий Алексеевич внимательно выслушал меня и ответил: «Знаешь что, мой дорогой генерал, я этот документ читал и принимал непосредственное участие в разработке отраслевых требований по данной проблеме, но все это осталось, к великому сожалению, в основном на бумаге...»

Потом я ему сказал: «Ваш директор института, еще будучи президентом Академии наук СССР, по приглашению Александра Терентьевича Алтунина был у нас на научно-экспериментальном комплексе Гражданской обороны СССР, и мы ему и его свите подробно, в течение часов четырех-пяти, растолковывали проблемы повышения устойчивости многих особо опасных объектов, в том числе и АЭС. Раздел по всем энергетическим объектам готовил и проводил ваш покорный слуга. После окончания своего доклада в разделе устойчивости объектов атомной энергетики я осмелился задать несколько вопросов президенту Академии наук СССР, пользуясь таким редким случаем.

Один из них касался устойчивости работы наших АЭС. Но Анатолий Петрович лаконично ответил, что нас пока бог милует и наши АЭС более безопасны и устойчивы. Я напористо напомнил об аварии на американской АЭС «Тримайл-Айленд» 28 марта 1979 года, нанесшей первый серьезный удар по атомной энергетике и развеявшей иллюзии безопасности АЭС. Я напомнил президенту Академии наук и об аварии на нашей Белоярской АЭС в 1977 году, когда на втором, уже одноконтурном блоке расплавили 50 процентов топливных сборок атомного реактора. Ремонт продолжался около года. Но ответы президента были весьма оптимистичными».

Я поведал Легасову, что по другим направлениям повышения устойчивости на нашем комплексе доклады делали генералы Б. П. Дутов, Ю. А. Афанасьев, М. П. Цивилев, полковники О. И. Пашин, В. С. Исаев, В. С. Аниканов и другие. Анатолий Петрович Александров внимательно все выслушал, одобрил нашу теоретическую и экспериментальную науку по повышению устойчивости работы отраслевых и территориальных звеньев народного хозяйства. Дал свои комментарии. За ужином разговор продолжался по этим же проблемам. Анатолий Петрович академической науке определил ряд научно-исследовательских работ по атомной энергетике, особенно по ее дублированию. Позже мы не раз были у президента АН СССР, где обсуждались эти проблемы. Но, к великому сожалению, практическая реализация на деле выглядела слабо.

Помню, как сейчас, разговор с Легасовым на этот раз окончился почему-то очень грустно. Валерий Алексеевич сказал, что скоро прилетит на АЭС сам Анатолий Петрович и можно с ним продолжить разговор. Но об этом позже.

Были у меня встречи с Валерием Алексеевичем и осенью 1986 года, в канун предстоящей опаснейшей операции по удалению высокоактивных элементов с крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы, когда он с сотрудниками Института атомной энергии имени И. В. Курчатова вел напряженную и опасную работу на четвертом блоке Чернобыльской АЭС.

Встречался я с Легасовым и когда лежал с лучевой болезнью в шестой клинической больнице города Москвы, когда уже не было сил бороться со своими недугами. А он искренне подбадривал, шутил и призывал бороться за жизнь, как там, в чернобыльском аду. Много было и его добрых телефонных звонков.

Летом 1987 года меня медики вновь поставили в строй. Но в 1988 году мои недуги вновь проявились и приковали на долгое время к больничной койке, только теперь в военном госпитале имени Бурденко. Связь у нас с Легасовым временно прервалась. Я не хотел возникнуть перед ним со своими болячками. Как я теперь жалею об этом! Мне не забыть никогда сообщение по радио, телевидению и в печати о трагической смерти академика В. А. Легасова апрельским днем 1988 года. Ученый с мировым именем, организатор советской водородной энергетике, один из главных участников ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, человек яркий, сильный, талантливый, в расцвете сил решил уйти из жизни. Невозможно смириться со случившимся, и невольно возникают вопросы: в чем причина трагедии, неужели нельзя было ее предотвратить?

Обязательно проводимое в таких случаях следствие показало: нет никаких сомнений, что в состоянии депрессии Валерий Алексеевич сам принял роковое решение. Но кто из подонков способствовал этому? Многочисленные и продолжительные встречи с женой Легасова, Маргаритой Михайловной, его близкими друзьями и единомышленниками, наконец, встреча с Анатолием Петровичем Александровым позволили мне высказать свое суждение.

Итак, первое обстоятельство — ответственная и напряженная, опасная работа в Чернобыле по укрощению взорвавшегося четвертого энергоблока АЭС. Как известно, в

Чернобыле регулярно сменялось руководство правительственной комиссии и входившие в ее состав ученые. Легасов приехал одним из первых. Работал непосредственно у четвертого реактора. Получил приличную дозу облучения. Но вместо того чтобы уехать со своей командой, остался, и это была вовсе не бравада. Он был нужен тут как талантливый научный руководитель. Он имел право уехать, и никто бы его не упрекнул. Валерий Алексеевич остался. Чернобыльцы хорошо знают, кто был в апреле — мае, понимают цену его поступка. И безнравственно, когда некоторые физики, не получившие своих кабинетов, начинали обсуждать и анализировать действия академика Легасова при подавлении четвертого энергоблока. Нет, никто не может упрекнуть этого человека в невыполнении гражданского и патриотического долга в эти суровые дни 1986 года! Стрессовая ситуация и облучение были первыми симптомами возможной депрессии. В полной мере я испытал все это на себе.

Второе обстоятельство. Вместе с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым Валерий Алексеевич летит в Вену на конференцию МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергетике). Состоялся его четырехчасовой доклад о причинах аварии на Чернобыльской АЭС, мерах по ее ликвидации, долговременных последствиях принципа безопасности атомной энергетики. Доклад прозвучал весьма аргументированно и убедительно. Участники конференции, ранее настроенные против нас, стоя аплодировали Легасову. Его имя узнал весь мир. Его общественная активность возросла. Он и сам несколько изменился. То, с чем до Чернобыля раньше соглашался, теперь отрицал.

В последнее время стали появляться резкие публикации о взглядах Легасова на судьбу атомной энергетики, некоторые утверждения, что он стал ярким противником АЭС и даже стал предсказывать якобы повторение чернобыльской трагедии. Это уже было похоже на клевету.

Приведу одно из выступлений Легасова по этому поводу: «За последние годы в мире произошло несколько аварий с необычайно высоким уровнем человеческих и материальных потерь. Эти аварии мало зависят от типа техники и сильно — от единичной мощности аварийного блока — атомная ли это станция, химический реактор или газовое хранилище, — отданного в распоряжение оператора. Зависит ущерб и от места и плотности размещения потенциально опасных объектов. Но даже такие тяжелые по своим последствиям аварии, как чернобыльская, бхопальская или фосфорная авария в США, не должны повернуть вспять технологическое развитие цивилизации, не должны заставить отказаться от мирного использования ядерных источников или достижений химии, ибо этот отказ обернулся бы для людей еще более тяжелыми последствиями...»

Да, после Чернобыля Легасов более четко сформулировал свои идеи о принципах безопасности. Мечтал о создании нового института, убеждал, доказывал, требовал новых подходов к развитию современной техники. А в ответ... молчание. Более того, часто его взгляды неверно понимали, извращали.

Не могу не сказать и о публикации Алеся Адамовича в «Новом мире» (1988, №9). Можно разделять или оспаривать точку зрения писателя — это право каждого. Однако запись беседы с Легасовым может привести к неверным выводам: мол, ученый против «линии» АЭС, более того, собрался «обо всем написать, обратиться наверх...». Смещение акцентов в статье писателя бросает тень на академика в глазах тех, кто его хорошо знал и с кем он работал. Но даже не это самое печальное: оказывается, до нынешнего дня идеи академика В. А. Легасова о принципах безопасности не поняты.

Итак, злопыхатели стали поднимать голову. В. Губарев, опубликовавший статью в газете «Правда» от 17 октября 1988 года под заголовком «Счастье и трагедия академика

Легасова», приводит одно письмо следующего содержания: «Легасов — яркий представитель той научной мафии, чье политиканство вместо руководства наукой привело к чернобыльской аварии и, таким образом, причинило стране вред больший, чем десятки Адыловых». И подпись: старший научный сотрудник ИАЭ имени И. В. Курчатова. И фамилия, и домашний адрес. В первый момент не поверил: наверное, анонимщик. Нет, есть такой человек, ему 48 лет. Свою точку зрения не скрывает. Фамилию не называю, хотя автор письма и не возражает: мол, стою за свои убеждения.

Вот она, нравственная атмосфера в НИИ.

Третье обстоятельство. Весна 1987 года. Идут выборы в научно-технический совет Института атомной энергии имени И. В. Курчатова. Первый заместитель директора института академик Легасов забаллотирован. В «Деле о самоубийстве» имеется протокол собрания и роковые цифры 100 и 129. Соответственно 100 за избрание Легасова в научно-технический совет института, 129 — против. Валерий Алексеевич был потрясен. А. П. Александров принял все меры, чтобы сгладить конфликт: ведь он его готовил на свое место директора института. Теперь понимал умом и сердцем, насколько незаслуженный удар нанесен в спину его ученика, но исправить положение уже не мог. Когда в сентябре 1990 года у меня состоялась встреча с Анатолием Петровичем в его служебном кабинете, он с горечью вспоминал все происшедшее с Легасовым.

Четвертое обстоятельство. Осенью 1987 года академик Легасов долго лежал в больнице. Как-то на ночь принял много таблеток снотворного: его мучила жуткая бессонница. Врачи спасли ему жизнь. Маргарита Михайловна рассказывала мне о невнимательном отношении в ту пору врачей. Все они считали, что у него отсутствует лучевая болезнь. Эта комедия мне тоже знакома. Когда я лежал первые 40 дней в киевской больнице 4-го Главного управления и у меня был кровавой понос, то честные врачи по всем симптомам, невзирая на указание Минздрава СССР, установили мне диагноз — лучевая болезнь. Стоило мне попасть в шестую московскую больницу, как началась эта самая комедия по снятию данного диагноза.

Пятое обстоятельство. На собрании коллектива директор института сообщает, что за ликвидацию чернобыльской аварии Валерий Алексеевич Легасов представлен к званию Героя Социалистического Труда, мол, можно уже и поздравить его. Выходит указ, но фамилии Легасова там нет. Это что, насмешка или просто очередное опорочивание академика?

Жена Легасова мне искренне и доверительно сообщила, что после всей этой травли Валерий Алексеевич сказал: «Я не могу больше жить таким оплеванным, у меня нет сил. Я покончу с собой». Как она его только не убеждала — ничего не вышло.

Следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР старший советник юстиции Б. В. Погорелов коротко свидетельствует: «Депрессия». Но я снова твержу, что организованная травля и глумление привели Легасова к такому расчету с жизнью. Откуда же берется эта звериная ненависть? Случайна ли она, где ее корни? И все упирается опять-таки в нравственность. Что ни говорите, а напрасно отменили дуэль. Вызвал бы того самого мерзавца, старшего научного сотрудника ИАЭ имени Курчатова, да сполна бы с ним рассчитался за честного и талантливого ученого.

Письма, письма, груды писем с соболезнованиями семье покойного. Вот одно из них:

«До сих пор не могу понять,— пишет кандидат экономических наук В. Ратников,— как Могло случиться, что в наше время в расцвете творческих и физических сил на 52-м году жизни такой сильный человек, как В. А. Легасов, вынужден был уйти из жизни? Что это, неисполнение желаний или сознание того, что невозможно выполнить задуманное?»

До сих пор не верится, что комсомольский вожак Московского химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, председатель коммуны студентов физико-химического факультета этого института на целине, секретарь парткома Института атомной энергии имени И. В. Курчатова, коммунист до мозга костей был сломлен в наше время — время надежд и ожиданий. И тут возникает новый вопрос. Когда же все-таки мы начнем действительно по-товарищески относиться друг к другу, максимально используя для блага нашей страны потенциальные возможности каждого члена нашего общества? Когда же мы поймем, что каждый человек уникален, незаменим?! Что это мир, из которого складывается наше великое общество?!

Ушел из жизни Валерий Алексеевич — и нет ученого, нет организатора, который мог бы повести дальше советскую водородную энергетику и ее одно из наиболее интересных направлений — применение атомно-водородной энергетики в технологических производствах. А ведь не за горами, когда в Советском Союзе должна состояться VII Всемирная конференция по водородной энергетике, душой и научным организатором которой был академик В. А. Легасов. А сколько планов, прекрасных научных идей он с собой унес! Грош нам цена, если по-прежнему забота о человеке останется лозунгом. Нельзя же допускать, чтобы мы теряли наиболее достойных, наиболее перспективных, наиболее преданных и наиболее компетентных ученых и специалистов. А сколько мы настоящих советских людей всех рангов уже потеряли?! Это не должно повториться, этому должен быть поставлен надежный заслон».

«Все, кто причастен к развитию физики и химии, плазменного состояния вещества, знают, насколько велик вклад В. А. Легасова в эту область, — вспоминает Ю. Н. Туманов, доктор химических наук, — В начале 70-х годов Легасов увлекся химическими реакциями в плазме. Обладая на редкость пронизательным умом и даром обобщения, Валерий Алексеевич решил придать целенаправленный характер разрозненным и слабо организованным работам по плазмохимии и плазмотехнологии. Очень быстро из пестрой массы направлений возникла стройная программа развития исследований по химии плазмы, технологии и металлургии с использованием низкотемпературной плазмы.

Когда мы составляли и начинали реализовывать эту программу, большинству из нас было немногим более 30. На одной из фотографий тех лет запечатлены наши молодые лица, на которых так и написано — еще впереди вся жизнь, еще должны сбыться надежды... С тех пор прошло почти 17 лет, удивительно быстро пролетели они. В последние годы Валерий Алексеевич, обремененный научными, административными, преподавательскими и прочими обязанностями, не мог, как прежде, вникать во все тонкости развития плазмохимии. И все-таки, несмотря на свою крайнюю занятость, он интересовался состоянием дел в плазмохимической отрасли, а иногда, правда очень редко, поддавшись моему энтузиазму, выкраивал время слетать на плазменную установку за 3—4 тысячи километров, чтобы на месте обсудить и решить спорные вопросы или уяснить для себя то, в чем сомневался.

Осенью 1987 года В. А. Легасов после изнурительных месяцев, проведенных в Чернобыле, и из-за разногласий с коллегами-реакторщиками в институте был болен и, как мне показалось, испытывал сильный душевный дискомфорт. Зная, как он чутко отзывается на любое стоящее дело, я решил отвлечь его и переключить на волновавшую нас проблему. Дело касалось термостойких покрытий для трансформаторных сталеб. Эти покрытия содержали оксид магния, покупаемый Министерством черной металлургии для нужд отрасли в ФРГ и Японии. Мы же на одной из плазменных установок (в ее создании принимал участие и Валерий Алексеевич) без особых трудностей получили сотни килограммов этого продукта. С его помощью было покрыто около ста тонн

трансформаторной стали, причем качество стали получилось очень высоким, и металлурги были в восторге. Возникло естественное желание: на предприятиях Минчермета соорудить плазменные установки и производить отечественный оксид магния для нужд металлургии. Мы подготовили соответствующие предложения, но ответа на них не последовало. Однако в неофициальном разговоре нам объяснили, что строительство нового завода или цеха для плазменной установки хлопотно, надо возводить соответствующие помещения и к тому же подстанцию, а у Минчермета и так много дел. Куда проще купить продукт в Японии, пока его нам продают... Нужна валюта? Дадут, куда денутся...

Вот с этим я и приехал к Валерию Алексеевичу в кунцевскую больницу. Он выслушал меня, но не выказал никакого удивления и лишь заметил, что я, по-видимому, мало читаю прессу, ситуация из обычных, поэтому мы и начали перестраиваться. Надо надеяться на новые экономические рычаги, а пока перестройка в пути, попробуем поговорить с министром черной металлургии.

Такой разговор состоялся, министр действительно посчитал дело стоящим для отрасли. Мы передали в Минчермет мощную плазменную установку. Дело закипело, быстро была подготовлена программа действий, но вдруг включились невидимые тормоза, слышались знакомые фразы: «Нет электроэнергии, некому строить подстанцию...», «Нам не дают валюту...», «Ваш академик болен...», «Подождем...» Работа остановилась. В конце концов мы ее возобновили, но уже одни, без Валерия Алексеевича.

Академик Легасов был по-настоящему яркой личностью и необыкновенным человеком. Для всех, близко его знавших, кто занимается трудным делом освоения плазмы, уход Валерия Алексеевича из жизни — громадная и невозполнимая потеря. Фундамент плазмохимии, заложенный им, продолжают укреплять и надстраивать его коллеги и ученики, самоотверженно работая в институтах и на промышленных предприятиях Сибири, Прибалтики, Поволжья, Казахстана. И то, что сегодня у нас есть мощные высокочастотные плазмотроны, плазменные установки в сотни и тысячи киловатт на химико-металлургических предприятиях для получения керамических и металлических материалов, новые технологии нанесения защитных покрытий,— заслуга В. А. Легасова. Все это вызвано к жизни благодаря его эрудиции, энергии, организаторским способностям».

А вот свидетельство доктора химических наук, профессора МГУ Ю. А. Устынюка: «Мне, как и многим другим, накрепко запомнились встречи, беседы, совместная работа с этим необычайно ярким, смелым и сильным человеком. Его гибель заставляет возвращаться к воспоминаниям в мучительных поисках причин этой трагедии. Ведь только поняв их, можно избежать подобных событий в будущем. Сейчас боль потери еще слишком сильна. Время, единственный беспристрастный свидетель и мудрый судья, откроет нам многое.

У меня сохранились короткие заметки о нескольких беседах с Валерием Алексеевичем. Сейчас, просматривая их, я как бы вновь слышу его голос. Мне кажется, что мысли и рассуждения, выношенные и выстраданные им годами, способны многое прояснить в его жизни и действиях.

Каждый берущийся пересказать беседу с ушедшим от нас и не имеющий точной стенограммы или фонограммы неизбежно ступает на зыбкую почву. Особая ответственность ложится на него. Ведь мертвые беззащитны... Каждый из нас, воспринимая речь собеседника, невольно выделяет в ней то, что созвучно его восприятию, смещая акценты и привнося в пересказ элемент личной оценки. В отношении бесед с В. А. Легасовым риск ошибиться особенно велик. Интегрирующая мощь его быстрого, никогда не прекращавшего работу ума была огромна. Мелкий факт, случайно

проскользнувший в разговоре, иногда, подобно последней капле, переполняющей соед, вызывал у него каскад обобщений, неожиданных и глубоких. Валерий Алексеевич обладал удивительной способностью перехватывать в беседе созвучную ему мысль, немедленно превращая ее в чеканные формулировки, более точные и емкие, чем слова собеседника. Высказываемые им идеи общего характера обычно оказывались вкрапленными в общую ткань спора или беседы по конкретному вопросу. Но именно они выступали на первый план и врезались в память как главный результат обсуждения. Многие из этих мыслей представляют именно сейчас большую ценность для всех нас. Поэтому, отчетливо сознавая трудность задуманного, я беру на себя смелость изложить его словами некоторые из высказываний. Изложить так, как услышал их я.

Октябрь 1983 года:

«Я думаю, что существует в жизни особый возраст. Я назвал бы его возрастом зрелости. Он мало связан с возрастом биологическим. Есть люди, вступающие в него очень рано. Но многие, к сожалению, не достигают его никогда.

Возраст зрелости наступает тогда, когда к человеку приходит ясное сознание личной ответственности за судьбу не только его собственную и не только за судьбу его близких, но и за судьбу всей страны, всего народа. Возраст зрелости приходит тогда, когда вы подчиняете все свои действия одной цели — воплощению в жизнь самых светлых идеалов. Этому должны быть отданы все мысли, все силы, все время. Славна земля наша и история наша подвижниками, которые брали на себя эту тяжелую ношу. Но есть и другой сорт людей, к сожалению. Не обремененные чувством долга, а часто и грузом знаний, они легко шагают по жизненной лестнице со ступеньки на ступеньку, достигая этажей высоких, поднимая на уровень общегосударственных интересов интересы личные. Что же тогда удивляемся мы нелепости многих принимаемых решений как в науке, так и на государственном уровне? Хорошо бы ввести специальный экзамен на зрелость. Но как и кто разработает его программу?»

Май 1984 года:

«Напрасно вы упрекаете меня за то, что я взвалил на себя это новое и трудное дело, не соразмерив с ним сил и возможностей своих по времени. Я просто не имел права отказаться, когда Н просил меня возглавить рабочую группу по изучению проблем обеспечения науки современными прецизионными приборами. Слабость приборной базы — это одна из самых главных причин нашего прогрессирующего отставания. Он убедил меня в этом. Мы ведь говорили уже с вами о возрасте зрелости. Пожалуй, я был не совсем прав, когда назвал главной бедой непродуманность, некомпетентность, даже бездарность решений, принимаемых не достигшими зрелости «ответственными» людьми. Люди эти высокого положения являют молодому поколению пример того, как легче добиться успеха. Вот и вырастили мы несколько поколений граждан инфантильных, не желающих да и не способных принимать на себя груз важных решений и отвечать за них. Прячемся за широкую ближайшую спину. Поступаясь принципами, здесь смолчим, там словчим. Вот наша главная беда».

Сентябрь 1984 года:

«Дискуссии, споры, обсуждения, заседания... а не кажется вам, что многие дискуссии в нашей науке напоминают споры в племени людоедов? Тут уж не научные истины проверяются и отстаиваются, а идет борьба за выживание! В такой борьбе все средства хороши. История с биологией, теоретической химией, кибернетикой — только верхний слой, самые одиозные случаи. Страшнее общий стиль, укоренившийся с тех времен и сохраняющийся до сих пор. Не умеем вслушиваться в доводы оппонента, вставать на его позицию. Сила аргумента пасует перед силой положения... Я думаю, что

настоящий смысл научного спора — выявление того общего, что объединяет, а не разделяет позиции спорящих. Здесь должен работать принцип консенсуса (согласия). Результат обсуждения должен быть одинаково стимулирующим для всех спорящих, тогда возникнет необходимость дополнительной работы, поисков, исследований. Вот это и будет конструктивным результатом обсуждения.

Бессмысленно, абсурдно решать научные проблемы голосованием. Вспомните Джордано Бруно, Коперника, Галилея. Кто бы поднял руку за них? По мнению дикаря, Земля была и всегда будет плоской... Вывод — участники спора не должны превышать уровень своей компетентности.

Стремление растоптать и унижить оппонента, уничтожить его морально (не дай бог, и физически) — первый признак дикости, варварства, отсутствия культуры. Вырезание инакомыслящих — самый верный путь загубить любое дело. Как нам еще далеко до понимания этих простых вещей. Будут ли дети мудрее нас? Верю, что будут, если каждый из нас даст им хороший пример доброжелательности в спорах».

Март 1985 года:

«Я не менее вас огорчен, что N поступился принципами и занял такую позицию. Его, вероятно, сломал аппарат, хотя он и отрицал это в беседе со мной. Стратегическими целями нельзя жертвовать, но тактика должна быть гибкой. Придется искать компромиссный вариант. Документ нужно переработать, сохранив основное ядро. Это самое важное.

В жизни не бывает вечных схем и решений... Новое состояние общества, новое положение в мире требуют совершенно других решений, других форм организации и науки, и общества. Но как довести это до понимания феодалов?»

Декабрь 1985 года:

«Вчера я погорячился, я был неправ. Простите меня. Просто сказанное вами меня слишком задело лично. А если разобраться, то и вы тоже неправы. Одни материальные стимулы эффекта не дадут. Слишком многих, и не только наверху, но и внизу, устраивает создавшееся положение. С ним свыклись, вкус к настоящей работе потерял. Из этого следует, что сейчас особенно важно объединить людей, которые хотят и могут что-то изменить. Нужна определенная критическая масса ума и энергии, нужен коллектив единомышленников. Только это обеспечит начало цепной реакции перемен. Посмотрите, как дружно выступают все наши противники. Все они были такие разные, вчера еще они грызли друг друга. А сегодня — монолит. Безошибочно сработало корпоративное чувство. Учиться надо! А мы что же? Каждый умен и энергичен. Но каждый хорош по-своему, каждый засел в свой окоп за свой план. А каков будет результат? Расщелкают поодиночке. Я еще раз говорю, нужно не жалеть времени на подготовку и выработку общей позиции».

Ноябрь 1987 года:

«Да, теперь каждый имеет право высказать свое мнение. И все заговорили. Негатив получается прекрасно. Ругаем историю и друг друга мастерски. Но пока еще плохо обстоит дело с позитивными программами. Право говорить — половина дела. Другая, и более важная, половина — обязанность слушать. До сих пор не выработано механизма, который бы учитывал общественное мнение и претворял бы его в конкретные решения. Пока дело обстоит так, мы вперед не продвинемся ни на шаг».

Апрель 1988 года:

«Мои оппоненты называют меня мальчиком с далекой химической окраины, который пришел учить аксакалов, построивших здание химической науки, как в нем жить и как это здание перестраивать. В этом есть доля истины. Я действительно с окраины, я ведь физикохимик. Но сейчас именно на окраинах, в пограничных областях возникают все

наиболее важные точки роста. С окружающих долину холмов можно увидеть такое, что со дна долины не увидишь. Вот насчет желания учить они заблуждаются. Я не оракул, а учить можно только того, кто чувствует в этом потребность. Правила общежития должны быть выработаны и приняты всеми, как и любой план реконструкции общего дома. Бессмысленно говорить с человеком, который убежден в том, что закон стаи, закон силы — самый лучший закон. Бессмысленно работать над планом перестройки с тем, кто любую реконструкцию отвергает, по существу, с порога. Трудно найти выход из этого замкнутого круга».

До глубины души потряс преждевременный уход Валерия Алексеевича из жизни. Трудно поверить, что в расцвете творческих сил академик Легасов в свои пятьдесят два года покончил с собой. В этой связи еще раз вспоминается огромный вклад Валерия Алексеевича в дело ликвидации последствий в первые же часы после аварии, проявленные им тогда мужество и самоотверженность.

В эти первые часы уже появились пострадавшие, которые нуждались в экстренной медицинской помощи. Эту помощь оказали местные медики, и особенно из города Припяти, которые включились в работу сразу же после аварии. Врачи распределяли подвергшихся поражению радиацией людей по степени его тяжести. Часть больных тут же отправляли в киевские больницы, а наиболее тяжелых — специальными рейсами на самолетах в Москву, в клинику № 6. Следует отметить, что занаряженный автотранспорт в Москву был тщательно подготовлен, покрыт специальной пластиковой пленкой. Это связано с тем, что у всех больных была высокая степень радиоактивного загрязнения. Одежда пострадавших была в последующем вся уничтожена, а автобусы тщательно продезинфицированы.

При проведении анализа крови у больных было, прежде всего, выявлено отсутствие нейтронного облучения. Короче говоря, в крови не содержался такой изотоп, как натрий-24. Этот изотоп является показателем наличия нейтронного облучения. Значит, академик В. А. Легасов был прав, первым установив отсутствие нейтронного излучения из реактора.

И, мне кажется, совсем безнравственно то, о чем писал академик АМН СССР Л. А. Ильин в своей статье «Диагноз после Чернобыля», опубликованной в газете «Советская Россия» от 31 января 1988 года: «Мы, медики, первые установили отсутствие нейтронной радиации, то есть цепная реакция в реакторе была прекращена в момент аварии».

Валерий Алексеевич Легасов не в Москве, а в Чернобыле, проявив героизм и мужество, лично выехал к аварийному реактору и произвел необходимые измерения, установив отсутствие мощных нейтронных потоков, о чем я уже рассказывал.

Неоднозначной, на мой взгляд, представляется роль медиков в чернобыльских событиях. Они столкнулись с серьезным поражением пострадавших от радиационных ожогов. У некоторых пострадавших площадь поражения кожи достигала 90 процентов. Разработанный медицинский препарат «Лиоксанол» помогал в какой-то степени ослабить последствия ожогов. Но в период моего лечения в клинике № 6 я еще застал нескольких пораженных, у которых при всех стараниях медиков не приживалась пересаженная кожа, то есть трансплантация была неэффективной.

Академик Ильин в защиту медиков в своей статье говорит о том, что для обследования и лечения пострадавших были привлечены ведущие специалисты Института биофизики, а также ряда медицинских учреждений. Это было вызвано отчасти и слабой подготовкой рядовых медиков, их неумением повсеместно оказывать помощь в подобных ситуациях. А ведь как-никак Леонид Андреевич Ильин является председателем национальной комиссии по радиационной защите, директором Института биофизики.

Медицина оказалась неподготовленной и неспособной оказать действенную

помощь ряду больных.

Вместе с тем впервые за послевоенные годы была развернута огромная по масштабности сеть медицинской помощи и контроля в районах и областях, прилегающих к Чернобылю, которая охватила почти миллион человек, из них 216 тысяч только детей.

Но наши медики действовали по-разному. Несколько примеров. Однажды мы с Председателем Совета Министров Украинской ССР А. П. Ляшко приехали в Полесский район, куда было эвакуировано 39 тысяч человек. Так вот значительная часть этих переселенцев мигрировала из района еще дальше в основном потому, что некоторые местные врачи «разъяснили» населению, что в Полесском районе проживать опасно. Но точной радиационной обстановки по этому району пока не было. Началась паника. Это был настоящий скандал.

Местные советские и партийные органы тщательно во всем разобрались. Кое-как успокоили население.

Или вот в Брагинском районе Могилевской области в центральной больнице вместо 50 по штату в апреле 1988 года работал всего 21 человек. О какой диспансеризации населения могла идти речь? За два года из этого района уехали 34 специалиста. Половина попросту сбежала. В то же время медики из разных мест нашей страны изъявили желание поработать в этих условиях.

О чем бы мы ни говорили, какие бы планы ни строили, какие бы только аварии не укрощали, что бы мы вообще ни делали, главная забота — здоровье людей. Ведь как досадно, когда встречаешься с равнодушием медиков по отношению к участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Я лично получил много писем от жен бывших воинов и уже приводил одно из них.

А вот другой пример. Прилетел в служебную командировку в Ставрополь. Ко мне обратилась М. Г. Лагудина, тоже жена солдата, которому ампутировали ступню левой ноги. После ампутации рана не заживала, ему дали инвалидность и назначили пенсию, а жене сказали, что нечего хлопотать, муж все равно скоро умрет. Солдат долгое время был в Чернобыле, полтора месяца стоял на посту дозиметрического контроля в поселке Лелево. Ясное дело, солдат получил определенную дозу облучения, и это, возможно, спровоцировало незаживление раны. И вот, вместо того чтобы вникнуть в суть заболевания, отправить больного в клинику или вызвать нужных консультантов, такой ответ дали жене солдата, что та, бедная, вся в слезах, не может и слова вымолвить толком. Какова же цена такому бездушному отношению врачей к человеку, который потерял здоровье в Чернобыле? Да таких врачей нужно лишать диплома!

Особым оптимизмом и лживостью отличалась медицина, начиная с самого министра здравоохранения Е. И. Чазова. От ее гуманности могут встать волосы дыбом. Поистине, как сказал В. Казько в статье в «Литературной газете» от 25 апреля 1990 года, зазеркалье, перевернутый мир. Министр здравоохранения БССР Н. Е. Савченко с экранов телевизоров заявил всем жителям республики, что опасность от чернобыльской аварии для них не больше опасности при рентгене зуба, длящемся 0,7 секунды. И ничего. Возглавил республиканский Фонд милосердия.

А первый секретарь ЦК КП Белоруссии в момент аварии на Чернобыльской АЭС Н. Н. Слюньков чуть позже становится членом Политбюро ЦК КПСС и уезжает в Москву. Председатель Президиума Верховного Совета БССР Г. С. Таразевич следует за ним и возглавляет Комиссию по национальной политике и межнациональным отношениям. Ну что ты скажешь, читатель? Какие ура-патриоты! Вот вам и человеческий фактор!

Не могу забыть до сих пор замечательного офицера А. В. Кучеренко, который длительное время занимался в группе подполковника А. П. Сотникова дезактивацией

первого и второго энергоблоков. Насколько я знаю, особого переоблучения он не получил. Но вот никогда не болело сердце, а тут вдруг на тебе. Идет в поликлинику. Врачи ничего особенного не находят, но человек-то жалуется, нужно же внимательно отнестись к жалобам и направить на обследование в госпиталь. Однако врачи его спокойно отпускают, а в ночь он умирает от сердечно-сосудистой недостаточности. Ведь человека врачи явно могли спасти, если бы были просто внимательны, а не бездушны!

Я мог бы приводить примеры и далее. Но не в этом суть вопроса. Мы говорим о нравственности, об ответственности перед своей совестью, перед обществом, перед человеком, за жизнь которого он, врач, в ответе.

Испытав, как говорится, на собственной шкуре все тяготы и лишения чернобыльской аварии, я очень настороженно отнесся к статье академика Ильина, особенно к его скоропалительному прогнозу насчет возвращения эвакуированного населения в родные места. А ведь этот академик отмечен Звездой Героя Социалистического Труда. Но вот в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года появилась отличная, правдивая статья «Вокруг зоны», в которой указывается, что говорить, будто белорусам удалось взять «радиационного бога» за бороду — значит допускать грубейшую ошибку. Сделаны первые шаги и на Украине, и в Белоруссии. Нам понадобилось целых два года, чтобы овладеть азбукой борьбы с радиационным загрязнением окружающей человека среды. Очень быстро ушли йодистые соединения, но что делать с оставшимися? Сколько понадобится времени, чтобы добиться устойчивого улучшения условий труда и жизни вплоть до полной нормализации, никто пока ответить не может. К сожалению, у некоторой части руководителей (чем они дальше от аварии, тем их больше) сложилось ложное представление, будто бы все страшное уже позади и хоть завтра заселяй деревни, пункты, лишь бы была работа и землю пахать можно было. Совершенно прав автор статьи

А. Симуров, который пишет, что ученые категоричны. Опасны и вредны две крайности. Первая — пренебрежение реальностью, с которой связано облучение при несоблюдении рекомендаций специалистов. Поскольку никто не умирает, решили многие, то можно употреблять молоко, мясо, рыбу, собирать грибы и ягоды в местах, где это не разрешалось. Другая крайность — преувеличенное представление о риске, об угрозе проживания на ряде территорий в контролируемых зонах. Все это нужно тщательно исследовать, анализировать, и только тогда можно ставить вопрос о возможности восстановления жизнедеятельности населения.

Разные мнения приходится слышать, когда люди пытаются, как говорится, своим умом докопаться до первопричин чернобыльской трагедии. Нередко, к сожалению, высказывается и такое: мол, распустились люди, ничего не боятся, Сталина бы на них...

В связи с этими высказываниями хотелось бы поразмышлять: способствует ли страх перед репрессиями повышению чувства ответственности? К кому применялись эти репрессии — к безответственным людям или к кому-то другому? Сколько хозяев должно быть в стране? Когда укреплялось и когда уничтожалось чувство хозяина в каждом труженнике?

В поисках ответов на эти и подобные вопросы мы обращаемся к истории, и не только к официальной, но и к истории своей семьи, села, района, области. Ведь из таких «частных» историй и складывается общая история народа.

Вот и я, обращаясь к разным периодам нашей истории, хочу рассказать о том, что видел собственными глазами или слышал из уст близких мне людей.

Впервые о жертвах периода культа личности я узнал не из книг. И не были они какими-то крупными политическими или военными деятелями. Это были колхозники отец и сын Пуляевы из нашего села Гремячьего. Старший, Иван Васильевич, был родным

братом моей мамы, а сын его Алеша доводился мне, значит, двоюродным братом.

Он родился в 1908 году, с 13 лет начал пасти овец: имел такое пристрастие. Пас он и до революции, и после революции, вплоть до коллективизации в 30-х годах. Жили большой семьей, и не так уж бедно: своя земля, лошади, корова, плуг, телега, даже веялка была в хозяйстве. Началась коллективизация. Все отдали в колхоз. Пять лет отработал Алеша на разных местах. Как лучшего колхозника его послали на годичные курсы осеменителей в Воронеж. После учебы вернулся в колхоз и стал одним из лучших колхозников. Получал денежные премии, отрезы. Вновь купили корову, пять овец, соху и утварь. Сосед из зависти написал в НКВД донос, что Алеша враг народа и нехорошо отзывался о первых депутатах Ткачеве и Воротникове. Второй сосед подпоил двух комсомольцев и заставил их тоже подписать этот донос.

3 января 1938 года Алешу арестовали ночью дома. Оторвали его от троих детей и молодой жены Марии, как преступника. Начальник НКВД Клячин лично вел короткий допрос. Трезвые комсомольцы решили отказаться от своих подписей. Тогда Клячин пригрозил их посадить, а Алексея освободить. Судила тройка. Приговор— 10 лет заключения. Вслед за Алешей арестовали и его отца и тоже посадили на 10 лет.

Как и по всей стране, в нашем Гремяченском районе пошли повальные аресты и даже расстрелы. Первым расстреляли бригадира колхоза за то, что на колхозной лошади отвез в Воронеж вишни на базар. Такая же участь постигла и других. Гремяченских арестантов сопровождал конвой, и гнали их пешком в воронежскую тюрьму. Она была переполнена так, что ни сесть, ни лечь в камерах было невозможно. В тюрьме, вспоминал Алеша, был сущий ад. После нескольких дней пребывания в тюрьме всех арестованных под покровом ночи переправили в разные лагеря. Алексей попал в «Севераллаг», что был расположен в Свердловской области, Серовском районе. Работали в основном на лесоразработках и заготовках. Питание самое отвратительное. Начался настоящий мор. Ежедневно десятки трупов выволакивали в ямы и засыпали.

Началась Великая Отечественная война. Осужденных собирали в бараках и столовой. Алексей присутствовал на одном таком сборе. Военный, офицер, обратился к ним и произнес: «Товарищи! Родина в опасности...» Все плакали от впервые услышанного слова «товарищ». Всем желающим попасть на фронт была предоставлена возможность написать заявления. Осужденные, почти поголовно разучившиеся писать, выводили буквы и складывали слова. Заявления собрали, но, к сожалению, не все попали на фронт...

Война подходила к концу. Близилась победа. Неожиданно в лагерь повалили осужденные офицеры, так называемый берлинский этап. Многих из них расстреливали тут же. Весь Урал кишел заключенными. Были попытки побега, но далеко не убежишь — кругом болота. За попытку побега тоже расстрел. Алеша чудом остался жив.

Жена его Маша осталась с тремя детьми, когда посадили Алексея. Она объединилась со свекровью, у которой было шестеро детей на руках. Решила Маша искать правду: уж больно верила и любила Алешу. Добралась-таки до самого прокурора Воронежской области. Стали разбираться с липовым делом. Признали Алексея невиновным. Пообещали вскоре освободить, но, увы... Начались хождения по новому кругу.

В 1947 году вернулся Алексей домой. Маша и дети наконец дождались своего кормильца. Еще живы были эти подонки — соседи, которые принесли в семью и горе, и страдания. Не раз повторял Алеша, что были у него грешные мысли обоих прикончить, но отступал, как только представлял новые страдания своей семьи. А вот начальника НКВД Клячина Маша как-то встретила случайно на базаре в Воронеже: он был жалкий как дворовый пес и весь трясся. Один из комсомольцев, подписавших донос, выбился в

милиционеры и долгое время работал в селе Костенки, где и доживал свой поганый век. Его бы посадить, но даже лагерь не изуродовал Алешину душу. Он говорит: «Нет, Николай Дмитриевич, комсомольцы не виноваты, их ведь просто заставили подписать страшные бумаги». Теперь Алеша реабилитирован.

Мне никогда не забыть одну интересную встречу с крупным металлургом страны, ведущим ученым и специалистом в области стали и сплавов. Эта встреча состоялась в декабре 1962 года в городе Саратове. Я уезжал защищать диплом инженера в Харьковский автомобильно-дорожный институт. Вечером зашел поужинать в привокзальный ресторан. Через несколько минут ко мне подошел человек лет шестидесяти и спросил, свободно ли место за столиком. Тут же попросил официанта принять у него срочно заказ, так как спешил на поезд в Москву. Разговорились, и я узнал, что у него большое горе. Сегодня похоронил мать, а на поминки не остался, так как не пожелал сидеть за одним столом с близкими родственниками, часть из которых в период репрессий отвернулась от него, как от врага народа.

«А какой же я был враг народа? — сокрушался мой собеседник. — До войны работал преподавателем на кафедре Института стали и сплавов в Москве, занимался научной работой, защитил докторскую диссертацию в 29 лет, разрабатывал новые сорта стали и сплавов. И как-то на кафедре обронил слово, что очень много ученых почему-то арестовывают и что даже будто бы самого Туполева тоже арестовали. Не успел, как говорится, и вякнуть, как ночью меня арестовали, а родная жена под страхом подтвердила мои «нездоровые разговоры» в семье по этому поводу. Мне дали десять лет и выслали в Норильск. Условия были жуткие. Многие не выдерживали и умирали от истощения или замерзали.

Мне, — продолжал он, — немного повезло: доверили машину — возить начальника лагеря. Это был деспот и садист. Я решил себя и его угробить. Как-то разогнал машину и направил ее на мощный чугунный столб. Ну, думаю, конец тебе, мерзавец, да и своя жизнь уже опостылела. На мое удивление, передним бампером этот столб срезало, как бритвой. За преднамеренные мои действия добавили еще пять лет. Но тут я занялся изучением поведения металлов в условиях низкой температуры. В тюрьме написал много работ. Вы технологию металлов изучали в институте?» — спросил он меня. «А как же!» — ответил. «А кто автор учебника?» — «Болховитинов». — «Вот и будем знакомы. Я и есть тот самый автор учебника. А написан он в тюрьме.

Когда началась война, меня вдруг вызвал наш деспот в чине полковника и приказал: «Ну ты, ученый, собирайся в Москву».

Всю дорогу ломал голову: зачем я им понадобился? Шпокнуть и тут могли без суда и следствия... На вокзале меня встретил молодой капитан-танкист и сразу: «Вы товарищ Болховитинов?» Я отвечаю: «Да вроде бы», — «Очень хорошо», — говорит капитан и предлагает мне пройти к машине. Меня привезли в специальное КБ, где день и ночь мы занимались металлом, который шел на танки, пушки, пулеметы. Я даже Сталинскую премию получил. А когда обмывали эту премию, я не удержался и сказал: «А зря тогда меня посадили...» На следующий день я вновь был арестован. Было это в августе 1947 года.

Вот так-то, — закончил Александр Николаевич, — в итоге я отсидел почти десять лет. Всю жизнь сломали. А теперь хоть я реабилитирован и восстановлен в партии, но никому не верю, даже партии, которая не смогла защитить своих лучших сынов от произвола и жесточайшей расправы».

Если бы я знал тогда, что когда-нибудь меня потянет писать, я уж что-что, а эту памятную встречу тут же зафиксировал бы на бумаге. А когда оказался в Москве в 1967

году, то нашел Александра Николаевича, но только на кладбище...

Нет, мы стали забывать эти тяжелые времена. Не по себе становится, когда видишь в баках для мусора куски хлеба. Какая же безнравственность — хлеб выбрасывать на помойку! Ну почему же в школе у нас не ввести специальные занятия или уроки о бережном отношении к хлебу и ко всему богатству страны? Ведь порою заходишь в подъезд дома, смотришь — дверь поломана, почтовые ящики покорежены; заходишь в лифт — та же картина. И задумываешься: откуда это? Ответ один — от отсутствия подлинного воспитания детей в семье, школе, общественных организациях. И если сегодня подрастающее поколение испытает с ранних лет, что такое труд в любом его проявлении, чего он стоит, это и будет называться перестройкой воспитания человеческих душ и нравственной перестройкой общества. Но об этом должны позаботиться и в семье, и в школе, и в вузе. Все мы должны кропотливо прививать детям эту любовь к труду, который будет их кормить всю жизнь, до самой старости, учить их бережно относиться ко всем ценностям.

Подытоживая свидетельства очевидцев событий в русской деревне 20—30-х годов, можно сказать, что они дают серьезное основание подвергнуть сомнению ряд сложившихся стереотипов. Прежде всего сомнительно представление о русском крестьянстве — а оно составляло тогда большинство нашего народа — как о некоем тупом скопидоме, которому чужд коллективизм. Неверен, на мой взгляд, и расхожий теперь штамп о том, что крестьянин всей душой противится труду в коллективном хозяйстве и только силой страха можно заставить его это делать. Обращаюсь к воспоминаниям матери о том, с каким энтузиазмом работали они в первые годы на колхозных полях. Да и позже сама жизнь не раз заставляла крестьян объединяться, что давало весьма ощутимый эффект. Другое дело, когда колхозники почувствовали отчуждение от результатов своего труда, это не могло не подорвать у них чувство хозяина, которое не может заменить никакой страх.

Вот с такой раздвоенностью многих: с одной стороны, врожденное и не раз декларированное чувство хозяина страны, а с другой — почти полная отстраненность от этого хозяйствования — пришлось сталкиваться и в Чернобыле.

Вернемся в зону ЧАЭС, где работы развернулись не только на территории, но и на высоте — на зданиях и сооружениях.

Учитывая фактическую разрозненность в научном обеспечении, было принято решение координировать все предложения других научных групп только через научный центр

Министерства обороны. Научный центр в Чернобыле постоянно взаимодействовал с представителями научно-исследовательских организаций других министерств и ведомств, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Как правило, личный состав этой группы работал не более месяца, исходя из условий радиационной безопасности. По истечении месяца мы подбирали новых специалистов и проводили своевременную замену.

Наиболее заметный вклад и исключительную деловитость проявила группа под руководством полковника А. А. Дьяченко. Сам он, неумная натура, всегда был в поиске наилучших средств и способов дезактивации, проводил оригинальные эксперименты, внедрял в практику результаты научных исследований. Его отличали также исключительная исполнительность и дисциплинированность. До Чернобыля я знал Анатолия Александровича только с положительной стороны. Но для того чтобы отстоять его кандидатуру на эту должность, я неоднократно брал его с собой в поездки и полеты над Чернобылем для предметного знакомства. Как-то в одну из таких поездок я взял с собой

операторов полковника А. А. Кузнецова, подполковника Ю. Н. Клименко, ну и Дьяченко. Мы вылетели на вертолете в город Припять. Как только приземлились в Припяти, пересели на «УАЗ-469». Нас ожидали офицеры А.В. Кучеренко и И.С. Тодосейчук. Подполковник Кучеренко показал нам красивый, но совершенно пустой город. Полное безмолвие. Колючая проволока в несколько рядов опоясывает Припять по периметру. С двух сторон его установлены милицейские контрольно-пропускные пункты. Улицы, площади, парки, скверы пустынные. Население — около 40 тысяч человек — было вынуждено покинуть свой молодой и цветущий город. Эвакуация — это весьма неприятное мероприятие, а в условиях радиоактивного заражения тем более.

Я невольно сопоставлял жуткую картину эвакуации жителей нашего огромного села Гремячьего летом 1942 года и эвакуацию жителей из Припяти и Чернобыля в мае 1986 года.

В целом эвакуация населения из Чернобыля и Припяти прошла организованно. Этим процессом занимались партийные, советские и административные органы. Но все же были и упущения, и некоторые издержки. Во-первых, не оказалось заранее подготовленных списков на эвакуацию населения, и более двух тысяч милиционеров бегали по подъездам и срочно составляли их. Они же распределяли, куда посадить детей, куда — их родителей, стариков. Во-вторых, была допущена серьезная психологическая ошибка, когда в обращении к народу по поводу эвакуации сообщали (я считаю, обманули население), что эвакуация будет всего на два-три дня. Председатель исполкома города Припяти без тени смущения говорил мне, что иначе была бы паника. Я ему: «Неужели советский человек такой паникер, что если ему скажут взять летние и зимние вещи, пока они радиоактивно не заражены, то он этого не поймет и потащит в автобус телевизор или шифоньер? За кого вы принимаете наших людей?». Председатель исполкома молчал, а что ему было отвечать? «Ну, в крайнем случае, — говорю, — поставили бы контролеров».

Ничего подобного и многого другого не было сделано. Колонну машин собрали из 980 автобусов и 550 грузовиков. Она оказалась неуправляемой, поэтому значительная часть машин разъехалась не в те места, которые были для них спланированы. Собирали эти семьи в последующем очень долго. Так что гражданская оборона имела тут серьезные издержки в подготовке руководящего состава, формирований и населения. А на бумаге все было хорошо.

Вот и в Воронеже в сорок втором. Несмотря на то, что Воронежская областная партийная организация занималась подготовкой к отселению жителей из прифронтовой зоны, весь Гремяченский район, его многочисленные села оказались оккупированными немцами, и никакой организованной эвакуации не было. Более того, фашисты застали врасплох не только жителей района, но и всех работников партийных и советских органов, которые были сразу арестованы. Со связанными руками их прогнали через все село и на окраине Гремячьего Лога расстреляли.

Мне до сих пор непонятно, как такая беспечность могла проявиться у нас в районе? Ведь шел уже второй год войны, ведь мы знали, какие жестокие бои шли под Воронежем.

Решения областного партийного актива, проходившего летом 1942 года, хотя и имели большое значение для подъема практической деятельности партийных, советских и хозяйственных органов, но все же носили формальный характер, и особенно в части подготовки населения к эвакуации.

Гремячье, расположенное всего в 30 километрах от Воронежа, оказалось на оккупированной территории. Фашисты установили в нем свои порядки, чинили расправу над населением. Правда, они сполна получали в ответ. Активные действия жителей, связь их с партизанами вынудили фашистов срочно выгнать всех из Гремячьего и ряда других

прифронтовых сел, как говорится, в чистое поле, куда глаза глядят, а все дома и строения разломать на укрепление своей обороны.

Зимой 1943 года шли ожесточенные бои за Воронеж. В феврале он был очищен от гитлеровцев. Тяжелые бои были и при освобождении нашего когда-то красивого села Гремячьего. Оно не было сожжено, как, к примеру, Хатынь в Белоруссии, но практически ни одного дома из более чем тысячи не осталось. Все дома фашисты разобрали на строительство блиндажей, дзотов, дотов, командных пунктов, складов и прочих сооружений. Наши прекрасные сады были безжалостно вырублены для строительства заграждений в этих местах. А у подножия Гремяченской горы был отрыт глубокий противотанковый ров, который и теперь еще не затянулся.

Хорошо помню день освобождения и села Селепяги, где мы квартировали. Ночью в наш дом постучали какие-то незнакомцы. Мать первая вскочила и, как она нам потом рассказывала, с каким-то радостным предчувствием побежала открывать в сенях дверь. В маскхалатах стояли разведчики. На их шапках мать заметила красные звездочки. В слезах бросилась навстречу. Затеплилась надежда на конец наших мук. Разведчики вошли в дом, попросили рассказать, где и в каком примерно количестве немцы в Селепягах. Им подробно рассказали о Селепягах и о соседних селах. И тут узнали новость: наше Гремячье уже освобождено!

За лето в Гремячем почти на всех усадьбах появились мазанки или домики, крытые соломой. Возрождение села началось. Добротные же дома стали появляться только спустя десять — пятнадцать лет. А все наши домики назывались временками, так как строения из срезанных немцами фруктовых деревьев долго не выдерживали, гнили.

Этим же летом начал возрождаться и наш колхоз «Ленинский путь». У кого были лошади — отдавали в колхоз. Несмотря на то, что отец ходил на костылях и лошадь была крайне нужна семье, он настоял на том, чтобы брат свел в общий табун любимого Орлика, к которому мы привязались всей душой. Вскоре образовалось правление, в состав которого был избран отец. С первых дней пришлось Гремяченскому сельскому Совету столкнуться с необычайными трудностями. Нужно было учесть все оставшееся население, помочь ему продовольствием и одеждой, соорудить временные жилища, возобновить работу школ, лечебных заведений, создать парторганизацию и мобилизовать колхозников, в основном женщин, стариков и инвалидов войны, на возрождение колхоза, направить все силы на уборку огромного количества трупов, которыми были усеяны поля, овраги, огороды, луга.

Не только в нашем Гремяченском районе, но и во всех разрушенных городах и населенных пунктах страны начались тяжелейшие, кропотливые восстановительные работы.

Страшному разрушению подвергся и родной город Воронеж. Он лежал после изгнания фашистов в руинах.

Веками строился наш город, с именем которого связана история Российского государства, особенно в период преобразований Петра Великого. На протяжении целых четырех веков Воронеж решал общегосударственные созидательные и военно-стратегические задачи. Возник он как город-крепость для защиты южных границ Руси, а при Петре I стал колыбелью русского флота. Официально история Воронежа отражена в документах с XVI века. Но есть свидетельства недр земли, камня и человеческого слова о более глубоком его прошлом. Так, в черте нынешнего города и его ближайших окрестностях отрыли остатки древнеславянских поселений. Установлено, что славяне жили здесь еще десять веков назад. О еще более седой старине говорят раскопки одной из первых стоянок первобытного человека в селе Костенки, что совсем рядом с нашим

Гремячим. Люди в основном селились по правому, высокому берегу реки Воронеж. В дремучих лесах водились медведь, кабан, лось, волк, а в реках Воронеж, Усманка, Ворона жили в большом количестве, да и теперь водятся бобры.

Смотришь сейчас на эти места, и сердце обливается кровью от незначительного нашего отношения к природе. Под Воронежем ныне построили химический завод, чуть дальше завершается строительство тепловой атомной станции. И возникает вопрос: что ж ты, человек, творение природы, такие безумные создаешь проекты, отравляешь сам себе жизнь? А всем этим заправляют руководители самых высоких рангов.

Петр I много раз приезжал в Воронеж и подолгу жил в городе. Он очень интересовался богатствами края и его достопримечательностями. Лично обследовал район Липецка, Борисоглебска, раскопки Костенок. Его интересовали железная руда и минеральные воды, редкие звери и птицы, вековые деревья и доисторические животные.

Несмотря на вырубку ценного леса для строительства судов, Петр I заботился о сбережении наиболее важных массивов: он объявил заповедными местами Шиловский лес, в котором сегодня ведется строительство тепловой атомной станции, Хреновский бор и Телермановскую рощу. И никаких там не было норм проектирования мероприятий по гражданской обороне, проектных институтов, разных обществ в защиту природы, а был один только светлый государственный ум Петра Великого. Ведь, он и жить-то не собирался в этом Воронеже, а повелел-таки сохранить природу в ее первозданном виде для всей державы. А что творим мы теперь? Как бережем природу? Ни уроки аварий и катастроф в стране, ни примеры рачительности царя Петра Великого не меняют отношения к природе наших ответственных должностных лиц.

Не забыть мне в связи с этим борьбу за запрещение строительства тепловой атомной электростанции в заповедном Шиловском лесу. Как только началось строительство тепловой АЭС и стали губить лес почти что рядом с Воронежем — вопреки существующим нормам проектирования инженерно-технических мероприятий гражданской обороны, — меня с комиссией командировал в Воронеж начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин, чтобы на месте разобраться и подготовить докладную записку в Совет Министров СССР по данному вопросу. Мы действительно тогда много потрудились, вложили все свои знания при рассмотрении вопроса об опасности тепловой АЭС для населения города и окружающей среды, а также о сохранении заповедного Шиловского леса. Подготовили выводы и предложения о запрещении строительства этого объекта и доложили Алтунину. Александр Терентьевич много сил отдал тогда борьбе за запрещение этого строительства рядом с Воронежем. Он, душевный, добрый от природы человек, высокообразованный генерал, глубоко любил и понимал природу, умел ценить ее и в соответствии со своими служебными обязанностями вел непримиримую борьбу за соблюдение норм строительства и как начальник Гражданской обороны страны, и как член ЦК КПСС, и как депутат Верховного Совета СССР. Его последний заход был к Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову, но и у него не получил поддержки. Он в этой борьбе не смог пробить глухую стену непонимания со стороны заскорузлой и застойной бюрократии, преодолеть ведомственность министерств и пренебрежительное отношение государственных деятелей к природе и безопасности жителей Воронежа.

После неудачных сражений во многих инстанциях Александр Терентьевич вызвал меня и сказал: «Ну, земляк, не смог я выиграть эту битву, уж слишком велика сила у людей, которые живут только одним днем. На войне было легче». На том все и кончилось. Тепловая АЭС угрожает не только Шиловскому лесу, но и здоровью жителей города Воронежа и окрестных сел... Но, кажется, теперь можно сказать в прошедшем времени:

угрожала. Дело в том, что мои земляки в 1990 году развернули героическую борьбу за запрещение окончания строительства этой АЭС. Они готовили референдум. В это время я лежал вновь в так называемой Кремлевской больнице, или, как теперь называют, ЛОУ при Совмине СССР. Ко мне приехала делегация земляков и попросила написать обращение по данному вопросу. Я написал статью «Сражаться бесполезно!». Она была опубликована в газете «Молодой коммунар».

15 мая 1990 года состоялся общегородской референдум, призванный выяснить отношение горожан к тепловой атомной станции. Выяснили: 96 процентов принявших участие в голосовании — против строительства станции.

Можно подумать, что о настроениях горожан в горисполкоме не догадывались. Будто не было митингов протеста, бесчисленных петиций, отправленных во всевозможные инстанции, публикаций в местной и центральной прессе. Знали, конечно, и руководители исполкома, и уважаемые депутаты. Но открыто на сторону горожан не встали — духу не хватило. Ведь тогда потребовалось бы отстаивать свои позиции, обострять отношения с высокопоставленными лицами, давшими «добро» на строительство. Кроме того, пришлось бы искать рациональную схему обеспечения города теплом, сворачивать на путь интенсификации.

Иной расклад получается после референдума. Коли общественное мнение подтверждено официально, то не согласиться с ним уже нельзя. Руководителям города ничего и никому доказывать не надо. Более того, возможную нехватку тепла в ближайшем или отдаленном будущем можно объяснить несговорчивостью горожан: сами, дескать, не захотели иметь под боком атомную станцию, теперь не взыщите.

Да, надо уважать общественное мнение, изучать его, принимать во внимание. И референдумы необходимы. Но зачем проводить их ради проформы? Если называть вещи своими именами, ведь это игры в демократию. От них ни пользы, ни авторитета, одни убытки. Прошедший референдум обошелся воронежцам в 100 тысяч рублей.

Но для меня лично эта история имела некоторое продолжение. И даже, пожалуй, весьма забавное. Я все еще лечился в указанной больнице. После референдума 16 или 17 мая я сидел на скамейке чудной аллеи прекрасного, ухоженного парка больницы. Совсем неожиданно у скамейки появились трое мужчин, двое из них поддерживали совсем старенького человека, аккуратно одетого, чисто выбритого, ноги у которого едва передвигались. Ему-то и нужна была передышка. Меня попросили подвинуться, так как я оказался посередине. Я выполнил эту просьбу, потом снял очки и внимательно посмотрел на этих людей. Без особого напряжения в стареньком человеке я узнал бывшего премьера нашей страны Н. А. Тихонова. Тут же я выпалил: «Николай Александрович, это вы?» Он внимательно посмотрел на меня и спросил: «Молодой человек, а откуда вы меня знаете?» Я искренне ответил: «Вас наверняка многие бы узнали и теперь. А что касается лично меня, то два обстоятельства обязывают меня помнить вас. В 1981 году в апреле вы подписали постановление Совета Министров СССР о присвоении мне воинского звания «генерал-майор». Он удивленно посмотрел на меня: «Значит, вы генерал? А что же вы здесь такой молодой делаете?» Совсем коротко я рассказал о своей работе в Чернобыле и облучении, полученном на третьем блоке. Он искренне выразил мне свое сочувствие, пожелал полного выздоровления и успехов в службе. «А второе обстоятельство?» И я поведал обо всем, о похождениях Алтунина и о референдуме. Мой собеседник слушал не перебивая, а когда я закончил, коротко резюмировал: «Знаешь, дорогой генерал, находились и ученые, и министры, да и те же руководители партийной и советской власти, которые доказывали необходимость строительства таких объектов».

Совсем неожиданно разговор зашел о нападках на армию. Николай Александрович

выразился примерно так: «Что же это такое, какие-то Арбатовы изрекают, что армия — это разорение страны? Да в какие это времена сэкономили на армии?» Я ответил: «А знаете, теперь стало модой поливать грязью нас, но мы за себя постоим». — «Вот и правильно, генерал», — подытожил мой собеседник. Пожалуй, последний его вопрос был: «А что говорят про нас?» Я искренне ответил: «По-разному, а лично о вас плохого не слышал». На том наша затянувшаяся беседа была окончена. Все мы встали со скамейки, он пожал мне руку и тепло сказал: «Вон видите мои окна в главном корпусе? Так что прощу, заходите, генерал, в гости». Но больше я никогда не видел бывшего премьера. На следующее утро я оказался в реанимации, после чего лежал долгое время прикованный к постели.

А когда уже стал ходить, Николая Александровича в больнице не было.

Вернемся к делам Петра I в моем родном городе Воронеже.

Наверное, мало кому известно, что Петр I ставил опыты по акклиматизации в Воронеже «заморских» фруктовых деревьев и винограда. Так, на дальней Чижовке, где был построен загородный дом царя и разбит сад, Петр насадил «венгерских лоз винограда». Ф. Апраксин по указанию Петра раздавал крестьянам семена аниса. В дальнейшем Воронежская губерния выращивала анис не только для продажи внутри страны, но и для заграничного рынка. А теперь даже в Воронежской области мои земляки не знают про эти опыты.

Неподалеку от города Павловска, за рекой Осередь, был устроен государев зверинец, где содержались различные звери. А в 1716 году Петр приказал воронежскому губернатору наловить разных редких птиц и поймать пять или шесть диких быков для петербургского зверинца. Занимался Петр и улучшением дорог. В 1701 году по его указу была исправлена почтовая дорога Воронеж — Елец — Москва (теперь Задонское шоссе). По обочинам ее посадили деревья и установили верстовые столбы. И когда теперь мчатся автолюбители на юг между лесами, поди и не знают, чьих это рук творение.

Охватывая мысленным взором эту эпоху, В. Г. Белинский писал: «Из ничтожного духом народа и не мог бы выйти такой исполин, как Петр, только в таком народе мог явиться такой царь, и только такой царь мог преобразовать такой народ».

В царствование Екатерины II город Воронеж кормил хлебом и самые северные области и весь юг. Ежегодно с воронежских пристаней отправляли 150 тысяч четвертей хлеба, 150 тысяч пудов сала, 100 тысяч пудов шерсти.

Императрица Екатерина II стремилась всемерно усилить русское государство, возвысить его в глазах Европы. Она претендовала на роль продолжателя дел Петра Великого, лелея надежду прослыть радетельницей просвещения и прогресса. К своей цели Екатерина шла путем реформ. В 1775 году по ее указу в стране проводилось новое административно-территориальное деление. Россия была разделена на 41 губернию, губернии объединялись по две-три в наместничества. Наместники назначались из видных сановников и пользовались правом надзора над всем нижестоящим аппаратом управления и даже над судом. В их распоряжении находились и войска. Наместники несли ответственность перед самой царицей. Воронежское наместничество было создано в 1779 году и соответствовало территории губернии. Главное, что заботило всех воронежских наместников, — несколько облагородить вид города: Воронеж жестоко пострадал от пожара, случившегося 10 августа 1773 года. Сгорело 249 домов, 158 торговых лавок, 12 казенных соляных амбаров и городской магистрат. План перестройки города был разработан под руководством русского зодчего И. Старова. Этот план 11 марта 1774 года лично утвердила Екатерина II, и он был полностью осуществлен. В городе впервые появились аптека, больница и почта. Особой жалованной грамотой Екатерина II предписала городам «учредить и иметь школы». Специальная комиссия начала открывать

их в 25 губерниях, в том числе и в губерниях Воронежского наместничества. Часть средств давала казна.

За годы Советской власти наш город еще больше преобразился, вырос в крупный промышленный центр. Здесь производят самолеты, экскаваторы, прессы и многое другое. В период Великой Отечественной войны город несколько раз переходил из рук в руки, а потом лежал в руинах.

Перед своим отступлением из Воронежа немцы разрушили заводские корпуса, взорвали лучшие общественные здания: государственный университет, вокзал, здание обкома и облисполкома, Дворец пионеров. Разрушены были Митрофаниевский монастырь и его колокольня, искалечено прекрасное здание филармонии (бывшее дворянское собрание), разбита колоннада старинного дома Тулинова. Кроме того, Воронеж буквально лежал на минном поле. За четыре месяца саперы обнаружили на его улицах 58 тысяч противопехотных и противотанковых мин. 10 тысяч мин они подорвали на месте, остальные обезвредили и отправили на фронт.

Комиссия государственного контроля, выяснявшая ущерб, нанесенный Воронежу фашистами, установила, что в городе сожжено 18 тысяч домов — 92 процента его жилого фонда. Только материальный ущерб оценен в 5 миллиардов рублей.

Через 25 дней после освобождения Воронежа областная газета «Коммуна» отмечала: «Все больше и больше оживает город, наши села. Начали функционировать бытовые и культурные учреждения. В магазинах налажена выдача хлеба, швейная артель имени 20-летия Октября бесперебойно возобновила прием заказов».

В условиях невероятных лишений и огромных трудностей постепенно возрождалась жизнь и в истерзанном родном Гремяченском районе, и в его центре — селе Гремячем. Жители сооружали мазанки или домики, о которых я уже упоминал. На каждую мазанку шла в ход глина, которую замешивали вместе с соломой и месили босыми ногами. Но эту глину нужно было выкопать на берегу Дона и вручную, на тачках, привезти домой. Это сотни ездов. И вот дети, старики, женщины, словно муравьи, день и ночь с тачками курсировали от Дона до села. Зачастую семьи объединялись дворами. Соорудят такую мазанку одним — переходят к другим. А месить и «мазать» это плетеное сооружение довольно трудно, да еще обессиленному от недоедания человеку. Бывали случаи трагические даже в этот мирный период. Дело в том, что хорошую глину приходилось искать очень глубоко — образовывалась штольня, из которой ее выносили ведрами. И вот однажды штольня обвалилась, придавило женщину. Когда ее откопали, она была уже мертва. Муж ее погиб на фронте, и четверо детей остались круглыми сиротами. Позже они были устроены в детский дом.

В первые же дни и недели с небывалой силой и яркостью раскрылись такие замечательные качества советских людей, как любовь к Отчизне, своему родному селу или городу, трудовая доблесть, готовность преодолеть любые трудности и отдать все силы общенародному делу.

Как только на крестьянских усадьбах появились эти самые мазанки, сразу же все ринулись на строительство колхозных сооружений. Строились правление колхоза, овчарни, конюшни и прочее, и все тем же самым допотопным способом. Всех мастеровых собрали для делания телег, шитья сбруй для лошадей, восстановления семилетней и средней школ, магазинов, госбанка, зданий райкома и райисполкома, больницы и прочего.

Восстановление жизнедеятельности в городах и селах — это не только трудовой подвиг, тяжелые испытания и лишения, это и проявление прекрасной дружбы советских людей, которые оказывали всегда всяческую помощь друг другу. У кого сохранились,

например, коровы, те все молоко делили поровну с соседями.

История не знала еще такого сплочения, единства, такого великого и всеобщего патриотического движения, какое явили миру народы нашей страны в дни Великой Отечественной войны. Где же тот индивидуализм, нежелание крестьянина трудиться «на общество», о котором твердили досужие публицисты?

Весьма заметным событием в нашей стране в период восстановления городов и сельских районов было развертывание мощного патриотического движения среди трудящихся по сбору оборудования, строительных материалов, денежных средств. Рабочие предприятия становились на трудовые вахты для производства и передачи сверхплановой продукции освобожденным районам, колхозники засевали сверх плана сотни гектаров, урожай с которых отправлялся туда же. Со всех концов страны в восстанавливаемые города и населенные пункты потянулись эшелоны с топливом, строительными материалами, машинами, медикаментами, продовольствием и хозяйственными изделиями.

Подобная картина была в период ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Со всей страны везли лучший металл, оборудование, технику, транспортные средства, продукты питания, приезжали добровольцами специалисты атомных станций, такие, как Акимовы, отец и сын, Юра Самойленко, Саша Юрченко, Геннадий Дмитров, офицеры А. П. Сотников, А. Д. Саушкин, покойный ныне подполковник А. В. Кучеренко, майор С. Тодосейчук, полковники А. А. Кузнецов, В.Я. Сопельняк, Н. А. Гелевера, капитан 1 ранга Г.А. Кауров и многие, многие другие.

С Анатолием Васильевичем Кучеренко мне приходилось работать и в Москве, и в Чернобыле. Исключительно толковый инженер, он окончил Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева, до операции на крышах третьего энергоблока ЧАЭС работал много в группе подполковника А. П. Сотникова. Мы с ним и майором Тодосейчуком вместе с профессором Б. А. Огородниковым проводили сложные эксперименты по проверке качества и надежности системы фильтровентиляции, обследовали сотни домов в городе Припяти. Получили хорошие результаты. Тут же, в полевых условиях, разработали несколько полезных изобретений. Кучеренко остался в моей памяти как исполнительный, выдержанный и эрудированный офицер. У него уже была готова кандидатская диссертация, но, увы, защита не состоялась. Он умер совершенно неожиданно: остановилось сердце...

Я часто брал этого молчаливого и трудолюбивого офицера в состав своей рабочей группы. Обычно группа подолгу обследовала город, жилища, состояние загрязненности домашних вещей, уровня радиации в каждой квартире. И части результаты нас расстраивали. Особенно все мы переживали за судьбу молодого цветущего города Припяти, Чернобыля и тех населенных пунктов, которые без боя и всякого сопротивления были сданы невидимому врагу — радиации.

Не могу забыть особенно Брагинский район. Вроде бы и от Чернобыля далековато, а ведь как этот невидимый враг поразил ряд его поселков!

По моей просьбе вертолет Ми-8 аккуратно сел у поселка Солнечный. Вдоль дороги стояли прекрасные дома, школа, магазин, Дворец культуры. Невдалеке виднелся животноводческий комплекс. И ни одной человеческой души, как и в Припяти, редко только встретишь милиционера да химика-разведчика с прибором ДП-5В. Затрудняюсь сказать, когда сюда вернется человек. Тут высеялись и стронций, и цезий, период полураспада которых до тридцати лет. А восстанавливать населенные пункты и города надо. Наука должна не топтаться на месте, а искать, как сократить этот срок восстановления.

А вот поселок Гдень, где мы частенько задерживались всей группой. Гдень не так уж

и далеко от Чернобыльской АЭС, но ему досталось меньше. После длительной дезактивации местности, жилых домов, школ, учреждений население вернулось в свои родные дома, которых насчитывалось около 260. Сам поселок преобразился: проложена асфальтированная дорога, построены водопровод, фельдшерско-акушерский пункт, Дом механизатора. Кроме того, в этом поселке отремонтированы все школы, Дом культуры. Заменены шиферные крыши домов, дезактивированы колодцы, школьные дворы и личные усадьбы. Но тут уж энтузиастами дела стали сами вернувшиеся жители. Они работали вместе с солдатами.

Я очень обрадовался, когда прочел в газете «Правда» от 22 апреля 1988 года информацию по Брагинскому району, поселку Гдень и другим знакомым местам. Они стали, поверьте, какими-то родными, будто ты принимал участие в их освобождении, а мы всего-навсего их только обследовали, облетали и исходили. И особенно приятно было читать, что в Гдене уже сыграно две свадьбы. Обстановка явно стабилизировалась. Но это были единичные случаи.

Период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в населенных пунктах, городах, колхозах и совхозах напоминал период восстановления народного хозяйства в военные и особенно в послевоенные годы. Теперь можно без преувеличения сказать, что забота о быстрой ликвидации последствий аварии была на первом месте в ЦК КПСС и Совете Министров СССР, в ЦК компартий и Советах Министров Украины, Белоруссии и Российской Федерации. В те тревожные дни 1986 года все жили одной болью с населением пострадавших районов. Практически два года с напряжением сил работали воины Советской Армии и рабочие, гражданские специалисты и руководители разных рангов. А ведь сколько было и еще пока сохраняется болезненных вопросов! Но самые главные проблемы разрешены: в сжатые сроки возведено и принято в эксплуатацию уникальное защитное укрытие для поврежденного реактора, создана и постоянно функционирует система контроля за состоянием этого реактора и надежностью работы укрытия, введены в эксплуатацию три оставшихся энергоблока АЭС. И все же устойчивости в работе ЧАЭС нет.

Большое внимание было уделено размещению и трудоустройству эвакуированного населения. Как уже не раз сообщалось, вследствие аварии только на Украине была произведена эвакуация из 75 населенных пунктов Киевской и Житомирской областей с численностью населения около 110 тысяч человек.

За два года построен 101 населенный пункт с 10 953 домами усадебного типа с надворными постройками. Многие из них мы посетили с бывшим Предсовмина Украины А. П. Ляшко. Об этом я вкратце уже рассказывал. Вновь построены и введены в эксплуатацию медицинские учреждения, предприятия торговли и быта, общественного питания, школы, дошкольные учреждения, узлы связи, здания сельских Советов и другие объекты.

В ряде населенных пунктов Киевской, Житомирской и Черниговской областей, которые прилегают к зоне Чернобыльской АЭС, проведены большие строительные работы. Там осуществлялась газификация домов, заменялись крыши, строились водопроводы и сооружались объекты соцкультбыта. Все находящиеся на Украине эвакуированные семьи были в основном обеспечены благоустроенными квартирами или отдельными домами. Для работников Чернобыльской АЭС и строителей в Киеве было выделено 7500 квартир и более тысячи мест в общежитиях, в Чернигове — 500 квартир. Эвакуированному населению выплачены все виды компенсаций и соответствующие пособия. Сразу же после аварии совместно с воинами Советской Армии специалистами была создана система тщательного контроля ради о активности среды в днепровских водопроводах, а также во

всех реках, в водоемах, в подземных, водоисточниках и коленках в 30-километровой зоне и прилегающих к ней районах. В республике была создана радиологическая служба, оснащенная современным оборудованием и транспортом.

Неимоверные усилия солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, гражданских специалистов позволили выполнить огромный объем дезактивационных работ. Уровни радиации на территории АЭС и в ее помещениях снижены до значений, обеспечивающих вахтовую работу обслуживающего персонала.

На границе 30-километровой зоны построены комплексные пункты перевалки грузов, дезактивации техники и санитарной обработки людей. Созданы и функционируют пункты контроля и дезактивации транспортных средств на автомобильных дорогах и в других местах. Развернуты также санитарно-обмывочные пункты, станции обеззараживания, где подвергается специальной обработке различная одежда.

На всей территории 30-километровой зоны и прилегающих к ней районов систематически осуществляются радиационный контроль и разведка силами формирований гражданской обороны и другими службами.

Радиометрический контроль был введен и на всех рынках населенных пунктов областей, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Этим делом занято много лабораторий, отделов и постов.

Такое положение создалось на территории ряда населенных пунктов Могилевской и Гомельской областей Белорусской ССР, где нам пришлось длительное время заниматься и обследованием, и дезактивационными работами. Из этих областей покинуло населенные места более 25 тысяч человек из 107 населенных пунктов. Для них построено 9700 домов усадебного типа. Неоднократно проводилась воинами армии дезактивация 412 деревень, построено 400 объектов социально-бытового и культурного назначения, сооружены сотни километров дорог с твердым покрытием, вновь пущен водопровод, канализация, пробурена масса скважин. На сотнях тысяч гектаров выполнены углубленная вспашка, известкование, внесение минеральных удобрений, залужение и перезалужение земель. Все эти мероприятия в значительной степени снизили уровни радиации — невидимый враг стал слабее.

Как и в период послевоенного восстановления разрушенных сел и городов, встала острейшая проблема обеспечения населения продуктами питания, только теперь эта проблема оказалась еще острее, потому что нужны были «чистые продукты», защита человека от внутреннего облучения. Только в Белоруссии и на Украине была изыскана возможность дополнительного выделения и поставок сотен тысяч тонн мяса и молочных продуктов, крупы и макаронных изделий, а также многих промтоваров. Во всех школах зоны было организовано трех- или четырехразовое бесплатное питание. Партийные и советские органы стали более взыскательно спрашивать с представителей науки, органов здравоохранения. Пошли, в частности, на создание научных и медицинских подразделений. Сформировали специальные банки медико-биологических данных на сотни тысяч человек. В пострадавших областях республики разработали изотопные карты. Хорошо были изучены лучевые нагрузки на население и рассчитан прогноз его здоровья.

Повсеместно во всех селах и городах, где осталось проживать население, шел нелегкий процесс восстановления нормальной жизни и деятельности населения. В этом огромная заслуга воинов Советской Армии и гражданских специалистов. В этой тяжелой повседневной работе люди, как и в годы восстановления в послевоенный период, незаметно совершали свой трудовой подвиг. Но по-прежнему положение в загрязненных радиацией районах остается тревожным. Самой острой стала проблема переселения людей.

В зоне бедствия живут миллионы. Чернобыльская катастрофа поставила перед нами исключительно сложные задачи, которые затрагивают практически все сферы жизни, многие области науки и производства, морали и нравственности. К таким выводам пришла недавно группа государственных экспертов, которую возглавляли академики Н. Моисеев и С. Беляев, доктор биологических наук А. Назаров. Исходили они из единственно приемлемого и возможного в создавшейся ситуации подхода. Коль уж беда случилась и переселиться на иную планету мы не можем, надо срочно найти самые эффективные способы и средства, чтобы свести к минимуму последствия катастрофы не только для нынешнего, но и для будущих поколений. Прежде всего, спасти жизнь и здоровье людей, живущих в районах бедствия, обезопасить следующие поколения. Даже такие крупные авторитеты в научном мире, как Ю. Израэль, Л. Ильин, Л. Булдаков, Е. Чазов, В. Марьин, Д. Попов, и другие пытаются преуменьшить масштабы чернобыльской катастрофы. Девяносто два ученых в своем письме на имя Генерального секретаря ЦК КПСС пытаются утверждать, что чернобыльская беда вовсе не так уж страшна, как ее стремятся изобразить ученые Академии наук Белоруссии. Было бы мое право, я бы всех этих подвижников выселил со всеми их семьями в эти зоны и повелел бы долго жить. Ну как же безнравственны эти люди! Ведь большинство районов Белоруссии мы, военные ученые, специалисты гражданской обороны, в меру возможного еще в 1986 году обследовали, брали пробы, и результаты были самые прискорбные. А когда я прибыл в Академию наук БССР, вооруженный результатами, то ученые Белоруссии сообщили, что их и наши данные исследований совпали.

В интервью газете «Социалистическая индустрия» от 29 ноября 1989 года Д. Попов заявил: «Иностранные ученые (речь идет о группе экспертов ВОЗ. — Я. Т.) были потрясены радиологическим невежеством ученых Академии наук Белоруссии. Здесь, видимо, больше политической конъюнктуры, погони за авторитетом у митингующей толпы, чем настоящей науки».

Еще раньше эту «оговорку» почти слово в слово повторил министр здравоохранения СССР Е. Чазов в своем письме на имя Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова.

Чтобы покончить с возникшим недоразумением, вице-президент Академии наук БССР В. Солдатов обратился за разъяснением к директору центральной радиационной службы Франции Пьеру Пеллерену, возглавлявшему тех самых ученых, на авторитетное мнение которых ссылались Д. Попов и Е. Чазов. Господин Пеллерен ответил немедленно: «Я подтверждаю, что во время нашего последнего июньского визита в Белоруссию мои коллеги по группе ВОЗ Бенинсон и Уэйт и я сам, естественно, никогда не ставили под сомнение общую компетентность белорусских ученых, которой мы, напротив, восхищаемся и к которой испытываем самое глубокое уважение. Особенно после нашего интересного и плодотворного обмена мнениями в Минске в Академии наук. Конечно же утверждение «Социалистической индустрии» от 29 ноября 1989 года является неверным». Спрашивается, почему Д. Попов так безнравствен и почему до сих пор не привлечен к уголовной ответственности? Это тоже загадка.

Сторонники «московской» концепции стоят на том, что ничего страшного с людьми, живущими в зоне бедствия, не произойдет, если жить они будут там, где радиационная загрязненность не превышает 40 кюри на квадратный километр и если внешняя и внутренняя доза облучения не превысит 35 бэр за 70 лет жизни.

Белорусские ученые, наоборот, утверждают, что нельзя жить там, где невозможно получить чистую, без радиоактивной «грязи» продукцию. А это уже не 40, 15 или даже 10 кюри на квадратный километр. Концепция «35 бэр за жизнь» антинаучна и бесчеловечна, потому что она совершенно не учитывает ни здоровья людей на момент катастрофы, ни

наличия среди них «групп риска», ни большой ударной дозы короткоживущих радионуклидов, полученной людьми в момент катастрофы. Эту величину методами физической дозиметрии оценить невозможно, как и вообще невозможно проконтролировать существующей аппаратурой критический порог в 35 бэр.

Вот вам, дорогой читатель, вся картина безнравственности налицо. Кто-то так зло выступает за прекращение жизни на Земле, а кто-то искренне сражается за ее сохранение.

Около двух часов мы ездили по городу Припяти. Дозиметристы добросовестно вели замеры назначенных мною объектов, зданий, сооружений, школ, жилых домов, учреждений, подвалов и прочего. Результаты свидетельствовали о том, что внутри всех сооружений уровни радиации были во много раз ниже, чем снаружи. Это лишний раз подтверждало, что руководство партийных и советских органов, которое не решилось сразу после аварии ввести соответствующий режим поведения населения до начала эвакуации, допустило серьезные просчеты. Вполне очевидно, что жителям нужно было сидеть дома, загерметизировав соответственно оконные и дверные проемы.

Чуть позже мы поехали к работникам милиции, которые контролировали работу охранной сигнализации ряда оставшихся важных объектов и учреждений. В помещениях, где разместились эти славные хлопцы, дозиметристы провели замеры. Они были удручающими в тех комнатах, которые окнами выходили на АЭС. Я тут же приказал немедленно перейти в подвальные сооружения, где уровни радиации были безопасные. Полковнику Дьяченко и подполковнику Кучеренко сказал, что нужно установить контроль за уровнем радиации в местах, где несут службу милиционеры. Почему получилось так, что после эвакуации населения никому не было дано указаний установить контроль за облучением тех, кого здесь оставили на службе, в том числе от МВД УССР?

Со следующего дня был установлен жесткий контроль по многим точкам в городе Припяти. У личного состава вневедомственной охраны появились свои ДП-5В.

Из Припяти после выполнения неотложных дел мы всей группой выехали в пострадавший от радиации лес. До аварии на блоке это был чудесный сосновый бор, который простирался почти до самой ЧАЭС в направлении города Припяти и далее. В результате мощного воздействия радиоактивного облучения лес погиб и стал рыжим. Картина была мрачная.

Мы остановились в лесу и вышли из машины. Полковник Ю. Н. Клименко, кстати, тоже мой ученик, выпускник Московского высшего военного училища дорожных и инженерных войск, замерил уровни радиации. Они были высокие, до 200 рентген в час. Несколько минут мы смотрели на эту удручающую картину. Лес стоял таким уже не один месяц, и по его поводу вместо деловых предложений поступали только одни соболезнования. Позже решили лес уничтожить. И каких только рекомендаций не предлагалось наукой на этот счет! Сделано было все гораздо проще: солдаты срезали его, изрубили и «захоронили». Вот и вся наука.

Из рыжего леса в тот раз мы поехали на АЭС со стороны развернутого зева четвертого энергоблока. Только что начался монтаж металлических сварных конструкций самого каркаса «саркофага». Тут же, метрах в ста, только с северной стороны, работала группа солдат на восстановлении подъездной железной дороги. Работали они по расчетному времени, но настолько торопливо и непроизводительно, что пришлось подъехать к ним и несколько минут поговорить. Более того, мы показали замеренные только что уровни радиации. Оказалось, все очень просто: они были в состоянии стресса от незнания уровней радиации, да вдобавок и командир их был призван только что из народного хозяйства и тоже чувствовал себя не лучшим образом, как-то неуверенно. Когда солдаты увидели нас, то сразу приободрились, работать стали более энергично и

без особой опаски.

За три месяца участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС я много раз убеждался, как важно, чтобы рядом с солдатом был настоящий командир. Мы пришли к выводу, что на все виды работ нужны практические рекомендации, тогда солдаты паниковать не будут. А вот с командирами нужно поработать отдельно. Позже на все виды работ на АЭС своевременно разрабатывались конкретные инструкции, рекомендации, памятки. Их потом накопилось тьма. Все это способствовало наилучшей организации тяжелых и порой опасных работ, существенно повышало производительность труда и уверенность солдат в безопасности обстановки на период выполнения задания. Повсеместно устанавливался жесткий контроль за временем работы и получаемой дозой.

Перед самым назначением Дьяченко на АЭС я спрашивал его: «Ну как, Анатолий Александрович, самоотводов не будет, не передумали?» Ответ был короткий, уставный: «Никак нет, спасибо за доверие». Несомненно, доверие он оправдал. Более того, когда председатель правительственной комиссии Г. Г. Ведерников добился разрешения еще на полсрока возглавить комиссию и поработать в Чернобыле, то Дьяченко и вся его группа офицеров также добровольно остались работать на этот срок. Не скрою, были злопыхатели, которые совершенно по-другому истолковали проявление лучших, патриотических качеств Анатолия Александровича и его подчиненных.

Казалось бы, в Чернобыле должны быть только кристально чистые офицеры, а не, и тут встречались совершенно безнравственные, а порой завистливые люди. Таких были единицы, которые, как огня палящего, боялись радиации и ни разу не ступали на территорию Чернобыльской АЭС. Только щадя их самолюбие, я не называю фамилии этих офицеров. Более того, отдельные из них умудрились незаслуженно получить правительственные награды. Но этих трусов я крепко запомнил. Среди них, к сожалению, оказались и некоторые близкие мои товарищи и сослуживцы.

Поначалу не все было ладно и в наших рядах. Качество дезактивационных работ продолжало быть низким, не все команды подразделений могли обеспечить успех на работах. Влияли некомпетентность и скованность из-за этой проклятой радиации. Однажды, оставшись совершенно неудовлетворенным ходом работ по дезактивации на первом и втором блоках, я сказал Ю. Н. Самойленко, заместителю главного инженера штаба по ликвидации последствий аварии, что завтра проведем с ним эксперимент, я привезу военного инженера подполковника Сотникова, начальника научной группы полковника Дьяченко, молодого и храброго разведчика старшего лейтенанта А. Кунцевича, сына известного академика А. В. Кунцевича. «Ну и, естественно, ты, Юра, да я. Согласен?» — спрашиваю. Юрий Николаевич тут же ответил: «Ну какие разговоры, товарищ генерал! Буду очень рад, если ваша идея поможет делу, а то ведь в самом деле молодые командиры ни научить, ни потребовать, ни проконтролировать толком не могут».

Теперь уже не помню, с каких работ снял я А. П. Сотникова, пригласил его в кабинет и долго ему рассказывал о слабой организации работ по дезактивации помещений первого и второго энергоблоков, внутреннего оборудования, особенно вентиляционных устройств, турбогенераторов, машинного зала. «Тут нужен,— сказал,— и командир, и организатор работ, так как с администрацией ЧАЭС надо ежедневно воевать, чтобы вырвать материалы, технику и прочее». Сотников внимательно слушал.

И вот мы с группой офицеров прилетели на Чернобыльскую АЭС. Переоделись в спецодежду и пошли прямо на работы в первый и второй энергоблоки, где дезактивация шла, как на грех, очень плохо. Технология работ была совершенно не продумана, средства механизации самые примитивные. Произошла полная разгерметизация энергоблоков, в

которых выбиты были еще взрывом стекла, деформированы ворота. Люди сновали по всем залам, хотя там был высокий уровень радиации, солдаты больше бродили, чем работали, командиров подразделений вообще не было на местах. Самойленко не мог со всем этим справиться: у него в подчинении было всего несколько человек. Тогда я обратился к Александру Петровичу: «Ты с группой останешься на АЭС, разработаешь план мероприятий по дезактивации первого и второго блоков. В нем, прежде всего, должны быть заложены мероприятия по герметизации».

Несколько дней подполковник Сотников «внедрялся» в эту тяжелую работу. Он непосредственно планировал все операции, выдавал задания командирам, требовал от администрации АЭС полного обеспечения солдат спецодеждой, приспособлениями, соответствующими растворами, пленками; ветошью и прочим. Работа закипела.

Прошло несколько дней, и помощник председателя правительственной комиссии И. А. Острейко разыскал меня и передал распоряжение председателя комиссии Ведерникова немедленно отобрать примерно с десятков подобных Сотникову офицеров и доставить их на ЧАЭС. Мне стало ясно, что мой эксперимент удался, а Александр Петрович не подвел. За несколько суток он разобрался со всей технологией дезактивации, нашел узкие места, и особенно в слабой организации работы солдат, плохом обеспечении материалами и подручными средствами. Всему подполковник Сотников придал плановый характер. Были предъявлены требования к руководству АЭС по герметизации энергоблоков. Стали регулярно проводиться планерки, на которых подводились итоги работ и ставились конкретные задачи на следующий день. Правда, высокая требовательность Сотникова и его напористость не всем командирам нравилась, особенно была недовольна группа подполковника Карпова, бездеятельного офицера. Он-то и наушничал на Александра Петровича. Но Сотникова я отстоял, а Карпова заменили.

По нашему требованию администрацией АЭС была в первую очередь выполнена герметизация энергоблоков. Срочно стеклили фрамуги, меняли и выправляли наружные ворота, наладили пропускной режим.

Особую сложность и трудоемкость при проведении дезактивации представляли вентиляционные системы энергоблоков. Работа проводилась в тесных помещениях с применением сильнодействующих ядовитых веществ. Использовались средства малой механизации. Осуществлялось это только благодаря изобретательности Александра Петровича Сотникова, который по ходу работ чертил эскизы, заказывал приспособления на заводе.

Многие ученые старались выдать свои рекомендации по дезактивации, но эффективность их была, как правило, низкой.

Работы по дезактивации первого и второго энергоблоков под руководством Сотникова были выполнены успешно, что позволило провести своевременно пробный и основной пуски этих блоков. Было это в середине сентября 1986 года. Сотников был поощрен правительственной комиссией.

Надеюсь, дорогой читатель, прочтя эту главу, ты согласишься со мной, что человек творит на Земле во имя цели и интересов, во имя идеалов. И от того, насколько нравствен тот или иной человек, такой след и оставляет он после своих дел на Земле. Перед тобой прошли мои положительные и отрицательные герои, и ты со стороны оценишь каждого по заслугам.

Глава 7

Когда не справились роботы

Стоял сентябрь 1986 года. Шел третий месяц моей служебной командировки в Чернобыль. Многие мои близкие товарищи и сослуживцы разъезжались по домам. Как правило, офицеры и генералы более одного, максимум двух месяцев тут не задерживались. Срок пребывания солдат и офицеров, призванных из запаса, был установлен приказом министра обороны в три, а позже и все шесть месяцев, что было недопустимо. Меня это угнетало. Я не думаю, что защитная «броня» у солдата гораздо толще и надежнее, чем у нас.

Я дал согласие на продление командировки до трех месяцев, начальство в Москве не возражало. Правда, за минувшие месяцы самочувствие несколько ухудшилось, но военные врачи регулярно брали кровь на анализы, и они не вызывали особых сомнений. Мы постоянно принимали какие-то лекарства.

Практически все, кто работал на АЭС, имели возможность, сами того не зная и не замечая, «нахвататься» радиоактивной дряни выше разумных пределов. Но прежде чем посылать солдат на всякие работы, офицеры, особенно химики, шли первыми, измеряли уровни и составляли картограмму радиоактивного заражения местности, объектов, оборудования и прочего. А разве было возможно все это облучение учесть?

На одном из заседаний правительственной комиссии, которое проводил ее председатель Г. Г. Ведерников, возникла скандальная ситуация. Кто-то из представителей Минсредмаша нашептал ему, что военные дают заниженные уровни радиации в районе насосной станции. Ведерников, недолго думая, поднял начальника оперативной группы Министерства обороны генерал-лейтенанта Г. А. Чуйко и, как говорят, при всем честном народе «всыпал» ему, причем в резкой форме. Тот, проглотив пилюлю, сразу же после совещания тоже без разбору «всыпал» офицерам, которые лично ежедневно и по нескольку раз вели замеры в 58 точках АЭС.

В тот же день группа офицеров провела тщательную проверку каждого клочка земли вокруг АЭС. Результаты оставались прежними. И вдруг наткнулись на кусок графита, который в тот день свалился с крыши второго блока во время дезактивации и светился более чем 200 рентген в час.

Картограмма с указанием этой точки была доложена Чуйко, а им, в свою очередь, Ведерникову. На вечернем заседании Геннадий Георгиевич принес публичные извинения и генералу, и офицерам.

Не прошло и недели после этого инцидента, как вновь тот же Ведерников встретил меня вопросом: «Генерал, что это ваши ученые ползают по Полесскому, ищут там радиацию и сеют в народе панику? Лично разберитесь и доложите».

На следующий день мы с капитаном 1 ранга, кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии СССР Г. Д. Кауровым сели в машину и рванули в Полесское. Сразу же направились в исполком, где получили сведения, что по их просьбе офицеры обследовали городской парк в центре Полесского и зафиксировали уровни радиации выше допустимых. Тут же Кауров взял свой японский наиточнейший прибор и провел лично контрольные замеры. Результаты подтвердились...

В тот же день обо всем этом я доложил Ведерникову, и меня пригласил на собеседование генерал-майор КГБ Липатов. В корректной форме он сказал: «Николай Дмитриевич, нужно срочно принять меры к закрытию утечки информации. Это касается не только Полесского, а вообще всей нашей деятельности по ликвидации последствий

чернобыльской аварии, особенно что касается научных исследований». Я тогда ответил, что не вижу тут никаких секретов.

От кого нужно было таить эти так называемые секреты? Кому это было выгодно? Всем причастным к этой аварии руководителям.

Как бы то ни было, я искренне уважал председателя правительственной комиссии Г.Г. Ведерникова. Лично мне и многим офицерам импонировало, что он тоже остался в Чернобыле еще на полсрока и работал очень энергично и деловито.

Помню, привез как-то он в полк гражданской обороны (командир полка мой ученик подполковник Е. Дубинин) проектировщиков по пунктам специальной обработки и говорит в резкой форме: «Смотрите, умники, какое сооружение придумал этот командир». Дубинин развернул полевой трубопровод, к которому врезал газосваркой десяток ответвлений, а это, значит, десять точек дезактивации техники. Развернул резино-каневые резервуары, заполнил их водой и пенообразователем, поставил пожарную насосную станцию и закачивал в этот трубопровод и воду и пену. Десять слабomощных и малопроизводительных авторазливочных станций сразу же высвободил. Во-первых, экономия горючего, высвобождение расчетов, а во-вторых, огромная производительность.

И вот теперь проектировщики изучили так называемое «дубининское рацпредложение». Геннадий Георгиевич очень хвалил командира полка и приказал наградить его денежной премией. Позже Женя Дубинин отличился еще и на третьем блоке.

На этом посту Ведерникова сменил Б. Е. Щербина. Он пошел по второму кругу. А ведь ему лихо досталось в самые первые адские дни Чернобыля. Правда был он тогда не так уж и долго. Но я знаю, что схватил Борис Евдокимович радиации сполна, и когда его привезли в Институт имени Курчатова для обследования в той камере, где меня проверяли на плутоний, то после проверки он отказался сбрить волосы. В этой же камере проверяли тогда и В. А. Легасова.

Вторым председателем после Щербины был И. С. Силаев, высокообразованный, талантливый организатор и душевный человек. Мог ли я тогда подумать, что судьба нас вновь свяжет еще в одной трагедии, но только теперь уже в другой республике — Армении.

Частая смена председателей и всего состава комиссии отрицательно влияла на ход ликвидации последствий трагедии. У каждого председателя были свой стиль и методы работы, свои взгляды на радиационную обстановку и мероприятия по ее снижению, на отношения к людям, оценку их вклада и так далее. Кроме того, ежемесячная замена состава правительственной комиссии не лучшим образом сказывалась и на отношении к ней солдат, сержантов и офицеров, будто они действительно были слеплены из другого теста.

До сих пор не могу понять, почему ни правительственную комиссию, ни химические войска, ни Гражданскую оборону СССР, ни Госкомгидромет, ни Институт имени Курчатова с их маститыми учеными не интересовали особо опасные зоны, куда были выброшены сотни тонн высокоактивных материалов в виде графита, тепловыделяющих сборок (ТВС), тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ), осколков от них и прочего. Тот же академик Велихов не раз зависал на вертолете над аварийным третьим блоком, неужто и он не видел эту массу? Мыслимо ли, что так долго — с апреля по сентябрь 1986 года — с этих зон ветрами разносилась радиоактивно зараженная пыль по белу свету! Радиоактивная масса омывалась дождями, испарения, теперь уже зараженные, улетучивались в атмосферу. К тому же продолжал «плеваться» и сам реактор, из которого извергалось

немалое количество радионуклидов.

Наверняка многие руководители об этом знали, но радикальных мер не принималось. И как бы ученые-физики из Института имени Курчатова ни доказывали, что уже в мае реактор прекратил выбросы, это чистейший обман. Последний выброс был зафиксирован радиолокационной станцией примерно в середине августа. Этим занимался лично полковник Б. В. Богданов.

И насколько же странным выглядит заявление председателя Государственного комитета СССР по гидрометеорологии Ю. А. Израэля в газете «Правда» от 17 апреля 1990 года: «...Госкомгидромет СССР совместно с АН СССР и республик, Минздравами СССР и республик, Минобороны, Госагропромом и другими ведомствами уже с первых дней после аварии вел огромную работу по измерению радиационной обстановки (на площадях 500 тысяч квадратных километров) и более детально измерял плотности загрязнения местности, концентрации радиоактивности поверхностных вод и других природных сред по пробам по отдельным изотопам, уделяя особое внимание наиболее долгоживущим изотопам — цезию-134 и 137, стронцию-90, плутонию-239 и 240. Все эти данные передавались руководящим органам в центре и республиках, заинтересованным ведомствам и местным властям для принятия необходимых мер...» Вот уж воистину прямо по пословице — не похвали себя, кто же похвалит.

Я вполне ответственно заявляю, что основная тяжесть работы по оценке радиационной обстановки вплоть до взятия десятков тысяч проб грунта, воды легла на армию. В этих операциях я много раз лично участвовал и руководил этими работами. Результаты исследований докладывались регулярно шифровкой в соответствующие инстанции. Наиболее правдивая и полная карта радиационной обстановки была подготовлена нами.

Однажды на заседании комиссии Политбюро в Чернобыле, которое проводил Г. Г. Ведерников, а докладчиком на котором по радиационной обстановке во всем регионе был Израэль, я попытался спросить, почему в докладе дана такая радужная обстановка, мы-то ее хорошо знали. Получить ответ я так и не сумел.

А мы в городе по просьбе бывшего Предсовмина Украины А. П. Ляшко брали сотни проб грунта, листвы, воды. Эту операцию мы проводили вместе с офицерами, прилетевшими на вертолетах из Чернобыля, и штабом Гражданской обороны Украины во главе с генерал-лейтенантом Н. П. Бондарчуком. Также хорошо помню, как были отсняты на фотографическую пленку зеленые листочки каштанов на Крещатике. Проявили пленку, на ней высветились точки радионуклидов. Потом положили эти же листочки в специальную камеру и через месяц вновь отсняли. Теперь уже листочки были поражены полностью, будто паутина образовалась от тех точек. Когда капитан 1 ранга Г. А. Кауров показал негативы А. П. Ляшко, тот ахнул...

Самые опасные и ответственные работы по дезактивации предстояло выполнить на кровлях третьего энергоблока, где было сконцентрировано значительное количество высокорadioактивных материалов, выброшенных при аварии на четвертом блоке. Это были куски графитовой кладки реактора, тепловыделяющие сборки, циркониевые трубки и прочее. Мощности доз от отдельно лежащих предметов были слишком высокие и весьма опасные для жизни человека.

И вот вся эта нагроможденная масса с 26 апреля по 17 сентября лежала на кровлях третьего энергоблока, площадках главной вентиляционной трубы, развеивалась ветрами, омывалась дождями в ожидании, пока наконец дойдет черед и до ее удаления. Все ждали и надеялись на робототехнику. Дождались. Вертолетами несколько роботов были

доставлены в особо опасные зоны, но они не сработали. Аккумуляторы сели, а электроника отказала.

Несколько ранее был подготовлен «Проект производства работ по очистке кровель главного корпуса и зданий второй очереди». Этот проект был разработан одним московским институтом. Он предусматривал применение двух кранов «Демаг» (производство ФРГ, стоимость — 4,5 миллиона рублей), очистку кровель клеевыми захватами, использование гидромониторов и насосного оборудования с давлением 8—10 атмосфер, использование гидравлических манипуляторов «Фористерн-770» (производство Финляндии). Кроме того, нужно было построить специальные бетонные дороги к месту работ «Демагов».

Однако до разработки проекта и его выдачи в производство дозиметрическая и инженерная разведка (кроме съемок с вертолета) кровель третьего блока практически не выполнялась. Были первые выходы Юрченко в зону «Н», где прибор ДП-5В зашкаливало. И на этом разведка приостановилась. Проектом предусматривалось с помощью дозиметра, закрепленного на крюке, определить уровни радиоактивности в доступных местах.

С целью сведения к минимуму транспортно-технологических операций по удалению высокоактивных материалов с кровель третьего энергоблока, а также исключения строительства специальных могильников высокоактивные источники решено было сбросить в развал аварийного блока, поэтому работы по дезактивации кровель третьего энергоблока должны были быть опережающими по отношению к возведению «саркофага». Однако строительство его являлось, безусловно, главной задачей, и использование кранов «Демаг» на дезактивации кровель привело бы к задержке возведения «саркофага». Этому проекту не суждено было осуществиться.

Необходим был альтернативный вариант, позволяющий устранить указанные противоречия в части строительства «саркофага» и дезактивации кровель третьего энергоблока. С этой целью была проведена предварительная инженерная и дозиметрическая разведка кровель третьего энергоблока. Эту разведку, уже более детальную, провели дозиметристы из отряда спецдозразведки А. С. Юрченко. Кровли были условно разграничены на зоны и соответственно обозначены «Н», «М», «К» и так далее. Границами зон были различные высотные отметки и стены сооружений. Также была выполнена предварительная дозиметрическая и инженерная разведка помещений, находящихся под кровлями третьего энергоблока.

Исходя из выводов, сделанных по результатам разведки кровель третьего энергоблока, штабом ликвидации последствий аварии на ЧАЭС был предложен проект дезактивации кровель, основанный на комплексном использовании крана «Демаг», который должен быть установлен в северной части энергоблока, гидромониторов, дистанционно управляемых механизмов и полудистанционных ручных приспособлений. Предусматривалась также установка крана «Либхер» для подачи оборудования на кровли.

Проект был одобрен правительственной комиссией, но тоже не был реализован ввиду занятости «Демагов».

В процессе работы по дезактивации постоянно велась дозиметрическая и инженерная разведка, были определены мощности экспозиционных доз в ранее не разведанных полях.

В этот же период для дозиметрической разведки были попытки использовать дистанционно управляемые механизмы (ДУМ), разработанные одним из НИИ, на которые устанавливались дозиметрические приборы. Результаты замеров уровней радиации с помощью ДУМ оказались при перепроверке дозиметристами завышенными более чем в 10 раз. Кроме того, эти ДУМ, перенесенные вертолетами в зону действий, ввиду малой

устойчивости при движении заваливались набок. Бэрозатраты (мера облучения) на оказание помощи ДУМ-«разведчикам» людьми составили внушительные цифры. От применения ДУМ-«разведчиков» пришлось отказаться. Дальнейшую разведку по кровлям проводили люди — отважные разведчики-добровольцы.

Справедливости ради следует напомнить, что сразу после аварии на Чернобыльской АЭС было дано задание на разработку и создание дистанционно управляемых механизмов ряду специализированных предприятий Москвы, Ленинграда, Белоярска и другим. Разработка ДУМ проводилась по техническим заданиям, которые, как правило, были подготовлены без участия специалистов, занимающихся непосредственно дезактивацией на ЧАЭС, без знания условий работ. Поэтому большинство разработанных «магических роботов» оказались непригодными. Лучшим «роботом» оказался в век технического прогресса опять советский солдат.

В операции, которой мне пришлось руководить в особо опасных зонах третьего энергоблока, я так ни разу и не видел робота в работе, кроме извлеченного из графита робота, «сгоревшего» в рентгеновских лучах и ставшего помехой при выполнении работ в зоне «М».

Тем временем работы по захоронению аварийного четвертого энергоблока были близки к завершению. В конце сентября «саркофаг» — это образное слово стало для всех привычным — предстояло перекрыть металлическими трубами большого диаметра. Непростая сама по себе задача осложнялась тем, что на крышах сооружений, на трубных площадках лежали тонны высокоактивных веществ, выброшенных в момент аварии, о чем уже шла речь. Их во что бы то ни стало надо было собрать и сбросить в зев разрушенного реактора, упрятать под надежную крышу. Если этого не сделать, удаление веществ в безопасные места затянется на месяцы.

Но как подступиться к зонам, где уровни радиации оставались опасными для жизни? Попытки применить гидромониторы, другие механические приспособления, как уже говорилось, оказались безуспешными. В полях с высокими уровнями радиации «магические» и другие нашумевшие в прессе роботы выходили из строя: Кроме того, места разброса радиоактивных продуктов, прилегающие к вентиляционной трубе главного корпуса, трубные площадки были труднодоступными: высота сооружений составляла от 71 до 140 метров. Словом, без активного участия людей задачу не решить. К такому выводу приходили многие специалисты, члены правительственной комиссии и особенно энергичный заместитель главного инженера по строительству Евгений Михайлович Акимов, вместе с которым работал его сын Игорь. Игорь был корректировщиком на вертолете, обрабатывающем пылеподавляющим раствором крыши первого и третьего энергоблоков. Этому юноше пришлось написать с десятков заявлений, чтобы и его направили к отцу для участия в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это, пожалуй, был самый молодой специалист-инженер, и он достойно представлял молодежь. Его отличали, как и отца, хорошая профессиональная подготовка и солдатская смекалка, которая нужна была на каждом шагу. Порою Игорь казался слабым в физическом отношении, но на деле это было не так. Игорь был исключительно вынослив и мужествен. Раньше нас — а это, значит, в 24 часа — с АЭС не уходил.

16 сентября 1986 года в соответствии с полученной шифровкой из Чернобыля за подписью генерал-лейтенанта Б. А. Плышевского я вылетел на вертолете в Чернобыль для участия в заседании правительственной комиссии по обсуждению хода дезактивации крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы ЧАЭС. Я прибыл к 16.00 к генералу Плышевскому. Мы тут же отправились на заседание правительственной комиссии, которое проводил Б. Е. Щербина.

Заседание проходило в служебном кабинете председателя. Докладчиком по основному вопросу был Ю. Н. Самойленко. Он подошел к рельефной карте, на которую была нанесена вся радиационная обстановка с помощью красных флажков и условных знаков, и четко доложил о состоянии дел, акцентируя внимание на оставшихся особо опасных зонах. Юрий Николаевич сообщил, что все попытки удалить высокорadioактивные вещества с помощью роботов и другой техники ни к чему не привели. Остается один-единственный вариант — выполнение опасных работ вручную воинами Советской Армии с применением простейших средств механизации.

Все погрузились в тягостное молчание. Каждый понимал, насколько опасна работа для ее участников. Это — во-первых, а во-вторых, до чего же мы дожили в век технического прогресса, что в трудную минуту не оказалось ни технических средств, НИ способов выполнения подобных работ.

Б. Е. Щербина еще раз перебрал все возможные варианты, и ни один из них не был реальным. После того речь зашла о месте захоронения высокорadioактивных материалов. Однозначно было сказано — сбрасывать только в аварийный реактор. Я пытался убедить, что лучше будет задержать предстоящие работы, но сделать специальные металлические контейнеры с большим коэффициентом ослабления радиации и вертолетами вывозить в соответствующие места захоронения. Предложение было отвергнуто. Говорили и о дефиците времени: поджимали сроки закрытия «саркофага» и возможного приезда Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева. Дело в том, что к этому времени в Чернобыле уже побывали и Н. И. Рыжков, и Е. К. Лигачев, и многие другие. Честно скажу, когда мы об этом узнали, пришел какой-то внутренний подъем, желание сделать больше, чем можешь. Да что греха таить, в ту пору у Михаила Сергеевича авторитет был и велик, и, казалось, непоколебим. Но, увы...

Приезд не состоялся по непонятным, во всяком случае для нас, причинам. А как он был нужен в те тяжелые для Чернобыля дни! Да и вряд ли кто-нибудь осмелился бы докладывать ему неправду о сложной и опасной радиационной обстановке. Уж слишком было много свидетелей живых там, в Чернобыле.

Затем председатель комиссии обратился к Плышевскому и сказал: «Я буду подписывать правительственное решение на привлечение воинов Советской Армии». Борис Алексеевич Плышевский сказал только одно: «Войскам нужно распоряжение министра обороны». Щербина на это ответил, что он лично переговорит с министром обороны, а мы должны готовиться к операции.

Меня до сих пор гложет сомнение: почему на этом заседании отсутствовали представители химвойск? Возможно, председатель посчитал, что все равно проку не будет? Не знаю. На этом совещании присутствовали только бывший первый заместитель министра здравоохранения Е. И. Воробьев и кто-то еще из ученых, кого я не знал. И все же решение было принято однозначное. Оно действительно принималось нелегко. Но другого не было. Этим же решением, пунктом четвертым, на меня возлагалась ответственность за научно-практическое руководство этой операцией. Меня некоторые военачальники спрашивали: а зачем вам, уважаемый Николай Дмитриевич, нужно было лезть в это пекло? Я отвечал, что даже если бы Б. Е. Щербина и не подписал такого решения персонально по моей кандидатуре, то я все равно, в соответствии со своими обязанностями и своей совестью, непременно принял бы участие в операции. А тут тем более — я выполнял решение правительственной комиссии. На этом же заседании мною было предложено подготовить и провести обстоятельный эксперимент в порядке подготовки к операции. Предложение было одобрено.

Поздно вечером по возвращении меня ждали генерал-майор Ю. М. Ваулин,

офицеры А. М. Невмовенко, Г. А. Кауров, А. А. Кузнецов. На коротком совещании я вкратце доложил результаты поездки. Мне нужно было подобрать кандидатов для проведения эксперимента. Добровольцев набралось много, но из них были отобраны всего лишь пять человек. Это полковник А. А. Кузнецов, полковник И. И. Петров, подполковник А. А. Салеев, фотокорреспондент В. А. Шеин, подполковник А. Д. Саушкин. На месте должны были принять участие гражданские специалисты от АЭС.

17 сентября вертолет доставил нас к месту проведения эксперимента. Его решили провести на площадке «Н». Особая роль в эксперименте отводилась кандидату медицинских наук подполковнику медицинской службы Александру Алексеевичу Салееву. Он лично на себе должен был проверить возможность работы в опасной зоне. Были приняты все меры радиационной безопасности. Салееву предстояло действовать, используя специальные усиленные средства защиты. На него подогнали свинцовую защиту на грудь, спину, голову, гонады, органы дыхания, зрения. В специальные бахилы уложили просвинцованные стельки, на руки надели перчатки и просвинцованные рукавицы. На грудь и спину дополнительно надели просвинцованные фартуки. Все это, как показал потом эксперимент, в 1,6 раза снижало воздействие радиации. Кроме того, на него повесили около десяти различных датчиков и дозиметров. Был тщательно рассчитан маршрут движения. Надо было выйти через пролом в стене на площадку, осмотреть ее и аварийный реактор, сбросить в развал 5—6 лопат радиоактивного графита и по сигналу вернуться назад. Эту программу подполковник медицинской службы Салеев выполнил за 1 минуту 13 секунд. Мы, затаив дыхание, следили за его действиями. Мы стояли в проеме, сделанном взрывом в стене, и, так как не было защиты, находились в зоне 30 секунд.

Как только Салеев вернулся, внимание всех было привлечено к прямопоказывающему дозиметру. За минуту с небольшим Александр Алексеевич получил дозу облучения до 10 рентген по прямопоказывающему дозиметру, но датчики отправили в лабораторию, и только после расшифровки можно было окончательно сделать выводы. Через пару часов мы получили сведения из лаборатории: они особенно не отличались от уже известных нам. Акт по результатам эксперимента и свои выводы доложили членам правительственной комиссии. Комиссия рассмотрела представленный акт, разработанные нами документы (инструкции, памятки и прочее) для офицеров, сержантов и солдат и одобрила их.

В инструкциях и рекомендациях были заложены требования к добровольцам, привлеченным к работам. Они должны были обладать психологической устойчивостью, умением быстро мобилизовать психику и физические силы для выполнения порученного задания в предельно сжатые сроки, при минимальных дозовых затратах. Это и определило основные принципы отбора и подготовки воинов для выполнения работы: во-первых, должно быть добровольное желание выполнить ее в сверхэкстремальных условиях; во-вторых, наряду с первичным отбором по медицинским показаниям необходим был дополнительный тестовый отбор исполнительных, аккуратных, спокойных и выдержанных по характеру, наблюдательных людей; в-третьих, участник должен быть физически развит, подвижен и ловок.

Принцип добровольности играл огромную роль. Например, в отряде спецдозразведки, набранном только из добровольцев — гражданских специалистов, не было ни одного случая небрежного отношения к порученному делу.

Отбор, выполненный с помощью специалистов с целью выявления совокупности перечисленных свойств личности, позволил значительно повысить качество всех видов работ в условиях высоких радиационных полей, сократить дозовые нагрузки.

Однако за весь период работы штаба по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС с

июня 1986 года по ноябрь 1986 года Минздрав СССР никаких рекомендаций не выдавал и обследований работающих с точки зрения психофизического состояния не проводил. Даже контроль физиологического состояния был поставлен примитивно. Членам отряда спецдозразведки за 4 месяца работы в условиях высоких и сверхвысоких полей и больших дозовых нагрузок делали анализ крови только один раз. Аналогичное состояние дел с медицинским обеспечением наблюдалось и в других подразделениях, кроме управления строительства Министерства обороны.

Большое значение придавалось полигонным занятиям. В сентябре 1986 года на территории строящегося пятого и шестого энергоблоков был создан полигон с имитацией зон и содержащихся в них кусков графита, тепловыделяющих сборок, циркониевых трубок и прочего.

Имитировались также разрушенные элементы конструкций, проломы для выхода в зону, маршруты движения. Занятия проводили командиры подразделений под руководством инженера-физика из спецотряда дозразведки Г. П. Дмитрова. На полигонных занятиях личному составу ставилась задача: закрепить знания правил техники безопасности и радиационной безопасности, изучить средства индивидуальной защиты и правила пользования ими, ознакомиться с инженерной обстановкой в зоне работы, отработать приемы взаимопомощи военнослужащих в одной смене, изучить маршруты движения.

Эффективность полигонных занятий была оценена при проведении работ в зоне «Н». Группа военнослужащих, прошедших эти занятия, в сравнении с теми, кто их не прошел, действовала более организованно, хладнокровно и результативно. Отсюда следует вывод, что при работе в сверхэкстремальных условиях полигонные тренировки и занятия необходимы, так как являются высокоэффективным средством формирования психологической устойчивости.

На примере отряда спецразведки за период работы с июня по октябрь 1986 года следует отметить, что высокий профессиональный уровень при отсутствии таких черт характера, как исполнительность, аккуратность, наблюдательность, не позволял достичь приемлемых результатов в психологической подготовке у некоторых разведчиков-добровольцев. Поэтому имело смысл оценивать уровень профессиональной подготовки только у кандидатов, прошедших предварительный отбор.

Почти все военнослужащие не имели опыта работы с открытыми радиоактивными веществами, дозиметрическую аппаратуру и приемы работы с ней изучали по программам гражданской обороны в школе, вузе, в период службы в Советской Армии, на занятиях при переподготовке в вузах, но знания не у всех были хорошие, и потому не каждый был готов выполнить задачу. Однако волевые черты характера, физическая и политико-моральная подготовленность позволили при отсутствии должной специальной теоретической подготовки освоить требуемый объем знаний и успешно выполнять в сверхэкстремальных условиях поставленные задачи.

Можно было сделать вывод: высокий уровень профессиональной подготовки специалиста без соответствующих нравственных качеств не является гарантией успешной работы в сверхэкстремальных условиях.

Важную роль играла физическая подготовленность специалистов. К работам допускались воины нормального телосложения, без излишней полноты, подвижные, расчетливые в движениях, физически сильные. Возрастной предел 35—45 лет.

За период работы на ЧАЭС у людей, физически развитых, не наблюдалось психических срывов, случаев невыполнения поставленных задач, было меньше время адаптации к условиям работы.

С 18 сентября добровольцы приступили к тренировкам на натурном макете, воспроизводящем обстановку в зоне «Н».

В момент взрыва реактора четвертого энергоблока перекрытие из железобетонных плит центрального зала было разрушено и разбросано в разные стороны, в том числе на зоны «Н» и «М». Конструктивные узлы реактора, разрушенные тепловыделяющие сборки, циркониевые трубки, графитовые блоки кладки реактора были разбросаны по крышам зон «Н» и «М» и трубным площадкам. Кроме того, на крышах зон «Н» и «М» под выброшенными целыми и полуразрушенными железобетонными плитами весом от 1 до 4 тонн оказались куски того же радиоактивно зараженного графита, тепловыделяющих сборок и других продуктов выброса.

Ориентировочные объемы работ на указанных площадках мы определили в ходе воздушной разведки. Полученные снимки позволили более точно подготовить программу работ, избрать приемы и способы их выполнения.

Для выхода в зону «Н» было прорезано отверстие в воздуховоде диаметром 100 сантиметров, позже отверстие было расширено до размеров 2 на 1,5 метра.

Подготовка к предстоящей операции была развернута полным ходом. Солдаты вручную готовили средства индивидуальной защиты. Так, для защиты спинного мозга вырезали из свинца толщиной 3 миллиметра экран типа лат рыцаря, делали свинцовые плавки в виде банджа, для защиты затылочной части головы — свинцовый экран наподобие армейской каски, для защиты кожи лица и глаз от бета-излучений — щиток из оргстекла толщиной 5 миллиметров, для защиты ног — свинцовые стельки в бахилы или сапоги, для защиты органов дыхания подгонялись респираторы типа «астра-2», «РМ-2», для защиты тела (груди и спины) — фартуки из просвинцованной резины, для защиты рук — просвинцованные рукавицы и перчатки. Вес такого снаряжения составлял до 20—25 килограммов.

В таких доспехах солдат больше походил на робота, нежели на человека. Вся эта защита позволяла снизить воздействие уровня радиации на человека в 1,6 раза, но значительно сковывала его движения. «Как же так?!» — не устаю я себе задавать вопрос. Мы будто пришли из каменного века и вынуждены были собирать свинцовые листы и вырезать из них на скорую руку защиту критических органов человека, которого нужно было посылать в особо опасные зоны. К этой свинцовой защите еще добавляли рентгеновские фартуки, щитки из оргстекла, выскивали прорезиненные перчатки и бахилы, добывали с боем респираторы типа «астра», «лепесток» и прочее. Мне, генералу и человеку, потерявшему в этой операции здоровье, стыдно говорить о всей примитивности защиты. Главная наша защита состояла в том, что каждому солдату, сержанту или офицеру высчитывалось время работы, вплоть до секунд. И как бы ни говорили и ни судачили злые языки, мы берегли солдата больше, чем себя. Я говорю правду, и только правду, — вновь, в который раз, с больничной койки. Мы не повторили роковых ошибок героев-пожарных, но они могли быть живыми героями, если бы знали счет времени и рентгенам.

Одновременно кипела работа на заводе (директор В. В. Голубев), где также срочно изготавливали металлические захваты, щипцы с длинными ручками, скребки, багры, ломы, кувалды, носилки и другие приспособления. И все это тоже готовилось в пожарном порядке. И тоже абсолютный примитивизм. О боже! Когда же мы вырвемся из этих оков так называемого «технического прогресса»? Ну как же объяснить солдату, идущему на бой с радиацией, всю нашу немощь? А может, этих самых ученых, от которых нет никакой отдачи, да и послать вместо солдат? Это было бы справедливо. О ты, наша система, и кто тебя только выдумал? Только, видно, в нашей державе ты могла развиваться и жить...

Особое внимание было уделено организации управления людьми в особо опасных

зонах. Для этих целей на высоте был оборудован специальный командный пункт (КП), на котором были установлены телемониторы, коротковолновая радиостанция для связи с АЭС и оперативной группой Министерства обороны. Здесь же находились крупномасштабные фотографии особо опасных зон, которые любезно срочно сделал фотокорреспондент АПН Игорь Костин, схемы основных и запасных маршрутов в зоны, отдельные предметы из свинца, имитирующие ТВЭЛы, ТВС, графит и прочие продукты выброса из реактора четвертого энергоблока.

В особо опасных зонах были выставлены телевизионные камеры ПТУ-59 с пультом управления по трем осям и регулировкой фокуса трансфокаторами. Камера позволяла вести обзор и крупным планом рассматривать отдельные предметы. На этом КП проводился инструктаж командиров, ставились конкретные задачи каждому военнослужащему.

Кроме того, были оборудованы специальные точки по подгонке индивидуальных средств защиты, выдаче и установке индивидуальных дозиметров. Здесь производились снятие и проверка показаний бэрозатрат в рентгенах, учет выполненных работ, проверка готовности к выходу в зону. На отметке 70 метров был оборудован пост маршрутного офицера, где было сосредоточено управление электросиреной, хронометрировалось время работ. Это был в своем роде старт.

Для повышения ответственности за подготовку и проведение работ в особо опасных зонах для командиров частей и подразделений, их заместителей, а также всего командно-начальствующего состава были разработаны и определены конкретные функциональные обязанности и временная организационно-штатная структура команд, групп и других формирований. Так, например, на командира части возлагалась персональная ответственность за отбор и индивидуальную подготовку воинов-добровольцев, за контроль дозы облучения, неукоснительное соблюдение специальной инструкции солдатами, сержантами и офицерами при работе в особо опасных зонах, и, наконец, командир нес ответственность за умелое и твердое управление своими подчиненными.

Особые обязанности возлагались на выводного и маршрутного офицеров. Так, выводной офицер нес персональную ответственность за точность соблюдения времени работ, установленного руководителем операции в соответствии с расчетами поста дозиметрического контроля. Он лично подавал команду «Вперед!» и запускал секундомер, он же давал команду на прекращение работ в зоне и включал электросирену. В руках этого офицера была жизнь воинов. Малейшая неточность или ошибка могли иметь трагические последствия.

Не меньшая ответственность возлагалась и на маршрутных офицеров, которых дозиметристы А. С. Юрченко, Г. П. Дмитров, В. М. Стародумов водили по сложным лабиринтам в особо опасные зоны для тренировки. И только после подготовки маршрутный офицер мог уверенно выводить команду или группу солдат в зону работ. Обычно маршрутный офицер выводил 10—15 команд солдат, и его дозовая нагрузка становилась предельной, то есть 20 рентген.

Из зоны команда или группа воинов возвращалась самостоятельно под руководством старшего.

В это время я комплектовал штаб руководства операцией. В штаб вошли подполковники А. П. Сотников, А. Д. Саушкин, В. С. Кочетков, Э. М. Кульчицкий, майор И. В. Тетерин, заместитель главного инженера ЧАЭС В. С. Голущак, неизменные наши разведчики А. С. Юрченко, Г. П. Дмитров, В. М. Стародумов, капитан С. И. Макушкин.

В основном все подготовительные работы были завершены. И все же это была скоропалительная подготовка. Поспешность принятых решений объясняется тем, что в

правительственной комиссии первоначально сложились убеждения в реальности разрабатываемых наукой проектов удаления высокорadioактивных веществ с помощью роботов и другой специальной техники. Но из всего этого вышел, как говорится, пшик. А вот предстоящий вариант работ никем не прорабатывался, а потому даже средства малой механизации, так же как и защита, были нами разработаны в вынужденно короткий срок и на скорую руку. Уважая Ю. Н. Самойленко за его смекалку, недюжинный ум, силу воли, инженерную эрудицию, я все же видел в нем склонность к поспешности, желание как можно быстрее покончить с этой опасной работой силами войск и отличиться.

...Пока мы готовили, проводили и обрабатывали данные эксперимента, неожиданно прилетела специальная комиссия, назначенная первым заместителем и исполняющим обязанности министра генералом армии П. Г. Лушевым. Это был, по всей вероятности, результат переговоров с ним Щербины. Председателем комиссии был назначен генерал армии И. А. Герасимов, который впервые в самые тяжелые дни после аварии возглавил оперативную группу Министерства обороны СССР. Но не в обиду ему и всему Министерству обороны будет сказано, что это был не лучший вариант руководства ликвидацией последствий.

Ведь вместе с Н. И. Рыжковым и Е. К. Лигачевым 2 мая в Чернобыль прилетел начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин. И нужно было сразу возложить на него руководство всей операцией по ликвидации последствий аварии от начала и до конца. Штаб Гражданской обороны СССР и его основные управления следовало бы немедленно передислоцировать в Чернобыль и только придать, соответствующее недостающее количество войск. А что получилось? Насколько мне известно, А. Т. Алтунина отстранили ретивые начальники и отправили его в Москву с упреками. К управлению были подключены армейские генералы, порою совершенно некомпетентные. Гражданскую оборону оценили как неподготовленную и недееспособную, технически не вооруженную. Возможно, это и так. А кто в этом виноват? И до сегодняшнего дня начиная с руководителей страны и кончая председателем сельского Совета народных депутатов отношение к гражданской обороне безобразное. Нужны закон о гражданской обороне и пересмотр всех функций системы гражданской обороны, усиление готовности сил и средств ее, их мобильности и оснащенности. А то ведь даже в родной армии идет распродажа с молотка техники вместо передачи ее гражданской обороне. Несомненно, вина генерала армии А. Т. Алтунина состоит в том, что он лично не доложил Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву и не настоял на своем — взять всю ответственность за ликвидацию последствий этой аварии на себя, то есть на Гражданскую оборону СССР, овладеть сложной обстановкой и по-настоящему, шаг за шагом, день за днем, час за часом, повсеместно, где только образовались зоны радиоактивного заражения, наступать единым фронтом, привлекая при этом невоенизированные формирования гражданской обороны, воинские части, Советскую Армию, министерства, ведомства, науку, специалистов и так далее. И Е. К. Лигачев, и Н. И. Рыжков, отправив Алтунина в Москву, практически освободив его от дела, сыграли свою неблагоприятную роль и в организации ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, и в судьбе Александра Терентьевича Алтунина. Я слишком хорошо знал этого человека за многие годы службы под его руководством. Для него это был страшный и непоправимый удар. Вскоре с обширным инфарктом он оказался в Кремлевской больнице, что на Мичуринском проспекте. Потом повторный инфаркт, и его не стало...

Мое личное убеждение, вынесенное из опыта ликвидации последствий чернобыльской аварии, землетрясения в Армении и других стихийных бедствий, состоит в том, что, когда назначается комиссия Политбюро или правительственная, то она

некомпетентна, а отсюда и уровень руководства. Вот так и получилось на первом этапе руководства ликвидацией аварии на Чернобыльской АЭС с уважаемым, ныне покойным Б. Е. Щербиной. Ведь дело доходило до абсурда, до смешного...

И вот прибыла эта самая комиссия Министерства обороны, в составе которой было восемь генералов, в том числе из Генштаба, Главпура, тыла, химвойск и так далее. Вначале поговорили в кабинете начальника опергруппы. Потом встретились с Щербиной. Позже переоделись и поехали в Чернобыль. Часть членов комиссии села на вертолеты и вылетела на осмотр крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы АЭС. В вертолете генерал-лейтенант Б. А. Плышевский попросил меня сесть против председателя комиссии и более детально пояснить инженерную и радиационную обстановку. Как сейчас помню, генерал армии И. А. Герасимов улыбнулся в свои пышные пшеничные усы и сказал: «Генерал, эту картину я уже видел в мае месяце». С воздуха хорошо была видна вся картина, тем более что несколько раз вертолетчики по команде председателя комиссии зависали над крышами третьего блока и у трубы. Члены комиссии своими глазами посмотрели на массу графита, разбросанные целые и разорванные в куски тепловыделяющие сборки с ядерным горючим, ТВЭЛы из циркония, железобетонные плиты и прочее.

После облета комиссия вернулась в Чернобыль. Желающих пойти в зону предстоящих работ не нашлось, даже заместитель начхима Советской Армии контр-адмирал В. А. Владимиров — и тот не заикнулся.

Все собрались снова на совещание. На нем, в частности, контр-адмирал В. А. Владимиров и предложил утвердить дозу одноразового облучения в период выполнения работ в опасной зоне 20 бэр, то есть 20 рентген. Далее он предложил привлечь моряков с атомных подводных лодок, но это предложение не прошло. Я от контр-адмирала Владимирова ожидал большего. Я хорошо знал, что он крупный специалист в области радиационной безопасности, и ему-то теперь, как говорят, карты в руки. Ан нет! Тогда я подумал, что сейчас он скажет, что кто-то из генералов-химиков будет рекомендован на компетентное руководство всей этой операцией. Тоже не прозвучало.

У меня до сих пор в голове не укладывается: как могло случиться, что в химвойсках не нашлось генерала, который руководил бы этими работами, и их поручили мне? Более того, в составе оперативной группы Министерства обороны СССР была образована своя опергруппа от химвойск. А ведь в химвойсках функционирует аж целый институт, где выращены «великие» ученые — от кандидатов наук до академика генерал-лейтенанта А. Кунцевича, специалиста как раз по дезактивации. Куда все они в тот момент подевались?

И вот появилось решение правительственной комиссии №106 от 19 августа 1986 года из четырех пунктов, подписанное Б. Е. Щербиной.

Первый пункт гласил, что Министерству обороны СССР совместно с администрацией ЧАЭС поручается организовать и выполнить работы по удалению высокоактивных источников с крыш третьего энергоблока и трубных площадок, а последний — научно-практическое руководство возложить на первого заместителя командира войсковой части 19772 генерал-майора Н. Д. Тараканова. Меня лично никто не спросил, тем более что я по образованию инженер-механик, а вовсе не химик. Оспаривать решение я не стал, чтобы не посчитали трусом.

После того как генерал армии И. А. Герасимов подвел итоги совещания, утвердил официальные документы, он тут же в присутствии всех членов комиссии по телефону связался с исполняющим обязанности министра обороны генералом армии П. Г. Душевым и подробно доложил обстановку. Все присутствовавшие, затаив дыхание, слушали этот разговор. В завершение доклада председатель комиссии сказал, что, кроме воинов, эту

работу никто не выполнит. В ответ было дано «добро», и генерал армии Герасимов тут же встал, пожал мне руку и сказал: «Желаю вам успехов, генерал». Больше я его никогда не видел.

В тот же день, 19 сентября пополудни, и началась адская операция в особо опасной зоне третьего энергоблока. Через полчаса я был на командном пункте, который размещался в третьем блоке на 5001-й отметке. По ежедневным замерам, проводимым командиром отряда спецдозразведки А. С. Юрченко, уровни радиации в блоке были у стенки, примыкающей к четвертому аварийному блоку, 1,0—1,5 рентгена в час, а у противоположной, примыкающей ко второму блоку, — 0,4 рентгена в час. Так что за две недели ежедневного пребывания на КП по 10 часов можно было с избытком «набраться» этой проклятой радиации.

Первыми постоянно ходили в зоны разведчики, всякий раз уточняя меняющуюся радиационную обстановку: командир отряда дозиметрической разведки Александр Серафимович Юрченко, прибывший из города Фрунзе; заместитель командира отряда Валерий Михайлович Стародумов, прибывший из города Свердловска; разведчики-дозиметристы: Геннадий Петрович Дмитров, Александр Васильевич Голотонов, Сергей Юрьевич Северский, Владислав Александрович Смирнов, Николай Тимофеевич Хромяк, Анатолий Александрович Романцов, Виктор Александрович Лазаренко, Анатолий Николаевич Гуреев, Иван Николаевич Ионин, Анатолий Иванович Лапочкин, Виктор Зигмантович Велавичюс.

Вот они, герои-разведчики, которые подвергались наибольшей опасности, часто выходя в особо опасные зоны.

Когда я прибыл на КП, воины батальона были уже переодеты и стояли в строю — всего 133 человека. Я поздоровался. Довел официальное распоряжение министра обороны на проведение операции. В конце своего выступления попросил всех, кто плохо себя чувствует и не уверен в собственных силах, выйти из строя. Строй солдат, сержантов и офицеров не шелохнулся...

Первую пятерку воинов во главе с командиром майором В. Н. Бибой я лично инструктировал у телемонитора, на экране которого отчетливо были видны зона работ и все находившиеся в ней высокорadioактивные материалы. Вместе с командиром по команде «Вперед!» вышли в зону сержанты Канарейкин и Дудин, рядовые Новожилов и Шанин. На старте офицер запустил секундомер, и началась операция по удалению радиоактивных материалов. Воины работали не более двух минут. За это время, например, майор Биба успел сбросить совковой лопатой около 30 килограммов радиоактивного графита, сержант В. В. Канарейкин с помощью специальных захватов удалил разорванную трубу с ядерным горючим, сержант Н. С. Дудин сбросил семь кусков смертоносных ТВЭЛов, рядовой С. А. Новожилов — то же самое. И так каждый воин выполнял очень опасную работу. Каждый воин, прежде чем сбросить смертоносный груз, должен был посмотреть в развал реактора, то есть во врата ада...

Секундомер замер. Впервые зазвучала сирена. Пятерка воинов во главе с комбатом быстро положила шанцевый инструмент в указанное место, мигом покинула зону через отверстие в стене и последовала на командный пункт. Здесь дозиметрист, он же и разведчик, Г. П. Дмитров вместе с военным врачом снимали показания дозиметра, объявляли персонально каждому полученную дозу облучения и записывали в ведомость учета. Дозы у всей пятерки не превышали 10 рентген. Я очень хорошо помню, как комбат просил меня еще раз пустить его в зону, чтобы добрать свои 25 рентген. Дело в том, что при получении воином 25 рентген разрешалось выплачивать пять окладов. Но если воин набирал эти 25 рентген, то командира наказывали.

Очередная пятерка в составе Зубарева, Староверова, Гевордяна, Степанова и Рыбакова пошла в зону. И так смена за сменой. В этот день 133 воина-героя убрали более 3 тонн высокорадиоактивных материалов из зоны «Н».

Ежедневно после завершения работ мы тут же на КП обрабатывали итоги и готовили оперативную сводку, которую я лично докладывал генерал-лейтенанту Б. А. Плышевскому или начальнику штаба генералу В. А. Еремину. Зашифрованные сводки тут же отправлялись министру обороны и начальнику Главпура.

В связи с тем что воины-саперы войсковой части 51975 работали с полудня 19 сентября и в первой половине 20 сентября, то первая оперативная сводка была практически за сутки работы. Вот ее содержание:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

*по итогам выполнения работ в особо опасной зоне Чернобыльской АЭС
за 19 и 20 сентября 1986 года*

19 и 20 сентября в работах по удалению высокорадиоактивных веществ с крыш 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС принимали участие солдаты, сержанты и офицеры инженерно-позиционного батальона (войсковая часть 51975), командир — майор Биба В. Н., в количестве 168 человек. Работы в основном выполнялись в первой особо опасной зоне «Н».

За время выполнения работ:

- собрано и сброшено в развал аварийного реактора 8,36 тонны радиоактивно зараженного графита вместе с элементами ядерного горючего;
- извлечено и сброшено в аварийный реактор две тепловыделяющие ядерные сборки общим весом 0,5 тонны;
- собрано и сброшено в развал аварийного реактора 200 кусков ТВЭЛов и других металлических предметов весом около 1 тонны.

Средняя доза облучения личного состава 8,5 рентгена.

Отмечаю особо отличившихся солдат, сержантов и офицеров: командир батальона майор Биба В. Н., заместитель командира батальона по политчасти майор Филиппов А. В., майор И. Логвинов, майор В. Янин, сержанты Н. Дудин, В. Канарейкин, рядовые Шанин, Зубарев, Жуков, Москлитин.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

*Руководитель операции первый
заместитель командира в/ч 19772
генерал-майор Н. ТАРАКАНОВ*

21 сентября был развернут дополнительный фронт работ в особо опасной зоне и команды теперь назначались численностью девять человек (по три тройки, в каждой тройке был старший). На команду назначали старшего офицера или сержанта. В этот день в работах были привлечены воины инженерно-дорожного полка в количестве 108 человек, инженерно-позиционного батальона в количестве 99 человек, от войсковой части 17312 — 50 человек и так далее.

Особая трудность в этот день возникла при удалении верхней пробки биозащиты весом 240 килограммов. Этот вид работ выполнялся в такой последовательности: команда с кувалдами разбивала эти пробки, следующая команда грузила их на носилки и сбрасывала в развал аварийного реактора.

С носилками работали, как правило, две пары по 4 человека. Для точного указания места сброса и удобства был установлен лоток у развала реактора на карнизе зоны «Н» и

дополнительно обозначалось место работ белым флагом.

Удаление кусков ТВЭЛов производилось только с помощью длинных захватов, более мелких — лопатой. Наибольшую опасность представляли тепловыделяющие сборки, которые излучали от 700 до 1000 рентген в час.

В зоне «Н» полных сборок не было, но половинок, в одну треть, а то и менее насчитывалось сотни. Удаление ТВС производилось тоже только с помощью удлиненных захватов и багров. В зоне «Н» лежали полуразрушенные железобетонные плиты весом до 4 тонн. Под плитами находились продукты выброса. Но их вручную было не сдвинуть. Черед их придет позже, но эту работу выполняют уже другие команды.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

*по итогам выполнения работ в особо опасной зоне Чернобыльской АЭС
за 21 сентября 1986 года*

21 сентября в работах по удалению высокоактивных веществ с крыш 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС приняли участие солдаты, сержанты и офицеры войсковой части 17312 в количестве 307 человек.

За время выполнения работ:

- собрано и сброшено в развал аварийного реактора радиоактивно зараженного графита, ядерного горючего в количестве 12,2 тонны;
- извлечено и сброшено в развал аварийного реактора 10 разорванных тепловыделяющих сборок общим весом около 0,8 тонны;
- собрано и сброшено в аварийный реактор 136 кусков ТВЭЛов общим весом 0,8 тонны.

Среднее время продолжительности работ от 2 до 3,5 минуты.

Полученная средняя доза облучения 10 рентген.

Отмечаю особо отличившихся воинов: офицеры Иванов Н. Б., Ряжских В. Н., Никитин В. В., Музыкин С. И., Завгородний А. И., сержанты Сальников В. Г., Александров А. А., Страхов А. М., Щербинин А. И., рядовые Воропаев В. Н., Ли М. К., Кривцов Е. И., Белокопытов В. И., Девятченко В. М.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

*Руководитель операции первый
заместитель командира в/ч 19772
генерал-майор Н. Тараканов*

22 и 23 сентября работы продолжались в зоне «Н», где все еще лежали груды скопившегося графита. Графит — казалось бы, что в нем опасного. Ведь это природный материал, модификация чистого углерода, наиболее устойчивая в условиях земной коры. Благодаря совокупности ценных физико-химических свойств графит применяют во многих областях современной промышленности. Высокая жаропрочность обуславливает использование его в производстве огнеупорных материалов и изделий: литейных форм, плавильных тиглей, керамики, противопожарных красок в литейном деле и других. Искусственный кусковой графит применяют как эрозиостойкое покрытие для сопел ракетных двигателей, камер сгорания, носовых конусов, для изготовления некоторых деталей ракеты и так далее. Блоки из чистого искусственного графита применяют на реакторах АЭС в качестве замедлителей нейтронов.

Под грудами графита лежали целые блоки, которые в момент взрыва в раскаленном состоянии падали на крыши машзала, третьего, второго энергоблоков и даже залетали на крышу первого энергоблока АЭС. Они растапливали битум и кровлю, вызывали пожар, а

когда остывали под напором воды, подаваемой пожарными, оставались намертво прихваченными к кровле. И теперь, когда гряда графита разбиралась, то черед доходил и до этих блоков. Такие блоки было трудно оторвать. Выход нашли. Я заказал Виктору Васильевичу Голубеву целую дюжину кувалд. И вот теперь одна команда за другой выходила в зону с кувалдами, отбивала эти блоки, а другие носилками подбирали их и сбрасывали в зев реактора.

Вспоминаю забавный случай. Стоит очередная команда у меня на КП. Я ставлю задачу — отбивать эти самые блоки. Личный состав команд на эти тяжелые работы подбирали из крепких и здоровенных ребят. Все они работали на славу. Но смотрю по телемонитору и глазам не верю: один из них, пожалуй, самый крепкий воин, огромной кувалдой сильно размахивает и бьет... по железобетонной плите. Раз, второй, третий... Плита не выдерживает энергии молотобойца, и от нее отваливаются куски. И так все две минуты. Работа впустую. Мне было жаль напрасно истраченной силы солдата. Сколько блоков графита он высвободил бы из «объятий» битума кровли! А когда команда вернулась, я несколько минут с ней беседовал, затем спросил и этого гвардейца: «Зачем же ты «лупил» эту плиту?» Он всерьез, понимая, что работы проделал больше других, ответил: «Да она же тоже, заразная, лежит на крыше». Ну и смеху было!

Запомнилась и другая более знаменитая команда воинов, которую возглавил офицер А. В. Пушкин. В составе команды были рядовые М. С. Хаджиев, Н. А. Фомин, В. И. Андриянов, А. С. Егоров, С. А. Горячев, А. И. Григорьев и С. С. Жемчужников. Когда они прибыли на КП для инструктажа, то после доклада, как и положено по уставу, старший назвал свою фамилию — Пушкин. Я невольно переспросил: «Как-как?» А он уверенно отвечает: «Пушкин», а сам смутился. В моей памяти воскрес образ поэта великой России, любовь к которому питаю со школьной скамьи.

Невольно спросил стоящего передо мной однофамильца, а возможно, и предка поэта: «Кем вы доводитесь Александру Сергеевичу?» Он застенчиво ответил: «Товарищ генерал, после окончания работы я вам все расскажу». Этот офицер был из полка противохимической защиты, войсковая часть 16666. После инструктажа команда быстро ушла в зону работ. Я внимательно смотрел по телемонитору за ее действиями. Воины работали на совесть. Уже стартовый офицер включил электросирену на окончание работ, а они еще сбрасывали последние куски графита.

Задание выполнено с честью. Вместе с инструментом солдаты выбегают из зоны работ и аккуратно укладывают его на площадке в зоне «М» у деревянного настила. Спуск по лестнице. И вот они уже на точке контроля полученной дозы облучения у Геннадия Петровича Дмитрова. Он проверяет каждый дозиметр лично, снимает показания и записывает их в журнал. Потом передает его военному врачу полка, и тот делает то же самое. Далее команда следует на точку, где воины снимают с себя защиту. Я приказываю командиру полка построить личный состав. Без шума и гама в две шеренги выстроен полк. Перед личным составом стоит команда Пушкина. Я вкратце рассказываю о работе этих воинов, их подвиге при выполнении правительственного задания. За это время замполит уже подготовил почетные грамоты, и я вручаю их каждому персонально и объявляю благодарность. Тут же командиру полка даю указание о представлении этих воинов к правительственным наградам. Таких команд за время операции было немало. Вот только не знаю, все ли они получили награды...

В разгар этой операции к нам прибыли заместитель председателя правительственной комиссии Ю. К. Семенов, ныне министр электроэнергетики, и сопровождающие его лица, уж не помню точно кто. Все они внимательно смотрели на организацию работ, штурм трубных площадок. Были просто поражены мужеством и

героизмом солдат, сержантов и офицеров, хорошей организацией. В это время последние группы воинской части гражданской обороны перевыполняли установленные нормы. Я попросил Юрия Кузьмича вручить отличившимся грамоты и объявить благодарность. Он перед строем поблагодарил всех солдат, вручил правительственные грамоты и объявил свое решение о награждении их денежными премиями.

Затем мы вместе с Ю. Н. Самойленко сопроводили его в зону «Н», где уже были выполнены работы. Юрий Кузьмич одобрил их качество и после этого покинул наш командный пункт. Остаточные уровни на кровле составляли 50—70 рентген в час вместо 800—1000 до начала операции.

По ходу выполнения работ в особо опасных зонах были и такие случаи, когда мы становились в тупик и были на грани того, чтобы бросить эти работы, так как они казались невыполнимыми, а переоблучать людей было бы преступно. Мне постоянно твердил Самойленко, что мы неправильно рассчитываем дозу, так как, мол, спецодежда в половину ослабляет ее. В подобных случаях я, может быть, и грубо, но осаживал его. Ведь мы снимали показания с дозиметра, установленного под защитой, а одежду не принимали во внимание. У нас был резерв.

Как-то дозиметристы-разведчики А. Юрченко, В. Стародумов и Г. Дмитров установили, что на одном из участков зоны работа допустима лишь в течение 40—50 секунд, не более. Прошли первые 15 смен, и мы поняли: производительность крайне низка, надо менять принцип работы. Решили в первую очередь отыскать наиболее опасные высокоактивные элементы и именно их удалить. Наткнулись на целую сборку с ядерным горючим весом до 350 килограммов. Первые группы, имея в распоряжении по 40 секунд, ничего с ней поделаться не смогли, но все же раскачали. Захваты, специальные крюки и багры не помогли. По рации связываюсь с АЭС, где находился Самойленко, говорю ему: «Доложи в правительственную комиссию, что я работы прекращаю из-за высоких уровней радиации». Он мне отвечает, что это невозможно. Я обругал его на чем свет стоит и говорю: «Тогда собирай кого хочешь, приходи сюда и продолжай выполнять эту операцию». Он мне снова: «Это тоже невозможно. Николай Дмитриевич, товарищ генерал, ну придумайте что-нибудь!»

Кстати сказать, за все время операции Юрий Николаевич у меня на командном пункте был не больше пяти раз. Он обычно говорил, что давно уже на АЭС и наглотался этой радиации. Я охотно верил ему и даже заботился, чтобы он не переоблучился. Но когда мы проходили СИЧ (спектрометр излучения человека), то оказался в списках первым я, потом В. М. Черноусенко, Г. П. Дмитров, А. С. Юрченко, В. М. Стародумов, младший И. Е. Акимов, подполковник А. П. Сотников, а уж потом Ю. Н. Самойленко и В. В. Голубев. А спустя некоторое время он вновь уехал работать на АЭС, где и по сей день спокойно трудится. Я часто вспоминаю Юру добрым словом. И то, что он меньше облучился, тоже хорошо. Что не валялся по больницам — еще лучше. Как говорят в народе, судьба есть судьба, и от нее никуда не уйдешь.

Правда, Юра часто говорил мне: «Дорогой Николай Дмитриевич, не слушай ты врачей и употребляй спирт, что мы и делаем». Я по-доброму ему отвечал: «Юра, если бы не были рядом солдаты, то наверняка бы «врезал». Но мне их жизнь дороже».

Так вот после бурных переговоров с Самойленко я заказал два десятка свинцовых лент, которыми решили обернуть восемь точек на этой сборке. Несколько выходов групп — и сборка «забинтована». Теперь за нее можно приняться основательнее. Группу возглавил офицер запаса главный инженер одного из свердловских предприятий В. М. Стародумов. На инструктаже у телемонитора каждому солдату было объяснено, за какое место «забинтованной» свинцом сборки ему браться, когда прилагать усилия и по какой

команде.

Группа воинов из части гражданской обороны: сержант А. Старовыборный, ефрейтор Н. Зуев, рядовые О. Абдулаев, В. Войков, А. Рыбаков, В. Семин, Г. Семенов и И. Щербатов — во главе со Стародумовым пошла на штурм. Находящиеся на КП офицеры и гражданские специалисты оставили телемонитор и выдвинулись к проему в стене, чтобы видеть результат работы невооруженным глазом. Все получилось так, как и замышлялось. Через несколько секунд по команде Стародумова: «Раз-два — взя-а-ли!» — сборка с ядерным горючим, создававшая сильное радиационное поле, с грохотом полетела в развал реактора. Грохнула так, что экран телемонитора засверкал. Группу воинов встречали как героев. Устроили пятиминутное чествование перед строем. Я всем объявил благодарность, вручил специальные чернобыльские грамоты, а командиру полка дал указание представить всех участников к государственным наградам.

Валерий Михайлович Стародумов тоже был позже награжден орденом Дружбы народов.

Уровни радиации в зоне сразу упали настолько, что появилась возможность работать полторы минуты. Дело пошло более споро. По нашим заявкам изготовили дополнительные приспособления: захваты с трехметровыми удлинителями, щипцы с Г-образными ручками для двух человек, специальные крюки, скребки, носилки с ножками... Все это хотя и примитивно, но в какой-то мере облегчало и ускоряло работы, уменьшало дозы облучения.

Борьба шла с невидимым, но коварным и опасным противником на первой трубной площадке. Эта операция длилась чуть меньше трех суток. И все же основная масса графита и других продуктов выброса находилась на площадке зоны «М» — у основания главной вентиляционной трубы. Работать там было легче — снизилась высота, упростились маршруты движения, но уровни радиации выше. Продолжительность работы смены оставалась прежней — от одной до полутора минут.

Целых четверо суток мы бились на этой площадке. Солдаты честно трудились. Это были воины подразделений химической защиты, гражданской обороны, инженерно-саперных и других. Десятки тонн продуктов выброса, в том числе большое количество разрушенныхборок, были сброшены в зев аварийного четвертого реактора из этой зоны.

В опасной и сложной операции особая роль отводилась мужественным разведчикам-добровольцам, о которых я уже упоминал. Они вели разведку в высоких полях ионизирующего излучения. Командиром отряда спецдозразведки, как я уже говорил, был А. С. Юрченко. Мне никогда не забыть этого великолепного советского человека, грамотного инженера, исключительно ответственного, мужественного и добросовестного командира отряда, который сам подавал пример. Заботу проявлял он и о подчиненных, и о старших начальниках. Прежде чем мы уходили вместе с разведчиками в особо опасную зону из административного корпуса ЧАЭС, Александр Серафимович тщательно проверял нашу экипировку. Мы надевали чистое белье, спецодежду, подгоняли шлемы-маски, надевали «лепестки» (респираторы), на обувь натягивали специальные бахилы, которые по возвращении сбрасывались, так как за время работ и бахилы, и даже обувь становились радиоактивно зараженными. Затем мы следовали за ним по длинным лабиринтам через всю АЭС, выдвигаясь на свой командный пункт. Времени на переход затрачивали около 30—40 минут в один конец. Правда, иногда Юра Самойленко игнорировал этот маршрут, и мы забирались по наружной металлической лестнице на крышу первого энергоблока и по крышам добирались до своего КП. В этом случае время на маршрут сокращалось на 15—20 минут.

Так вот Александр Серафимович, сопровождая меня несколько раз, оттренировал

так, что позже я на КП уже ходил один, без проводников. В период проведения операции он часто напоминал мне о необходимости надевать «лепесток» для защиты органов дыхания. Я обычно отвечал ему: «Саша, а как с солдатами я буду говорить в этом наморднике?» И зачастую приходилось этим пренебрегать. А жаль...

Позже, лежа на больничной койке в течение полугода, когда кашель буквально душил меня, я вспоминал Сашу Юрченко. Да и теперь еще этот кашель часто напоминает мне о его назиданиях. Ни о чем я, однако, не жалею: зато солдаты видели генерала, а я видел их лица.

Помню, была одна небольшая заминка при штурме зоны «М». Вдруг военный врач-радиолог подбегает ко мне и докладывает: «Товарищ генерал! Солдат потерял сознание». Ну, думаю, это то, чего я боялся, где-то он прихватил приличную дозу облучения. Солдату экстренно оказали помощь, привели в сознание и сняли с него всю защиту. Потом я подошел к нему, сел рядом и стал расспрашивать: «Ну, давай рассказывай, где ты работал и что конкретно сбрасывал. Покажи на телемониторе». Смотрю, солдат покраснел и говорит мне: «Извините, товарищ генерал, я еще в зоне не был, а был на вашем КП и смотрел по телемонитору, как работают солдаты у реактора, и мне стало плохо». Солдата никто не ругал, его тут же отправили в административно-бытовой корпус, где после работы собирались все подразделения. Ясное дело, что психика солдата подвела, хотя и лет ему было за тридцать. Фамилию теперь не помню, да и ни к чему. Но после этого группы воинов стали работать как-то хуже.

Неожиданно пришел Юра Самойленко и пренебрежительно отозвался о работе солдат. Я ему и говорю: «А ты сам-то пробовал?» Вдруг он без защиты рванул в зону «М» и стал показывать, как надо работать и что конкретно убирать. Правда, был он недолго, секунд 20—30, но все же хватанул. Вернулся бледный. Я тут же отправил его к врачу.

Дня два или три, помню, он ходил и весь дрожал, как в лихорадке. Этот жест был лишним, так как солдаты, сержанты и офицеры в основной массе были настолько хорошо настроены, что эту небольшую заминку не составило труда ликвидировать и без его жеста. Солдаты — народ понятливый.

Только мы с ним объяснились, как к нам прибыли генерал-лейтенант Плышевский и толковый политработник генерал-майор Когтин. Около двух часов они внимательно наблюдали за всей нашей тяжелой и кропотливой работой. Борис Алексеевич часто меня и Самойленко упрекал: «Ну когда вы закончите, когда перестанете сотнями просить солдат, ведь мы почти всех перебрали?» Вот тут я ему и говорю: «Смотрите, Борис Алексеевич, на эти завалы графита и всякой дряни, которую солдат вручную разбирает и сбрасывает в эту пропасть. А работает он, солдат, считанные секунды. Так что же вы хотите? Оставайтесь здесь и руководите».

Разговор был крутой и нелицеприятный. Зато после не было недоразумений на тему, сколько нужно солдат и когда мы окончим операцию.

Более того, Борис Алексеевич понял все наши трудности и даже попытался выступить в роли инструктора, тщательно инструктируя очередную смену. Убедительно просил солдат поработать во всю силу. Затем они вместе с генералом Когтиным выступили перед воинами, вручили наиболее отличившимся почетные грамоты и тепло поблагодарили всех участников операции. У меня остались самые добрые воспоминания об этих руководителях.

Каждый день, когда я рано утром уезжал на операцию, генерал-лейтенант Плышевский неизменно угощал меня чаем с облепихой, поздно вечером он дожидался моего возвращения с докладом о работе за день. А когда я почувствовал себя совсем неважно и попросил заменить меня, то тут Борис Алексеевич, очень хорошо помню,

крепко обнял меня (он огромного роста мужчина) и сказал: «Ну, потерпи, я не могу тебя никем заменить».

Несколько слов еще об одной заминке. Операция была в разгаре, и вдруг сбой. В правом углу зоны «М», что под венттрубой, появились чрезмерно высокие поля, в пределах 5—6 тысяч рентген в час, а то и более. Почти все разведчики были «выбиты», то есть перебрали дозу облучения. Я сел и задумался. Потом подозвал командира части и говорю: «Подбери толковых офицеров-добровольцев для разведки в зоне «М». Но тут ко мне подошел Саша Юрченко и говорит: «Пойду сам». Я категорически возразил ему, сказав, что уже дал команду подобрать офицеров. Саша мне ответил, что офицер, тем более не «обстрелянный», не принесет нужных нам данных, да и вряд ли доберется до этого места. И вот он один пошел в разведку. Он выполнил задание блестяще, но я знаю, во что ему обошелся и на этот раз выход в зону. Вернулся Саша, сели мы за стол, и он по памяти набросал картограмму инженерной и радиационной обстановки.

После этого были внесены коррективы в производство работ по времени и дозам облучения. Эту картограмму я бережно храню дома. А когда он приехал в Москву с семьей в гости, я показал его творение. Вот такие они, замечательные советские люди — патриоты Родины.

А однажды во время операции Александр Серафимович подошел ко мне и говорит: «Николай Дмитриевич, тут один политрабработник ходит среди солдат и ведет нездоровые разговоры о том, что после выполнения задания в особо опасной зоне могут быть серьезные последствия у солдат, офицеров...

В общем, мне кажется,— продолжал Саша,— он разлагает солдат». Я ему говорю: «Пригласите ко мне этого офицера». Он пригласил. Мы отошли в сторону, и я попросил Сашу воспроизвести разговор. Все подтвердилось, офицер не отпирался. Но, как оказалось, он по своему недомыслию действительно неумело и неумно разъяснял меры безопасности, чем фактически запугивал солдат. Я попросил генерала Когтина его заменить. Его заменили. Фамилию, вполне понятно, я не называю. Мне было очень неприятно, что среди офицеров, а тем более политрабработников, были и такие. Но, как говорят, в семье не без урода.

Откровенно говоря, я очень устал к концу операции. Мне дважды генерал Когтин менял политрабработников. Каждый день по 8—10 часов находился на КП, где уровни радиации не балуют. Нет, дорогой мой читатель, поверь, я не хочу перед тобой блеснуть своим героизмом, но скажу правду, что лучше бы один раз, как и каждый солдат, сходить в эту тяжелую атаку, чем отвечать за жизнь солдат, быть постоянно в стрессовой ситуации и осуществлять руководство всей этой операцией. Кроме того, солдат, сержант и офицер были в лучшем положении и в том смысле, что каждый пришел, получил задачу, выполнил ее и ушел вместе со своими сослуживцами в подразделение. У каждого воина был только один-единственный выход в особо опасную зону, и на несколько секунд.

Если бы руководители замечательных пожарных, погибших от переоблучения, тот же Телятников, хотя бы элементарно провели расчет пребывания на тушении пожара и проводили бы замену расчетов, все они были бы живыми героями. В этом меня никто и никогда не переубедит. А таких споров возникало много, и даже в клинике № 6, где я лежал длительное время на лечении вместе с еще живыми.

Под статью командиру отряда спецразведки были отважные разведчики В. М. Стародумов, Г. П. Дмитриев, А. В. Голотонов, С. Ю. Саверский, В. А. Смирнов, Н. Т. Хромяк, А. А. Романцов, В. А. Лавренко, А. Н. Гуреев, И. Н. Ионин, А. И. Лапочкин, В. З. Велавичюс и другие.

Геннадий Петрович Дмитриев прибыл на ЧАЭС из города Обнинска добровольцем.

Длительное время проработал в этом отряде. В период проведения операции был почти ежедневно со мной на третьем блоке. И неоднократно выходил в разведку в особо опасные зоны. Он эрудирован, обаятелен, весьма тактичен и скромнен. Солдаты его уважали и часто называли «полковником», а еще чаще — Петровичем. С ним мы всегда возвращались поздно ночью с третьего блока, зачастую с фонариком, а то и на ощупь по всем этим длинным лабиринтам. Один раз вернулись на АЭС, а санпропускник уже закрыт. Вся наша чистая одежда под замком. Обувь мы сбросили еще раньше. И вот, усталые, разбитые и совершенно голодные, стоим и не знаем, что же делать. Был двенадцатый час ночи. Говорю ему: «Геннадий Петрович, ты тут ветеран, давай иди к дежурному и решай задачу, ты же разведчик. Иначе поедем вот в таком неприглядном виде в оперативную группу в Чернобыль, а мне же еще докладывать Плышевскому...» Геннадий Петрович ответил бойко: «Есть, товарищ генерал!» — и пошел в одних носках к дежурному по АЭС. Через полчаса мы уже мылись, но перекусить не удалось: все было закрыто.

Особенность с приемом пищи была такова: отправлялись рано утром, а возвращались поздно ночью — на обед почти не ходили, так как на уход с КП третьего блока, посещение санпропускника, прием пищи и возвращение тратилось около двух часов. А на КП пить, курить и тем более есть было запрещено. Надеюсь, читателю ясно почему. И вот я единственный раз пошел на обед в столовую АЭС, а когда вернулся на КП, то оказалось, что было серьезное происшествие, которое чуть не имело трагические последствия.

Уходя с блока в тот раз, я оставил за себя близких своих помощников — заместителя главного инженера ЧАЭС В. С. Галушца, прибывшего на замену Ю. Н. Самойленко, и подполковника А. П. Сотникова. Они, как правило, проводили очень добросовестно инструктаж. От толкового и четкого инструктажа зависел успех выполнения той или иной работы. Это понимали и командиры, и солдаты.

Так вот, вернувшись с обеда, я пошел на КП и стал смотреть по телемонитору работу очередной смены. Протяжно завывала сирена, солдаты тут же побросали свой инструмент на местах работ, хотя им нужно было вынести его из зоны и положить, где брали, то есть на определенной площадке, чтобы затем через отверстие спуститься вниз. Однако они проскочили мимо этого отверстия, не заметив его — или с перепугу, или оттого, что был недоходчивый инструктаж, — рванули вокруг трубы и только со второго раза едва нашли выход.

Я приказал командиру части привести всю смену, проверил личные дозиметры. Оказалось, к счастью, все в норме. Затем сделал разбор допущенных ошибок в присутствии очередной смены. В замедленном темпе провел подробный инструктаж и поставил каждому солдату конкретную задачу, способ выполнения, указал, кому и какой взять инструмент с собой, где его взять, показал по телемонитору местонахождение его, порядок следования в район работ и возвращения.

Мои помощники Галушак и Сотников внимательно выслушали этот урок и, несомненно, поняли свою ошибку. Смотрю на них — ребята переживают, однако не обошлось и без серьезного внушения. Тут же я отправил их на обед и сказал: «Хорошенько отдохните и будьте более внимательны при инструктаже». По всей вероятности, они сильно устали. Сам больше с тех пор на обед не ходил.

Продолжая свой рассказ о разведчике Геннадии Петровиче Дмитрове, мне очень хотелось бы подчеркнуть его честность и нетерпимость к обману. Как-то, весь бледный, подбегает ко мне, подводит одного солдата и говорит: «Николай Дмитриевич, вот этот солдат мухлюет с дозами облучения. Он, кроме нашего дозиметра, установленного на груди под защиту, добыл где-то еще дозиметр и положил его в карман, а на контроль

представил не наш, а свой. Но солдат выполнил свой долг, он работал в опасной зоне». Я пригласил командира подразделения и попросил разобраться по совести. Как уж там наказали солдата, я не знаю, но до сведения участников операции этот факт был доведен. Ведь все были добровольцы, и мы всем предоставили возможность перед выходом на выполнение задания еще раз подумать и решить, идти или не идти в зону.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА
*по итогам выполнения работ в особо опасной зоне Чернобыльской АЭС
за 22—23 сентября 1986 года*

22—23 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ с крыш 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС приняли участие солдаты, сержанты и офицеры войсковых частей 75223, 16666, 59828, 71454 в количестве 953 человек.

За время выполнения работ:

- собрано и сброшено радиоактивно зараженного графита в количестве 18,2 тонны;
- извлечено и удалено в развал аварийного реактора полуразрушенных тепловыделяющих сборок в количестве 15 штук общим весом 2,2 тонны;
- собрано и удалено около 100 ТВЭЛов общим весом 1,2 тонны.

Среднее время продолжительности работ в особо опасной зоне от 2 до 3,2 минуты.

Средняя доза облучения личного состава 8—10 рентген.

Отмечаю особо отличившихся: офицеры Савкин Б. М., Дергачев Н. Ф., Мещеряков С. В., Лаптев С. Л., Данильченко Г. Г., Суворов В. П., Обыденков С. В., сержанты Васильев Ю. А., Голубев Л. С., Сухоруков В. В., Фомин Е. И., Горко С. Б., Павлов Ш. А., Фистиков В. А., Исаев В. Г., Тихонов С. Е., Чебан Ю. С., Шалимов Н. В., Мальцев Л. В., Ступин Н. И., Чеботарев А. С., Соколов Н. А., Малышев В. К., Шитов Н. В., Юрьев И. И., Рахов Н. Я., Ветров О. М., Гуськов П. А., Медведев Ю. А., Усольцев В. Г., Жильцов А. Г., Буланов В. В.

Потерь и происшествий среди личного состава нет.

*Руководитель операции первый
заместитель командира в/ч 19772
генерал-майор Н. ТАРАКАНОВ*

Но все это, как говорят в народе, были цветочки. А вот ягодки нас ожидали на площадках главной вентиляционной трубы и у ее основания, где и графит, и ядерное горючее были и россыпью и просто навалом. Вентиляционная труба АЭС обеспечивала выброс в атмосферу факела очищенного в некоторой степени воздуха заборными вентиляционными системами из помещений третьего и четвертого энергоблоков. Конструктивно эта труба представляет собой стальной цилиндр диаметром 6 метров. Для повышения устойчивости труба схвачена прочной трубчатой каркасной конструкцией, опирающейся на восемь упоров (ног). Вентиляционная труба имеет 6 площадок обслуживания. Высота отметок 1-й площадки 94 метра, 5-й площадки 137 метров. Выход на площадки обслуживания по специальным металлическим лестницам. Каждая площадка имеет ограждение высотой 110 сантиметров.

В результате взрыва реактора четвертого энергоблока на все площадки, включая и 5-ю, были выброшены куски радиоактивно зараженного графита, разрушенные и целые ТВС, куски ТВЭЛов и другие радиоактивные вещества. При выбросе частично была повреждена 2-я трубная площадка со стороны четвертого энергоблока.

В соответствии с разработанной технологией удаления высокорadioактивных продуктов выброса из зон «М», 1-й, 2-й и последующих площадок было принято решение

начинать работы на 1-й трубной площадке, где была радиоактивность более 1000 рентген в час, во избежание частичного попадания материала на площадку зоны «М» и с целью снижения ионизирующего излучения сверху на воинов, работающих внизу.

Работы усложнились еще и трудностью маршрута выдвижения в зону работ. Команда военнослужащих выходила на исходный рубеж, где был оборудован пост так называемого стартового офицера, он же управлял электросиреной и хронометрировал время, которое рассчитывали физики. Со старта по пожарной лестнице команда выходила через проем в перекрытии, который был устроен взрывом. Короткими перебежками воины следовали через зоны «Л», «К», где уровни радиации были 50—100 рентген в час, по деревянному настилу в зону «М», где уровни радиации были 500—700 рентген в час, затем поднимались по металлической лестнице через отверстие 1-й трубной площадки в зону работ. Время выхода и возвращения составляло 60 секунд. Время работ в зоне 40—50 секунд.

Во избежание потери маршрута назначался офицер, который выводил команду на площадку «М», а далее команда следовала во главе со старшим самостоятельно в зону работ по лестнице.

Весь инструмент был сосредоточен у люка (лаза) 1-й площадки, и каждый военнослужащий брал тот инструмент, который ему предназначался для выполнения работ на инструктаже. По окончании работы инструмент возвращался на прежнее место.

Телекамеры были установлены на 1-й площадке, а на КП телемониторы, которые позволяли руководить работами и проводить инструктаж воинов. Работы велись командами только по 2—4 человека. Организация и выполнение работ производились в соответствии с ранее указанной инструкцией и организационно-штатной структурой.

24 сентября начался штурм трубных площадок.

Первыми прибыли на 5001-ю отметку воины полка гражданской обороны из Саратовской области. Я испытывал неподдельное чувство любви к однополчанам. В этом полку в должности полкового инженера проходила моя служба с 1962 по 1967 год, когда я с семьей переехал с Украины в Россию. Память сохранила многое из отрезка этой службы. Вначале мы дислоцировались в поселке Горном, где шахтеры добывали горный сланец. Огромные, до небес, терриконы возвышались по саратовской степи. Мы с моим близким другом офицером Володей Шевченко не раз ради любопытства штурмовали вершины этих терриконов. А за терриконами расстилалась степь, покрытая ковылем. Бывало, после службы мы с женой и маленькой дочкой Леной уходили далеко-далеко по степи и возвращались с огромной охапкой белого пушистого ковыля, который подолгу стоял в вазах. Посреди степи протекала красивая речка Судак, на которой мы часто рыбачили. Вода в речке прозрачная, словно слеза, все видно до самого дна. Сидишь, бывало, с удочкой и видишь, как рыба подплывает к приманке, и тут без особого труда ее подсекаешь. А сколько водилось раков! В полку у нас был спец по ракам Володя Плахотник, он же и заядлый охотник. Многих снабжал раками да утками.

Жили семьями очень дружно. По выходным ходили друг к другу в гости. Особая дружба еще с лейтенантских лет связала нас с Володей Шевченко. Рая, его жена, удивительная стряпуха! Чудно готовила вареники, пельмени, украинский борщ. По сей день помним друг друга, поддерживаем переписку, хотя и стали реже видеться.

Добрые воспоминания остались о командире полка полковнике А. М. Пчелинцева, начальнике штаба подполковнике И. К. Лавриненко, замполите И. Е. Ховрунове, комсомольском вожаке, ныне полковнике Стефане Туренице и его жене Гале, офицерах Овчаренко, Заславском, Мишине, Мурашко и многих других.

И вот теперь в аду Чернобыля в огромном помещении 5001-й отметки стоял личный

состав воинов Саратовского полка. Не было тут ни друзей, ни знакомых... Позже от командира полка полковника А. Д. Карбаева мне стало известно, что все же воины знали, что генерал их однополчанин.

Я коротко выступил перед личным составом, довел до него, что мы уже работаем шестые сутки, но сегодня предстоит работа самая сложная и самая опасная. Назвал уровни радиации зон, которые исчислялись более 2 тысяч рентген в час, где они, мои однополчане, начнут операцию по сбору и удалению высокорadioактивных элементов. Внимательно всматриваясь в лица, я громко объявил, как и вчера, и позавчера, и ранее: «Кто не уверен в себе и кто плохо себя чувствует, прошу выйти из строя!» Желающих не было. Командиру полка я отдал распоряжение разбить личный состав по командам и начать переодевание в защиту, а потом уже представлять на инструктаж.

В 8 часов 20 минут штурм первой трубной площадки начался успешно. От воинов-саратовцев эстафету приняли саперы инженерно-дорожного полка, потом полка химической защиты и завершили воины отдельного химического батальона.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

*по итогам выполнения работ в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС
за 24 сентября 1986 года*

24 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ со 2-й трубной площадки Чернобыльской АЭС принял участие личный состав войсковых частей 44317, 51975, 73413, 42216 в количестве 376 человек.

За время выполнения работ:

- собрано со 2-й трубной площадки главной вентиляционной трубы и сброшено в развал аварийного реактора 16,5 тонны радиоактивно зараженного графита;
- собрано и удалено 11 полуразрушенных тепловыделяющих сборок с ядерным горючим общим весом 2,5 тонны;
- собрано и сброшено в аварийный реактор больше 100 кусков ТВЭЛов.

Средняя продолжительность времени работ составляла 40—50 секунд.

Средняя доза облучения военнослужащих 10,6 рентгена.

Потерь среди личного состава и происшествий нет.

Отмечаю наиболее отличившихся солдат, сержантов и офицеров: Миньш Э. Я., Терехов С. И., Савинскас Ю. Ю., Шетиньш А. И., Пилат Ш. Э., Илюхин А. П., Бруверис А. П., Фролов Ф. Л., Кабанов В. В. и другие.

*Руководитель операции первый
заместитель командира в/ч 19772
генерал-майор Н. ТАРАКАНОВ*

При выполнении операции по удалению высокорadioактивных веществ с крыш третьего энергоблока и трубных площадок нашими боевыми помощниками были славные вертолетчики, как гражданские, так и военные. Невозможно забыть их героические усилия при выполнении работ по пылеподавлению не только на полях и дорогах, в жилых массивах, но и в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС.

Очень часто перед тем, как начинать операцию на третьем блоке, вертолетчики на огромных Ми-26 проливали бардой или латексом зев аварийного реактора, крыши машзала третьего энергоблока, трубные площадки. Делалось это для того, чтобы радиоактивно зараженная пыль не поднималась в воздух во время работ и не разносилась по белу свету, да и меньше было воздействия этой пыли на воинов во время работ.

Особенно врезались в память наш военный вертолетчик полковник Водолажский и

представитель Аэрофлота Анатолий Грищенко. Мы часто встречались в этом круговороте событий. Хорошо помню неофициальную встречу, которую организовали Юра Самойленко и Витя Голубев. Встреча состоялась на заводе у Голубева, где они поздним вечером устроили ужин. Прибыли самые близкие мне люди — Женя Акимов, Володя Черноусенко, полковник А. Д. Саушкин, А. С. Юрченко и вертолетчики, в том числе Водолажский и Грищенко. Ужин сопровождался неизменно разговорами о делах Чернобыля, шутками, стихами. Уже далеко за полночь мы наконец-то распрощались и разъехались. Жили все в Чернобыле.

И вот, когда 3 июля 1990 года в американском городе Сиэтле скончался Анатолий Грищенко, а я в это время лежал в Центральной клинической больнице, я вовсе занемог. Хочешь ты этого или не хочешь, но в голове прокручивается: не ровен час, и твой черед... Какая-то вокруг была пустота. Ведь этот самый человек был у меня в январе 1987 года в шестой московской больнице, по его виду и не подумаешь, что через три года его не станет. В памяти всплывали воспоминания об удивительно скромном и отважном вертолетчике. Он имел огромный опыт работы с крупногабаритными грузами, который и пригодился при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Ведь Анатолий Демьянович Грищенко получил персональный вызов на укрощение взбесившегося реактора. В тот период правительственную комиссию в Чернобыле возглавлял бывший заместитель Председателя Совета Министров СССР, нынешний премьер-министр И. С. Силаев. Он хорошо знал возможности прославленного и опытного вертолетчика Грищенко, да и многих других вертолетчиков. А знал Иван Степанович потому, что еще раньше, будучи министром авиационной промышленности, доходил и до этой категории людей, не гнушаясь с ними частого общения. Вот и создал на эту беду Силаев тех, на кого можно положиться в трудную минуту. Точно так же было у Ивана Степановича и когда он возглавил комиссию Политбюро ЦК КПСС по ликвидации последствий землетрясения в Армении. Судьба нас с ним связала и в Армении. Он опирался только на тех, в ком был уверен, в том числе и на армию.

Вертолетчики, как я уже упоминал, выполняли опасную и сложную работу — они пытались первыми подавить взорвавшийся реактор. И чем только они не укрощали его извергающий зев, чего только не бросали в этот ад! Позже они вели борьбу с вредными радиоактивными элементами, подавляя пыль из брандспойтов. Это называлось дезактивацией с воздуха. Анатолий Демьянович, кроме того, тренировал военных вертолетчиков переправлять крупногабаритные грузы. Затем правительственная комиссия поручила ему перемещение многотонных вентиляторов и кондиционеров. Они требовались для восстановления первых трех блоков АЭС. Более месяца была первая командировка. Тогда вместе с Грищенко честно выполнял свой долг заслуженный штурман Евгений Воскресенский. Это ему позже врач Монахова пробивала бесплатную путевку в санаторий, так как не хотели признавать у него заболевание крови. А уже второй раз и ему не дали бесплатную путевку. В голове даже не укладывается: когда ты отдаешь свое здоровье Отчизне, ради спасения народа и делаешь дело, ты нужен, а как только авария укрощена — тебе выставляют счет: оплаты путевку и лечись!

С Анатолием Грищенко двадцать лет в одной кабине отработал заслуженный летчик-испытатель СССР Аркадий Макаров. Он чуть позже прибыл в Чернобыль. Но потом они вместе трудились с Анатолием Демьяновичем.

25 сентября 1986 года 1-я и 2-я трубные площадки были освобождены от продуктов взрыва и В. В. Голубев попросил сделать паузу. Под его руководством солдаты проложили пожарные рукава и гидромониторами смыли последние кусочки радиоактивно зараженных элементов.

Теперь на очереди стояла, пожалуй, самая опасная по уровням радиации и по объему массы графита и ядерного горючего операция — основание у главной вентиляционной трубы Чернобыльской АЭС. Это место мы закодировали как зона «М».

До начала операции в этой зоне разведчики-дозиметристы

А. Юрченко, В. Стародумов, Г. Дмитриев, А. Голотонов, В. Смирнов, Н. Хромяк, А. Романцов, А. Гуреев и другие многократными выходами в основном замеры радиации и представили соответствующую картограмму ионизационных полей. Минимальные уровни на входе в зону «М» составляли 800—1000 рентген в час, максимальные — в правом углу зоны, по диагонали к развалу реактора — более 5 тысяч рентген в час. В этом углу больше всего было сосредоточено ядерных сборок, и целых, и разорванных. Высота завала из графита — до полутора метров.

Для выяснения ориентировочных объемов работ мною была назначена инженерная разведка под руководством офицера. Но эту команду в зону повел Александр Серафимович Юрченко.

Инженерной разведкой было установлено, что на площадке зоны «М» всего сосредоточено около 90 тонн различных продуктов выброса. Кроме того, выход в зону «М» был прегражден роботом-манипулятором МФ-2 (западногерманское производство), который потерял управление в высоких полях ионизирующего излучения. Электроника его полностью отказала, и он стоял неподвижно. Было решено этот робот весом около 3,5 тонны удалить из зоны. Разъединив гусеницы, робот сдвинули с прохода и лебедкой троса доставили в угол зоны «М» со стороны зоны «Л». А чуть позже вертолетом Ми-26 будет удален из зоны этот робот в отстойник зараженной техники. Эту операцию выполнял военный летчик полковник Водолажский, а зачаливали тросы солдаты из полка гражданской обороны.

На примыкающую зону «Л» был доставлен вертолетом Ми-8 гидромонитор «НИКИМТА», который эффективно использовался для смывки мелких фракций графита с площадки «М» в развал реактора.

Организация работ и подготовка личного состава осуществлялись в соответствии с инструкцией по работам в особо опасных зонах.

Для более тщательного инструктажа командиров и солдат по маршруту выдвижения в район работ с вертолета были произведены аэрофотосъемки зоны «М» с четырех сторон под углом 0°, 30°, 45°, 60° и 90°. Эти воистину фронтальные фотографии безропотно по моей просьбе выполнил фотокорреспондент Игорь Костин. На крупномасштабных фотографиях были проложены маршруты движения. Кроме того, на листе ватмана также был нарисован маршрут движения в зону «М».

Все это в сочетании с телемонитором позволяло тщательно инструктировать и обеспечивать безопасность передвижения команд в район работ.

Особое внимание уделялось строгой и организованной работе офицеров на всех точках по подготовке личного состава к работе в зоне «М».

Командиры частей и подразделений представляли списки личного состава, в которых указывались полученные ранее дозы облучения. В случае наличия у военнослужащего дозы до 5 рентген выход в зону «М» для производства работ категорически запрещался, а эти военнослужащие использовались на вспомогательных работах (одевание и подгонка защиты личному составу, уборка помещений и так далее).

Особые указания получили военные врачи привлекаемых частей и подразделений, а также военный радиолог особой зоны, которые тщательно контролировали получение дозы облучения военнослужащими. На точке выдачи индивидуальных дозиметров и

записи в журнал учета после работы в зоне был строжайший порядок. Показания снимались с использованием зарядного устройства ЗД-5. Главными фигурами тут были Г.П. Дмитриев и врачи.

В ночь на 26 сентября была изготовлена самодельная защита в количестве 100 комплектов. Сюда же на КП были доставлены щитки из оргстекла, респираторы «лепестки», очки, бахилы.

Первыми прибыли в этот день солдаты, сержанты и офицеры отдельного механизированного полка гражданской обороны в количестве 150 человек. Работы начались в 8.00 утра. Все участники имели высокий моральный дух, физически выглядели здоровыми и были в хорошем настроении.

Перед личным составом полка я выступил коротко. Объяснил, что сегодня мы начинаем штурм самой опасной зоны. Более подробно разъяснил радиационную обстановку в зоне «М», сложность и опасность движения по маршруту в указанный район работ, категорически запретил подходить к правому углу опасной зоны. Это место было обозначено на всех схемах и в зоне «М» красным флагом.

Я также объявил всем воинам: кто не желает принять участие в этой операции, может выйти из строя и отправиться в расположение части. Таких не было. Затем я предоставил слово от администрации АЭС Ю. Самойленко, который высказал просьбу работать по-ударному, по-гвардейски и без ЧП.

Операция началась в первую очередь в тех местах зоны «М», где уровни радиации были не более одной тысячи рентген в час. Время работ было рассчитано на 30—40 секунд, время выхода и возвращения — на 50 секунд. Время рассчитывалось до секунды.

Первую команду инструктировал у телемонитора лично сам. Команду возглавлял старший лейтенант А. В. Агафонов. Маршрутный офицер после инструктажа повел команду на площадку «М» по лабиринтам в зону работ. На площадке воины разобрали свой инструмент и побежали в район работ.

На старте уже стоял офицер. Секундомер запущен. Отважные воины В. А. Филиппов, Н. В. Ермолаев, В. А. Свиридов, В. В. Государев, А. В. Макаров и В. В. Мартынов под руководством старшего лейтенанта А. В. Агафопова вошли в опасную зону. Им ставилась задача извлечь и сбросить в аварийный реактор тепловыделяющую сборку весом около 350 килограммов. И вот баграми зачалили эту гадюку. Несколько дружных приемов, и она поползла по черному графиту и дальше загудела вниз. Задача выполнена. Все бросились бегом из зоны.

На смену в зону спешат гвардейцы под командой сержанта А. А. Старовыборного. И вновь точно такая же сборка, но на ней с десятков графитовых блоков. На вооружение взяты дополнительно кувалды. Первые вышедшие в зону два воина отбивают блоки от сборки, подбегают еще пятеро, и она летит в пропасть...

Вот они, герои: ефрейтор А. С. Зуев, рядовые А. С. Саменков, И. А. Щербатов, В. В. Войков, О. А. Абдулаев, Л. А. Рыбаков.

В этот день многим командам приходилось удалять тепловыделяющие сборки из особо опасной зоны. А к концу дня в зоне уже были зафиксированы уровни радиации в десятки раз меньше прежних. Это уже была победа над радиацией.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

*по итогам выполнения работ в особо опасной зоне «М» Чернобыльской АЭС
за 26 сентября 1986 года*

26 сентября в работах по удалению высокорadioактивных веществ из зоны «М» Чернобыльской АЭС принимали участие солдаты, сержанты и офицеры войсковых частей

75223, 42216 и 48777.

За время выполнения работ:

— собрано и сброшено в развал аварийного реактора около 15 тонн радиоактивно зараженного графита;

— извлечено и удалено в аварийный реактор 20 полуразрушенных тепловыделяющих сборок с ядерным горючим общим весом 3,5 тонны;

— собрано и удалено около 300 кусков ТВЭЛов общим весом около 1 тонны.

Среднее время работ в зоне составляло до 50 секунд.

Средняя доза облучения личного состава 12—14 рентген.

Отмечаю особо отличившихся воинов: старшие лейтенанты Агафонов А. В., Герк И.А., Соловьев В. Г., сержанты Горохов В. П., Краснощекое В. М., Иванов Е. Г., Старовыборный А. А., Емелев А. А., Кукушкин С. И., Желтов Г. В., Уколов С. В., Денисов В. С., рядовые Семенков А. С., Щербатов И. А., Войков В. В., Абдулаев О. А., Рыбаков Л. А., Филиппов В. А., Ермолаев Н. В., Свиридов В. А., Государев В. В., Макаров А. В., Мартынов В. В. и другие.

Потерь среди личного состава нет.

*Руководитель операции первый
заместитель командира в/ч 19772
генерал-майор Н. ТАРАКАНОВ*

Сводки, сводки, ежедневные сводки, как на войне... Они оформлялись тут же на КП. Эту работу я поручил подполковнику А. В. Кучеренко. Я знал, что он долго вместе с подполковником А. П. Сотниковым работал на АЭС в опасных зонах. Но так как его близкий товарищ теперь был моим помощником, то Анатолий Васильевич попросил меня оставить его на этой операции. И он был незаменим на этой работе. Педантичный, аккуратный, выдержанный, интеллигентный, и в нем было что-то этакое гусарское, что-то от офицеров старой царской армии. Мог ли я подумать, что в 1987 году этого офицера не станет... Но об этом позже.

Осуществляя руководство этой сложной и опасной операцией, в которой проявились самые лучшие качества наших воинов — и смекалка, и физическая выносливость, и мужество, и безграничная любовь к Родине,— я невольно обращался снова и снова к периоду Великой Отечественной войны, к ее героям, их подвигу, их неувядаемой славе. В эти трудные минуты Чернобыля я в который раз вспоминал брата и отца, годы учебы. И думаю вот о чем. Мы учились в необорудованных помещениях, без тетрадей и учебников. Но было у нас огромное желание учиться, а у учителей большое и бескорыстное желание научить. И так училось целое поколение. Теперь другое время, другая детвора. Есть прекрасно оборудованные классы, пусть и не всегда с компьютерами, есть тетради и канцпринадлежности, имеются и учебники, хоть и не всегда лучшим образом составленные. Но вот беда — все более заметной становится утеря у ребят интереса к знаниям

Мало того, и учителей-то, похоже, все меньше интересуют результаты собственного труда. Все реже проверяются тетради, реже проводится предметный, заинтересованный разбор школьных сочинений, нечасто слышится восторженный возглас учителя математики по поводу успешно решенной его учеником задачи. Кто-то пишет что-то, кто-то молча ставит оценку. Школа становится бухгалтерией. А хочешь знать больше — иди к платному репетитору. Но ведь это не каждому доступно, да и ведет репетиторство к социальному расслоению общества.

Спрашивается, чье поколение в большей мере страдает от недостатка знаний, а следовательно, от некомпетентности? Видимо, недоучены и те, и другие. Но причины

разные... А представители какого поколения проектировали несработавшие в Чернобыле роботы и манипуляторы? Да и вообще, кто повинен в отставании отечественной науки и техники по ряду важнейших позиций? Думается, и молодые, и пожилые.

Вот потому-то столь остро стоят проблемы реформы образования в стране. Но пока ученые мужи ломают голову над ними, каждый из нас — молодой или пожилой — должен критически взглянуть на себя, оценить свою недоученность и постоянно работать над ее ликвидацией. И вопрос этот нравственный, в полной мере проявившийся и в Чернобыле.

27 сентября был очень памятный для меня день. В это утро мои коллеги по операции на АЭС в шутку говорили: «Ну наконец-то чернобыльского генерала снимают с трубы». Но это была только маленькая передышка. Дело в том, что 26 сентября прилетел из Москвы генерал армии В. И. Варенников. Мне уже поздно вечером полковник В. Небога сообщил, что на следующее утро меня будут заслушивать по ходу нашей операции и по другим вопросам. В эту ночь я хорошо отоспался. У меня была большая комната в одном из общежитий Чернобыля. Никаких шпаргалок для доклада я не готовил — вся информация держалась в голове. Только мысленно систематизировал основные вопросы. Генерала армии Варенникова я уже знал немного, так как он неоднократно приезжал к нам, и мы не раз отчитывались за свою работу. Мне очень нравился этот высокообразованный, эрудированный и весьма интеллигентный человек. Если честно говорить, то, на мой взгляд, он эталон военачальника: исключительно принципиален в оценке деловитости генерала или офицера, не терпит пустых докладов и фраз, внешне спокоен, подтянут.

Однажды в очередной приезд он очень скрупулезно проверял войска по секторам. За мной был тоже закреплен сектор, в котором я отвечал за научно-практическое обеспечение всех видов работ, и, естественно, владел обстановкой в данном секторе. И вот когда началось заслушивание начальника оперативной группы сектора, тот как-то растерялся и неважно доложил. Оказалось позднее, что он был тяжело болен. Тогда Валентин Иванович спросил меня: «Ну, что скажет наука? Вы курируете этот сектор?» Я встал и доложил всю обстановку, объемы работ, успехи и что в секторе не ладится. После моего выступления совершенно в спокойном тоне генерал армии Варенников провел разбор. Он никого не унизил, не оскорбил, а очень вежливо, но жестко дал оценку офицерам и штабу и потребовал овладеть обстановкой. Было это в поселке Диброво, как сейчас помню.

Чуть позже генерал армии Варенников поставил нам срочную задачу — проинспектировать военные строительные отряды, которые были прикомандированы к Минэнерго, вели строительство в Зеленом Мысе и выполняли работы на АЭС. Отмечалось низкое состояние дисциплины. Нам предстояло не просто проинспектировать, а встретиться с солдатами, сержантами, офицерами, выявить причины, определить их занятость.

Мы вместе с генералом В. Евдокимовым, полковником В. Невмovenко и другими офицерами вылетели на вертолетах прямо в палаточный городок недалеко от Чернобыля. Отряды дислоцировались в поселках Страхолесье, Зеленый Мыс. Времени было в обрез. В течение дня мы проверили организацию и производство работ, жизнь и быт личного состава, морально-политическое состояние, поговорили со многими воинами по душам, пообедали вместе с ними. Четко просматривалось одно — слабая занятость личного состава и отсутствие работы с ним.

Ночью мне поручили обобщить акт проверки и доложить генералу армии. Просидел до утра. К 9.00 машинистка успела отпечатать этот документ.

Утром 27 сентября состоялось совещание в Чернобыле. До совещания генерал армии Варенников долго расспрашивал меня о работах на АЭС, особенно его

интересовало состояние строительства «саркофага», его фильтро-вентиляционной системы, результаты работ по дезактивации первого и второго энергоблоков, как выполняются указания начальника Генштаба Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева по работам на деаэрационной этажерке третьего блока. Дело в том, что деаэрационные этажерки третьего блока выходили к развалу аварийного энергоблока, и они являлись тоже опасным источником высоких уровней радиации. Правительством поручалось Министерству обороны и Минсредмашу совместно выполнить работы по подавлению этой радиации или же дезактивации. Как сейчас помню, после полученной шифровки из Генштаба мы вместе с заместителем министра среднего машиностроения А. Н. Усановым провели первое совещание и наметили мероприятия. К слову об этом человеке: Александр Николаевич Усанов лично руководил строительством «саркофага», и его КП, более или менее защищенный, находился в том же третьем блоке, где и мой. Позже мы с ним часто встречались в шестой клинической больнице Москвы. Он тоже хватил лишку этой проклятой радиации. Удивительно скромный и спокойный человек. За Чернобыль получил Звезду Героя Социалистического Труда. Искренне свидетельствую, что эта награда Александру Николаевичу по заслугам.

На все его вопросы, на мой взгляд, я дал нужные пояснения. В этой же комнате сидел доктор технических наук генерал-майор Ю. П. Дорофеев — представитель начальника инженерных войск. Он когда-то писал кафедральный отзыв на мою диссертацию. И вот я не понял генерала армии, почему меня пытаются по этим вопросам. Позже, уже на официальном совещании, он заслушал доклад о ходе операции по удалению высокорadioактивных веществ с крыш третьего блока и трубных площадок. Голос я почти совсем потерял, с хрипом докладывал о мужестве наших солдат, сержантов и офицеров, о выполненных объемах работ, о том, что еще осталось сделать. Генерал армии Варенников сказал, что он только что вернулся из Афганистана, где нелегко воинам-интернационалистам выполнять свой долг. «Но и у вас, — далее сказал он, — тут ничуть не легче». Потом поблагодарил меня за доклад, пожелал успехов в завершении этой операции и отпустил с совещания вновь на трубу².

Через час я вернулся к своим «пенатам», где ждали меня мои помощники и работа. И только позже я узнал от своих близких товарищей Каурова и Невмовенко, что на совещании офицеров была дана высокая оценка моей работе и вынесено решение об оказании мне всяческой помощи в подготовке доклада высшему руководству нашей страны, которое в первых числах октября посетит Чернобыль. Речь, конечно, шла о приезде Михаила Сергеевича Горбачева. Хорошо помню, как все мы готовились к его приезду. Дороги и колдобины вокруг АЭС были срочно забетонированы и заасфальтированы, проведена уборка территории, энергоблоков АЭС, поправлена колючая проволока вокруг АЭС и 30-километровой зоны. Прибыл один из заместителей председателя КГБ СССР, и тут же, наутро, сменили пропуска даже тем, кто работал в особо опасной зоне. Замена пропусков вызвала массу недовольства у всех, кто честно работал на АЭС. Мне тоже пришлось встать в длинную очередь за новым пропуском. Но потом полковник Небога как-то умудрился вне очереди организовать мне новый пропуск через заместителя директора АЭС по режиму. А люди теряли рабочее время. Ну что тут скажешь, очередная гласность, да и только. Рабочие, инженеры были озлоблены. А оказалось позже, что Михаил Сергеевич отставил свою поездку в Чернобыль. И снова начались

² Через пять лет генерал армии Варенников окажется в команде путчистов и полетит в Форос, где отдыхал Президент СССР М. С. Горбачев, с ультиматумом о его отставке, а при встрече с ним проявит грубость и хамство. Бывший же начальник Варенникова Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев покончит с собой.

пересуды, байки, анекдоты. Приезд не состоялся, и мой доклад тоже, о чем многие сожалели, так как большинство людей ждали и готовились к этому приезду.

В соответствии с разработанной технологией производства дезактивационных работ в особо опасных зонах с высокими уровнями радиации на крышах третьего блока и на трубных площадках, как ранее было изложено, работы начались с первой трубной площадки во избежание дополнительного воздействия ионизирующего излучения сверху на воинов, работающих в зоне «М». После выполненных работ уровни радиации на первой трубной площадке значительно снизились. Кроме того, при выполнении работ с первой трубной площадки неизбежно в зону «М» попадала некоторая часть тех радиоактивных продуктов, которые сбрасывались в реактор четвертого энергоблока, и уже при работах в зоне «М» она удалялась.

27 сентября работы начались в 7 часов 30 минут. На отметку 60 метров первыми прибыли воины полка противохимической защиты. Работы развернулись необычно. При разборе завала графита обнаружился тяжелый робот ТГР, который ранее потерял управление и застрял в завале. Несколько смен солдат разбирали вокруг него куски графита, а потом команда в 16 человек выкатила робот, зацепила тросами, и вертолет Ми-8 снял его с площадки зоны «М». В этот день неоднократно применяли гидромонитор, с помощью которого смывали мелкие куски графита, пыль и другую мелкую фракцию с площадки зоны «М». Это способствовало снижению радиоактивного заражения.

Однако при работе гидромонитора часто выходили из строя (рвались, не выдерживая давления) пожарные рукава, лопались соединительные муфты. На устранение неисправностей дополнительно затрачивались бэры, и все же работу после этого вновь приходилось выполнять солдатам.

Для промывки площадки пожарными стволами вручную была назначена команда воинов, которая доставила пожарные рукава на исходный рубеж, затем проложила рукавную линию по зоне «Л», подняла пожарные рукава на площадку «М», закрепила их на высоте, установила соответствующие тройники, подсоединила к ним пожарные рукава и развернула их на площадке зоны «М», присоединив к ним пожарные лафетные стволы. Только после этого назначили ствольщиков и подствольщиков из солдат.

Работа по промывке, точнее, окончательной дезактивации площадки выполнялась успешно. Солдаты работали по 40 секунд, смена за сменой. Значительная часть мелких высокоактивных кусков графита была смыта в развал реактора. На смытой части площадки зоны «М» активность снизилась до 150 рентген в час.

Мы в который раз вспоминали пожарных: ведь без особого напряжения можно было организовать посменную работу. А как жаль ребят...

Глава 8

Солдат — имя знаменитое

29 сентября 1986 года первыми начали работы в 8 часов утра воины отдельного механизированного полка гражданской обороны. Все прибыли переодетыми, и каждый имел комплект защиты. В ночь с 28 на 29 сентября в особой зоне специальная группа солдат из бригады имени Чапаева изготовила 100 комплектов защиты.

После короткой постановки мною задач полку сразу 20 человек были подготовлены для выполнения работ.

В правом углу зоны «М» металлическим листом был прикрыт завал из графита и ТВС. Первым командам ставилась задача баграми стащить этот лист ближе к развалу и затем сбросить. На эту работу было послано три команды по 10 человек. Тактика ведения

работ изменилась. К завалу выходили команды сразу с двух сторон вентиляционной трубы, но с интервалами в 30 секунд. Постоянно задерживался выход по пожарной лестнице в отверстие перекрытия. Вся команда с исходного рубежа, как правило, 6—8 человек, вылезала через отверстие, тут же собирались все и вместе короткими перебежками выходили в зону «М» на площадку, где разбирали инструмент и по команде старшего также короткими перебежками выбегали в указанный район работ.

После завершения работ личным составом войсковой части 73413 на один час были прекращены все работы в зоне «М». По решению штаба в зону «К» (рядом с зоной «М») был доставлен вертолетом большой гидромонитор, к которому был подведен полевой магистральный трубопровод полка гражданской обороны диаметром 150 миллиметров. Были спланированы работы по промывке площадки зоны «М» водой.

Монтажными работами и наладкой в опасной зоне лично руководил заместитель начальника штаба В. В. Голубев.

Гидромонитор имел гидроуправляемую пушку и телевизионную камеру для обзора части площадки зоны «М». Гидромонитор работал короткими периодами времени, по 7 минут, с интервалами 3—5 минут. Эффект был значительный. Однако при повышении давления более 15 атмосфер металлические детали гидромонитора лопнули, и он вышел из строя. И все же большая площадь была отмыта. После промывки радиоактивность заметно спала, примерно в два раза.

В 12 часов 30 минут для выполнения работ прибыл отдельный механизированный полк гражданской обороны в количестве 95 человек. Воины были хорошо подготовлены и настроены на работу в опасной зоне. Мною личному составу была поставлена задача разобрать завал из кусков графита, ТВС и ТВЭЛов примерно в 10—15 тонн. Уровни радиации в зоне составляли больше 2 тысяч рентген в час. Особенности работ по разборке завала тщательно доводились до солдат, которые уверенно действовали в зоне. Никто не допускал ошибок при выполнении работ. Четыре полуразрушенных ТВС были удалены совершенно спокойно. Применялись в основном багры, клещи-захваты и специальные крюки.

Работа личного состава полка была оценена на «отлично». В этот день по окончании работ председателю правительственной комиссии Б. Е. Щербине было отправлено официальное донесение:

«29 сентября при проведении дезактивационных работ на кровле 3-го энергоблока в зоне «М» выполнена особо опасная работа — удалены тепловыделяющие сборки длиной 7 м. Удаление указанных источников радиации позволило проводить работы дальше.

При выполнении этой операции особо отличились воины отдельного механизированного полка гражданской обороны Киевского военного округа. За проявленное мужество и героизм, высокую гражданскую ответственность при выполнении служебного долга просим Вас:

Представить к правительственным наградам и поощрить денежной премией в размере 500 рублей каждого из следующих военнослужащих войсковой части 44316:

1. Рядового Журиского Александра Владимировича
2. —»— Садтулина Шарида Шакровича
3. —»— Сапронова Григория Викторовича
4. —»— Маленкова Сергея Павловича
5. —»— Стрижкова Павла Дмитриевича
6. —»— Медного Александра Сергеевича
7. —»— Лузина Анатолия Егоровича

8. —»— Гончарова Вячеслава Захаровича
9. —»— Прокоповича Николая Степановича
10. —»— Полупанова Леонида Николаевича
11. —»— Камынного Ивана Дмитриевича
12. —»— Боброва Дмитрия Владимировича
13. Младшего сержанта Гархуна Сергея Потаповича
14. Старшего сержанта Симоненко Василия Михайловича
15. Сержанта Проценко Бориса Евгеньевича
16. Сержанта Чеботарева Валерия Алексеевича
17. Полковника Масюка Николая Васильевича — командира полка.

*Первый заместитель командира в/ч
19772 генерал-майор Н. ТАРАКАНОВ
Директор ЧАЭС Э. ПОЗДЫШЕВ»*

После выполнения работ в зоне «М» и на первой трубной площадке уровни радиации были в десятки раз ниже, и далее дело несколько упрощалось. Однако работы на высоте требовали физически подготовленных и мужественных людей. Немаловажную роль играл возраст. Мы с Юрой Самойленко провели несколько пробных тренировок с солдатами-добровольцами из числа физически крепких. Более того, подняли часть инструмента на площадки. Но генерал Плышевский запретил мне привлекать на эти работы солдат, ссылаясь на министра обороны.

В соответствии с решением правительственной комиссии работы по дезактивации второй, третьей, четвертой и пятой трубных площадок были поручены курсантам Харьковского и Львовского пожарно-технических училищ МВД СССР. Курсанты были подобраны в добровольном порядке, имели отличные спортивные результаты по пожарно-прикладному виду спорта, успешно преодолевали высоту на легких пожарных лестницах. Мне было очень жаль подвергать их жизнь опасности. Но решение есть решение.

30 сентября курсанты прибыли на ЧАЭС для получения задания. В 17.00 того же дня мы с Юрой Самойленко провели эксперимент по расчету времени на подъем до второй, третьей, четвертой и пятой площадок и возвращение обратно на исходный рубеж. Одновременно ставилась задача провести инженерную и радиационную разведку, то есть определить на каждой площадке ориентировочный объем и вид работ, а также провести замеры уровней радиоактивного заражения.

Курсантов отбирали в несколько этапов. Самых опытных, самых умелых. Учитывали все, что можно было учесть, каждую мелочь. Среди тех, кто попал в группу, почти все имели существенный стаж работы в пожарной охране. Все прекрасные спортсмены. Есть среди них бывшие десантники, воины ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан. Старшие, командир взвода Харьковского ПТУ Валерий Трофимович Косогов и преподаватель пожарной тактики Львовского училища Михаил Владимирович Судницын, своим подчиненным ни в умении, ни в выносливости и тренированности не уступали, как и положено в таких случаях старшим.

Среди всех них должен был идти на трубу первым один — разведчик-дозиметрист, тот, кто проложит дорогу остальным. Огромная ответственность, большой риск. Вызвались конечно же все. А послать решили Виктора Сорокина из Харькова. У него перед остальными было существенное преимущество: в армии много работал с дозиметрической аппаратурой. Он экипировался первым. Освинцованные рукавицы, одежда из листового свинца весом 21 килограмм, дозиметрический прибор и рация,

чтобы передавать результаты замеров. В такие же защитные доспехи оденется потом каждый из них, но Сорокин ощутил эту тяжесть первым. Ему мы показали предстоящий путь на экране телемонитора. Сначала нужно пробежать по крыше третьего блока до лестницы. Бежать нужно быстро, потому что на крыше тоже «грязно»: разрушенный четвертый реактор совсем рядом. На второй площадке поосторожнее, там ограждения сломаны. А выше камера монитора не доставала, дальше показывали по фотоснимкам, сделанным с вертолета.

Подвели мы с Юрой Самойленко Сорокина на «старт», где офицер дал команду: «Вперед!» — и запустил секундомер. Сорокин, словно кошка, мгновенно выскочил по пожарной лестнице и через отверстие прошел на крышу третьего энергоблока; будто на соревнованиях, преодолевая полосу препятствий, рванул через зону «К» в зону «М». Подбежал к трубе и вновь по металлической лестнице поднялся на первую, уже чистую площадку, нашел на этой площадке металлическую лестницу — она была со стороны аварийного реактора — и также быстро поднялся на вторую, затем на третью площадку. Мы по телемонитору наблюдали за ним. Потом он вышел из поля зрения, и тут же прервалась с ним радиосвязь. Мы почуяли что-то неладное. Побежали с Юрой Самойленко по пожарной лестнице (это уже было не впервой) на крышу третьего блока. Смотрим наверх — курсант Сорокин штурмует уже пятую трубную площадку. Тут мы успокоились: просто радиостанция в полях ионизирующих излучений вышла из строя. Через двенадцать минут Сорокин уже был внизу, и мы его обнимали. Посадили за стол, положили лист чистой бумаги и сказали ему: «Ну, Витя, напрягай свои извилины и выкладывай данные разведки на бумагу». Он совершенно спокойно нарисовал радиационную и инженерную обстановку по каждой площадке, причем проставил точные цифры, которые держал в памяти, — он наверняка и теперь их помнит. Потом добавил, что человек тридцать — сорок вполне этот объем работ выполнят.

В соответствии с этими расчетами мы распределили курсантов по площадкам и ориентировочно спланировали время работ в соответствии с наличием на них уровней радиации.

1 октября 1986 года в 9.00 прибыли курсанты. В строю было немногим более тридцати человек. До них были доведены результаты эксперимента Сорокина и поставлена задача выполнить работы на трубных площадках. Особое внимание было обращено на соблюдение мер безопасности.

Первыми открыли работы курсанты Харьковского пожарно-технического училища МВД СССР В. С. Горбенко и Роман Кушахов. Они быстро достигли пятой площадки и полностью очистили ее, а уже по возвращении дополнительно решили поработать на второй площадке, пока не зазвучала электросирена и не вернула их на исходный рубеж. Общее время работ группы составило 22 минуты. Это замечательные ребята, мужественные патриоты.

Для дезактивации четвертой трубной площадки была подготовлена и направлена группа из двух человек — курсанты А. И. Фролов и В. Л. Зубарев. На очистку этой площадки было затрачено 20 минут. Они также качественно и быстро выполнили задачу.

На третью площадку были направлены одна за другой команды с интервалом в 15 минут. Это курсанты из Харьковского училища В. Г. Косоков, А. В. Коцюба, Ю. Г. Лобов, В. В. Луконец и из Львовского училища — И. Д. Блашко, А. В. Светицкий.

На третьей площадке уровень радиации гораздо выше, да и времени выделяется уже меньше. Тяжелые куски графита соскальзывают с лопаты. Графит здесь оказался почему-то спекшийся, пригоревший к металлу площадки. Ловкими и энергичными движениями штыковой лопатой отбивают его курсанты, и тут же эти куски летят в пропасть, в зев

реактора. Смотреть в этот зев малоприятно, но и не смотреть тоже невозможно, иначе неосторожное движение и «загудишь» в тартарары.

Общее время, затраченное на дезактивацию третьей площадки, составило 1,5 часа. Работы были выполнены четко и аккуратно.

Дезактивацию второй площадки выполняла команда курсантов Львовского училища. Это курсанты Н. С. Придиус, Ю. В. Саулен, А. П. Дремлюга, Ю. С. Колачун, С.Н. Климчук, В. С. Ильин и два курсанта Харьковского училища — В. С. Мишкевич и А. В. Гошев. Вспоминая эти минуты, тяжесть свинцовых одежд, удвоенную усталость, Светицкий позже скажет: «Ощущение было, будто ты на другой планете». Не случайный образ! Действительно, хотелось бы, чтобы эта территория, смертельно опасная, враждебная человеку, принадлежала иным мирам. Но здесь отнюдь не космические дали. Здесь своя, родная земля, которую сильные и отважные парни отвоевали у беды, возвращая людям.

Виктор Авраменко и Михаил Судницын были последними. Окончили начатое товарищами и доложили о выполнении задания. Символом завершения операции затрепетал на верхушке вентиляционной трубы алый флаг. Ребята увидели его уже сквозь стеклянную стену перехода главного корпуса. Огорчились немного, что не им поручили вывесить флаг.

Все трубные площадки, несмотря на значительную высоту, были очищены от радиоактивных продуктов в первой половине дня. Это был настоящий подвиг отважных курсантов. Чистку зоны «М» от кусков графита, упавших с трубных площадок, выполнили воины гражданской обороны уже во второй половине дня.

Навсегда запомнится 1 октября — заключительный день нашей операции. Сделать надо было особенно много. На площадке «М» находились два поврежденных робота. Они оказались в плену, увязнув в графите и других продуктах выброса. Роботы удалось убрать с помощью вертолетов, но для того, чтобы их очистить, высвободить и зачалить, пришлось посылать несколько смен солдат. И везде наш незаменимый солдат... Потом в ход пошли гидромониторы и ручные пожарные стволы. Работами руководил В. Голубев, прибывший в Чернобыль со Смоленской АЭС. Мужества, технической сметки этому человеку не занимать.

В половине девятого вечера смена воинов-химиков в составе младшего сержанта В. Парфениса, рядовых В. Борисевича, С. Михеева, Я. Туманиса сбросила в развал последние куски графита, последние осколки ТВЭЛов. Протяжнее, чем обычно, завывала электросирена. Все, кто был на КП, закричали: «Ура!»

Поздно вечером 1 октября мы подвели общие итоги выполненных работ за весь период операции. Были сброшены в развал многие тонны смертоносного груза. Не было приписок. Каждый солдат о выполненной работе докладывал офицеру-статисту из своего подразделения. Кроме того, контрольный учет вел подполковник Кочетков из штаба руководства операцией. Но главное не в цифрах, а в том, что задача, поставленная решением правительственной комиссии, была выполнена. Практически все выброшенные взрывом высокорadioактивные материалы были собраны и сброшены в аварийный реактор.

Окончательно радиационную обстановку оценили дозиметристы В. М. Стародумов, А. С. Юрченко, Г. П. Дмитриев и другие разведчики. Они тоже отмечали, что вся масса убрана, но в отдельных местах наблюдаются «прострелы» высоких уровней радиации. Эти точки — результат вкрапления раскаленных продуктов выброса с элементами ядерного горючего в рубероидно-битумное покрытие. Вполне понятно, что дальше нужно было сдирать эту кровлю. Но нас уже на эту работу не хватило, так как чувствовали себя скверно. Всего в операции приняли участие более 3 тысяч воинов-добровольцев. Все они,

можно сказать, прошли через мои руки и руки моих помощников, разведчиков. Многих я лично знал, ставил им задачи, смотрел в глаза и говорил всю правду о тяжести работ в особо опасных зонах. Ведь это и был поистине коллективный героизм солдат, сержантов и офицеров.

Все они подставляли свое тело, свою жизнь невидимой опасности.

Все солдаты, сержанты и офицеры, участвовавшие в этой операции, достойны наград Родины. Но уже не всем их удастся получить...

В день окончания работ по удалению продуктов выброса из указанных зон мы доложили результаты в правительственную комиссию. Нас поздравили и тепло поблагодарили на специальном заседании правительственной комиссии, которое провел лично Борис Евдокимович Щербина. Нам вручили правительственные грамоты, премии, сказали добрые и теплые слова.

На следующий день был намечен подъем флага на вентиляционную трубу. Инициатором выступил Ю. Н. Самойленко. Откровенно говоря, я и Юрченко были против этой затеи, так как после нашей операции начали форсировать работы по закрытию «саркофага». Одним из активных строителей этого сооружения был заместитель главного инженера по строительству Евгений Михайлович Акимов. Он часто бывал у нас на командном пункте, видел тяжелую работу и все же шутливо говорил: «Ну, гвардейцы, прибавьте еще чуть-чуть. Это ведь последний бой, он трудный самый...» Евгения Михайловича мы очень любили как прекрасного человека, талантливого строителя, замечательного товарища, обладающего неиссякаемым юмором. Мы с ним сошлись еще на одном — на любви к поэзии. В короткие перерывы он иногда приходил ко мне и говорил: «Товарищ генерал! Разрешите обратиться?» Выправка Евгения Михайловича, его подтянутость и общая собранность были под стать кадровому офицеру. Я отвечал ему: «Ну что тебе, мой разлюбезный? Опять пришел торопить и без того загнанных до последнего пота воинов?» Он в ответ: «Никак нет, товарищ генерал! Вам полагается перекур!» Я ему: «А курить в условиях радиации — это все равно что прыгнуть в твой «саркофаг». Женя опять: «Да не в куреве дело! Вы же мне так и не рассказали о коварной роли одной красавицы в жизни Пушкина. Помните?» — «Помню, но не время». Не только эту историю, но и все из жизни Пушкина и других моих любимых поэтов я подробно ему все-таки рассказал, но уже на больничной койке в Киеве и Москве. Под стать отцу и сын Игореша — так мы ласково называли его в Чернобыле. Талантливый инженер, очень мягкий и добрый, бесстрашно проработавший многие месяцы на ЧАЭС.

Идею с поднятием флага Самойленко согласовал с правительственной комиссией и получил «добро». Он мог убедить своей логикой и напористостью кого угодно. Некоторый смысл с поднятием флага, конечно, был, так как завершён самый тяжелый и опасный период ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первый и второй энергоблоки были опробованы и готовились к рабочему пуску. Самая большая масса высокорadioактивных продуктов от взрыва была собрана в количестве более 170 тонн и захоронена там, откуда она вырвалась.

Красный флаг изготовили настоящий. Древко для флага сделали из металлической трубки и разборное. Подобрали ассистентов — А. С. Юрченко, В. И. Стародумова и подполковника А. П. Сотникова. Все они были достойными водрузить флаг. Но высота трубы немалая — 140 метров, ее нужно преодолеть с учетом оставшейся радиации. Дело было для всех тоже добровольное, и желающих выполнить эту миссию было немало.

Мы собрались на командном пункте, прибыли корреспонденты с телевидения. Кстати, в период операции у нас частенько бывали кинооператоры с Центрального телевидения из Москвы, с Украинского телевидения. Особенно частыми гостями были

киевские кинооператоры во главе с Х. Е. Салганником. Они регулярно освещали в передачах по телевидению нашу операцию. Хэм Елизарович — бывший фронтовик. Он очень любит армию, а потому, рискуя, тоже лазил в это пекло.

Помню, на третий блок в разгар операции прибыла команда во главе с Х. Е. Салганником, с ним были И. Д. Кобрин, режиссер фильма «Чернобыль: два цвета времени», Ю. В. Бордилов, кинооператор, и другие. Все они были с Украинского телевидения. Тут что-то и так не ладилось — то ли эта проклятая сборка стала помехой, то ли еще что. Короче говоря, было не до них. Я хотел избавиться от гостей, попросил не мешать нам работать и тихо удалиться. Они стояли на своем. Тогда дал им понять в резкой форме на армейском языке. Ан нет, они в ответ: «Имейте в виду, мы вас записываем». А я им: «Ну и хрен с вами, пишите что хотите, только уходите». Но разве от них отвяжешься! Потом говорю, что в зоне работ уровни радиации, опасные для жизни. Они парируют: «Если солдаты работают, значит, и с нами ничего не случится». Да, это были настоящие, мужественные кинооператоры, отснявшие уникальные кадры нашей операции и показавшие всему миру, на что способен советский человек, побеждающий атомную стихию. Но многое вырезали на Центральном телевидении. И только спустя годы все же эти кадры были обнародованы. Более того, зимой 1991 года неизменный мой близкий друг Хэм Салганник вдруг привозит ко мне домой шестерых работников с английского телевидения, которые в продолжение этих уникальных кадров взяли у меня интервью. А на следующий день мы вместе с вдовой Анатолия Кучеренко Верой Алексеевной и их сыном Олегом съездили на его могилу, возложили цветы, почтили его память, и кинооператоры, разделяя наше общее горе, увековечили память о нем и для английских телезрителей.

От Веры Алексеевны я узнал подробности последнего дня жизни Анатолия Кучеренко. Утром 3 ноября 1987 года проснулись как обычно: физзарядка, туалет, завтрак и на работу, а сын Олег — в школу. Ничто худого и не предвещало. После работы Анатолий пошел в поликлинику. Последнее время у него сильно болела голова и покалывало сердце. Губы почему-то стали синеть. Вера этот неприятный симптом сразу заметила и настаивала на визите к врачам. И вот он сидит час, другой в очереди. Толком жена не знает, был он у врачей или нет. Домой вернулся не в лучшем состоянии. Поужинали. Стали смотреть телевизор. Сын Олег на этот раз попросился лечь с отцом в спальне. Они легли спать, а Вера все еще смотрела телевизор. Потом и она улеглась на диване. Около половины второго ночи она проснулась и попросила Анатолия уложить сына в детской. Полусонного Олега перевели на свое место.

Примерно через час, как рассказывает Вера, она проснулась от храпа Анатолия. Раньше он никогда не храпел. Лежал он на боку. Она стала толкать его, но он все храпел. Вера вскочила с постели и включила свет. Наклонившись над ним, она поняла, что он умирает. Срочно вызвала «скорую помощь», разбудила сына. В одной ночной рубашке выскочила на улицу, чтобы быстрее сопроводить врачей к Анатолию. Через несколько минут объявилась и «скорая», но у нее был другой вызов.

Вера умоляла врачей, над ней сжалились, хотя и обозвали истеричкой. Поднялись в квартиру, врач осмотрел Анатолия, поднял веки и сказал: «Никакая медицина ему не поможет, он мертв». Коронарные сосуды, облученные немалым количеством радиации, не выдержали. Но и эту смерть человека, принявшего адовы лучи, врачи военного госпиталя имени Бурденко при вскрытии не стали связывать с пребыванием в Чернобыле. Если и вправду есть бог, то пусть он покарает этих нечестивцев.

Так вот, весь наш штаб с командного пункта по пожарной лестнице через проем в перекрытии вышел на площадку в зону «М», где только что горели страсти. Состоялся

небольшой митинг, и мы, крепко пожав руки Юрченко, Сотникову и Стародумову, благословили их на поднятие флага. Процедура в общей сложности заняла минут пятнадцать. Ребята благополучно водрузили флаг и спустились вниз. Мы тепло их поздравили, крепко обнялись со всеми, кто был с нами, затем сделали на КП большую панорамную фотографию «нашего плацдарма». Все расписались на ней. Два десятка подписей скрепили нашу крепкую дружбу — дружбу людей, представляющих народ и армию, посланцев самых разных уголков Отчизны. По единодушному решению эту фотографию вручили мне на память об уже былом сражении на Чернобыльской АЭС. Так как в этой фотографии была остаточная радиация около 20 миллирентген в час, то Саша Юрченко уже позже в Киеве закатал ее в целлофан, и она хранится у меня в ящике на балконе. Изредка я достаю ее и показываю близким и друзьям, рассказываю о подвиге солдат, сержантов, офицеров и гражданских товарищей в ту осень 1986 года.

2 октября 1986 года в 16.00, распрощавшись со всеми товарищами по Чернобылю и начальством, я вертолетом улетел в город Овруч. Командиром экипажа был майор А. И. Рогачев. В Чернобыле эти летчики показали себя настоящими асами, профессионально подготовленными, мастерски управляющими машиной. Мы не раз с ними зависали над аварийным реактором для изучения обстановки, летали по областям. Особенно памятным остался срочный вылет в Брагинский район Гомельской области. Дело в том, что среди населения района появились нездоровые настроения, связанные с якобы повышенным уровнем радиации. Народ стал писать жалобы в Москву. Мы получили срочное задание еще раз уточнить радиационную обстановку в населенных пунктах этого района, взять для анализа пробы земли, воды, продуктов, замерить гамма-фон.

Для выполнения задачи, как и обычно, нам нужно было срочно переговорить с руководством партийных и советских органов района, выработать совместный план и программу работ, определить подлежащие проверке населенные пункты. Подлетели к центру района. Никаких опознавательных знаков для посадки вертолета не было. Сделали еще один круг — то же самое. Время на пределе. Спрашиваю майора Рогачева: «Сможешь посадить вертолет прямо на одну из улиц Брагина, рядом с райисполкомом?» Он тут же отвечает: «Конечно, смогу!» Через несколько минут мы приземлились на улице рядом с исполкомом. Правда, работники ГАИ были в недоумении от неожиданного десанта, автомобильное движение на несколько минут приостановили, а жители радостно нас приветствовали. Как только мы вышли из вертолета, он тут же взмыл в небо, и командир, отыскав стадион школы в самом Брагине, произвел посадку, где нас и ожидал. Было выиграно время, которого хватило на проведение короткого совещания в райисполкоме для уточнения обстановки и принятия решения. Наметили населенные пункты, проводников и день операции. И все же наиболее опасными и сложными были полеты над Чернобыльской АЭС и прилегающей к ней зоной.

В период выполнения операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы мы часто вылетали на рекогносцировку на вертолете, командиром экипажа которого был капитан Владимир Константинович Воробьев. В составе экипажа были старшие лейтенанты Леонид Иванович Христинич и Александр Евгеньевич Юнгкинд. Все офицеры этого экипажа были исключительно мужественные и хорошо профессионально подготовленные, очень скромные люди.

Много раз мы с Юрием Николаевичем Самойленко, Владимиром Михайловичем Черноусенко, корреспондентом АПН Игорем Федоровичем Костиным, Евгением Михайловичем и Игорем Евгеньевичем Акимовыми и другими помощниками вылетали с экипажем, зависали над разрушенным четвертым энергоблоком АЭС, уточняли

инженерную и радиационную обстановку. В это же время бесстрашный, отличный корреспондент Игорь Костин делал нам и для АПН снимки крупным планом, которые были весьма необходимы для выполнения операции.

Командир экипажа Володя Воробьев так мастерски зависал над реактором у самой трубы, что машина, бывало, даже не шелохнется. Мы с Юрой Самойленко быстро наносили на свою картограмму ориентировочные объемы продуктов выброса, места их размещения, определяли состояние конструкций ограждения, прикидывали маршруты выхода в особо опасную зону у основания этой трубы, а Костин, полностью открыв дверцу вертолета, не теряя времени, щелкал, как из автомата, своим «оружием» — фотоаппаратом. Однажды он даже забыл впопыхах пристегнуться тросами, и какое-то мгновение отделяло его от пропасти. Пришлось ему «поддать жару» и, более того, сказать, что больше на борт мы его не берем, так как он непоседа.

Воробьева знали в Чернобыле как отважного вертолетчика, который проявил мужество и героизм при выполнении интернационального долга в Афганистане. Он, будучи тяжело раненным, посадил подбитую душманами машину на свою территорию, за что был отмечен государственной наградой.

30 сентября у нас был последний вылет на осмотр крыш третьего блока и трубных площадок. На борту были все те же спутники: Самойленко, Голубев, Черноусенко, Костин, Саушкин. Было это в полдень. На разведку мы затратили чуть больше часа. Все обошлось благополучно. Операция подходила к концу. Вернулись на вертолетную площадку в Чернобыль. Солнышко склонялось к закату. Кругом стояла мертвая тишина. Мы, изрядно уставшие, едва вывалились из вертолета, несколько размялись и направились было к машинам, чтобы ехать на АЭС. Тут командир экипажа капитан Воробьев обратился ко мне с просьбой сфотографироваться на память у вертолета. Я ответил ему: «Ну, Володя, и нашел же ты время!» А он как-то застенчиво: «Товарищ генерал, даже на войне люди находили эту минуту. Вернемся в Забайкалье — покажем своим женам и детям этот снимок». Я дал согласие, а Игорь Костин расставил всех нас у вертолета и сделал несколько кадров. Теперь уже не знаю, успели ли Володя и его боевые товарищи посмотреть на этот последний снимок в Чернобыле. Но в семьях он должен быть — так заверил меня Костин.

В тот же день 2 октября 1986 года, когда я улетел на вертолете в город Овруч, спустя несколько часов трагически оборвалась жизнь всего экипажа капитана Воробьева. Они вылетели на последнюю корректировку зон вокруг Чернобыльской АЭС, в том числе крыш третьего энергоблока, самого аварийного, и других мест. После этого вертолетчики на Ми-26 должны были проливать эти места латексом или бардой. Насколько мне известно, прошла команда остановить краны «Демаг», которые работали на «саркофаге».

Но при облете главной вентиляционной трубы, на которой теперь развевался флаг, вдруг вертолет капитана Воробьева попал в тросо-блочную систему этого великана, крана «Демаг», вылет стрелы которого составляет 130 метров. Или что случилось с машиной, или экипаж ослепили лучи яркого солнца, которое уже склонялось, или произошло что-то другое, нам неизвестное, но лопасти вертолета, как бритвой, срезали множество тросов и, тут же оборвавшись, упали на крышу моего бывшего КП. Вертолет, мгновенно потеряв управление, перевернулся и камнем полетел вниз. Хвостовым оперением он ударился о крышу третьего энергоблока, где совсем недавно еще сражались солдаты. Часть оперения долго оставалась лежать вместе с лопастями, пока не было проведено тщательное расследование трагической гибели всего экипажа. Вертолет упал под стенку «саркофага» и тут же взорвался. Несмотря на то, что ровно через 5 минут пожарные пеной уже тушили вертолет, спасти никого не удалось.

Это страшное известие застало меня уже в Овруче. Какая нелепая смерть! Пройти Афганистан, выполнить блестяще работу по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и погибнуть. Все они, капитан Владимир Константинович Воробьев, старший лейтенант Леонид Иванович Христинич, старший лейтенант Александр Евгеньевич Юнгкинд и прапорщик Николай Александрович Ганжук, посмертно были награждены орденами Красной Звезды. В соответствии с решением правительства их семьям были предоставлены квартиры там, где они решили жить.

В первых числах октября, после успешного завершения операции по удалению высокорadioактивных материалов с крыш третьего энергоблока и трубных площадок, в Чернобыль прилетел начальник химвойск генерал-полковник В. К. Пикалов. До этого он неоднократно бывал у нас, и мы непременно встречались по многим служебным вопросам. Мы многое знали о его активном участии в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Он прибыл одним из первых в Чернобыль — прямо со сборов. В течение нескольких минут Владимир Карпович поднял по тревоге специальный отряд химзащиты и направил его на место аварии. Передовая группа химиков, возглавляемая Н. Выбодовским, прибыла на транспортных самолетах, а основные силы под командой майора В. Скачкова — 29 апреля в железнодорожном эшелоне.

В этот памятный день генерал К. Пикалов вместе с воинами побывал у аварийного реактора четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС. Вполне понятно, что без эффективных технических средств и отработанных способов многого не сделать. Там, в Чернобыле, командиры и политработники чистосердечно признавались, что в войсках отсутствует опыт действий в условиях радиоактивного заражения. Трудности усугубляли и необычный состав выбрасываемых из реактора изотопов, сложившаяся неординарная ситуация. Все это вместе взятое заставляло перестраиваться с ходу, находить нужные пути и способы решения задач в сложных условиях.

2 мая 1986 года на Чернобыльскую АЭС прибыли члены Политбюро ЦК КПСС: секретарь ЦК КПСС Егор Кузьмич Лигачев, Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков, а также начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Александр Терентьевич Алтунин. После докладов ведущих специалистов атомной энергетики было принято решение, которое определило всю стратегию и тактику ликвидации последствий аварии.

Особую активность проявил генерал Пикалов в организации подготовки и выполнения крупномасштабных работ по дезактивации территории, населенных пунктов, зданий, сооружений, в том числе и на самой АЭС. Мне лично импонировал этот человек, хотя у него были крутой нрав и свои жесткие методы оценки деятельности подчиненных, в том числе и в условиях ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

На чернобыльской земле мы с ним впервые встретились в июле, и Владимир Карпович меня сразу узнал, улыбнулся, крепко пожал руку и сказал: «И ты здесь?» Я ответил: «Так точно». — «Очень кстати», — продолжил он. Но первое наше знакомство состоялось ровно десять лет назад и тоже в неординарной обстановке.

Хорошо помню, как-то зимой в 1977 году вызвал меня генерал армии Алтунин и говорит: «Завтра срочно вылетай в Пензу на переговоры с председателем облисполкома товарищем Дорошенко Виктором Карповичем, им нужно помочь сжечь лес, в этом деле поможет Пикалов. Знаешь такого?» Я ответил, что знаю, это начхимвойск. «Верно, — подтвердил Александр Терентьевич. — Вот с ним и будешь взаимодействовать. Понял?» — «Так точно», — отвечаю. «Ну, вперед!» А я немного оторопел, постоял и говорю: «Товарищ генерал армии! А ведь это не по нашей части — жечь лес, тут что-то нечисто». Александр Терентьевич улыбнулся и говорит: «Вот на месте и разберись, что там нечисто и что не по

нашей части, потом доложишь. Времени на командировку тебе трое суток. Ясно?» — «Так точно!» — ответил я.

На следующий день я был уже в Пензе. Меня встретил начальник штаба Гражданской обороны области полковник В. Арефьев. Председатель облисполкома Дорошенко поздоровался с нами весьма любезно, достал крупномасштабную карту и начал рассказывать, что в этом году они должны закончить строительство плотины и заполнить всю пойму питьевой водой. Вода нужна людям и для хозяйственных нужд. Но в пойме стоит лес, который не успели вырубить и вывезти, а потому решили его сжечь. Я ему и говорю: «Как же это так — сжечь? Ведь это богатство страны, народа, и будет незначительно жечь лес». Он тактично остановил меня: «Николай Дмитриевич, эта плотина под контролем ЦК КПСС и Совета Министров СССР, а мы опаздываем со сроками. Тебе ясно?» — «Мне-то ясно», — промычал я.

Полетели посмотреть объем работ. Сели в машину и — на аэродром. Нас ожидал самолет Ан-2. Он поднял нас на небольшую высоту, и мы осмотрели лесной массив. Площадь оказалась приличной. Более того, огромное количество леса лежало в штабелях. «Этот лес, — сказал председатель облисполкома, — тоже нужно будет сжечь, так как не успеваем вывозить». Я промолчал. После облета попросил машину, чтобы посмотреть на лес своими глазами, определить, как и чем жечь эту огромную массу. Со мной поехал полковник Арефьев. Приехали, смотрю и глазам не верю: леса-то много делового, а часть его — в штабелях. Говорю леснику: «Ведь это же золото, и будет преступлением уничтожить все это огнем». А он мне зло в ответ: «У нас все можно. Так как это народное богатство, то мы привыкли говорить: все это мое. Но это, выходит, и не мое, и не твое... Облисполком прошляпил время на плановую вырубку и вывоз леса, и теперь они готовы на все ради этого плана...»

Вот так были воспитаны ответственные руководители области, а они, в свою очередь, равнялись на старших, которые проявляли волюнтаризм в самый разгар застоя и бесконтрольности. Что хочешь, то и делай, особого спроса и ответственности все равно не будет. А поэтому гори все синим пламенем...

Возвращаться в облисполком у меня не было никакого желания. Я видел чудесный лес, массу заготовленной ценной древесины. А перед глазами стоял наш любимый с детства дремучий Жиров лес.

Лес кормил нас, особенно в послевоенные годы. Мы собирали целыми корзинами малину, чернику, черемуху, грибы. Ягодой мы питались, возили ее на рынок в Воронеж. На вырученные небольшие деньги родители нам покупали одежду, обувь, школьные принадлежности. До сих пор помню, как на деньги за проданную черемуху мама купила мне впервые портфель. Это было в шестом классе, а до этого я все пять лет носил учебники и тетради в металлическом ящике из-под противотанковой мины.

Кроме всего прочего лес обогревал нас. Мы аккуратно вырезали и вывозили сушняк. Зимой вывозили на санках, а летом — на простой весельной лодке. Дома пилили и рубили лес на дрова, и мама с утра топила русскую печь, тепло от которой держалось целые сутки.

На мгновение я представил себе картину, увиденную в лесу под Пензой: «А вдруг это бы произошло в нашем Жировом лесу?» Мне стало жутко. До какой же жизни мы дожили, что так расточительно относимся к природным богатствам! В голове не укладывалась эта варварская затея.

И вот снова Пенза, лес позади, а впереди встреча с руководством области. В приемной председателя облисполкома мы быстро разделись. Молоденькая симпатичная секретарша прощebetала, что Виктор Карпович нас уже ожидает, пригласила пройти к

нему и подчеркнуто уважительно открыла дверь. Мы вошли. В кабинете тепло и уютно. Тут же Виктор Карпович предложил чай, чтобы мы согрелись с дороги. Председатель первым начал деловую часть разговора: «Ну что, гвардейцы, надо понимать, что рекогносцировка проведена успешно, а теперь обговорим порядок подготовки и проведения комплексных учений по гражданской обороне, целью которых будем считать сжигание леса на корню и в штабелях...»

Я не удержался и сказал Виктору Карповичу, что на учениях по гражданской обороне такие цели не отрабатываются, наоборот, мы должны учить формирования гражданской обороны тушить лесные пожары, разбирать завалы, оказывать помощь пострадавшим. Некоторое время он молчал, а потом сказал: «Ничего, на этот раз мы отступим от этих положений в интересах дела». Я заметил: «Вы начальник Гражданской обороны области и вправе ставить цели и задачи на учениях исходя из сложившейся обстановки, но все же лучше будет, если лес сжигать не под флагом учений по гражданской обороне». Виктор Карпович поморщился и нехотя промолвил: «У вас, Николай Дмитриевич, плохой настрой на данное мероприятие». Я не скрывал своего негативного отношения, а потому сказал, что окончательное решение будет принимать генерал армии Алтунин. На том мы и распрощались.

Вернувшись в Москву, я подробно доложил Александру Терентьевичу Алтунину сложившуюся обстановку и высказал свое соображение, что в этом мероприятии нам лучше не принимать участия. «Да, — ответил генерал армии, — как бы действительно нам не влипнуть в историю. — Потом добавил: — Посмотрим, что скажет нам Пикалов». Тут же он позвонил Владимиру Карповичу и договорился о моей встрече с ним.

Через час с небольшим я был уже в кабинете Пикалова. Он пригласил к себе своих заместителей, среди которых мне знаком был лишь один человек — генерал-лейтенант П. Е. Красота. Его я знал, когда он работал в Академии химической защиты. Мне приходилось неоднократно принимать участие в работе ее научно-технического совета и кафедры гражданской обороны. Вот там мы и познакомились с Павлом Ефимовичем.

Пикалов попросил меня доложить поподробнее о планируемом для сжигания лесном массиве. Мой доклад длился около получаса. Владимир Карпович загорелся идеей жечь лес и сказал, что никаких проблем тут нет и пусками из огнеметов можно враз разделаться с этим лесом. Вдруг в разговор вступил генерал-лейтенант Красота и весьма убедительно доказал, что при сжигании леса останутся окислы, которые очень ядовиты, а потому вода в будущем бассейне будет непригодной не только для питья, но и для технических нужд. Пикалов поморщился и заметил, что этого не может быть, однако тут же попросил Павла Ефимовича дать задание специалистам подготовить необходимые расчеты. Меня это сразу как-то обрадовало. Пикалов, обратившись ко мне, сказал, чтобы я передал все исходные данные рекогносцировки химикам-специалистам для расчетов.

Прошло несколько дней, и я получил приглашение к Пикалову. Разговор был коротким. На столе Владимира Карповича лежали убористые расчеты с выводами о нецелесообразности сжигания леса. Он вручил мне эти расчеты: «Считайте, вам и нам повезло. Доложите Алтунину и — действуйте». Я не скрывал своей радости, поблагодарил генерал-полковника Пикалова и распрощался.

В тот же день, вооружившись расчетами, я доложил генералу армии Алтунину о невозможности участвовать в этой пензенской аванюре. Он искренне расхохотался. Его всегда добродушный смех подчеркивал его прекрасные человеческие качества. Я невольно вспомнил изречение Максима Горького, что веселый человек всегда славный человек, подлецы редко бывают веселыми людьми.

Александр Терентьевич подошел ко мне, все еще продолжая улыбаться, и сказал:

«Теперь дуй к пензякам и «обрадуй» их. Пусть они тоже над своей затеей посмеются, да как следует. А Пикалову надо сказать спасибо».

Поздно вечером поездом я выехал в Пензу. На вокзале меня, как и прежде, встретил начальник штаба Гражданской обороны области полковник Арефьев. Прямо с вокзала мы направились в облизполком. Председатель был на месте. Встретились мы как старые знакомые. Виктор Карпович заметил, что я в каком-то приподнятом настроении. Интуиция ему подсказывала, что лес мы жечь не будем. Я положил расчеты на стол и сказал, что эта операция крайне опасная. Он внимательно ознакомился с данными расчетами, потом поднял глаза на меня и спросил: «А что же теперь делать? Ведь в этом году мы должны наполнить пойму водой в соответствии с постановлением Совета Министров СССР». Я ответил однозначно, что надо лес вырезать и вывозить, а готовый, в штабелях, вывозить немедленно. Можно также объявить окрестным селам, чтобы они бесплатно занялись заготовкой леса и вывозом его для своих личных нужд. Виктор Карпович отметил, что идея неплохая, но это только маленькая частица огромного объема работ. «А как же нам привлечь войска на эти работы?» — продолжал он. Я ответил, что нужно обращаться к министру обороны. Наш разговор подошел к концу, я оставил все расчеты председателю, распрощался и в тот же день уехал в Москву. Утром доложил генералу армии Алтунину о завершении своей миссии.

Спустя много лет я совершенно случайно узнал, что все же водохранилище под Пензой соорудили и значительную часть леса в пойме пришлось затопить. Искусственный пензенский водоем оттого и цветет всяческой зеленью, как и многие водоемы, сооруженные на скорую руку. Ведь была же своеобразная мода, непонятное увлечение строительством подобных водохранилищ, пытались же повернуть реки вспять. И чего только с природой не творили!

В рассказанной истории Владимир Карпович Пикалов сыграл неплохую роль, особенно его подчиненные, с которыми спустя много лет мне пришлось встретиться на ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Много с той поры утекло воды, многое изменилось и в людях.

Последняя наша встреча с Владимиром Карповичем состоялась в Чернобыле сразу же после завершения операции, 4 или 5 октября 1986 года. Он только что прилетел из Москвы, и они вместе с председателем правительственной комиссии Щербиной решили посмотреть нашу работу. На вертолете облетели трубу, трубные площадки, крыши третьего энергоблока. Пикалову показалось с высоты полета, что работа выполнена «нечисто». Его слова вызвали во мне — после стресса в период операции да, вероятно, и облучения — бурю протеста и негодования. Происходило все в столовой военторга за обедом. На обеде присутствовали полковник А. М. Невмоленко, капитан 1 ранга Г. А. Кауров, генерал-майор Ю. М. Ваулин и другие должностные лица. Пикалов сидел напротив меня. Я бросил свою ложку в тарелку с борщом, и брызги обдали мою тужурку. В резкой форме осипшим голосом едва вымолвил: «Во-первых, уважаемый Владимир Карпович, вы ни одного доброго слова в адрес солдат, сержантов и офицеров не сказали за эту огромную и опасную работу. — Тут я назвал точную цифру тонн высокоактивных материалов, удаленных в аварийный реактор. — Во-вторых, — продолжал я, — все места выполненных работ были обследованы комиссией, которая определила наличие железобетонных плит и под ними продукты выброса, а в битумном покрытии зафиксированы высокоактивные продукты ядерного горючего, которые в момент взрыва в раскаленном состоянии вкрапливались в этот битум. И последнее, — сказал я, — имеется официальный акт по результатам работ, подписанный членами комиссии и утвержденный заместителем председателя правительственной комиссии Семеновым».

Голос мой совсем сел, и я впервые почувствовал себя, как никогда, неважно. Я смолк. В столовой воцарилась тишина. Анатолий Михайлович Невмоленко крепко сжал мою руку.

Обед не получился. Когда выходили из-за стола — а я уходил последним, — добрая завстоловой Евгения Викторовна обратилась ко мне, сама чуть не плача: «Да вы только не переживайте, ведь мы десятки раз видели работу солдат и вас по Украинскому телевидению. Вас все теперь знают. Только вам надо хорошо кушать и беречь нервы». Уже на улице многие офицеры подходили ко мне и говорили: «Вот так и надо поступать против всякого, кто порою охаивает не только тебя, но и солдат».

Потом, малость успокоившись, я сказал Пикалову: «А ведь мы меньше летали на вертолетах, постоянно были с солдатами.— И показал на ноги: — Вот этими ножками ходили в опасные зоны...»

Владимир Карпович за время моего бурного выступления ни разу не перебил меня, но, как только я утихомирился, грубо ответил: «Вы самонадеянный генерал!»

Позже в ход пошла клевета, но истина в конце концов восторжествовала.

Прошло с тех пор более пяти лет, а у меня остался неприятный осадок в душе. Возможно, я резко высказал горькую правду Пикалову, но разве это основание для таких необъективных оценок? В силу своего характера я не смог и поступить иначе.

Хорошо помню случай, когда на одной из остановленных на ремонт доменных печей почему-то оказалась повышенная радиоактивность в огнеупорных кирпичах. Нужно было срочно разбирать и удалять их. Ох как долго искали желающих среди работников предприятия, да так и не нашли, пока солдаты не выполнили эту работу, почти безопасную.

А тут был дан целый бой невидимому и опасному для всех окружающих противнику! Я нисколько не сожалею о том, что у меня была «схватка» с Владимиром Карповичем.

Несколько позже, когда мы уже разъехались, конфликтная ситуация возникла между штабом по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, который теперь возглавил В. С. Галушак, и главным инженером Н. А. Штембергом. Еще ранее у Штемберга не сложились отношения и с Ю. Н. Самойленко. Они друг друга игнорировали. Итог всему этому — штаб срочно расформировали. Галушак был изгнан с АЭС, работы по дальнейшей дезактивации крыш третьего энергоблока прекращены. А нужно было продолжить нашу работу — удалить эти железобетонные плиты и содрать радиоактивно зараженную битумную кровлю. Сыр-бор горел более месяца. Потом во все это вник лично Борис Евдокимович Щербина. Он вызвал на заседание правительственной комиссии Ю. Н. Самойленко, тот доложил о сложившейся нездоровой ситуации, которую по непонятным причинам создал Штемберг: он умышленно потерял акт. Но были другие экземпляры, и справедливость восторжествовала. Решением комиссии штаб был восстановлен, вернули для руководства работами Валерия Степановича Галушака, и они успешно выполнили второй этап дезактивации. А уже по весне был выполнен и третий этап — бетонирование под трубой и покрытие крыш третьего энергоблока.

Вот ведь до чего доходило даже в период такой чрезвычайной опасности, как ликвидация последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Откуда взялось все это? Очень горько осмысливать сегодня, что произошло в нашей стране в периоды культа и застоя, но еще горше становится, когда встречаешь еще сторонников сталинизма и брежневщины. Эти люди проявляются в конкретных делах и постыдных поступках, они еще у власти и что-то значат.

Но как же точно выразился по этому поводу любимый мой советский писатель

Даниил Гранин: «Мы еще даже не знаем — вот я, во всяком случае, не знаю, мучительно продираясь сквозь трудно приходящие мысли,— как добраться до этой закрытой, очень, понимаете, замороченной... оболганной... дороги к тому доброму, что должно быть в человеке. Как добраться? Как возбудить в человеке вот эту самую энергию добра? Как возбудить работу совести?»

9 октября 1986 года, в день, когда исполнилось ровно три месяца моего пребывания в Чернобыле, я, распрощавшись с товарищами и друзьями, вылетел спецрейсом в Москву. Через несколько часов я уже был дома. Состоялась радостная встреча с родными и близкими. Мое состояние трудно теперь передать. Мне казалось, что я вернулся с войны и никак не найду себе места, чувствую себя не в своей тарелке, как-то совсем необычно. Я вспомнил состояние отца и старшего брата Ивана, когда они вернулись с войны. Только ходили они на костылях и очень долго привыкали к мирной жизни. У меня период домашней адаптации прошел сравнительно быстро.

Через несколько дней меня положили в госпиталь имени Бурденко на обследование. Самочувствие было не ахти. Беспокоила головная боль, боль в мышцах и какая-то ломота в костях, замучил понос, десны кровоточили; почувствовал некоторое снижение физической и умственной деятельности. Приступообразный кашель, который появился у меня еще в сентябре, особенно раздражал меня. Я совсем потерял аппетит. Врачи принялись за меня, но сдвиги были незначительные. Мой лечащий врач, молодой майор, откровенно признался, что мало понимает в моем заболевании. Немного позднее в это же отделение положили моих близких помощников по операции на ЧАЭС — подполковника Сотникова, подполковника Кочеткова, капитана Дементьева и некоторых других. Мы часто общались, вспоминали только что минувшие тяжелые дни. Неожиданно пришла срочная телеграмма из Академии наук Украины за подписью академика В. Г. Барьяхтара на имя начальника Гражданской обороны СССР с просьбой откомандировать меня в Киев для участия в написании отчета Совету Министров СССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Это было в соответствии с решением правительственной комиссии. В телеграмме сообщалось о предоставлении мне лечения по месту работы.

В то же время меня одолевали из Киева телеграммами, звонками мои боевые товарищи по Чернобылю: Юрий Николаевич Самойленко, Владимир Михайлович Черноусенко, Виктор Васильевич Голубев, Евгений Михайлович Акимов, Игорь Федорович Костин и другие. Они уже активно включились в работу по написанию отчета. Душа моя рвалась к этой серьезной работе. С разрешения врачей я отбыл в Киев.

И вот снова я в объятиях друзей. Все мы разместились в фешенебельной гостинице «Феофания». Условия для работы были созданы наилучшие. Только бы работать. Ведь нами или с нашим участием выполнен большой объем работ по ликвидации последствий аварии на АЭС. Мы приобрели большой опыт, и, несомненно, было что обобщить. Предстояло проанализировать весь процесс дезактивации территории, зданий, сооружений, оборудования. Особенно хотелось отметить все издержки в технологии и производстве порою пустых работ по дезактивации, изложить спокойно обоснованные предложения и рекомендации правительству.

Но больше чем на десять дней сил у меня не хватило. Как-то, выйдя из гостиницы, я направился к машине, только открыл дверцу и хотел сесть, как вдруг в глазах зарябило, я впервые в жизни почувствовал, что теряю сознание, и упал рядом с машиной, почти ничего не помня. Дикая боль от травмы ноги привела меня в себя. Водителю и своим товарищам сказал, что поскользнулся и упал. Но в машине сидел Владимир Михайлович Черноусенко, который все заметил.

В больнице мне зашили рану на ноге, которая не заживала около полугода. Врачи убедительно говорили, что это результат облучения, и немало. После случая со мной всех нас повезли в Киевский научно-исследовательский институт гематологии и переливания крови. Перед тем как нас с Володей Черноусенко положили в Киевскую городскую клиническую больницу, врач из этого института кандидат медицинских наук сказала нам: «Все это цветочки у вас, молодые люди, а вот болячки будут впереди...» Ох и накаркала! Она же сказала: «Вам немедленно нужно ложиться в больницу, шутить с такими делами нельзя». И вот мы с Владимиром Михайловичем в приемном отделении киевской больницы. Заместитель главного врача Лариса Филипповна Назарец встретила нас весьма приветливо и после некоторого уточнения формальных данных сопроводила в боксы. Наши с Володей боксы были почти рядом. Прошло еще несколько минут, и мы оказались в больничной одежде и на больничных койках... Врачи, медсестры, обслуживающий персонал настолько внимательно относились к нам, настолько были участливы, предупредительны, что порою было как-то неловко. Весь день был занят процедурами. Особенно мучительными были вливания, которые длились ежедневно свыше двух часов, и так более месяца. Тут тебе ни пошевелинуться, ни встать, ни сесть... По десятку уколов в сутки, прием большого количества лекарств. Действительно, нужно иметь крепкое здоровье, чтобы все это выдержать! Конечно, это шутки ради. Но с нами возились подолгу и терпеливо.

Никогда не забуду старенькую медсестру, которая постоянно уговаривала меня есть, и, когда я ел плохо, она неизменно повторяла одно и то же: «Ну, Николай Дмитриевич, я сейчас вам буду жевать, как младенцу».

Вспоминаю школу, выпускной вечер. Итак, школа позади. Все выпускники начали готовиться к поступлению в намеченные учебные заведения. Мама долго уговаривала меня, чтобы я не поступал в летное училище. На примере брата. Ивана она пыталась доказать мне, что профессия военного летчика очень опасная. Отец почти не вмешивался в мои дела, но советовал поступать в строительный институт. Я стоял на своем, так как с детства стремился в летчики. Только не суждено мне было поступить в летное училище: не прошел комиссию. Дело в том, что в детстве, когда мне было года два-три, один из бывших кулаков бросился на мою мать, за что — не помню. Я был в это время у нее на руках, и этот негодяй ударил палкой и попал мне по голове. С тех пор на лбу остался навсегда шрам. Врачи его увидели и, как говорится, не вдаваясь в подробности, забраковали меня. Огорчение было великое. Пришлось поступать в Харьковское техническое военное училище.

В сентябре по вызову я отправился в Харьков. В дорогу мама собрала мне необходимые вещи, сложила их в небольшой деревянный сундучок: портфели были очень дорогие, а с сумкой — стыдно. Привязал я этот сундучок к багажнику велосипеда и, попрощавшись с родными, поехал на вокзал, в Воронеж.

Училище логически продолжило знания, полученные в школе. С большим интересом изучали военные науки, снова математику, только по программе высшей школы, теоретическую механику, сопромат и многие специальные дисциплины. Армейская курсантская дружба спаяла нас в единое целое.

Суровые воинские порядки мне, как и многим другим курсантам, были по нраву. Из нас готовили офицеров, военных специалистов.

Впервые в жизни я почувствовал, что значат нормальные человеческие условия учебы и быта в училище. Всегда чисто одеты, хорошо накормлены, твердый армейский распорядок дня, великолепные военные и гражданские преподаватели — все это способствовало отличной учебе и хорошему настроению. Спорту придавалось в училище

особое значение: гимнастика, лыжи, коньки, регулярная утренняя физзарядка, бесконечные марш-броски по 30 километров с привалами, в летнее время выезды в военные лагеря — все это закаляло нас и физически, и морально, мы становились настоящими мужчинами.

По всем предметам я имел отличные оценки, особенно любил высшую математику, теоретическую механику, сопромат. Более того, в училище работал целый ряд кружков, где мы с увлечением занимались научными изысканиями.

На первом и втором курсах был у нас командиром дивизиона подполковник И. И. Горбань, который в Великой Отечественной горел в танке. Его ранения, шрамы напоминали о его подвигах, отмеченных орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и другими наградами. В то время он был достаточно молод и часто играл с нами в футбол. А когда раздевался и бегал в трусах, нам было не по себе от его ожогов и ран. Мы любили этого мужественного командира и никогда не подводили его. В учебе, спорте, дисциплине наш третий дивизион постоянно занимал первые места.

...Шел 1956 год. Я был уже на третьем курсе училища. Все мы повзрослели, серьезно готовились к самостоятельной службе, приобретая опыт на стажировке, в повседневной жизни и учебе. Армейская служба спланивала нас, развивая и укрепляя дружбу, товарищество и взаимопомощь. Курсантская дружба связала нас на долгие годы. Близкими моими друзьями были Леша Денисенко, Илья Беспалый, Борис Белецкий, Коля Шилов, Витя Поваляшко, Володя Палюх и многие другие. С годами мы не потеряли дружбу. Хо рошо помню, как с Лешей Денисенко мы ходили в увольнение и если возвращались в разное время, то непременно что-то из города прихватывали с собой и делили обязательно пополам. Если я приносил яблоки, то под его подушку клал его долю; если он приносил пирожки, то под моей подушкой была моя доля. Всю жизнь Леша Денисенко служил в Уфе. У него два сына и внуки, добрая и гостеприимная жена Нина.

С Илюшей Беспалым нас, как отличников, оставили в училище, позже я ушел в войска, а он и теперь служит в УВД Харькова. А наш Володя Палюх теперь возглавляет это училище, которое мы когда-то окончили. Самые теплые воспоминания остались о наших наставниках — отважном чекисте полковнике А. Капустянском, В. Шандыбе, И. Черкасове, В. Харченко, П. Метелеве, Ф. Сухорукове, Л. Раппопорте и других.

Проводились у нас регулярно тридцатикилометровые марш-броски с полной выкладкой. Были на курсе и слабаки, которые не дотягивали до финиша. А официально разрешалось оказывать помощь. И вот мы у наших слабачков разбирали кто автомат, кто скатку, кто вещмешок. Смотришь, облегчили всю «выкладку» — и человек дотянул до финиша. До сих пор помню: в отделении, где я был командиром, служил курсант Пихуля, ну до того слабый, что мы так и думали — когда-нибудь он «даст дуба» на очередном марш-броске. Однако нет: как только мы его разгружали, он набирался сил и дотягивал до финиша. Но иногда мы его тащили под руки. Борьба шла за минуты и даже за секунды — на первенство училища.

Этому бедному Пихуле часто доставалось. Однажды в столовой он случайно разлил борщ на стол и облил себя и нескольких человек. Наш строгий старшина Галилов заметил это. После обеда он построил весь дивизион во дворе училища, вывел Пихулю перед строем и объявил ему три наряда вне очереди за «нетактичное поведение с борщом». Ну смеху было, до слез, а у Пихули в карточке учета поощрений и взысканий так и была записана эта необычная формулировка.

Наступили государственные экзамены, выпуск... Окончив училище с отличием и получив красный диплом, я был оставлен на службе в том же училище в должности курсового офицера, то есть командира учебного взвода.

Много воды утекло с тех пор. Немало испытаний жизнью пришлось держать по ходу офицерской службы. И пожалуй, самое трудное — в Чернобыле и Армении.

И вот мы прикованы к постелям в киевской больнице еще очень малоизвестным недугом. Здесь мы с Владимиром Михайловичем Черноусенко постоянно находились под наблюдением опытных специалистов — профессора А. Ф. Романовой, В. В. Торцевского, А. И. Перепельченко, Ю. И. Бобылева, Л. Т. Глушковой и многих других врачей, медсестер и обслуживающего персонала. Эти добрые и чуткие люди изыскивали и применяли самые современные способы лечения и препараты. Но порой и они были бессильны. Нас с Володей особенно беспокоила головная боль, которая и теперь еще не совсем пропала. Приступообразный кашель доводил до посинения. Я часто подшучивал над Владимиром Михайловичем, что он, мол, даже в эти трудные минуты остается верен дурной привычке и не выбрасывает папиросу изо рта. «Вроде бы и кашель тебе поделом, — говорил я ему не раз. — А мне-то за что? Ведь с детства я не курил, а тем более теперь». Тут уж он незамедлительно парировал: «Вы, Николай Дмитриевич, «накурились» до отвала на третьем энергоблоке, в зонах, так что откашливайтесь теперь, пожалуйста, на здоровье».

В эти тяжелые минуты, особенно в ночное время, когда мы оставались одни, а сна практически не было, хоть и принимали снотворное, мы объединялись в одном из боксов и порой всю ночь напролет коротали время в бесконечных беседах.

Владимир Михайлович — талантливый ученый-физик. Он в лихую годину добровольно выехал из Киева в Чернобыль и непосредственно занимался вопросами пылеподавления в аварийном энергоблоке, а в период операции по удалению высокоактивных материалов с крыш третьего энергоблока и трубных площадок почти все время был со мной в качестве научного консультанта. Солдаты любовно называли Владимира Михайловича «профессором в очках», а за его невозмутимую сосредоточенность еще и Жаком Паганелем. Часа ми он находился на командном пункте, внимательно следил по телемонитору за технологией работ в процессе операции, потом не торопясь давал разумные советы. Порою подходил как-то незаметно ко мне и тихо-тихо говорил: «Генерал, передохни. Пойдем покурим», — хотя никто, в том числе и он, не курил в этих условиях: это было опасно. Но нам с ним повезло в больнице в том плане, что лежали мы недалеко друг от друга и что его милое и доброе семейство жило почти рядом. Его домочадцы постоянно навещали нас, подбадривали, рассказывали последние новости. Особенно переживала за здоровье Владимира Михайловича его жена Тая. Она соединяла в себе лучшие черты любящей женщины: непосредственность и обаяние, доброту, готовность разделить страдания мужа, сделать все возможное, чтобы поднять его на ноги.

В период нашего лечения мы с Володей пополнили запас своих медицинских знаний. После каждого медико-психологического анализа нашего состояния обменивались данными по поводу количества лейкоцитов, нейтрофилов, состояния плазматических клеток, ретикулацитов и тому подобного. Как-то у меня выявились вдруг какие-то мононуклеары. Врачи молчат. И все же мы выпытали у Ларисы Филипповны, что это такое. Было ясно одно: появились какие-то новые образования клеток. Володя замучил меня, повторяя много раз: «Генерал, вы молодеете на глазах». Потом появился какой-то двухъядерный лимфоцит, но тут Володя был бессильен что-либо придумать в насмешку, так же как и по поводу какой-то гиперсегментации нейтрофилов, нейтрофилов с токсической зернистостью, сегментированных моноцитов и моноцитов с вакуолизацией цитоплазмы. Даже Лариса Филипповна теперь нам не давала пояснений. Пришлось «бросить медицину». Володя занялся китайским языком, а я — тренировкой памяти. Из библиотеки мне принесли томики стихов Пушкина, Фета, Тютчева. Память действительно

несколько ослабела, и это тоже вызывало некоторое беспокойство. Но ежедневные тренировки, мне кажется, потери восстановили.

В процессе лечения состояние незначительно улучшилось, и нас решено было перевести в клиническую больницу № 6 Москвы с диагнозом «лучевая болезнь». Под Новый, 1987 год мы были уже в столице. Перед отъездом тепло поблагодарили врачей, медсестер, обслуживающий персонал. Всю оставшуюся жизнь я буду помнить доброту, внимание и усердие этих чудных людей в белых халатах.

Январь и февраль 1987 года мы с Владимиром Михайловичем провели вновь почти все время вместе. Симптомы болезни оставались и не давали покоя.

Неоднократно проводимая бронхоскопия подтвердила поражение верхних дыхательных путей в результате воздействия недифференцированных профессиональных факторов на эти системы в районах работ в особо опасных зонах Чернобыльской АЭС. По этому поводу не могу умолчать о своем возмущении от встреч с некоторыми врачами этой больницы.

Заведующий пульмонологическим отделением кандидат медицинских наук С. Ф. Северин и его коллеги-пульмонологи прекрасно понимали, каков результат гамма- и бета-воздействия от радионуклидов, и не только на бронхи. Не понять этого было бы просто смешно. Во-первых, радиоактивно зараженные частицы пыли присутствовали в воздухе на командном пункте. Во-вторых, мы беспрерывно выходили в различные радиоактивно опасные зоны. В-третьих, солдаты после выполнения заданий в этих зонах возвращались на тот же командный пункт, с которого уходили. Тут они снимали свою защитную одежду, что увеличивало количество частиц радиоактивно зараженной пыли в наших помещениях. Но солдат пришел и ушел, а мы оставались часами на этом КП. И это длилось более двух недель. Индивидуальные средства защиты органов дыхания типа «астра» или «лепесток» были совершенно неэффективны, да и просто примитивны. Прославленные радиологи, в том числе и сам академик Л. А. Ильин, так и не появились у нас и даже не дали соответствующих советов и рекомендаций. Зато сам Ильин расписал в «Литературной газете» (№ 26 от 19 января 1988 года), что Национальный комитет по радиационной защите делал все возможное для защиты, а они даже толком не знали об этой операции. Вот вам наука и практика. Да и содержание этой статьи противоречило истинному положению дел в Чернобыле.

А теперь известная многим в нашей стране и за рубежом член-корреспондент АМН СССР уважаемая А. К. Гуськова пыталась доказать, что я, видите ли, «громко командовал солдатами» на своем КП в Чернобыле и от этого получил повреждение бронхов. Это было возмутительно. С ней не согласились ни пульмонологи, ни тем более я. Вот ведь как порою бывает у нас: очень трудно посмотреть правде в глаза.

Казалось бы, зачем особенно скрывать, что в стране отсутствуют эффективные средства защиты, в том числе и органов дыхания, да и не только они?.. Но люди, облеченные властью, отстаивают честь мундира, доказывая, что у нас все есть, все готово и все средства эффективны. А на деле — слова, брошенные на ветер. Ко всему мы притерпелись, а главное — к пустой и вредной говорильне. В действительности мы не были готовы решать задачи в чрезвычайной ситуации. Очень метко подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, что было бы неправильно не видеть определенного усиления сопротивления консервативных сил, усматривающих в перестройке угрозу своим корыстным интересам и целям...

Последствия топтания на месте, застоя и равнодушия куда вреднее и опаснее, чем издержки, которые на какое-то время возникают в процессе творческого созидания или устранения выявленных недостатков.

Я опять вспомнил слова врача-пророка из Киевского института гематологии и переливания крови о том, что у нас теперь все болезни впереди...

В эти трудные минуты рядом были родные, близкие, друзья. Из клиники, как говорится, не вылезали жена, Зоя Ивановна, ее сестры, дочка Лена.

А в нашем полку прибыло: на обследование и лечение приехали знакомые чернобыльские товарищи — главный инженер АЭС Николай Александрович Штемберг, Николай Васильевич Карпан, знаменитый непоседа корреспондент АПН Игорь Федорович Костин и многие другие. С Николаем Александровичем Штембергом мы вспомнили случай, когда я его, главного инженера АЭС, погнал было прочь во время операции на третьем энергоблоке. Действительно, был забавный случай. Во время этой операции очень мало было охочих из начальства приходить на третий блок, но храбрые ходили. Однажды при выполнении работ под трубой меня вывели из терпения электронщики из Ленинграда, которые никак не могли выкатить неисправный робот своей конструкции. Они попросили солдат на эту работу. Я им отказал, заявив: «Вон там лежит защита, подгоняйте ее и сами выкатывайте, коль такой глупый ваш робот оказался в зоне». Некоторые из них действительно переоделись, но сил было недостаточно. Они снова ко мне. А тут смотрю, какая-то группа пижонов в новенькой спецодежде, защитных масках, очках, и тоже ко мне: просят выделить провожатого для выхода в зону работ солдат, посмотреть, мол. Я, повысив голос, сказал, что тут не экскурсионное бюро и некогда заниматься этим, отвлекать людей, словом — «прошу покинуть палубу». Тогда Николай Александрович Штемберг сдернул с лица защиту, открыв свою бородку, и улыбнулся: «Генерал, это же я!» А я ему в шутку: «Ну и хрен с тобой, что ты. Разве у тебя дела нет? Коль мне доверили эту операцию, чего сюда ходить и мешать?» После такого инцидента пришлось все же разрешить.

Николай Александрович Штемберг — высокообразованный, хорошо профессионально подготовленный специалист по АЭС. Его отличали подчеркнутая интеллигентность, исключительная выдержка, умение держать себя на уровне. Он внес немалый вклад в подготовку и запуск первого и второго энергоблоков Чернобыльской АЭС. Вот только не пойму, почему не сложились у него отношения с Ю. Н. Самойленко — его заместителем. Это, на мой взгляд, породило дразги и взаимное неуважение. Самойленко пытался всячески его игнорировать, обходил окольными путями, пробивался в правительственную комиссию, что еще больше вызывало раздражение и недовольство главного инженера АЭС. Эти отношения впоследствии в некоторой степени повлияли на оценку качества работ по дезактивации крыш третьего энергоблока и трубных площадок. А ведь за этой оценкой стояли тысячи солдат, сержантов и офицеров, которые исполнили свой долг перед Родиной, с честью выполнили решение правительственной комиссии, сбросив огромную массу высокорadioактивных материалов в развал аварийного реактора. И вдруг какие-то сомнения, недоразумения, а то и самая обыкновенная ложь... Вот к чему могут привести недоверие и неуважение друг к другу даже в такой ситуации Я старался не вступать в отношения Самойленко и Штемберга и тем более примирять их. Только позже, на больничной койке, я не раз говорил и тому и другому, что оба они не правы, отчего страдают и дело, и люди.

В середине января 1987 года совсем неожиданно к нам в больницу заявили с государственными наградами Ю. Н. Самойленко и В. В. Голубев. У Юры на груди сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, а у Вити — орден Ленина. Мы тепло поздравили героев, и было приятно слышать от них, что в этих наградах есть доля заслуги всех наших воинов. Разговор у нас затянулся далеко за полночь, пока заведующий отделением профессор Ф. С. Торубаров не попросил наших товарищей покинуть палату.

Они еще не раз бывали у нас, и мы не раз обсуждали всю технологию работ по ликвидации последствий на ЧАЭС, все приемы и способы, рожденные в ходе дела. Немало было проблем и частных задач: как делать все рациональнее, лучше, какими силами и средствами располагать, какую технику иметь, как готовить людей для действий в экстремальных ситуациях.

В наших разговорах и спорах главным оставался человек. Как уберечь его от произвола атомной стихии? Чем защитить от невидимых лучей? Как повысить надежность наших АЭС? И все мы сходились в одном: человек сам изобрел и построил АЭС, другие опасные объекты и поэтому обязательно найдет средства и способы надежной защиты. В этом у нас не было никаких сомнений и разногласий. Авария на Чернобыльской АЭС дала солидный толчок для решения названных проблем. Справедлива русская пословица на этот счет: пока гром не грянет, мужик не перекрестится.

Муторное это дело — лечиться в больнице. За тридцать с лишним лет службы в армии я впервые слег надолго. Уехал мой боевой соратник Владимир Михайлович Черноусенко в свой родной Киев. Стало мне без него очень грустно, хотя были другие чернобыльские товарищи, прибывшие на лечение.

Часто не давал покоя Игорь Костин: он и здесь был неугомонным. Вооружившись фотоаппаратом, он в больнице с разрешения А. К. Гуськовой «щелкал» и больных и здоровых. В Чернобыле все мы его уважали не только за то, что он отличный корреспондент, но и за его прекрасные человеческие качества. Первую съемку аварии четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС Костин произвел 28 апреля 1986 года. И весь тот период, с начала мая и до конца года, регулярно отражал ход ликвидации последствий аварии. Особенно много снимков он посвятил мужественной работе воинов. Отснятый им фотоматериал публиковался практически во всех странах мира. Первые публикации уже в мае были помещены в таких журналах, как «Тайм» и «Штерн». Его фотоматериалы о ходе ликвидации последствий аварии вошли в официальный отчет правительству СССР и МАГАТЭ. Лучшая серия фотографий Игоря Костина «Трагедия Чернобыля» удостоена на выставке «Уорлд-прессфото» высшей международной награды «Золотой глаз» (Голландия, Амстердам). Ему же присуждена золотая медаль на «Интерпрессфото» (Ирак, Багдад).

Но и он вскоре покинул меня в этой больнице.

И все же долечиваться пришлось в своем родном госпитале имени Вишневого, а еще позже, в 1988 году, с тяжелым гипертоническим кризом я попал в госпиталь имени Бурденко. Кажется, выжил. Значительная часть чернобыльских недугов была изгнана, но немало симптомов осталось. Они-то и дают порой знать о себе и о той страшной аварии, которая случилась 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС.

2 апреля 1990 года я вновь оказался на больничной койке Центральной клинической больницы бывшего Четвертого главного управления при Минздраве СССР. Клинический диагноз: недостаточность кровоснабжения головного мозга в вертебро-базиллярном бассейне с пароксизмальным состоянием. Потеря сознания, ушиб головы, сотрясение головного мозга. Профессор-кардиолог записал: основная выраженность клинической симптоматики определяется наличием у больного астенического синдрома с явлениями вегето-сосудистой дистонии, как следствие перенесенной в 1986 году острой лучевой болезни. Этот «приговор» подтвердили и в этом году на всю оставшуюся жизнь. А ведь до Чернобыля я никогда ничем не болел и тем более не лежал ни в госпиталях, ни в больницах. Теперь, пожалуй, наверстал за все годы, и более того...

В клинической больнице меня разместили в отдельном боксе, в котором установлен цветной телевизор, телефон и добротная мебель. Имеется огромная ванная, лоджия. В этом же корпусе прекрасная столовая с хорошим питанием и отличным обслуживанием, а

главное — высококвалифицированные врачи, самое современное медицинское оборудование и медикаментозные препараты. Один только лечебный корпус, в котором расположен плавательный бассейн, напоминает сказочный дворец. А в другом корпусе — зимний сад. Тут не просто сад, а целый дендропарк с певчими птицами. Вся немалая территория больницы — это чудесный ухоженный парк с аллеями, цветами, березовыми рощицами, коврами аккуратно подстриженной зеленой травы. Боже, да это же настоящий рай! Я не знаю, как там действительно в раю, но тут, надеюсь, не хуже.

Вот почему так лихо отстаивали всеми правдами и неправдами высшие эшелоны партийной и Советской власти свои привилегии. Вывеску сменили на ЛОУ при Совмине СССР, а столичный контингент незыблем. Тут можно встретить бывших партийных и государственных «деятели», их детей, внуков и правнуков, министров, работников ЦК КПСС, Совета Министров СССР. С некоторыми из них я имел честь даже беседовать. Иду я как-то по аллее, а навстречу, гордо подняв голову, шествует холеный Виктор Васильевич Гришин, ни на кого не обращая внимания. Ну прямо как у себя на даче. Даже теперь он все еще чувствует себя хозяином Москвы. Вот это привычка. Можно позавидовать. И таких, как он, в этой самой знаменитой и нашумевшей больнице навалом. В такие минуты невольно лезут в голову мысли: ну почему я отдал свое здоровье в Чернобыле ради благополучия людей, ради общего дела при ликвидации последствий аварии и впервые попал в эту больницу, а эти холеные, вышколенные аппаратчики, эта элита, не успеют чихнуть, как тут же оказываются здесь? Ну почему комиссия по привилегиям не довела дело до конца?! Народ обманули, как все было, так и осталось.

А порядки здесь строгие и мне лично импонируют, прямо как у нас в армии. 26 апреля 1990 года состоялся чернобыльский телемарафон. Организаторы телемарафона попросили меня приехать на открытие, хотя меня заранее отсняли и взяли интервью дома. На мой выезд наложили запрет: или лежи и лечись или совсем выписывайся. Иду к главному врачу для объяснений. Совсем еще молодой главврач А. И. Мартынов принял меня тут же. В нем сосредоточены аналитический ум крупного организатора медицины, умение выслушать не перебивая, врачебная эрудиция и такт, способность понимать и ценить пациентов. О нем сложилась добрая слава в этой больнице. Но мои доводы не превзошли доводов Анатолия Ивановича. Мне пришлось написать обращение ко всем чернобыльцам с больничной койки, потом оно было зачитано ведущей телемарафона. Теперь я часто вспоминаю эту больницу. Совсем недавно я был в городской больнице в Воронеже, где умирал близкий мне человек, муж моей старшей сестры. Всю жизнь он не выпускал мастерка из рук, строил дома, отделявал их, штукатурил и красил. И какое же убожество эта больница, даже слов нет все описать. Моя сестра день и ночь находилась рядом с умирающим, ухаживала, стирала, без конца сушила и гладила перевязочный материал.

Дорогой мой читатель, я искренне за такие больницы, как у нашей элиты, но они должны быть для народа. Ведь если бы за все минувшие семьдесят с лишним лет строили и для него, сколько бы их уже было... Но своя рубашка ближе к телу.

И все же это только прелюдия. А речь я поведу о нашем советском солдате. Однажды жена принесла мне в больницу письмо от вдовы солдата из Воронежа. Привожу его содержание дословно:

«Здравствуйте, уважаемый Николай Дмитриевич и ваша семья!

Вас беспокоит жена умершего солдата-чернобыльца Игоря Пахомова. Очень прошу Вас, простите меня, я понимаю, как Вам сейчас трудно. Но Ваша бывшая одноклассница Валентина Михайловна Комарова сказала мне и дала адрес, чтобы я обратилась к Вам со своим горем в надежде на помощь.

Дело в том, что 4 марта 1990 года я похоронила своего мужа. Он был участником ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, когда отрывали тоннель. В сентябре он серьезно заболел. Долго не могли поставить диагноз, а когда установили, что опухоль головного мозга, то было уже поздно. На операцию его направили в Институт нейрохирургии им. Бурденко в Москву. Операция длилась 10 часов. После операции, не приходя в сознание, он умер. Ему исполнилось 26 лет. Причина болезни — чрезмерная доза облучения. Все врачи к нему отнеслись с нескрываемым уважением и сочувствием. Мне же врачи так и сказали, что он обречен, но диагноз мы не можем связать с Чернобылем, так как нет еще никаких законов. А в Институт радиологии не успели доехать, где есть его карточка с дозой облучения.

И вот в 25 лет я вдова солдата. Дочке всего четыре годика. Никому мы теперь не нужны. Живу пока у свекрови, а теперь и ей стали чужие. Пенсию за мужа получаю без учета его как чернобыльца, так как врачи поставили такой диагноз. Сама я воспитывалась в детском доме, думала хоть дочь сделать счастливой. А теперь и она сирота.

Умоляем Вас, Николай Дмитриевич, помочь нам. А Игоря мы похоронили в селе Гремячем, так как он родом оттуда и сам просил об этом. Воронежская больница, где лежал Игорь, дала мне все выписки из истории болезни. ВТЭК делал запрос в Институт имени Бурденко, но ответа нет. Ходила в военкомат, а у них нет о нем никаких сведений. Только проставлена дата, когда его призвали. Делала запрос в Киев, но архив ответил, что о нем нет никаких сведений. В Московский округ писала, ответа тоже нет.

Николай Дмитриевич!

Да неужели у нас есть такая несправедливость? Ведь когда муж был нужен, его нашли сразу. А теперь мне уже самой стало стыдно обманывать свою дочь, что скоро папа придет и поведет ее в садик. Писала я и в союз «Чернобыль», но ответ пришел после смерти Игоря. Теперь вся надежда на Вас.

С уважением к Вам Лариса и дочка Виктория Пахомовы».

Ну что можно сказать после прочтения этого письма? Та же самая безнравственность людей, облеченных властью, отсутствие всякой совести и сострадания к чужому горю.

«Солдат — имя общее, знаменитое, писал царь Петр в воинском уставе 1714 года. — Имя солдата носит первейший генерал и последний рядовой».

Первым солдатом регулярной русской армии считается конюх Петра I. Из истории известно, что в 1683 году к одиннадцатилетнему Петру пришел Сергей Бухвостов и заявил о своем желании посвятить жизнь военной службе. За ним последовали многие. Прошли годы, и Петр I, который считал верность воинскому долгу, приверженность военной службе одним из наивысших проявлений преданности Отчизне, повелел в честь первого солдата российского отлить его бронзовый бюст. Вот так-то...

...Многие годы я хорошо знал одного старого солдата, мудрого и смекалистого, доброго и трудолюбивого, честного и преданного Отчизне, своей земле. Он был свято верен солдатской окопной дружбе и до смерти берег ее как самое дорогое приобретение жизни.

В гражданскую войну в свои неполные семнадцать лет, искренне поверив в революцию, он лихо сражался за установление Советской власти на Дону, за землю. И получил эту землю. Потом поливал ее солдат, чтобы прокормить семерых детей. Наверное, почуяла Советская власть, что тяжело солдату работать в одиночку — загнала его добровольно-принудительно в колхоз. Землю и лошадок повелели отдать в общее пользование. Вот тут-то и начались солдатские муки: сколько ни работает в колхозе, получать на трудодни почти нечего. Благо корову не свели да несколько соток огорода

нарезали от бывшей собственной усадьбы.

Грянула Великая Отечественная война. Солдат был уже немолод, шел ему сорок пятый год. И снова с верой в Советскую власть он в вихре сражений. В боях под родным городом Воронежем фашисты тяжело ранили солдата и теперь уж навсегда выбили из строя. Так он стал инвалидом первой группы. Ноги перебиты, костыли под мышкой. Кое-как вместе с детьми обрабатывал те самые сотки, чтобы не умереть с голоду. Даже ему, инвалиду войны, Советская власть не позволила держать лошадку. Только мозолистые руки да большая саперная лопата были единственными орудиями — «малой механизацией».

Шли годы. Малость оправился солдат и бросил свои костыли. Снова в меру своих сил трудился в колхозе и снова за трудодни, но теперь хоть что-то за них платили...

Дети солдата выросли и покидали отчий дом с его же благословения. Жить так, как жил он, было просто невозможно. Пятеро сыновей, трое из которых стали офицерами, честно служили Родине. Первенец Иван — военный летчик. В годы войны вместе с отцом сражался на Сталинградском фронте. В свои двадцать четыре отважный сокол в звании капитана тоже стал инвалидом первой группы после неоднократных ранений и контузий. Вскоре его не стало совсем. Солдат понес первую тяжелую утрату.

Другой сын, Александр, в 1944 году был призван на большую войну. При освобождении Литвы, под Вильнюсом, был тяжело ранен. Скоро и его не стало. Еще одну утрату понес старый солдат. Трагически оборвалась жизнь среднего сына, Бориса, добросовестно отслужившего три года срочной под городом Иваново.

Сколько же можно было старому солдату хоронить своих сыновей! Остались два сына — полковник авиации Петр и генерал Николай да две дочери — Нина и Мария. «Хватит испытывать судьбу», — не раз говорил солдат. Все, что он получил от Советской власти, — пенсия 18 рублей 50 копеек. Благо дети помогали...

Окончательно занемог, и не было сил у солдата жить дальше. Умирал очень тяжело. Неистребимая боль по погибшим сыновьям вызывала у него потоки горьких слез. Они текли по щекам и терялись в густой седой бороде. Перед смертью просил похоронить его рядом с сыновьями.

Могилу отрывали молодые солдаты. Земля так была схвачена морозом, что за день ребята не управились. При свете фар, под холодную вьюгу, что разыгралась над Гремячнской горой, где было кладбище, солдаты обустроивали последний приют донскому казаку.

Старший лейтенант, ныне майор, Игорь Парамонов много раз подолгу говаривал с бывалым солдатом, но теперь он вместе с молодыми воинами до кровяных мозолей долбил мерзлую землю и выбрасывал смерзшиеся земляные осколки со дна глубокой могилы. Насквозь продрогший старший лейтенант с трудом вылез из могильной тьмы, прорезаемой косыми лучами фар, и приказал замкомвзвода построить солдат. Простуженным голосом зычно скомандовал: «Взвод, равняйся! Смирно! За проявленное усердие при отрыве могилы старому солдату от лица службы объявляю благодарность!» Несмотря на стужу и свирепую вьюгу, над кладбищем пронеслось громкое и дружное солдатское: «Служу Советскому Союзу!» Если бы мог слышать старый солдат эти слова, прозвучавшие у могилы, наверное, почувствовал бы себя менее несчастным, чем в те последние мгновения на смертном одре.

Похоронили солдата, как он и завещал, на той самой Гремячнской горе, с которой взору открывается утопающее в зелени село. Серпантинном извивается величавый Дон, за ним — нескончаемые буйные травы великолепного луга, каскад озер, Жиров лес с великаном царь-тополем, а еще дальше — распростертая донская степь, что стала после

войны полигоном для военных летчиков. Только те уж больно постарались и изуродовали ее, бедную, фугасами да бомбами пуще, чем в войну. Но как бы то ни было, величие природы осталось людям на радость и счастье, а тело старого солдата слилось теперь с землей, которую он так страстно любил...

Солдат, о котором я рассказал тебе, дорогой читатель,— мой отец. Я любил его настоящей сыновней любовью. Люблю его и теперь — не только как замечательного отца, но и как российского солдата, перенесшего в своей жизни столько страданий, столько горя, что на десятерых бы хватило.

Не первый год ношу я генеральские погоны, а вот взвод, которым командовал, будучи юным лейтенантом, до сих пор помню поименно. Особенно запомнились «трудные ребята». Сколько с ними приходилось возиться! Ведь чтобы переломить негативные линии в характере молодого человека, нужны постоянная, кропотливая работа, внимание и доверие к солдату, уважение к его личности.

Взвод я принял, как говорят на армейском языке, разгильдяйский. И принял тогда, когда еще не улеглись страсти от весьма серьезного происшествия...

В феврале 1959 года случилось в нашей части ЧП. Один солдат в выходной день пошел в соседний поселок. Там он попытался бесплатно прорваться на вечерний сеанс кино. Его не пустили. Тогда он, недолго думая, вернулся в часть и объявил: «В поселке наших бьют». Человек пятьдесят из саперной роты ринулись «на выручку». В это время народ повалил из клуба — завязалась драка... Короче, дело кончилось тем, что несколько солдат отдали под трибунал, командование полка перевели с понижением в должности, а комбата и ротного вообще уволили из армии.

И вот я прибыл в эту часть после такого ЧП и принял под свою команду взвод. Начал искать пути-подходы к душам подчиненных. В выходные дни ездил с ними на экскурсии в Харьков, организовывал им, как пионерам, игры и викторины. Были у нас чемпионы взвода по шахматам, по стрельбе из карабина, по лыжным гонкам и городкам. Был даже свой солист, он же взводный запевала, — Саша Тарабыкин, рыжий-прерыжий сибиряк, прежде совсем нелюдимый. Всех, кто над ним подтрунивал, сразу кулаком... Когда же у него обнаружился песенный талант, я своей властью назначил его «лучшим певцом взвода». Парень словно заново родился. Ну а после службы Саша стал солистом, и, как говорят, неплохим.

За многолетнюю офицерскую службу в армии я повидал много солдат. В большинстве своем — настоящие ребята, полные задора, солдатской сметки, юмора, а главное — убежденности в том, что они защитники Отчизны и народ надеется на них.

И в послевоенной истории страны, увы, было достаточно случаев проверить качества советского солдата. Годы войны в Афганистане, Чернобыль, Армения, Башкирия... Не забыть мне теперь уже известную читателю сложную и опасную операцию по удалению радиоактивных элементов с крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы Чернобыльской АЭС. В этой операции добровольно приняли участие более трех тысяч солдат, сержантов и офицеров. Руками солдат, одетых в примитивную «защиту», было удалено и сброшено в чрево «саркофага» более 170 тонн радиоактивно зараженного графита и ядерного горючего. Зоны, в которых работали военнослужащие, так и назывались — «особо опасные». Уровни радиации составляли в них более тысячи рентген в час. Нет, я ни о чем не жалею и не строю из себя героя. Как и мой отец, мои братья, как и десятки тысяч военных, я сполна хлебнул из несладкой чаши солдатской службы. Одного не пойму: почему так упорно, так безнравственно пытается кое-кто привить нашему народу иммунитет против армии? Кому это на руку?

Могу рассказать и о том, как собственными руками строил сборно-щитовой домик

на шести сотках болотистой земли. Как вместе с женой «осваивал» непригодную для садоводства почву и как в эти годы и мне, и многим другим офицерам изматывали душу политработники: заставляли ломать «лишнее». А ведь некоторые генералы не смогли выдержать такого организованного глумления... Зато когорта «политбойцов» умело закрывала глаза на терема высокого начальства.

Но речь сейчас не о них — о солдате. Трагические события января в Литве и Латвии потрясли, конечно, не только меня. При всех обстоятельствах, сложившихся там, при всем отчаянии семей военнослужащих, вызванном бесчеловечными действиями Верховного Совета Литвы, солдат не должен был стрелять в мирных людей. Ведь совершенно очевидно: это была заранее подготовленная провокация. Экстремистски настроенные боевики специально вызывали огонь на себя, чтобы после вызвать сочувствие к себе. Сценарий удался.

Неужели умным политикам, в том числе и армейским командирам, с самого начала не была видна эта затея? А теперь что?.. Президент СССР ни при чем, министр обороны СССР, как он заявил, приказа не отдавал. Значит, военный трибунал должен судить начальника гарнизона — и за совершенное преступление, и за безрассудство? Но позор, павший — в который раз! — на армию, не отмоет никакая кара виновникам. Когда же мы в конце концов пойдем истинную функцию нашей армии и прекратим подставлять солдата?

А может, и вправду вернуть в войска воинский устав, написанный Петром Великим в 1714 году? Ведь каждая его строка защищает честь, достоинство воина — защитника Отечества.

Тогда, наверное, и не будет обездоленных вдов наподобие Ларисы Пахомовой, Веры Кучеренко, Людмилы Грищенко и многих других.

Э п и л о г

Пять лет после Чернобыля

Как такое могло случиться? Лишь постепенно приходят ответы на этот вопрос.

Мне пришлось знакомиться с проектами атомных электростанций. Казалось, в них было предусмотрено все — защита не только от нарушений штатных режимов работы реакторов, но и от таких маловероятных событий, как землетрясение (ведь Армянская АЭС выстояла!) или падение на крышу энергоблока самолета, потерпевшего бедствие, и так далее.

И все же катастрофа произошла. Ее причиной стала не только техника. Сбой дал так называемый «человеческий фактор».

Роковую роль сыграл недостаток компетентности и нравственности ряда должностных лиц. Они привели к аварии, они же в дальнейшем усугубили ее последствия. Не в первый раз проявилось несоответствие между колоссальной мощью, оказавшейся в руках человека, и допотопными нравственными критериями, недоразвитым чувством ответственности, которые характеризуют повседневную деятельность иных специалистов.

Немало вопросов поставила чернобыльская трагедия. И организационного, и нравственного характера. Почему, к примеру, один и тот же человек мужественно идет к смертоносному реактору, но панически боится доложить правду начальству? Почему правда для него страшнее смерти? Или почему блекнут перед сиянием «юбилейных» Золотых Звезд ряда должностных лиц, причастных к катастрофе, скромные медали истинных героев Чернобыля, добровольно закрывших своей грудью брешь, созданную

преступной халатностью других? Их позвала Родина, и они пошли, как шли во все времена. Не ради наград.

...Совсем недавно разыскал меня известный многим читателям по моим публикациям чернобылец подполковник А. П. Сотников и, смущаясь, поделился обидой: «Товарищ генерал, вот какой уже раз командир части представляет меня к присвоению очередного воинского звания «полковник» за Чернобыль, а аттестационная комиссия управления начальника Гражданской обороны СССР «зарубает».

Как видно, бюрократы в кадрах, несмотря на принятое решение генерала армии В. Говорова, не торопятся воздать должное героям. А эти кадры, замечу, возглавляет вышколенный аппаратчик, пришедший в армейскую среду из партийного кабинета, легко, таким образом, получивший генеральские погоны,— А. П. Хоменко. Ему, бывшему инструктору ЦК, и его подчиненным наплевать, что подполковник Сотников рисковал своей жизнью, сделал все, что было в его силах, в аду Чернобыля.

Сотников появился в Чернобыле 1 августа 1986 года. Он пришел ко мне в служебный кабинет и доложил о своем прибытии. До Чернобыля я хорошо знал его и был внутренне рад приезду. Разговор состоялся короткий, так как я спешил на аэродром в город Овруч для вылета вертолетом с группой офицеров по полкам гражданской обороны, а позже — в Терехи и Пирки. Уже на ходу говорю ему: «Если хочешь сразу же войти в обстановку, то прошу на борт вертолета». Как всегда Александр Петрович по-военному ответил: «Есть!» Вместе со мной в той поездке были замечательные офицеры-полковники Н. А. Гелевера, А. Г. Фоменко, В. Л. Сопельняк, А. К. Дарков и другие.

Облет начался с посещения полков гражданской обороны, в которых мы должны были определить коэффициент использования штатной техники, ее эффективность и дать предложения штабу Гражданской обороны СССР по переоснащению. Выполнение этой задачи торопил звонками из Москвы Николай Николаевич Долгин. Он тогда был председателем Научно-технического комитета Гражданской обороны СССР.

При работе в полках мы с горечью убедились, что в автомобильных парках содержалось огромное количество малоприспособленной, устаревшей техники, непригодной для действий в условиях Чернобыля. Едва десять процентов этой техники можно было использовать по назначению. Всех нас возмущало такое положение. Примитивизм и безответственность за оснащение полков гражданской обороны были и у родного Министерства обороны, числившего гражданскую оборону где-то на задворках, и в целом у руководства страны. А ведь мы готовились выполнять свои задачи в случае ракетно-ядерной войны!

Уму непостижимо. Но, замечу к месту, и по сей день коренной перестройки в системе гражданской обороны не произошло. Видно, мало жертв Чернобыля и трагического землетрясения в Армении, даже кровавые уроки не в силах опрокинуть глухую стену бюрократизма.

...Прилетели в Терехи. Дела там не особенно клеились. Запаздывали с выяснением радиационной обстановки, с налаживанием жизни и деятельности населения, органов гражданской обороны в новой чрезвычайной ситуации. Я спросил Сотникова: «Согласны ли вы остаться немедленно в Терехах?» Ответ был однозначный: «Так точно, товарищ генерал!»

Из полка гражданской обороны, которым командовал мой ученик, подполковник Е.Дубинин, Сотникову были выделены в помощь офицеры, бронетранспортеры и соответствующая дозиметрическая аппаратура.

Александр Петровичу, как и многим другим офицерам, работающим в подобных зонах, мною, помимо всего, была поставлена задача встретиться с эвакуированным

населением и выяснить возникшие проблемы. Их выяснение не обошлось без курьезов. Представители районных органов КГБ начали «атаку» на офицеров: дескать, кто вас уполномочил заниматься этим вопросом. Но твердость офицеров при выполнении поставленной задачи охладила пыл этих досужих работников, и вскоре они остепенились.

Сотников с группой офицеров блестяще выполнил задание. В результате недель изнурительной и опасной работы была дана точная и безрадостная картина радиационного загрязнения. Но ни партийные, ни советские органы не воспользовались этими данными, не довели их до населения, практических мер не приняли.

После выполнения задания подполковник Сотников был направлен мною на Чернобыльскую АЭС. И тут, в аду Чернобыля, он проявил свои лучшие качества организатора, талант военного инженера и патриота.

Вот один из эпизодов его деятельности. На первый взгляд даже забавный, но это как посмотреть...

После «глушения» аварийного энергоблока было принято решение одновременно с сооружением «саркофага» построить биологическую стенку между четвертым и третьим блоками АЭС. Она должна была стать преградой для высокоактивных ионизирующих излучений, идущих из четвертого блока. Работы по ее строительству подходили к завершению, но уровни радиации в третьем блоке исчислялись десятками рентген в час. Все были в недоумении. Конструкторы и проектировщики доказывали, что расчеты точны и стенка должна поглотить всю высокую радиоактивность излучения и не пропустить его в третий энергоблок. И вот вместе с Сотниковым, который отвечал за дезактивацию первого и второго энергоблоков АЭС, и офицером-дозиметристом мы направились к этой стенке. Прошли первый, второй и третий энергоблоки. Перед нами мощная металлическая так называемая биозащита. Офицер провел замеры — на шкале десятки рентген в час. Значит, биозащита неэффективна. Стоим, размышляем. Я невольно бросил взгляд на обломки и мусор, которые лежали у этой стенки. Говорю офицеру-дозиметристу: «А ну, гвардеец, замерь уровень радиации этого хлама». Стрелка прибора побежала вверх. Всем стало ясно: вот он, источник излучения!

Подобных подвохов было немало. Так, например, внезапно обнаружили, что в канализационных стоках уровень радиации составляет более 500 рентген в час. Оказывается, в канализацию попал расплавленный радиоактивно зараженный гудрон. Как удалить его? Работу поручили капитану, ныне подполковнику С. Дементьеву. Он вместе с солдатами четко выполнил задание.

Позже я встречал Сергея в госпиталях неоднократно. Выполнение этого задания стоило ему здоровья. Но медики своевременно подлечили отважного офицера, и он снова в строю, на службе. А ведь некоторые чернобыльцы не дотянули даже до пятой годовщины со дня катастрофы. Я помню и простых солдат, и офицеров, и генералов, и гражданских специалистов, которых теперь нет среди нас.

Хорошо знал я отважного летчика-испытателя А. Д. Грищенко, который был дважды командирован на ликвидацию последствий чернобыльской аварии. Это его экипаж на вертолете Ми-26 выполнял самые опасные работы на четвертом блоке. Получив чрезмерную дозу облучения, он попал вначале в Центральный научно-исследовательский авиационный госпиталь, а когда лейкоциты упали до 2000 единиц, его направили в больницу № 6 Третьего главного управления Минздрава СССР. Но через две недели выписали с диагнозом «панцитопения неясной этиологии». Этот диагноз, будто бы не связанный с пребыванием в Чернобыле, выставляли — я уверенно заявляю — безнравственные чиновники от медицины.

В январе 1987 года жена Грищенко была вынуждена обратиться с письмом к М. С.

Горбачеву. И только тогда начали разбираться. Последовали длительная переписка, очереди на прием, месяцы унижений. Анатолий Грищенко, пройдя все это, стал инвалидом. Но медики долго не хотели признавать, что он потерял здоровье из-за облучения. Ответственность взял на себя профессор А. И. Воробьев из Института гематологии. Он подтвердил, что болезнь Грищенко является прямым следствием пребывания в Чернобыле и диагноз вне сомнения «лейкоз крови». Спасти Анатолия Демьяновича могла только пересадка костного мозга, но в нашей стране такие операции — редкость. Друзья Грищенко Гурген Карапетян и Марк Вайнберг в авиасалоне в Бурже, под Парижем, где демонстрировали боевой вертолет Ми-28, познакомились с американским летчиком-испытателем Кэпом Парлиером. Он-то и помог Грищенко попасть в США. Но сколько для этого потребовалось очередной переписки, как долго шли поиски доноров, изыскание валюты! Журнал «Новое время» от имени Фонда народной дипломатии обратился с просьбой об оплате лечения. Крупные западные бизнесмены, которым не чужда благотворительность, перечислили валюту в размере около 200 тысяч долларов в медицинский центр Хатчинсон.

И разве не позорный факт, что наше государство, его руководители, посылавшие в чернобыльский ад своих соотечественников, не могли, не захотели найти возможность оплатить валютой лечение пострадавших за рубежом? Это разве не преступно?

Запоздалая операция не дала положительных результатов, и 3 июля 1990 года в американском городе Сиэтле отважный летчик Анатолий Грищенко скончался.

Время неумолимо бежит вперед. 26 апреля — пятая годовщина с тех пор, как прозвучал чернобыльский предупредительный сигнал атомного Апокалипсиса. Это одна из самых трагических дат, когда бы то ни было пережитых человечеством. Как военный специалист я понимаю и хорошо знаю, какая катастрофа грозила всему миру, если бы произошла цепная реакция в четвертом энергоблоке и повлекла за собой взрывы на остальных реакторах АЭС. Мы были на краю гибели цивилизации. Задумайся над этим, читатель.

А как он, аварийный энергоблок, «чувствует» себя спустя пять лет?

Четвертый здесь, в Чернобыле, — всему мерило. Гениальности и глупости, силы и слабости, честности и бесчестия.

«Саркофаг» пусть незначительно, но выдыхает радиацию. Угрюм этот мрачный склеп с железобетонными ребрами наружу... Теперь академик Е. Велихов наконец-то пришел к выводу и твердит о необходимости создания проекта выемки радиоактивного топлива из этого самого «саркофага». Спрашивается, где же академик был, когда мы настаивали, убеждали Б. Е. Щербину, председателя правительственной комиссии, что нельзя сбрасывать ядерное горючее и графит в этот проклятый народом «саркофаг»?

Какие же уроки вытекают ныне из чернобыльской катастрофы? Известно, что, по самым скромным подсчетам, в результате аварии на Чернобыльской АЭС выброшено в атмосферу радиоактивных веществ в 90 с лишним раз больше, чем при взрыве атомной бомбы над Хиросимой. Следовательно, чернобыльский взрыв по своим последствиям равнозначен крупномасштабной ядерной войне, от которой пострадали миллионы людей чуть ли не во всех концах планеты. Повторение подобной катастрофы может оказаться губительным для всего живого на земле.

Атомный катаклизм в Чернобыле — самое трагическое событие нашей новой эры. Он ознаменовал разделение истории на две принципиально разные стадии: до чудовищного взрыва на АЭС и после него, хотя мы еще далеко не все это осознаем.

Я глубоко убежден в том, что сегодня нет никакого «мирного» атома. «Мирный» атом — это тоже смерть. При ядерном взрыве во время ракетно-ядерной войны это

смерть немедленная, при атомной энергетике — постепенная. Что бы ни говорили и ни утверждали ученые-атомщики, работающие АЭС все-таки выделяют в окружающую среду радиоактивные вещества, опасно повышают радиационный фон. А что такое радиоактивные отходы АЭС? Они же будут испускать смертоносное излучение тысячи и даже миллионы лет, и никакие контейнеры и могильники не смогут спасти от него наших далеких потомков.

В США прекращено строительство и проектирование новых АЭС, в Италии, Швеции и Австрии решено вывести из эксплуатации существующие. На этом фоне грандиозная программа дальнейшего строительства АЭС в СССР (а они, как правило, размещаются в густонаселенных районах, на берегах крупнейших рек) представляется если не злым умыслом, то по крайней мере вопиющей некомпетентностью специалистов, безнравственностью людей, утверждающих проекты этих специалистов. И как же был прав президент Советского атомного общества, доктор экономических наук, профессор М.Я. Лемешев, который сказал: «Я утверждал и утверждаю: осознание необходимости отказа от атомной энергетике с ее нынешним техническим уровнем должно рассматриваться как неперемное условие нашего общего выживания. Однако такое осознание — процесс весьма трудный. Он требует преодоления стереотипа мышления. Людям, не обладающим способностью системно анализировать социально-экономическую и экологическую ситуацию, преодолеть этот стереотип непросто. Непросто тем более потому, что на протяжении десятилетий им настойчиво вколачивалась мысль об извечном дефиците энергии в стране, о том, что повышение благосостояния народа зависит прежде всего от увеличения производства электроэнергии и что обеспечить рост ее производства без строительства АЭС, дескать, нет возможности...»

Производство атомной энергии в стране составляет чуть больше одиннадцати процентов, и наша экономика может обойтись без них. Следует только сократить бесхозяйственную, ненужную трату энергии, в том числе и на гигантские энергоемкие производства.

Технические и технологические трудности при строительстве и эксплуатации АЭС, возможно, и преодолимы. Но больше всего меня тревожит как раз тот самый «человеческий фактор», о котором я не устаю повторять и который при всей безопасности и надежности самых современных ядерных реакторов может дать сбой. И никто на этот счет не обеспечит гарантии. Значит, «мирный» атом остается опасным для человека.

Прав был В. И. Вернадский, который писал: «Недалеко то время, когда человек получит в свои руки атомную энергию — такой источник силы, который даст ему возможность строить новую жизнь, как он захочет... Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука? Ученые не должны закрывать глаза на возможные последствия их научных работ, научного прогресса. Они должны чувствовать себя ответственными за последствия их открытий».

Несомненно прав и А. П. Александров в том, что совсем свертывать науку и производство атомной энергии в нашей стране невозможно. Может быть, молодое и талантливое поколение решит проблему абсолютной безопасности АЭС. Но мы сегодня должны передать своим потомкам Землю не лучшим виде, более благоустроенной, красивой и радостной, гарантированно огражденной от катаклизмов, бедствий и катастроф. Что останется нам, землянам, если не одуматься, пока еще не поздно? Нужно сохранить нашу чудную планету и жизнь на Земле!

Разлом

XXBEK

ПОСВЯЩАЮ
ЖЕНЕ, ДОЧЕРИ
И ВНУКУ

Армянское горе —
безбрежное море,
пучина огромная вод;
на этом огромном
и черном просторе
душа моя скорбно плывет...

Ованес Туманян

От автора

Служба есть служба. Иначе говоря, на нее не обижаются, хотя она порой бросает из огня да в полымя. 1986 год — трехмесячная командировка на Чернобыльскую АЭС, участие в ликвидации последствий ядерной катастрофы на четвертом реакторе. Не прошло и двух лет — снова беда, снова бросок навстречу слезам и горю.

Армения... Тридцать секунд понадобилось стихии, чтобы снести с лица земли города и села. Безжалостная сила разлома земной тверди обратила в прах то, что создавалось десятилетиями, и унесла десятки тысяч жизней, опять, как и в Чернобыле, не разбирая ни правых, ни виноватых.

Отныне и навеки в историю Земли нашей это землетрясение войдет под названием Спитакского. Оно обрушилось 7 декабря 1988 года в 10 часов 41 минуту по московскому времени. Стихия ударила по Армении неожиданно — на заводах и фабриках шла рабочая смена, дети сидели в классах, жизнь текла своим размеренным, привычным руслом. И вдруг... Зловещий гул. Земля, такая родная, крепкая и надежная, задрожала, поплыла под ногами. Закачались, а затем рухнули стены, потолки, лестничные пролеты...

В эпицентре буйства стихии оказался Спитак — районный центр Армении, в котором до землетрясения проживало более 20 тысяч жителей. Два мощнейших подземных толчка разрушили город до основания. Практически не осталось ни одного производственного, административного или жилого здания, которое не было бы повреждено. Полностью выведены из строя огромный элеватор, сахарный завод, завод «Лифтмаш», многие другие предприятия. Разрушены школы, больницы, учреждения.

Наши сейсмологи считают, что землетрясение в Армении — самое сильное на Кавказе за всю историю наблюдений. Иностранцы специалисты, участвовавшие в спасательных работах в Спитаке, тоже утверждали, что эта катастрофа — крупнейшая из всех, которые им довелось видеть. А ведь многие из них были в разрушенных Мехико и Скопле, Лиме и Манагуа. Кажется, мнения тех и других совпадают. Однако не стоит заблуждаться. Если бы в брежневско-кочаряновское время строители не потеряли совесть, эта трагедия в число крупнейших вряд ли попала бы.

По заданию начальника Гражданской обороны СССР генерала армии В. Л. Говорова специальная комиссия определяла объемы разрушений в Спитаке. Помню, прибыли на полуразрушенный завод лимонной кислоты. Все цехи, котельная, компрессорная, складские помещения... одни развалины. На этих развалинах нас и встретил чудом оставшийся в живых директор завода Рафик Торгомович Айвазян. В трагические минуты 7 декабря он находился в кабинете. И вдруг завод затрясло. По селектору успел дать

команду рабочим и инженерам покинуть рабочие места и выскочить на улицу. Носам оказался под завалом. Через четыре часа его извлекли невредимого, и он тут же включился в спасательные работы. Многих спасли, но 39 человек погибли.

— А вот новый цех завода,— показывает Айвазян.— Почти устоял. Стены потрескались, но оборудование цело. Оказывается, можем строить...

И тут Рафик замолк — его душили слезы. Когда случилась беда, его жена, учительница, и сын Ваграм, ученик 2-го класса, были в школе. Жена осталась жива, а сын погиб. Дома оставались еще два сына — учившийся во вторую смену третьеклассник Вартан и четырехлетний Васген. Едва начало трести, старший сын бросился к младшему, но не успел. Часть дома рухнула вместе с малышом, а Вартан остался в повисшем блоке... Директор проклинал строителей и школы, и дома.

Руины, руины и руины... И над всем этим — уцелевший памятник спитакцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Он стоит в центре развалин, на горе, и получается, что теперь обелиск — ив память о жертвах землетрясения. Так нет же! Умным головам пришла мысль законсервировать сами руины и создать здесь... музей под открытым небом! Солдат и техники не хватает для разбора завалов, а тут уже предлагается их консервация! На заседании комиссии Политбюро ЦК КПСС, которую возглавлял Иван Степанович Силаев, заслушивался мой доклад о состоянии работ по разбору завалов в Ленинакане и Спитаке. Доложил, жду вопросов. И вдруг: «Как вы отнесетесь к тому, чтобы один из полков гражданской обороны перебросить на работы по созданию музея жертвам землетрясения в Спитаке?» Смотрю на В. П. Курамина и не понимаю, о чем он спрашивает. Наконец эта бредовая идея все-таки доходит до меня. Ну что ему скажешь?!

Я сказал то, что думал. Получился великий шум. Иван Степанович Силаев попытался нас примирить, но из этого ничего не вышло. Как и из прожектов Курамина³. Штаб во главе с ним был вскоре расформирован. Более того, не мне одному стало ясно, что он занимался не тем, чем надо.

Превратившиеся в пыль бетонные блоки жилых домов, школ, больниц, производственных зданий и желание пустить пыль в глаза на работах по ликвидации последствий землетрясения — это факты одного логического и психологического ряда. Раньше в таких случаях говаривали: «Кому война, а кому и мать родна...» Почему бы и нам не воспользоваться этим точным выражением отношения простых людей к подлости ловких на руку и на слово функционеров?

Линия разлома скальных пород, пробежавшая по окраине Спитака, стала, вольно или невольно, и линией разлома нашей нравственности. Эта мысль не давала покоя там, в Армении, не оставляет она и сейчас.

На чистый лист бумаги кладу все как есть, все как было — что видел сам, что рассказали люди. А это значит, что будет в книге и чудо человеческой души, и низость человеческого падения. Не мне вырабатывать рекомендации будущим поколениям — для такого досужего дела народа всегда хватает. Моя задача гораздо проще — всего лишь зафиксировать для истории какую-то небольшую страничку армянской трагедии зимой 1988/89 года. Зафиксировать ее по разлому, который прошел и по моей русской душе.

³ Однако прожекты дали ростки. В первую годовщину трагедии в развалинах Ленинакана и Спитака прошли митинги по случаю открытия памятников жертвам землетрясения. Выполнена лишь треть строительных работ, а уж украшаем свою память каменными вехами. Потом к этим вехам будем приспособливать саму архитектуру восстанавливаемых площадей. Неужели стань абсурдное поведение возможно и в других странах? Или это лишь наша привилегия?

Глава 1

И вздрогнула земля и в прах повергла все живое...

Мы плохо знаем свою планету. Но еще хуже то, что не хотим помнить об ее не таких уж редких катаклизмах. О таком, например, как извержение вулкана Тамбро, которое произошло в 1815 году в Индонезии. Извержение это повергло в ужас всех оставшихся в живых людей — они увидели выброс в атмосферу такого количества⁴ пыли, что она затмила на длительное время Солнце. Выделившаяся энергия была, вероятно, сравнима с энергией крупномасштабной ядерной войны⁵.

Но наиболее разрушительными стихийными бедствиями считаются землетрясения. Когда-то люди предполагали, что наша Земля покоится на спинах трех китов, плавающих по океану. Утомляясь под огромной тяжестью непосильной ноши, киты время от времени меняются местами и в этот период раскачивают земную твердь... Сказки, конечно, но сказки, которые игнорировать нельзя. А мы игнорируем.

16 сентября 1978 года в Восточном Иране землетрясением был разрушен город Тебес. Число погибших достигло 25 тысяч человек. Казалось бы, рядом. Казалось бы... Но эта трагедия не подействовала ни на проектировщиков, ни на строителей, ни на руководителей Армении. Жилые и общественные здания, заводы, фабрики, больницы, школы и даже детские садики продолжали строиться вопреки правилам и нормам антисейсмического строительства.

Ленинканский пединститут. Прошла первая пара часов занятий. Объявили, что философия отменяется. Лейла Аветисян пошла в деканат за расписанием экзаменов, взяла его и направилась в свою группу...

И вот тут раздался оглушительный звук, похожий на взрыв, все вмиг задрожало и зазвенело. Гул еще не затих, как начало раскачивать здание института. Лейлу бросало по коридору от одной стены к другой. Потом она услышала крики ребят: «Это землетрясение! Становитесь под двери!» Но все ринулись к лестнице, на выход. Вдруг провалился пол, и люди с отчаянными криками полетели в пропасть...

Лейлу завалило мелким щебнем и мусором. Видно, образовалась своеобразная подушка, которая и спасла девушку, когда упала огромная плита. Она придавила Лейлу. Ее охватил страх. Стало трудно дышать. Голова была засыпана, и кричать она не могла — во рту был мусор. Напрягшись изо всех сил, она освободила рот и стала кричать, звать на помощь. Звала родную сестру, которая училась на первом курсе...

Второй толчок — и все повторилось. Только теперь Лейла обнаружила рядом с собой окровавленное тело девушки. Она была еще жива и тихо-тихо стонала. Лейла вновь стала звать на помощь, чтобы спасти эту студентку. Но никто ее не слышал. Через несколько минут студентка затихла.

Лейлу откопали студенты. Идти она не могла: обнаружился перелом тазобедренной кости и трех ребер. На руках ее вынесли из завала и уложили в машину «скорой помощи».

Во дворе больницы рядом с ней лежал мужчина. Он перекатывался от диких болей в бок, а то, что еще недавно было его ногой, лежало на земле неподвижно. Он просил помощи, но никто не подходил к нему: не хватало ни врачей, ни медсестер...

⁴ Около 100 кубических километров

⁵ По американским данным, наземный взрыв ядерного боеприпаса в одну мегатонну выбрасывает на высоту до 10 километров 300—400 тысяч тонн пыли, на что затрачивается лишь 3 процента энергии взрыва. Значит, взрывы общей мощностью 10 тысяч мегатонн могут поднять 3—4 миллиарда тонн пыли.

Лейла содрогалась от рыданий. Ей дали валерьянки, и, чтобы отвлечь девушку от страшных воспоминаний, я перевел разговор на вузовскую программу по гражданской обороне. Во многих гуманитарных вузах страны организована подготовка медицинских сестер в интересах гражданской обороны по 360-часовой программе. Досужие умы Комитета народного образования добились теперь эти часы сократить до 170. К сожалению, обучение часто ведется формально. И это заключение — уже не от Лейлы.

Помню, я возглавлял комиссию, работавшую в Якутской АССР. В составе комиссии был и военный медик, который ознакомился с медицинской подготовкой студентов университета. Так вот, у него не находилось слов, чтобы оценить состояние этой подготовки. Студентам давали одни теоретические занятия в совершенно необорудованных классах. В то же время на шесть классов лежало уже несколько лет специальное медицинское оборудование. Никакой клинической практики в больницах для студентов организовано не было. Приказ министра здравоохранения по подготовке медсестер не выполнялся, и никому не было до этого дела...

Или, уже после чернойбыльской эпопеи, полетели мы в Калмыцкую автономную республику. Комиссию возглавлял начальник штаба — заместитель начальника Гражданской обороны РСФСР генерал-лейтенант Борис Сергеевич Перфилов, который только что сменил в этой должности генерал-полковника Д. А. Крутских. И вот мы с ним в Калмыцком госуниверситете. Тут же Предсовмина республики, секретарь обкома, начальник штаба Гражданской обороны республики, ректор университета, секретарь парткома. Занятия по медицинской подготовке в одной из групп проводила кандидат медицинских наук, доцент. Она не отрывала глаз от конспекта, хотя тема была самая простая. Плакаты, которыми она пользовалась, оказались столь древними и обшарпанными, что нам, военным, стало стыдно. А местному начальству хоть бы что! Не покраснело даже за грязную, с подтеками и паутиной на стенах аудиторию. Стали интересоваться, как насчет практики в больницах. Оказалось, что тоже не лучшим образом организована. Зато заведующим кафедрой медицинской подготовки по гражданской обороне был доктор медицинских наук, профессор. Мы попросили руководство Совета Министров республики и обкома партии освободить его от этого заведования и принять соответствующие меры по улучшению подготовки медсестер.

Большое дело организовано в стране. И не только в интересах гражданской обороны, но прежде всего в интересах повседневной жизни людей, оказания им медицинской помощи, где бы она ни потребовалась. Однако обнаруживаются такие ретивые ректоры, а вслед за ними еще более ретивые журналисты, которые ставят вопрос о том, чтобы прекратить подготовку медицинских сестер в вузах. Ни Чернобыль, ни Арзамас, ни Башкирия, ни Армения пока ничему существенному не научили. Где-то эта перестройка буксует — аж дым идет. В словесах, как в тумане, зависли все практические дела.

...А Лейла решила высказаться до конца:

— Многое из того, что мы ценили и чем дорожили больше всего, не стоит ломаного гроша. Мы пренебрегали истинными ценностями. Люди гоняются за деньгами, золотом, одеждой и в этих гонках теряют совесть, доброту, любовь свою...

Такое вот свидетельство.

Радиста, младшего сержанта Александра Ксенофонтова, подземный ураган застиг на боевом дежурстве. Служебное здание, в котором он находился, закачалось и затрещало. Посыпались стекла. Все телефоны умолкли враз. Оставалась радиостанция. На него, Александра Ксенофонтова, легла ответственность за связь с внешним миром.

Александру принесли радиограмму, которую надо было немедленно передать в

штаб округа: «В 10 часов 41 минуту (время московское) в Ленинкане произошло сильное землетрясение. Половина города разрушена. Пострадали жилые дома, школы, больницы, объекты народного хозяйства. Срочно требуется помощь медикаментами, людьми, инженерной техникой. Жертвы уточняются». Ксенофонов решил дать радиограмму открытым текстом — чтобы не теряли время на расшифровку сигнала бедствия. Каждую минуту может потряхнуть и посильнее. Смерть забрала свою первую жертву и у связистов: погиб на боевом посту рядовой Игорь Попов.

Корреспондент на противоположном конце потребовал закодировать текст. Александр нервничал, он считал, что это очень глупо — от кого-то прятать людское горе. Пусть все знают и, кто может, пусть летят на помощь. Корреспондент, кажется, понял и выдал квитанцию.

Командир подразделения офицер В. П. Саврук срочно собирал команды связистов и отправлял их на восстановление линий телефонной связи, развертывание радиостанций. А его дом был разрушен. И в квартире была дочь Оксана. Оставив за себя офицера, он побежал к машине. Рядовые Р. Гоцобидзе, Д. Гришан и еще несколько солдат бросились вместе с ним. Вот и груда развалин. Дочери нигде не было видно. Ослабили предательски ноги. В хаосе обломков бетона, раздавленной мебели, рваных ковров, что еще совсем недавно составляло уют и украшало человеческую жизнь, Владимир Павлович определил место своей квартиры. Вместе со своими помощниками он начал раскопки. Одними руками. Сорок часов без отдыха и сна связисты разбирали завалы. Из руин доставали не только мертвых, но и живых. Каждый спасенный человек прибавлял веры и надежды.

К исходу вторых суток откопали соседей по лестничной клетке. Это был Саркисян с ребенком. Они уже не подавали никаких признаков жизни. Погибших положили рядом на одни носилки, накрыли брезентом.

С Саркисяном Саврук дружил семьями, встречали вместе праздники, и смерть близких людей вырвала из груди крик отчаяния:

— Оксана!

И вдруг как с того света:

— Папа, я здесь!

Отец не поверил, крикнул еще раз. И вновь из-под завалов послышался голос:

— Папочка, я здесь!

Он понял, сердцем почувствовал — это голос его Оксаны. Она жива! К расщелине сбежались солдаты и начали что есть сил растаскивать завалы. Расщелина была довольно широкая, но пролезть Саврук не смог, а расширять побоялся: вдруг рухнет. Тогда изловчился рядовой Гоцобидзе — протиснулся в эту щель и вызволил всю израненную девочку. Это была радость не только семьи Саврука, но и его подразделения.

Потом связистов облетела еще одна радостная весть: прапорщик Николай Сербии откопал своего пятнадцатилетнего сына. Двое суток не знал Николай Григорьевич, где его сын и что с ним. Сербии отвечал за проводную связь, которую восстанавливали. И только когда линия связи заработала, прапорщик Сербии бросился к дому разбирать завалы.

О связистах обычно вспоминают редко. Не случайно родилась у них поговорка: «Связь что вода: когда она есть — ее не замечают, но когда отсутствует — это сразу всеми ощущается». Мне никогда не забыть замечательных, трудолюбивых связистов полковников А. Дудченко и В. Андриевича. Это организаторы работ по восстановлению связи не только сразу после трагедии, но и на всем протяжении ликвидации последствий землетрясения. Они вместе с солдатами проявляли высокий профессионализм, умение выполнить боевую задачу в самой сложной обстановке, готовность всегда прийти на помощь попавшим в беду. Работали до изнеможения.

Не могу забыть один забавный эпизод. Как-то оборвалась связь с моим вагончиком. Я отдал ключ от него начальнику отдела связи полковнику А. В. Дудченко и попросил к моему возвращению связь наладить. Вернулся я далеко за полночь. В вагончике ни тепла, ни света. Поднял трубку телефона — гудок есть. Слышу, кто-то на моей кровати храпит. Зажег спичку, а это Дудченко. В сапогах, в шинели, закутался в одеяло. Толкнул легонько его, и подхватывается мой полковник с постели и, извиняясь, вместе с одеялом спешит к выходу из вагончика. Я его остановил, поблагодарил за связь и попросил оставить мои вещи. Саша очень смутился, и мы расхохотались.

Мужество и отвагу проявили связисты в Спитаке. 7 декабря 1988 года младший сержант Д. Копелев дежурил у радиостанции. Он был за старшего. Его непосредственный начальник капитан А. Хвалев убыл в город. Когда началось землетрясение, Дима не растерялся: приказал всем выйти на улицу, а сам передал в эфир: «В нашем районе землетрясение... Потолки рушатся...» Только успел выскочить на улицу сам — и дом рухнул.

Связисты, не теряя времени, бросились к соседним зданиям, туда, где из клубов густой пыли доносились душераздирающие крики о помощи.

К вечеру 7 декабря в Спитак прибыли связисты во главе с командиром роты старшим лейтенантом Г. Рязановым. Неимоверных усилий стоило им прорваться в город через все автомобильные заторы. Радиостанция офицера Рязанова была единственным средством связи в распоряжении коменданта особого района Спитака генерал-лейтенанта Д. Туранского.

Землетрясение создало для связистов условия, близкие к боевым, когда рушатся привычные нити управления, срочно вводятся дополнительные силы и средства, на ходу приходится перестраиваться с учетом сложившейся обстановки. В Спитаке городской узел связи рухнул со всем оборудованием. Связистам нужно было обеспечить связью управление всем процессом спасательных работ, управление особым районом. В кратчайший срок все силы и средства связи были собраны и направлены в район бедствия. Было принято решение о переводе средств связи на открытый режим работы.

Но главным для воинов Советской Армии, в каком бы составе и количестве они ни оказывались, все же было спасение людей, оказавшихся под руинами заживо погребенными. В Ленинакане, Спитаке, Кировакане и других городах и населенных пунктах воины в первые же часы включились в эту нелегкую работу. Вот, к примеру, как встретили внезапный удар стихии и вступили в сражение за жизнь людей воины-пограничники. Полюбившийся мне за многие месяцы личного общения командир пограничного отряда подполковник Владимир Петрович Федоров рассказал следующее:

«В пограничном отряде проходило партийное собрание. Вдруг задрожали деревянные конструкции. Кто-то крикнул: «Землетрясение!» Выбежав из клуба, я приказал всем покинуть здания казарм. И в это время произошло что-то невероятное: строевой плац, на который выбежали солдаты, пошел волнами, как море в пятибалльный шторм, деревья клонились до земли. Это длилось несколько секунд, но показалось вечностью. И все вдруг прекратилось. Рядом со мной стояли заместители: подполковники Марков, Манько, Гаврилко. Говорю им: «Давайте спасать боевое знамя части, спасать наши семьи. Нужно отключить все источники электроэнергии, газ и теплосеть». И в это время вновь содрогнулась земля, но характер и сила толчков были другими. Люди не могли устоять, падали. Схватившись друг за друга, солдаты пытались удержаться на ногах, но тщетно. На наших глазах началось то, что мы называем сейчас катастрофой.

Рухнул дом, в котором проживали наши семьи, зашатался детский садик. По моей команде солдаты, прапорщики, офицеры, среди которых были Коваленко, Кравченко,

Ильин, Горохов, бросились спасать детей. Вызволяя людей из беды, под развалинами дома погиб военнослужащий части рядовой Вареница.

Я дал команду подполковнику Тимченко, майорам Горохову, Ильину, Кияшко, прапорщику Кисляку немедленно отбыть во вторую школу для спасения детей. Еще не представляя всей трагедии, забежал в здание штаба, бросился к телефонам. Ни один не работал. По ВЧ я попросил Тбилиси, мне сказали, что нет связи, тогда я набрал Ереван и доложил заместителю начальника войск Закавказского пограничного округа генерал-майору Л. А. Высоцкому о создавшемся положении, и в это время оборвалась связь.

Начальник штаба подполковник А. И. Марков в это время выводил подвижный узел связи, организовывал радиосвязь с пограничными заставами, восстанавливал боеспособность».

В 12 часов 25 минут Владимир Петрович на дежурном вертолете Ми-28 под управлением майора Пшенова прямо со строевого плаца поднялся в воздух. Город был весь в пыльном облаке, повсюду очаги пожаров, беспорядочно двигались люди, машины. И только теперь Федоров осознал всю трагедию случившегося. Облетев все заставы, изучив обстановку после приземления, он доложил члену Военного совета генералу М. Я. Шкуруку о сложившейся обстановке.

Весь личный состав, находившийся в резерве, был направлен в город для спасения людей. На территории отряда уже работала полевая медицинская часть, которую развернули офицеры Негурко, Кравченко, служащие Коваленко, Галкина, Маркова, Иванцова. Несколько сотен человек получили медицинскую помощь. Около 3000 человек получили приют, разместившись на территории части. К 16 часам в городе уже с полной силой развернулись спасательные работы. Повсюду работали солдаты, прапорщики, офицеры. Маломощные механизмы, имевшиеся в пограничном отряде, — бульдозер, два автокрана — не смогли решить проблему спасения людей, но тем не менее личным составом из-под руин было извлечено 289 человек.

8 декабря личный состав пограничного отряда работал на 10 объектах: на четырех школах, на жилых домах, политехническом институте, детском садике. Для обеспечения спасательных работ в ночное время от пограничного отряда выделили 10 прожекторных станций.

Солдаты вели себя мужественно. Так, рядовой Боклак, работавший на развалинах 2-й школы, обвязав себя ремнями, при поддержке других солдат спустился через лестничный проем под завалы и оттуда, с 5—7 метров, поднимал пострадавших детей. Сколько он их спас, никто не считал.

Рядовой Меньшиков, рискуя жизнью, из-под обвалившихся перекрытий штаба вынес боевое знамя части. Примеров массового мужества можно привести очень много. Люди видели реальную помощь только в военных, и пограничники сделали все возможное, чтобы в Ленинкане жертв было меньше. С прибытием в город специальных подразделений гражданской обороны с тяжелой техникой пограничный отряд продолжал выполнять свою основную задачу — охранять государственную границу.

В первые часы после случившейся трагедии большинство оставшихся в живых людей находились в шоке. Каких-либо организованных действий в эти часы ни партийные, ни советские органы не предпринимали. Их руководители были парализованы тем, что многие потеряли своих родственников или близких, а некоторые погибли сами или находились под завалами. Так, у первого секретаря Ленинканского горкома Мисака Леоновича Мкртчяна под завалами дома оказались жена, мать и сын. Жену удалось спасти, а сын и мать погибли. Рухнула часть этого дома, что стоял возле горкома партии. Оставшаяся часть его еще долго стояла. Мисак Леонович — один из скромнейших

партийных работников, пользующийся большим авторитетом у людей. Он долгое время работал первым секретарем в Ахурянском райкоме партии. И совсем незадолго до этой трагедии был избран первым секретарем в Ленинакане.

Как-то на очередном заседании оперативного штаба по ликвидации последствий землетрясения, которое проводил Владимир Иванович Решетиллов, Мисак Левонович подошел ко мне, взял под локоть и тихо сказал:

— Николай Дмитриевич, нельзя ли оставшуюся часть жилого дома, что рядом с горкомом, убрать в числе первоочередных?

Я ответил:

— Почему нельзя, если вы просите.

Он так же тихо сказал:

— Спасибо, а то ведь ни днем, ни ночью этот дом мне не дает покоя: там погибли моя мать и сын.

За трое суток Тбилисский полк во главе с командиром полковником А. Е. Грабарем разделался с этим домом. Мисак Левонович нашел меня, поблагодарил, и я впервые уловил на его лице едва заметную улыбку в знак признательности.

Трагедия не обошла стороной и первого секретаря Московского райкома партии Таджата Гегамовича Саркисяна. Его сын после первого курса Московского университета имени Ломоносова был призван в ряды Советской Армии и проходил службу в Ахалкалаки. Это рядом, в Грузии. За день до землетрясения его отпустили домой в отпуск. Утром, когда отец собирался на работу, сын попросился поехать вместе с ним в райком, но отец отговорил его: мол, давай отсыпайся и отдохай. Чуть позже мать собралась на базар. Сын предложил свою помощь матери. Она отказалась: отдохай, сынок! И вот 10 часов 41 минута. Дом, в котором остался сын, рухнул. Парень погиб под завалами.

Мы не раз были с Таджатом Гегамовичем на кладбище и подолгу молча стояли у могилы его сына. Меня неизменно мучила одна и та же мысль: сын буквально вырывался из приближавшихся трагических обстоятельств, родители ничего не чувствовали. Почему?

Теперь о военных медиках.

В первые же часы после землетрясения сотрудники госпиталя начали самоотверженную борьбу. Они спасали пострадавших, боролись за жизнь каждого, кого извлекали из-под руин, оказывая первую медицинскую помощь, хотя многие из них сами пострадали от стихийного бедствия, сами потеряли родных и близких.

Многое о действиях госпитальных врачей и медсестер я узнал, когда лежал больной в Ленинакане. Меня выхаживал подполковник Виктор Иванович Скорлуханов, с которым мы очень быстро сошлись. Этому способствовало, в частности, и то обстоятельство, что Виктор Иванович окончил Воронежский мединститут вместе с моей женой Зоей.

Здание военного госпиталя было полуразрушено. Полностью завалило хирургическое, терапевтическое отделения, реанимацию. Погибли люди — и медперсонал, и больные.

Первый пострадавший, кому оказали помощь, — заведующая приемным отделением С. Питомцева, которой покалечило ноги. Многие из персонала госпиталя нуждались в помощи. Но буквально через несколько минут после трагедии уже распахнулись ворота, и двор моментально стал заполняться ранеными людьми, поступавшими из соседних домов, школ, учреждений. Будто после только что окончившегося воздушного налета сидели и лежали окровавленные, контуженые люди.

Начальника госпиталя подполковника медицинской службы А. Нигматулина я узнал позже. Исключительно скромный, но очень настойчивый офицер, он не давал нам с генерал-лейтенантом Алексеем Платоновичем Горбачевым покоя до тех пор, пока мы не

выделили воинов и технику для разбора завалов в госпитале. Так вот, в те первые часы медики работали под открытым небом. Уцелевшие аппаратура и оборудование с большим риском были вынесены из полуразрушенных отделений и тут же включены в работу.

Главное — оказание помощи покалеченным. Все остальное — второстепенно. Та же Питомцева, забыв о своих ранах, вместе с медсестрами Л. Шатуревой и З. Акопян делали все возможное, чтобы хоть как-то облегчить участь искалеченных людей, остро нуждающихся в медицинской помощи и милосердии.

Начальник хирургического отделения подполковник медицинской службы Джамшуд Юсиров в момент землетрясения делал операцию ребенку. Он не остановил ее и вынес малыша на улицу из полуразрушенного здания только тогда, когда наложил на рану последний шов. Теперь он уже во власти огромной массы людей, ожидавших его помощи. Через какое-то время работы на улице почувствовал, что дубеют ноги. Посмотрел — работает босиком, тапочки где-то потерял.

Прошло более шести часов, операции не прекращались. Искалеченные люди все поступали и поступали. А травмы все тяжелее и тяжелее. Наступали сумерки. Лекарства кончились. Как нужен был стационар! Но почти все больницы в городе разрушены. Даже только что введенный в эксплуатацию в Лениакане новый огромный больничный комплекс наполовину рухнул. Вместе с больными. Боже, как было бы справедливо, если бы на их месте оказались те мерзавцы, которые строили здания почти из одного песка! Но в эти первые ужасные часы никто из оставшихся в живых не думал о подонках. Проклятия наступят позже, значительно позже, когда народ умом и сердцем поймет, что произошло с ним, когда люди в припадке гнева и горя будут биться на могилах тех, кого они потеряли.

Оказание медицинской помощи военные врачи вели в каждом сколько-нибудь приспособленном уголке госпитального двора. Капитан медицинской службы В. Марченко работал без какого-либо, даже минутного, перерыва. Старший лейтенант Н. Когур не успевал выдавать инструмент. Удалось развернуть стерилизационно-дистилляционную установку. Медсестры Г. Шеремкова, В. Мазур, Т. Алоян трудились, забыв время. На операционных столах были только тяжелораненые. Врачи Д. Юсиров, Чахоян, медсестры Л. Беззубенко, Н. Михайличенко не отходили от столов. Наркоз давали врач-анестезиолог А. Барышев и медсестры Л. Кузнецова, В. Степанян, К. Чолахян. Многие из них даже не знали, что с их семьями.

Мой земляк Виктор Иванович Скорлуханов возглавлял бригаду предоперационной хирургической обработки, а сортировкой покалеченных занимались офицеры В. Москаленко и В. Малютин. Вся обстановка напоминала военную. Впрочем, справедливости ради таких массовых потерь и тяжело изуродованных людей, пожалуй, и в войну было гораздо меньше...

На улице скоро стемнело. Электричества все еще не было, и в ход пошли фонари «летучая мышь». Как выразился Д. Юсиров, кровавый конвейер так ни на минуту и не остановился...

Кто-то из сослуживцев все-таки подошел к Юсирову: «Джамшуд, твоего дома нет». — «А... жена, дочери? Что с ними?» Но этот стон так и не вырвался из груди хирурга — он продолжал работать.

Анестезиолога А. Барышева горе настигло тоже около операционного стола: сообщили, что его дочь Олечка висит вниз головой, прижатая балкой. Спустя час Барышев вернулся с дочкой на руках и положил ее на пол, в общую очередь. Но до операции она не дотянула — умерла от почечной недостаточности...

О страшной беде в северных районах Армении уже знали в стране. На помощь летели, ехали военные и гражданские медики. К вечеру в аэропорт Лениакана прибыла

группа военных врачей из Тбилиси во главе с начальником лечебного отделения окружного госпиталя полковником медицинской службы В. Ханом. Тут же были развернуты еще три хирургические бригады. Их возглавили полковник медицинской службы И. Латин, главный анестезиолог округа А. Нелюбин и капитан медицинской службы П. Журид. Сортировку раненых организовали подполковник медицинской службы В. Поляков, майор И. Мусиян.

Только в первые сутки военные врачи оказали квалифицированную помощь 1200 человекам, 600 человек было ими эвакуировано. На вторые сутки поступило 500, эвакуировано 84. На третьи — соответственно 182 и 51. А всего обратилось к военным врачам 6 тысяч пострадавших.

Еще несколько слов о военном враче, прекрасном хирурге Д. Юсибове. Я много слышал о нем от тех армян, которые были ему благодарны за спасение жизни. Но тут же парадокс, который невозможно объяснить. Этот человек родился в селе Магариджук Амасийского района Армении, из которого все жители-азербайджанцы стали беженцами. У родителей Юсибова было восемь детей. Отец работал водителем в колхозе и ребят сызмальства приучал к труду. Джемшуд по окончании средней школы поступил учиться в Бакинский мединститут. Потом у него появилась мечта стать военным хирургом. Для ее осуществления перевелся на военно-медицинский факультет Саратовского мединститута. Потом окончил ординатуру Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова. Долгое время служил на Дальнем Востоке, Крайнем Севере в одной из групп войск. И вот родной с детства Леникан, его, по существу, родина. А встретили Джемшуда угрозами.

Однажды ехал к нему погостить брат. Ехал в автобусе, который перехватили экстремисты. Избили брата так, что пришлось госпитализировать. Казалось бы, такое не прощается. Но горькая обида отступила перед общим несчастьем. Юсиров спасал людей, не спрашивая об их национальности...

А его спрашивают. Не раз хирурга останавливала группа элегантно одетых людей. Угрожая расправой, нагло требовали убраться из Армении. Неймется националистам!

Однако вернемся к медицине и медикам. Наверное, сегодня никому не надо особенно растолковывать, насколько своевременной должна быть медицинская помощь, когда в ней нуждаются люди. Между тем случаи, когда «скорая помощь» на вызов прибывает вовремя, становятся исключением. А что же говорить о катастрофах и авариях? Чернобыль показал неподготовленность медицины к защите людей в условиях высоких уровней радиации. Эта неподготовленность, усугубляемая отсутствием совести у некоторых чиновников от медицины, сказывается и теперь, когда толком так и не решен вопрос о проживании населения в районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению. Одни дебаты...

А ведь если разбираться по справедливости, то с Минздрава СССР, с министра надо бы спросить за готовность медицинской службы Гражданской обороны СССР к действиям в условиях войны или вот в таких чрезвычайных обстоятельствах. Но ведь пока никто не спрашивает. Наоборот Е. И. Чазова только хвалят на все лады в самых высоких инстанциях. За что?⁶

16 февраля 1989 года газета «Известия» (№ 47) напомнила министру Е. И. Чазову, что два года назад обсуждался проект создания самолета-операционной «Орбис» для глазных операций. Ставился вопрос одновременно и о создании таких же самолетов на случай больших катастроф. Уже ушли в историю трагедия в Арзамасе и Бологом, столкно-

⁶ В марте 1990 года Е. И. Чазов подал в отставку

вание поездов в Каменск-Шахтинском, катастрофа на железной дороге в Башкирии. Жизнь настойчиво напоминает: все может подождать, только не помощь пострадавшим в экстремальных ситуациях. И как же прав наш бывший военный хирург профессор Юлий Георгиевич Шапошников, ныне директор ЦИТО, заявивший в печати: «В стране нет четкой системы организации помощи в экстремальных ситуациях. Отсутствует единая доктрина такой помощи, которая автоматически вступала бы в действие при первом сигнале тревоги».

Юлий Георгиевич долгое время работал в Афганистане. Перейдя на гражданку, он не перестает удивляться: почему четкая организация помощи, принятая в армии, не может быть распространена и на медицину экстремальных ситуаций? Почему роль гражданской обороны почти незаметна? Может быть, потому, что находящиеся под высоким покровительством министры считают себя вне критики?

А ведь в армии есть чему поучиться, в том числе в военной медицине. Создан и действует операционный самолет на базе Ан-26. В нем все необходимое: хирургический стол, реанимационная палата на четыре кровати. Есть и самолет «Скальпель»: он более вместительный и тоже хорошо оборудован. Есть и вертолеты.

Оснащение самолета Ан-26 стоит 2 миллиона рублей. В разрушенном Спитаке норвежцы развернули полевой госпиталь — дар норвежского Красного Креста. Вместе со всей начинкой госпиталь, поставленный через месяц после землетрясения, стоит даже несколько дороже самолета. Так как всем пострадавшим уже оказали помощь, в госпитале теперь развернута больница — Спитак оставался без единого лечебного учреждения.

Или вот в Гугарке, небольшом городке, тоже пострадавшем от стихии, хирурги районной больницы говорили: в первые дни, когда поток покалеченных был огромен, не хватало даже перевязочных средств. Машина с обезболивающими препаратами пришла только на следующий день из Еревана. А когда нечем стало перевязывать, врачам предложили пойти по домам и собирать у жителей постельное белье. Примерно то же, что предложить ведущим прицельный огонь артиллеристам: «Походите по окрестностям, может, найдете старые боеприпасы».

Хорошо, что не посоветовали усадить людей щипать корпию (по Далю, корпия — мягкая ветошь, пощиплешь — получишь нечто вроде ваты), как это делалось сто лет назад...

Почему многое из того, что нужно было для самой неотложной помощи, прибыло только на следующий день? Для многих пострадавших «на следующий день» все равно что никогда. Большая потеря крови, обширные повреждения, болевой шок... В этих случаях «следующего дня» может просто не быть.

Всем известно, что к исходу 7 декабря 1988 года несколько бригад врачей прибыли специальным рейсом в Ереван. На борту этого самолета министр здравоохранения Евгений Иванович Чазов провел совещание. А уже в два часа ночи прямо под открытым небом и в случайно уцелевших помещениях московские хирурги начали первые операции. Там, где это было возможно, военные освещали «операционное поле». Работали бригады и при керосиновых лампах, и при свете электрических фонарей.

Но счет времени неумолим, когда идет борьба за жизнь.

От момента землетрясения в 10 часов 41 минуту и до двух часов ночи следующих суток... Для покалеченных это целая вечность!

А если бы были те самые самолеты, о которых размечтался профессор Шапошников... Сколько жизней можно было спасти! Той же девочке Оле Барышевой, не дождавшейся своей очереди на операционный стол родного отца... Я только напомним: в Спитаке погибло 60 процентов медиков, в Ленинкане — 70. Нетрудно понять и

моральное состояние тех, кто уцелел. Поток раненых был огромен. Многих родные везли с необработанными ранами, без наложения шин прямо в Ереван, нередко за 100—150 километров.

Почти все медики, побывавшие в Армении, настаивают: нужны бригады экстренной помощи со своим автономным транспортом. Такой десант медиков сможет в любой момент, собравшись за короткое время, лететь своим самолетом. Кроме того, неплохо иметь свои оборудованные «Икарусы».

Как же опять-таки прав профессор Шапошников, который убежден, что погибших было бы гораздо меньше и в Бологом, и в Арзамасе, и в спитакской катастрофе, если бы существовали бригады экстремальной готовности, подобно отдельным медицинским отрядам в армии. Бригады должны быть снабжены необходимым инвентарем, спецодеждой с нагрудным знаком учреждения (в суматохе землетрясения бывало и так, что врачам не давали подойти к больному). У бригад должны быть свой транспорт, радиосвязь, право внеочередного проезда на всех видах государственного транспорта, свой запас питьевой и дистиллированной воды, средства для очистки воды.

Неужели нас не может научить никакое горе?!

Глава 2

Возвратившиеся к жизни

За долгие месяцы своей командировки на ликвидацию последствий землетрясения в Армении я познакомился со многими армянами, многих полюбил за ум, трудолюбие, честность. Среди них были самые разные люди: партийные и советские работники, рабочие, врачи, труженики села, работники МВД и КГБ, строители. И я обязан рассказать о них на страницах этой книги. Точнее — о том, о чем я узнал через их судьбы.

Один из таких близких мне людей однажды уговорил меня встретиться с женщиной, которую он любит. (Я не могу назвать ни его имя, ни тем более фамилию: у него семья, дети, положение.) И вот мы приехали в район аэропорта, где беспорядочно стояли вагончики, в которых жили пострадавшие. Едем в самый тупик. Совсем на отшибе стоит этот самый вагончик, где и живет теперь бывшая медсестра роддома, в котором практически погибли все — и только что родившиеся дети, и их матери, и врачи, и медперсонал.

Подходим с моим знакомым к вагончику, у которого стоит инвалидная коляска. В ней еще совсем молодая, симпатичная, немного веснушчатая женщина. Она протянула мне руку. Аракси Владиковна. Мой знакомый нежно поцеловал ее, и в этом поцелуе отразилось все его отношение к этой миловидной и дорогой ему женщине. Из вагончика вышла ее восьмилетняя дочка Лиана, нам принесли маленькие стульчики, и мы уселись вокруг столика с фруктами.

Аракси родилась в Ленинакане 26 апреля 1961 года. Жила, как и многие, согретая материнской лаской и заботой. Отца потеряла рано. С детских лет мечтала стать врачом, но мечта не сбылась. Окончила медучилище и работала медсестрой в реанимационном отделении ленинаканского роддома. Вышла замуж за военного, прапорщика. Брак оказался неудачным. Семья распалась. Дочь растила сама. Однако тут же добавляет, что ее мать оказывала и оказывает неоценимую помощь и поддержку.

Задолго до землетрясения Аракси познакомилась с человеком, которого страстно полюбила. Любовь вернула ей и счастливую жизнь, и все земные радости. Они часто встречались, выезжали отдыхать на море, вместе бывали в кругу друзей и близких.

И вот 7 декабря 1988 года. Утром Аракси почувствовала какую-то тревогу. Но уняла ее и пошла на работу. Сестра Аракси ушла на занятия в техникум, а мама уехала в Кировакан. Дома осталась дочка, которая училась во вторую смену. Ее-то она и решила проводить на этот раз в школу. Аракси отпросилась на работе и в 11 часов уже была дома. В 11 часов 30 минут она позвонила своему любимому человеку и сказала, что находится дома и собирает Лианочку в школу. И только Аракси положила телефонную трубку, как началось самое страшное, что могло быть на этом свете...

На улице потемнело, дом затрясло. Она схватила дочку за руку и бросилась на веранду. Едва достигли веранды, как на их глазах упала стенка вместе с книгами, посудой и прочей утварью, потом разверзся пол. Они с дочкой летели вниз, вцепившись друг в друга. Лиана кричала, что задыхается от пыли. В голове Аракси была только одна мысль: хорошо, что с ней дочка и она погибнет вместе с ней, они рядом друг с другом.

Она почувствовала, что ноги придавлены так сильно, что ими даже не пошевелишь. Лиана лежала на спине, согнутая, колени ног почти касались лица.

А земля все еще содрогалась в каких-то конвульсиях. Когда все успокоилось, Лиана спросила, что произошло. Мама ответила, что это было землетрясение. Дочка не понимала смысла этого слова, оно было незнакомо ей. Мама попыталась разъяснить как можно проще, хотя и сама многого не знала: жили тихо, спокойно, даже не ведая, что находятся в зоне повышенной сейсмической опасности...

После долгого молчания дочка спросила, нельзя ли как-то позвонить, чтобы их спасли. Вдруг захотелось есть, потом совсем стало нечем дышать. Силы покидали тело, сопротивляться было бесполезно. Аракси стала уговаривать дочку попытаться заснуть. Она надеялась заснуть и больше уже не просыпаться. Но Лиана категорически восстала. Чутье ребенка подсказывало, что она теряет мать и спать нельзя. И дочь начала что есть силы кричать: «Помогите, помогите! Спасите нас!» Дочь просила мать во что бы то ни стало помочь ей звать на помощь.

И их голоса, идущие из-под земли, наконец-то услышали оставшиеся в живых люди. Сколько их собралось теперь у разрушенного дома — все они бросились разгрести руками завал. Их голоса слышали мать и дочь. Все они твердили: «Потерпите, мы вас спасем».

Первой вызволили Лиану: она была меньше придавлена. Матери уже стало легче — дочь жива, она спасена. Потом началась изнурительная работа по спасению ее самой. Панели, придавленные массой рухнувшего дома, поднять было невозможно, и техники не было... С большим трудом с помощью домкрата вызволили только правую ногу. Она была раздавлена. Наложить какую-либо шину на ногу и оказать медицинскую помощь было практически невозможно, так как Аракси еще лежала под панелью. Боли усилились. Сделать обезболивающую инъекцию тоже было невозможно. Люди были бессильны извлечь Аракси из-под завалов. Она стала требовать отрезать ей ногу, но спасти жизнь, которая покидала ее с каждым часом. Но и эту просьбу люди не могли выполнить.

Спустя некоторое время ей все же сумели сделать обезболивающий укол и она заснула. А когда проснулась, рядом уже никого не было. Народ, оказывается, отошел, потому что объявили об очередном толчке, а часть дома, где жила Аракси, еще стояла и грозила обвалом. Она вновь начала кричать и звать на помощь. И вдруг неистовый, истощенный крик раздался над ней. Это кричала и рыдала ее мама, увидев и разрушенный дом, и безысходность положения дочери. Она только что добралась из Кировакана и видела поверженный в руины Спитак, а теперь и родной Лениакан. Мать увидела только часть тела своей дочери и, обняв ее руки, горько разрыдалась. Она села рядом с Аракси, и ее материнское тепло передалось дочери. Больше никакой помощи ниоткуда не

последовало. Наступила жуткая холодная ночь под завалами. Аракси то теряла сознание, то вновь приходила в себя от дикой боли, которую пыталась скрыть от матери. Но разве эти муки и страдания мать не замечала? Она проплакала всю ночь над дочерью, посылая изредка проклятия то природе за ее безжалостное коварство, то ворам-строителям и жуликам-проектировщикам, то Советской власти, что не может спасти ее дочь.

Забрезжил рассвет, и стали видны очертания завалов. Мать, убедившись, что дочь еще жива, бросилась на поиски крана. Вдруг она заметила, что один автомобильный кран работает на разборе завалов магазина «Детский мир». Она в слезах бросилась на колени перед крановщиком, умоляя спасти ее дочь. И он внял ее мольбам. Через несколько часов Аракси была извлечена из цепких смертельных объятий завалов и, увидев голубое небо, вздохнула полной грудью. Было уже утро 8 декабря 1988 года.

Мать повезла Аракси в межрайонную больницу в поселок Маралик, где уже работали московские врачи «скорой помощи» из Института имени Склифосовского. Тут же экстренно состоялась операция — ампутация обеих ног. В этот же день резко ухудшилось состояние ее здоровья: отказали почки. Аракси срочно перевезли в Ереван. Жизнь вновь стала ускользать от нее, надежд никаких. Аракси тут же переправили в Москву, в больницу № 24, а затем в Институт имени Склифосовского. Борьба за жизнь продолжалась по разным больницам и институтам.

Тут пора и остановиться, мой читатель. Давайте вместе поразмышляем над тем, с чего я уже пытался начать разговор.

Первым вопросом, возникшим у оставшихся в живых людей, когда прошел шок, был: «Как могло такое произойти?» Почему рухнули в основном новые дома? Переломались, словно спички, казавшиеся сверхпрочными балки и колонны, раскололись и рассыпались панели и стены. Все мы помним, как в прессе поначалу робко, а потом все увереннее стали появляться высказывания о том, что одной из главных причин столь массовых разрушений и гибели людей явилось низкое качество строительства. И уже совершенно определенно сказал об этом Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов в городе Ереване 19 декабря 1988 года: «Те предварительные оценки, которые дают специалисты, говорят о том, что очень низким было качество строительства. Были допущены большие нарушения технологии...»

Мощные подземные толчки потрясли штукатурно-окрасочный марафет, и обнаружилась проволока вместо арматуры, слабая цементно-песочная смесь вместо бетона высокой марки, ржавые уродливые наросты там, где должен быть ровный сварочный шов. Самым уязвимым местом каркасно-панельных зданий были стыки. Ахиллесовой пятой каменных зданий стали места сочленений туфовой кладки с железобетоном, так как строители не позаботились о конструктивной связке между ними. Железобетон, предназначенный усилить каменную кладку, на деле ослабил ее, нарушив монолитность.

Даже госприемка, введенная сравнительно недавно, оказалась неспособной воспрепятствовать строителям-ворам и их диктату, для которых главным показателем качества проекта являлась сборность конструкций и дороговизна отделки. Вот где нравственный разлом высветился во всем своем цинизме.

Человек всегда стремился строить здания и сооружения на века. Почти четыре тысячи лет назад в Вавилоне существовал закон, который гласил, что, если построенный архитектором дом развалится и при этом погибнет его владелец, архитектор подлежит смертной казни. Если погибнет не только владелец дома, но и члены его семьи, смертной казни подлежат и члены семьи архитектора.

Широко известен указ Петра I, показывающий, какое значение он придавал качеству изготавливаемого оружия. Этот указ гласил:

«§ 1. Повелеваю хозяина Тульской оружейной фабрики Корнилу Белоглаза бить кнутом и сослать в работу в монастыри, понеже он, подлец, осмелился войску государеву продавать негодные пищали и фузеи.

Старшину олдермана Фрола Фукса бить кнутом и сослать в Азов, пусть не ставит клейма на плохие ружья.

§ 2. Приказываю ружейной канцелярии из Петербурга переехать в Тулу и денно и ночью блюсти исправность ружей. Пусть дьяки и подьячие смотрят, как олдерман клейма ставит, буде сомнение возьмет, самим проверять и смотром и стрельбою. А два ружья каждый месяц стрелять, пока не испортятся.

Буде заминка в войске приключится, особливо при сражении, по недогляду дьяков и подьячих, бить оных кнутами нещадно по оголенному месту:

хозяину — 25 кнутов и пени по червонцу за ружье;

старшего олдермана — бить до бесчувствия;

старшего дьяка — отдать в унтер-офицеры;

дьяка — отдать в писаря;

подьячего — лишить воскресной чарки сроком на один год.

§ 3. Новому хозяину ружейной фабрики Демидову повелеваю построить дьякам и подьячим избы, дабы не хуже хозяйской были. Буде хуже, пусть Демидов не обижается, повелю живота лишить.

Петр I».

Однако Петр Алексеевич, император России, давно почил в бозе, а наши нынешние благодетели думают, видать, как-то иначе. И мало им дела до страданий какой-то Аракси Апрели.

Мы возвращаемся к нашей героине. Она наконец-то почувствовала, что попала в солидное медицинское учреждение, в надежные руки врачей Института имени Склифосовского. Ее мучил теперь один вопрос: ну почему нет таких специалистов в Ереване? Совсем наивная женщина, как плохо она знает состояние медицины в нашей стране.

Все это время, в переездах из одной больницы в другую, из одного города в другой, Аракси сопровождала мать. Как тень следовала она за ней. Во всех больницах предлагала свои услуги по уходу за больными — лишь бы только быть рядом с дочкой.

И вот заработала почка у дочери. Боже, какая радость! Ведь это же возвращение к жизни. Врачи сделали чудо.

Последовали после этого две операции по подготовке конечностей к протезированию. И вот наступил день выписки. В отделении Аракси посетил американский врач и сказал, что ее заберут в США на протезирование после такой тяжелой ампутации ног. Она вернулась в Ереван с надеждой получить хорошие протезы в США. Но надежда рухнула. Она не попала в группу, вылетавшую в Америку, были другие, даже не пострадавшие от землетрясения. Обратилась к заместителю министра здравоохранения Армянской ССР Ни- когосяну, который лично ею занимался. После долгой беседы — вновь обещания. Прошли месяцы, а наша героиня так и сидит в коляске, хотя и не теряет надежды встать на ноги в протезах. На прощание я пообещал ей содействие через Минздрав СССР, как только вернусь в Москву.

Как же мне выполнить свое обещание?

Теперь я хочу рассказать о замечательном и добром докторе — главном враче ленинканской станции переливания крови А. О. Киракосяне и его семье: жене —

инженере-технологе, дочке Лилит — учащейся СПТУ-40, сыне Тигране — учащемся 9-го класса 14-й средней школы имени С. Орджоникидзе. Не забуду и их близких родственников — живых и мертвых.

9 мая 1989 года в 11 часов по местному времени в городе Ленинакане состоялось торжественное возложение венков к памятнику воинам, погибшим в Великой Отечественной войне. На возложении венков были партийные и советские работники, воины Советской Армии, представители общественных организаций, строители — от восьми союзных республик и союзных министерств.

Бесконечный людской поток с живыми цветами и венками тек около двух часов. Потом пограничники пригласили нас посмотреть на бывшую столицу Армении — Ани, разрушенную землетрясением во II веке. С нами был и доктор Киракосян.

Когда мы стояли на нейтральной полосе, откуда хорошо просматривалась Ани, Альберт Оганесович вдруг беззвучно заплакал. Я не понял, что случилось. Подошел, обнял за плечи бывшего мастера спорта по самбо. Он вытер слезы.

— Николай Дмитриевич, вот там,— показал рукой в сторону Ани,— видишь кладбище? Так вот там похоронены мой дед, бабушка, родственники и те, кто пал в период геноцида от рук турок. Отец мой и мать успели бежать в Ленинакан. Сколько горя и страданий вынес армянский народ! До геноцида,— продолжал Альберт Оганесович,— армяне жили более-менее нормально. Присоединение Восточной Армении к России в 1801—1828 годах, консолидация армян в нацию... До первой мировой войны их насчитывалось четыре миллиона человек, которые компактно жили на территории Армении. Из них в пределах Закавказья, на территории Российской империи — до полутора миллионов человек, остальные — в Турции. И вот в 1915—1916 годах из двух с половиной миллионов армян, проживавших в Турции, более полутора миллионов человек по приказу турецких властей было уничтожено, а более 600 тысяч человек насильственно выселено в бесплодные районы Месопотамии. В результате этого геноцида вся Западная Армения в основном лишилась коренного населения. А теперь вот эта трагедия — Спитакское землетрясение, унесшее десятки тысяч жизней...

После этой поездки на границу мы вернулись к нему домой, в больницу, где он жил с семьей, и я допоздна слушал рассказы попеременно то взрослых, то школьников, то старых, то малых.

Я внимательно слушаю жену своего друга доктора Эмму Вагаршаковну, добрую женщину, замечательную мать, инженера-технолога с электроконденсаторного завода, тоже повергнутого землетрясением:

— Ну вот, Николай Дмитриевич, хотите верьте, хотите нет, накануне ночью очень плохо спала, лил проливной дождь, и с самого утра, как только встала, все ждала какой-то беды. А тут еще дочь моя, Лилит, высказала насчет всех моих сомнений и предчувствий надвигающейся беды такую глупость. «Мам, а мам, — говорит Лилит, — чего ты мучаешься, сегодня будет землетрясение!»

Лилит сидит с нами и виновато улыбается. Эмма продолжает:

— Я не выдержала и шлепнула ее: не говори глупостей, да еще с утра. В общем, приготовила на всех завтрак, накормила. Дети ели неважно, а Альберт, как всегда, плотно покушал, сказал спасибо и добавил: теперь можно работать. Первым из дома ушел Тигран — в школу. В восемь пятнадцать мы с Альбертом и Лилит. А квартиру мы только что отремонтировали... — Тут она добавляет: — Знаете, Николай Дмитриевич, армяне очень любят свой очаг и друг перед другом изощряются в ремонте. Нам очень дорого обошелся этот ремонт. Один цветной паркетный пол стоил бешеных денег. Была прекрасная мебель, богатая библиотека. И посуда... Это уж женская слабость... Дочь Лилит пошла в училище,

что рядом с нами, а меня Альберт подвез на завод и сам поехал на той же служебной машине по своим делам.

В разговор, с одобрения матери, вступает Тигран.

— Русскую школу свою я очень любил,— говорит он.— Учителя у нас сильные. Я с радостью ходил все эти годы в свою родную школу. Как-никак с первого по девятый класс в одной школе учиться — это здорово. По всем предметам мы получали прочные знания. Перед землетрясением в нашем классе был урок физкультуры. Многие играли в волейбол в спортивном зале. Я вышел на улицу и решил немного побегать. Потом, после бега, я снова пошел в спортзал. И вдруг неимоверный гул и грохот стали сотрясать здание школы. Я мигом выскочил во двор, и тут, на моих глазах, школа стала разваливаться...

Когда пыль осела, Тигран вместе с другими оставшимися в живых учениками бросился спасать тех, кто оказался под руинами. Они многих вытащили живыми, многих уже мертвыми. Тигран пошел искать родных. От родного дома остался один прах. На руинах он и встретил вначале сестру Лилит, потом вместе нашли отца и мать. Никто из них не верил, что они все живы и здоровы. В доме погибло очень много их соседей, знакомых и друзей... Тигран многие годы дружил с мальчиком из этого дома Геворгом, своим сверстником. У дома Тигран встретил его отца и спросил: «А где Геворг?» Отец ответил: «Там, под завалами, придавлен плитами, и мы не можем его спасти, хотя он еще живой».

Завал возвышался до уровня второго этажа, и его никто не разбирал: никакой техники не было. Тигран нашел узкую щель, через которую, как ящерица, пролез к другу. В руках у него была свечка, которой он и осветил лицо Геворга. Он едва узнал своего друга и, самое страшное, увидел безысходность его положения. Трое суток Тигран пролезал в эту щель длиной в десять метров, доставлял ему еду, воду, поддерживал его как мог.

На четвертые сутки завалы наконец-то были разобраны с помощью специальной техники и Геворга извлекли на белый свет. Срочно повезли в Ереван, но по дороге он скончался...

Тигран тихо заплакал, встал и молча покинул нас.

Эмма стала рассказывать трагедию своей родной сестры Джеммы Вагаршаковны, которую я до этого и потом много раз видел, но так мне лично с ней толком поговорить и не удалось ввиду плохого состояния ее здоровья и сильного психического расстройства.

В день 7 декабря Джемма Вагаршаковна была в школе, где она преподавала в младших классах. Ее старшая дочь Майрам вместе с мужем Фрунзиком Казаряном и трехлетним сыном Артуром находились дома (их квартира была на пятом этаже), а дочка в это время была в детском садике. В момент землетрясения дом развалился, и они оказались живыми сверху развалин, но были сильно покалечены.

Когда мать прибежала к дому, что на улице Мясникова, то увидела их совершенно беспомощными. Их занесли во двор родительского дома, и только спустя двое суток они были доставлены в больницу в Ереван, откуда через три месяца возвратились, но уже инвалидами.

После того как Джемма Вагаршаковна нашла семью своей дочери, они вместе с мужем побежали к дому средней дочери — Гаяне. Она с семьей жила в новом микрорайоне Варт-Баха. Этот дом кооперативный, блочный, девятиэтажный. Его заселили за полгода до землетрясения. Кстати, весь этот микрорайон из новых домов рухнул, как карточный домик. И больше всего жертв пришлось на Варт-Бах и так называемый «треугольник», где тоже рухнули кооперативные дома. Строила их, наверное, целая мафия.

От дома Гаяне остался огромный завал из железобетона, плит, мусора. Восемь дней и ночей разбирали этот дом. И только — одни погибшие. Восемь суток родители не отхо-

дили ни на минуту от завалов. Они надеялись, что вот-вот живыми извлекут их детей, внуков... На девятые сутки извлекли изуродованные трупы дочери Гаяне, ее мужа Самвела Нарсесяна, детей — пятилетней дочки Камелии и трехлетнего сына Арсена... Бедная мать враз поседела.

Много раз я отдавал свою служебную машину, чтобы водитель сержант Володя Полухин свозил оставшихся в живых на кладбище. Но однажды Володя приехал с кладбища в слезах и попросил меня больше не посылать его в такие рейсы: он просто не мог выдержать, как рыдают и убиваются эти добрые люди на могилах своих детей и внуков. Больше Володя не ездил. Попеременно ездили другие солдаты — один раз в неделю...

О своем непроходящем горе рассказывали мне десятки, сотни моих армянских друзей. Я впитывал эти печальные повести, и им, убитым бедой, становилось легче. Но каково чьей-то душе, отягощенной этими страшными трагедиями! Хотелось взвыть, пособачьи ли, по-человечьи ли, но офицерское, генеральское звание заставляло зажать душу в кулак и делать свое дело, ради которого жизнь бросила в самое пекло великой беды.

Глава 3

Дни и ночи воинов гражданской обороны

Ни одна серьезная авария, не говоря уже о катастрофах, не обходится без привлечения войск или формирований гражданской обороны, ее служб, таких, как медицинская, противопожарная, охраны общественного порядка, эвакуации, и других. К примеру, в Чернобыле войска гражданской обороны выполняли сложные и опасные работы по дезактивации территории, объектов, зданий, сооружений в самый первый период 1986 года. Я участвовал в этих работах и могу ответственно утверждать, что они показали лучшую профессиональную подготовку, лучшую организацию работ, добивались лучших результатов в выполнении задач по сравнению с другими воинами Советской Армии. И здесь, в Армении, в течение шести месяцев я снова был с войсками гражданской обороны на ликвидации последствий землетрясения и вынес самые добрые впечатления о работе солдат, сержантов и офицеров. Однако это совсем не означает, что и там, в Чернобыле, и здесь, в Ленинакане, Спитаке, Ахурянах, все было безукоризненно.

Когда в Армении разразилась трагедия, начальник Гражданской обороны СССР заместитель министра обороны СССР генерал армии В. Л. Говоров в составе правительственной комиссии прибыл в пострадавшие районы. Он лично осуществлял руководство войсками и формированиями гражданской обороны. А было их из 23 тысяч воинов Советской Армии добрая половина да 18 тысяч человек формирований гражданской обороны, прибывших специальными отрядами из разных уголков Советского Союза.

В интервью корреспонденту В. Алаверяну для газеты «Коммунист» от 31 декабря 1988 года Владимир Леонидович сообщил, что силами гражданской обороны совместно с другими организациями и ведомствами было извлечено из-под обломков рухнувших зданий 39 553 человека, из которых 15 254 оказались живыми. Стоит вдуматься в эти цифры. Сколько людей оказались спасенными, но и сколько их погибло.

Первыми из войск гражданской обороны к исходу 7 декабря 1988 года в Ленинакан прибыли воины из Еревана во главе с командиром полковником А. Е. Грабарем.

Воины были подняты по тревоге и совершили марш по маршруту Ереван — Ленинакан. Поздно вечером, едва пробившись к городу, личный состав части уже был

распределен по объектам спасательных работ. Основные из них — политехнический институт, НИИ «Авангард», средняя школа № 16, заводоуправление станкостроительного предприятия.

Мы стоим с командиром части полковником Грабарем у полуразрушенного здания института.

— Товарищ генерал, — говорит Анатолий Ефимович, — я не знаю, как солдаты и офицеры не сошли с ума от увиденного. Сутками ничего в рот не брали. И не потому, что у нас не было харчей, а потому, что в глотке все застревало...

На глазах мужественного человека слезы.

Когда здание институтского корпуса затрясло, студенты хлынули беспорядочной толпой на выход. Лестничные марши не выдержали, сложились и рухнули на всех этажах... Они погребли и лишили жизни 465 студентов и 88 преподавателей. Но сотни студентов остались живыми под завалами, их- то и спасали воины гражданской обороны. Они проявляли величайшую организованность и дисциплину, мужество и физическую закалку, не расслабляясь ни на минуту. Пример во всем подавали командиры и политработники. Полковник А. Грабарь, начальник политотдела полковник И. Маградзе, его боевой заместитель подполковник А. Гуторкин, капитан Н. Подоляка, старшие лейтенанты О. Шароян, Х. Левонян, старший прапорщик С. Кароян. Так же мужественно и стойко выполняли свой долг рядовые К. Мурадян, А. Петров, Э. Сабиров, Н. Мартиросян, С. Курбанов, В. Новицкий и другие. То, что сделали воины, не поддается привычному анализу. Кто измерит счастье родителей и детей, к которым вернулись их близкие и родные? Чего стоила каждая из спасенных жизней? Этого не скажет, пожалуй, никто. Ибо нет слов, которыми можно было бы передать страдания человеческого сердца, воспринявшего боль и горе соседа как свои собственные.

Не ради славы и наград приехали в Ленинакан воины гражданской обороны из Еревана и Тбилиси, из Донецка и Саратова, из Волгограда и Ростова — ради быстреего возрождения разрушенного города. Труд был нечеловеческий. Труд до конца, когда, кажется, рвутся от напряжения все твои жилы, а в глазах плывут кровавые круги и вот-вот ты сам упадешь в пропасть...

Уж пусть не ахти какая техника оказалась в руках воинов, но она поднимала груды завалов, искореженные балки, колонны, перекрытия. Потокотом шли самосвалы, в которые донельзя грузили эти адские завалы, а водители, особо не разбираясь, быстрее вывозили и опрокидывали содержимое кузовов прямо на дороги, площади, поля. Их можно было понять — надо спешить, чтобы вновь, в сотый раз, подъехать к груде завалов и вдруг, на последней езде, увидеть еще несколько спасенных людей...

Добрую славу и уважение в эти тяжелые для народа Армении дни снискал старший лейтенант запаса Левон Манукян, директор Всесоюзного центра патентных исследований, а теперь замполит механизированной роты.

Старший лейтенант Манукян 7 декабря прибыл добровольно, лишь только узнал о землетрясении. На одной из улиц он подобрал бабушку с двумя внучками, родители которых погибли под завалами. Пострадавшие остались без крова. Долго не раздумывая, Левон отдал им ключи от своей двухкомнатной квартиры, где они теперь и живут. Его коллеги, когда Левон отсутствует по делам службы, помогают этой семье продуктами, ухаживают за детьми.

Или вот другой замечательный человек Левон Аджальян. Он работал главным бухгалтером в одном из ереванских магазинов. Прибыл тоже добровольно в эту же часть гражданской обороны. За первые дни он лично спас 26 человек. Аршави Бозиян спас трех человек, работая на развалинах жилого дома по улице Ширако Ширакоци. Гагик

Багдасарян и его товарищи, разбиравшие завал на месте политехнического института, вытащили из-под обломков 28 человек.

Воины гражданской обороны очень тепло отзывались и об иностранных спасателях, с которыми пришлось трудиться бок о бок. Многих из заживо погребенных обнаружили именно они — французы, итальянцы, немцы. Был такой случай, когда французы, работая на одной из школ, подняли перекрытие над классом, а там весь класс, вместе с учительницей... У руководителя французской команды спасателей, когда он увидел эту страшную картину, не выдержало сердце. И все же в этом классе остался в живых один единственный ученик, который очень путано поведал, как учительница уговаривала их не волноваться, что все будет хорошо...

9 декабря 1988 года в 22 часа из города Тбилиси в Ленинакан прибыл первый батальон воинской части гражданской обороны под командованием майора В. Семенова, моего бывшего ученика, выпускника Московского высшего командного училища инженерных и дорожных войск. С ходу батальон был введен для выполнения спасательных работ по улице Ширакоци. Этот адрес скорби стал для воинов гражданской обороны местом мужества и отваги. День и ночь, в мороз и стужу воины круглосуточно разбирали здесь завалы, извлекали из переплетенных арматурой завалов живых и мертвых. Здесь же, на этой улице, почти в самом начале, пришлось разбирать самый страшный завал — девятиэтажный панельный дом рухнул, а после в нем возник пожар, в котором сгорели буквально все. Воины доставали только обгоревшие кости.

В числе самоотверженных офицеров, сержантов и солдат я называю своего питомца майора В. Семенова, с которым позже мы вместе штурмовали завалы на Тбилисском шоссе и на горе Джаджура, его заместителя по политической части майора А. Горолкова, командира роты лейтенанта М. Самхарадзе, старшего лейтенанта медицинской службы А. Шавлакадзе, старшего лейтенанта Ю. Торосяна, младших сержантов Д. Курдадзе, М. Швелидзе. Они показывали достойный пример своим подчиненным — выполняли работы в самых опасных и сложных местах.

Экскаваторщик ефрейтор Владимир Непомнящев днем и ночью при свете фар без перебоя грузил эти проклятые завалы на машины, внимательно рассматривая каждую пядь, где мог быть человек. Все военные водители «КрАЗов» и «КамАЗов», «МАЗов» и «Уралов» сплошным потоком при включенных фарах день и ночь везли завалы из города. В эти первые часы и сутки время имело здесь особый счет. С каждым ковшом экскаватора, с каждой поднятой плитой, с каждой вывезенной машиной завала усиливалась надежда тех, кто чудом еще оставался живым. И безмерная радость была у тех покалеченных и изможденных, но живых людей, когда воины бережно выносили их «с того света». И как же было горько извлекать мертвых, которых было больше, чем живых...

К 10 часам 10 декабря 1988 года из Тбилиси в Ленинакан прибыли и остальные механизированные батальоны. Они также с ходу были направлены на операцию по спасению людей. Беда только, что в первые дни не хватало техники — автокранов, бульдозеров, экскаваторов, погрузчиков.

...И все же лично я до сих пор остаюсь внутренне неудовлетворенным поведением многих воинов Тбилисского полка. Примерно в течение 10 дней с момента прибытия в Ленинакан, пока шли напряженные работы по спасению людей из-под завалов, никаких претензий к ним не было. Но в 20-х числах декабря среди личного состава воинской части гражданской обороны, призванного из Грузии, стало появляться недовольство. Ну, например, тем, что иногда запаздывали с доставкой горячей пищи в район работ. Были на это объективные причины. Или такое: военные комиссариаты в повестках указали срок призыва 7—10 дней; военный комиссар Грузинской ССР генерал-майор Л. Шаршенидзе,

выступая перед призванными, заверил их, что 25 декабря всех отпустят по домам.

И вот спустя некоторое время был доведен приказ министра обороны об оставлении личного состава в строю на шесть месяцев. Это вызвало протест только тбилисской части. Он вылился в стихийный митинг с призывами не выходить на работы. Командирам, политработникам, активу коммунистов, работникам комиссариатов удалось несколько поправить положение. Воины-тбилисцы вновь вышли на объекты работ.

В ночь на 25 декабря 1988 года в палатке сгорел рядовой Болотаев. В этой палатке было восемь военнослужащих. Перед сном кто-то из них притащил чачу, и все они, попросту говоря, перепились. А в палатке топилась печка-«буржуйка»... Пятеро выскочили сами, а троих вытащили без сознания, один сгорел. В полку поднялся чуть ли не бунт.

Значительная часть распоясавшихся призывников оказалась студентами из Рустави и Тбилиси. Всю ночь в конфликте разбирался начальник оперативной группы Гражданской обороны СССР генерал-полковник А. Я. Ряхов. Закончилось все тем, что 26 декабря 1988 года весь этот призыв с позором был отправлен по домам.

2 января 1989 года в Ленинкане уже был новый призыв, и весь зимний период он вместе со всеми сражался на полях, дорогах и улицах с завалами. Было всякое, но плохого ничего сказать не могу. Однако над этим чрезвычайным происшествием я не раз задумывался. Где тут корни? Или, как часто выражался в подобных случаях покойный президент Сибирского отделения АН СССР академик М. А. Лаврентьев, где тут овес? Вспомнилось, что в Чернобыле, когда войскам объявили, что вместо трех месяцев срок призыва продлевается до шести, литовцы объявили голодовку. Тогда прилетал генерал армии В. И. Варенников и улаживал дело, которое тоже окончилось позорным роспуском того литовского призыва... Может быть, «овес» тут в запущенности интернационального воспитания молодежных контингентов Грузии и Литвы? Нет, я не могу утверждать это с полной уверенностью, но ведь через три месяца нам пришлось еще раз полностью расформировать тбилисскую воинскую часть...

Между тем прибывали части гражданской обороны из Саратова, Донецка, Ростова, Краснодара и других мест. Саратовский полк приступил к работам 14 декабря 1988 года. А если бы личный состав и техника прибыли из Саратова хотя бы 10-го! Сколько жизней они спасли бы...

Интересно, а что думает руководство страны насчет мобильности сил и средств гражданской обороны? Или оно удовлетворяется той быстротой, с какой освобождают от должностей генералов и офицеров, делая их «стрелочниками»? Я вырос в этой системе и пережил не одного начальника Гражданской обороны, начиная с Маршала Советского Союза Василия Ивановича Чуйкова. Так что сегодня, пройдя Чернобыль и Армению, Шатуру и Кагул, я обязан сказать, что оснащение воинских частей и формирование гражданской обороны как было, так и остается самым примитивным в сравнении с тем, что есть в других странах. К примеру, у нас нет мощных бульдозеров, автокранов. У нас нет эффективного механизированного инструмента наподобие того, которым оснащены австрийцы или немцы из ФРГ. Наш уровень — древняя компрессорная станция ЗИФ-55 вместе с отбойными молотками, вытряхивающими из спасателей всю душу.

А как же собирались мои однополчане в путь-дорогу дальнюю? С получением соответствующего распоряжения Генштаба военные комиссариаты даже к сроку не подали ресурсы. Они стали комплектовать полк личным составом из четырнадцати (!) районов. Сразу же пошла пробуксовка. Большинство личного состава и техники пришло не по штатному предназначению. Многих призывников без разбора хватали, как говорят, тепленьких. Много призвали студентов вузов и техникумов, некоторые были только что уволены в запас после срочной службы в армии. Были среди них совершенно больные,

отдельные призывники имели по трое детей. Комиссариаты показали все свои «способности», и потому многие призывники прибыли без личных вещей, документов, денег, не освидетельствованными врачами...

И вот Ленинанкан. Прямо с платформы личный состав третьего батальона был направлен в Ахуряны, где непочатый край неотложных работ, только уже не по спасению людей. В Ленинанкане саратовцы приступили к работам на Доме быта, жилых домах, что по Ленинанканскому шоссе, на предприятиях Сельхозтехники, Армводстроя и прочих. В сжатые сроки воины-строители построили щитовой дом для животноводов в колхозе имени Микояна.

Командир части полковник А. Карбаев и начальник политического отдела подполковник С. Бойко мне были знакомы давно. Я бывал у них частенько. В этом же полку с 1962 по 1967 год проходила моя служба. Совсем на голом месте в поселке Вязовке Саратовской области я занимался строительством военного городка. Закладывал самую первую казарму для солдат, столовую, котельную, первый жилой дом для семей офицеров. Личный состав части был передислоцирован из города Мерефы Харьковской области в поселок Горный Краснопартизанского района. Это более 300 километров от Саратова. Поэтому наши семьи жили в Горном, а часть солдат, сержантов и офицеров во главе со мной уехала на строительство военного городка в Вязовку.

Но как же мы добросовестно строили! До сих пор помнится одна скандальная история. Пришли из Саратова более 50 машин с кирпичом. Я наотрез отказался его принимать и не выделил солдат на разгрузку. Машины ушли. Было это в первой половине дня. А во второй через дежурного меня срочно вызвали к первому секретарю Саратовского обкома А. И. Шибяеву. Приехал я к нему часов в шестнадцать. В приемной толпился народ. Считалось модным, чтобы приемная была забита. Секретарь мне тут же показала на дверь: заходите, мол, Алексей Иванович ждет. Я, в полевой форме, в пыльных сапогах, со свертком под мышкой, захожу, приложил руку к головному убору и — «Здравия желаю!». Алексей Иванович нехотя ответил:

— Ну, здравствуй, капитан.

Смотрю, у приставного столика сидит аж целый генерал-лейтенант, нога на ногу, папироса в зубах, дымит... На кителе рядом с академическим значком почему-то нацеплен знак об окончании мединститута. Какое он имеет к медицине отношение? Так вот, этот генерал на мое приветствие сразу же процедил сквозь зубы:

— Капитан, ты почему занимаешься саботажем?

Я это отчетливо услышал, но как-то невольно у меня вырвалось:

— Чем-чем?

— Саботажем!

Тут я не выдержал:

— Во-первых, не «ты», а «вы». И не «капитан», а «товарищ капитан». Во-вторых, кто вы такой?

— Я начальник управления КГБ.

— Очень хорошо! — И сверток на стол Алексею Ивановичу. Развернул газету, в которую был завернут кирпич.

И Шибяев, и этот генерал в недоумении переглянулись. Опять-таки невольно представил, что они подумали в этот момент: не огрею ли я кого-нибудь из них, тем более что я снова взял этот кирпич в руки. Без особых усилий разламываю кирпич на две половины, потом каждую еще пополам. — Это кирпич сухой прессовки, под фундамент солдатских казарм не годится. Так что не толкайте меня на преступление. Мне нужен кирпич первого цеха, и наряды на него выписаны. Только на заводе мухлюют.

Алексей Иванович покачал головой и нажал кнопку. Впорхнула секретарша.

— Срочно ко мне директора кирпичного завода...

Должен тут кое-что пояснить. Когда гражданскую оборону передали в 1962 году в Министерство обороны и ее возглавил прославленный Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, то он через А. Н. Косыгина пробил строительство новых военных городков за счет бюджета краевых и областных исполкомов. Больше того, после совещания по гражданской обороне в Кремле под руководством А. Н. Косыгина отношение обкомов партии и облисполкомов к нам в корне изменилось.

Вспомнив, как строили, вспомнишь и как жили. Какая была крепкая дружба среди семей офицеров. Вечера, танцы, художественная самодеятельность. Чего стоил один задирный женсовет, который никому не давал покоя: ни командованию, ни политотделу, ни даже ветеранам войны.

Не могу забыть такой вот случай. Как-то ныне покойный начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Александр Терентьевич Алтунин срочно вызвал к себе в кабинет всех начальников управлений и самостоятельных отделов и приказал:

— Через час вылетаем в Харьков для внезапной проверки штаба Харьковской области и полка гражданской обороны.

Прилетели — и сразу же в войска. Александр Терентьевич еще в самолете поставил нам задачу:

— Ровно два часа каждый по своей службе проверяет все: личный состав, технику, содержание, эксплуатацию и прочее. Потом всех вас слушаю.

Так все и произошло. И вот после заслушивания начальников управлений и отделов генерал армии Алтунин поднимает начальника политотдела полка подполковника Павлова и говорит:

— Сегодня вечером смотрим концерт художественной самодеятельности.

Саша Павлов, мой бывший сослуживец (мы вместе начинали лейтенантами службу в этом же полку), поднимается и докладывает, что сегодня концерт состояться не может, ввиду того что часть офицеров и жен офицеров в отпуске. Да и оркестр тоже не в полном составе. Смотрим на начальника Гражданской обороны СССР и видим, как он багровеет... Тут же приказал убрать Павлова с его должности. Уж как ни упрашивал генерал-полковник В. А. Греков, заместитель Алтунина по политчасти, Александр Терентьевич не отступился, и Сашу за эту самодеятельность сняли...

Но вернемся в Саратовский полк. Самым тяжелым и сложным участком работ в городе Ленинанкане считался район Варт-Баха. Нужно было разбирать огромные нагромождения железобетона, плит, арматуры, сантехнического оборудования. И нужно было продолжать извлекать тела погибших, родственники которых дневали и ночевали на этих развалинах.

С полной отдачей сил трудились в этих руинах наши люди. Мне не раз приходилось перед строем полка называть отличившихся в работе. Таких, как сержанты В. Бажор, В. Пчелинцев, А. Гвоздев, В. Титков, А. Конешов, рядовые Н. Яукин, А. Галактионов, Н. Соломанов, Н. Кошелев, и многих других.

Успешная работа радовала, происшествия огорчали. А они были. Помню, приехал рано утром на развод личного состава на работы. Командир полка полковник Александр Дмитриевич Карбаев и начальник политотдела подполковник Станислав Иванович Бойко перед строем отчитывают пьяниц. Их было несколько человек — все взрослые, у всех дети. После отданного мне командиром полка рапорта я поздоровался с личным составом, потом дал команду всем подойти ко мне, и мы по душам стали говорить с однополчанами. Спокойно излагаю свои впечатления: скажем, я, местный житель,

оцениваю вот этих пьяниц, которых волокут по городу на руках с работы в распоряжение части. Позор русскому солдату, который пришел на помощь, а вместо помощи безбожно пьет. Над головами прошел гул. Солдат не нужно было упрашивать высказаться. Говорили резко, по-мужски.

И все же основная масса воинов с честью выполняла свой интернациональный долг при ликвидации последствий землетрясения в Армении. «Спасибо тебе, солдат!» — такими словами начиналась телеграмма, присланная в Министерство обороны СССР и подписанная директором ереванского приборостроительного завода «Базальт» Дадамяном, секретарем парткома Епремяном, председателем профкома Агасаровым. В ней говорилось: «Коллектив нашего завода выражает благодарность всем военнослужащим, принимающим участие в оказании помощи пострадавшим от землетрясения и ликвидации всех его последствий, проявившим высокий патриотизм, благородство и самоотверженность. Подвиг сынов разных народов Отчизны навсегда будет жить в благодарной нашей памяти».

Сколько же раз за свои шесть месяцев командировки я слышал сказанные с благодарностью эти слова: «Спасибо тебе, солдат!», которые произносились с душевной теплотой армянами разного возраста. Как-то поздно вечером едем мы с водителем сержантом Полухиным со станции Бояндур. Неувязки с разгрузкой вагонов были нашим бичом, и частенько приходилось с этим разбираться. Армии поручили оказать содействие в разгрузке всех материалов, прибывающих со всей страны. Так вот, проезжаем мимо кладбища, что на Гарибджанянском шоссе. Неожиданно пошел дождь с градом. У дороги едва были заметны силуэты мужчины и женщины. Остановились. Приглашаю этих людей в машину. Они были насквозь промокшие, но, по-моему, почти ничего не ощущали. Оказалось, что они шли с могилы сына, который погиб в школе. Мы подвезли их к дому. Женщина так и вцепилась в нас — чтобы хоть на минутку зашли к ним. Пришлось зайти.

Тут же сварили кофе. Мы не отказывались: на станции сильно промерзли. Но главное, нельзя было обижать этих людей, в каждом слове и движении которых билось неподдельное чувство благодарности. Оно шло от сердца, от души. Что ни говорите, очень гостеприимный армянский народ.

Или вот был случай в Спитаке. Пожилая женщина подошла к солдатам, опираясь на палочку:

— Всем вам, солдаты, большое спасибо. Тут же подбежала маленькая девочка и протянула баночку варенья:

— Спасибо, солдаты!

Рядовые Андрей Яковлев, Александр Дудоров, Юрий Коркунов потом рассказывали, что им, заматеревшим мужикам, еле удалось сдержать слезы. Так до сих пор и стоит в глазах эта маленькая девочка с баночкой варенья в посиневших от холода руках...

В том же Спитаке разбирали в центре города школу. Было это на второй день после землетрясения, и казалось, что руины шевелятся от страданий трех сотен погребенных здесь школьников. Солдаты очень спешили. Но только после нескольких часов упорной работы был проделан лаз. На свет извлекли мальчишку. К сожалению, ему помощь уже была не нужна. И тут сквозь толщу завалов рядовой Андрей Яковлев вдруг услышал детский плач. Сил у воинов прибавилось. Руки были у всех в крови, но они добрались до девочки. Андрей взял ее на руки. Она открыла глаза, прижалась к нему: «Спасибо тебе, дядя солдат».

Через две недели и после

На первом, самом сложном, самом ответственном и драматическом, этапе ликвидации последствий землетрясения на территории Армении всеми работами непосредственно руководил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков. Его отличали спокойный стиль работы, умение быстро оценить обстановку и принять оптимальное решение. Все это вселяло уверенность и в тех, кто спасал заживо погребенных, и в тех, кто с замиранием сердца ждал спасения своих родственников и близких.

С кем бы я за эти долгие месяцы ни общался, от всех слышал добрые слова благодарности Николаю Ивановичу.

Армянский народ с душевной теплотой также говорит о приезде в районы бедствия Михаила Сергеевича Горбачева. Его посещение Ленинакана, Спитака, Кировакана и других населенных пунктов, встречи с обездоленными людьми, его сострадание армяне вспоминают с чувством глубокой благодарности.

Первый этап широкомасштабных работ по спасению десятков тысяч людей, можно сказать, закончился с последним извлечением из-под руин живого человека. Когда я уже работал над своими записками, мне в Москву прислал письмо военный врач подполковник Виктор Иванович Скорлуханов. Он писал: «...У нас был единственный случай извлечения одной женщины с ребенком на тринадцатый день. Они остались живы. После этого больше живых не находили...»

Наступил второй, более долговременный, этап тяжелых и изнурительных работ. Его конечная цель, как сказал Николай Иванович Рыжков на пресс-конференции в Ереване для советских и иностранных журналистов 19 декабря 1988 года, — восстановление социально-экономического потенциала региона. В зоне бедствия расположено свыше 200 предприятий союзно-республиканского значения. Районы, захваченные землетрясением, играют важную роль в снабжении республики сельскохозяйственной продукцией. Многие из них сильно пострадали, некоторые придется заново отстраивать.

На пути к этой цели лежали руины завалов. И тогда развернулись широким фронтом работы по их расчистке. Неимоверные усилия были приложены оперативным штабом по ликвидации последствий землетрясения в городе Ленинакане, оперативной группой Гражданской обороны СССР, работниками ГАИ, чтобы остановить хаотичный вывоз руин. По заданию генерал-лейтенанта Алексея Платоновича Горбачева, у которого я был заместителем, мы с группой офицеров — военных инженеров и операторов — за ночь откорректировали план распределения сил и средств по всем объектам работ, внося в него все 438 полуразрушенных и аварийных домов, подлежащих разборке и вывозу, проработали оптимальные маршруты движения транспорта по городу и схему постов ГАИ для регулирования движения. Утром Алексей Платонович внимательно просмотрел план и одобрил его.

Генерал Горбачев — талантливый военный инженер, его отличают высокая эрудиция, большой опыт, приобретенный в инженерных войсках. Он прошел Чернобыль, и вообще его часто бросали на прорыв. Так что одобрением такого человека можно было и погордиться. И вот теперь мы вместе в Ленинакане.

Мы поехали к Владимиру Ивановичу Решетилову, руководителю оперативного штаба. Тот тоже с пристрастием просмотрел и план, и схемы. Сказал, обращаясь ко мне:

— Сегодня на заседании комиссии членораздельно доведешь до всех руководителей, кого это касается. Мы должны принять с вами и ГАИ все меры, чтобы остановить этот хаос и по-настоящему заняться очисткой города от завалов. Так что

подготовься, набросай проект решения комиссии, который я подпишу, и мы его огласим на этом же совещании.

Сказано — сделано. В 17 часов этого же дня в штабе, который размещался в невысоком, в два этажа, чудом уцелевшем Доме детского творчества, собрались все заинтересованные, так сказать, лица. После моего выступления Решетилов встал и зычным, не терпящим возражений голосом сказал:

— Отныне прекратить этот хаос, остановить лавину машин, которые без разбору, в погоне за количеством рейсов, сбрасывают эти завалы где попало. — И тут же поднял начальника УВД Ленинанкана, симпатичного полковника милиции Левона Акоповича Галустяна: — Левон, твои гаишники должны вместе с военными обуздать эту стихию и поставить ей надежный заслон. Тебе ясно?

— Так точно!..

Наступал переломный момент в организации работ по разборке и вывозу завалов. Работники ГАИ для выполнения решения комиссии приняли самые крутые меры. Около сотни водителей были строжайше наказаны, а многие из них лишены прав и откомандированы. Были среди них и наши, военные, водители.

Войска гражданской обороны на втором этапе приступили к плановому вывозу этой огромной массы руин, среди которых еще продолжали находить трупы. Темп работам задал Донецкий полк, которым командовал подполковник Рашид Шайкулович Мустафин, мой ученик по Московскому высшему военному командному училищу дорожных и инженерных войск. Позже он окончил Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева. Несомненно, я испытывал чувство гордости и за него, и за многих других своих бывших курсантов, которые оказались на ликвидации последствий землетрясения. Воины с Украины проявляли свои лучшие качества. Я знал многих солдат, сержантов и офицеров, которые трудились здесь не за страх, а за совесть. Особенно запомнился младший лейтенант Михаил Васильевич Заишный, заместитель командира роты по политчасти. Его все звали только по имени-отчеству. Сам он родом из Макеевки, окончил там строительный техникум, отслужил в армии, позже окончил строительный институт и работал прорабом, главным инженером «Цемстроя», секретарем партийного комитета, потом начальником СУ «Доменстрой». В общем, у него богатая биография строителя. А в Ленинанкане его знали как толкового организатора работ по обрушиванию аварийных зданий, сооружений. Он так наловчился обрушивать каркасно-блочные и кирпичные здания при помощи бульдозеров «Чебоксарец», «ДЭТ-250», экскаваторов, что ему было доверено распространить свою методику среди других частей гражданской обороны. В остатках жилых домов ему удавалось отыскать самые слабые несущие конструкции, которые он зачаливал тросом, и стены тут же рушились.

Однажды, помню, начальник Гражданской обороны СССР генерал армии В. Л. Говоров проводил в Ленинанкане сбор начальников штабов гражданской обороны союзных республик и заместителей командующих военными округами по гражданской обороне. Его участники ознакомились с последствиями землетрясения, а потом им показали занятия по обрушиванию аварийных зданий, сооружений. Подполковник Мустафин и младший лейтенант Заишный выбрали пятиэтажный жилой дом, зачалили тросы за простенки третьего этажа, и мощные бульдозеры рванули... В один миг дом завалился, и огромный клуб пыли накрыл всех участников сбора и собравшихся зевак. После того как пыль рассеялась, один армянин, уже в возрасте, подходит к генералу армии Говорову и говорит:

— А вы, товарищ Говоров, меня не помните?

Владимир Леонидович присмотрелся — и вдруг они крепко обнялись. Оказывается,

это был его бывший солдат, который в давние послевоенные времена клал печь в хибаре своего командира полка. И вот теперь этот старый солдат узнал его и радовался как малое дитя: обнимал генерала армии и на мгновение совсем забыл, что у него самого нет ни дома, ни семьи. Все погибли под руинами. Но был рядом его родной командир, и слезы текли из его глаз, теряясь в седой бороде. А мы все стояли, к горлу подступал комок. Никто не в силах был произнести ни слова.

Обрушить аварийный дом. На первый взгляд, что тут особенного? Дернуть как следует, потом организовать вывоз завалов и после завершения работ сдать исполкому чистое место. Ошибочное представление. На практике все оказалось гораздо сложнее. Воины-экскаваторщики, бульдозеристы, крановщики, водители автосамосвалов, газорезчики, стропальщики, команды по сборке туфа и металлолома день и ночь работали в пыли, грязи, грохоте, когда каждую минуту ты можешь сам оказаться под руинами. Было и такое, как мы ни старались тщательно соблюдать меры безопасности. Порою нервы у командиров были на пределе, из-за чего нет-нет да и возникали конфликтные ситуации даже с местным населением.

Как-то звонит по телефону Владимир Иванович Решетилов и говорит:

— Генерал, у меня в приемной собрались армяне и атакуют, приезжай и выручай меня.

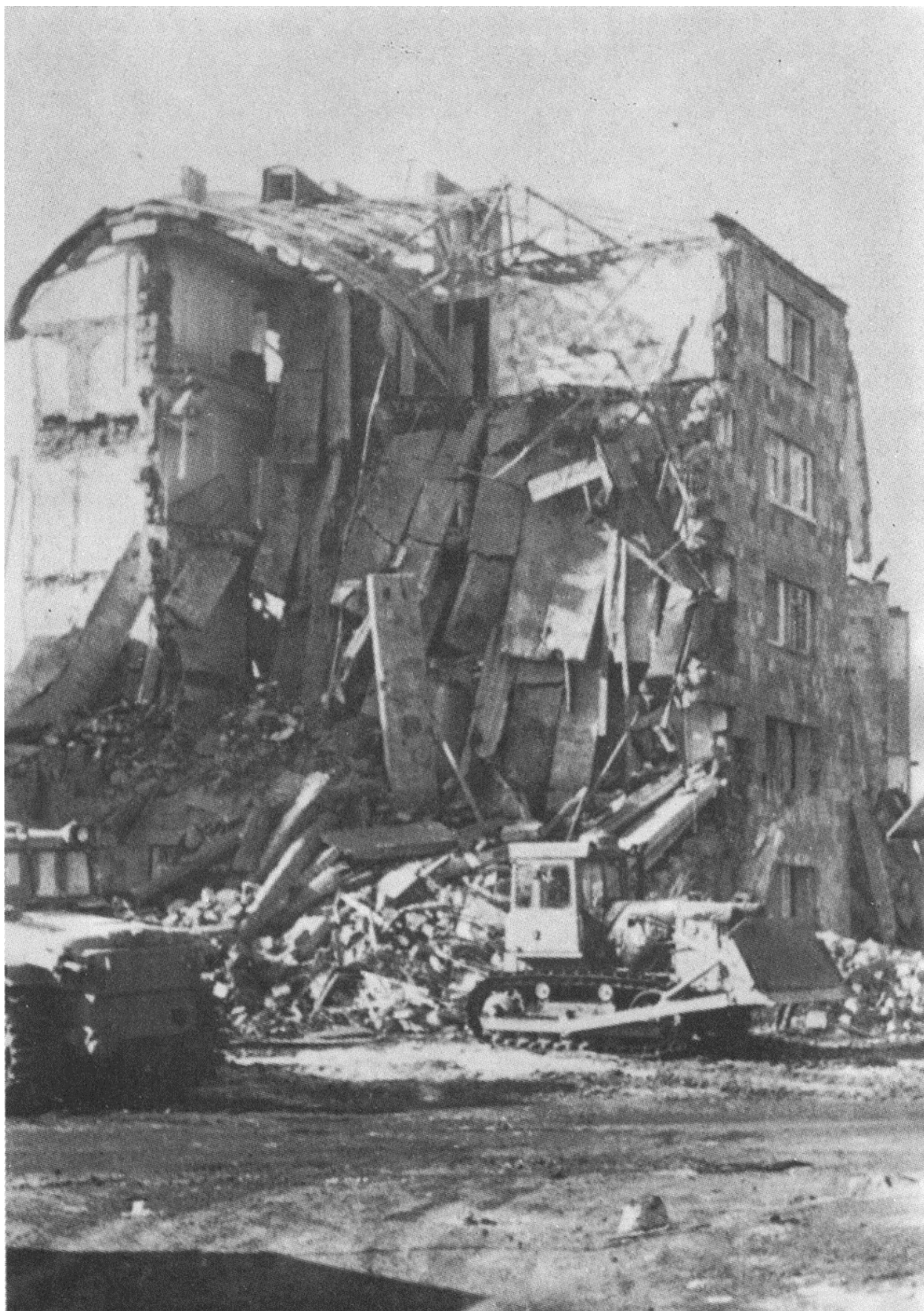
Я уж подумал, что и впрямь что-то случилось. И чуть было не прихватил с собой солдат. Приезжаю в штаб — в его кабинете полно народу. Он мне с ходу:

— Забирай их всех и поезжай на улицу 50-летия Советской Армении, где сложился этот шестнадцатизэтажный дом. Там твои гвардейцы курочат гаражи вот этих граждан, а в гаражах они живут. Разберись и прими меры, потом мне доложишь.

Со всей этой оравой мы двинулись к «пирамиде Хеопса», образовавшейся из завалов бывшего дома. Дом рухнул, а гаражи вокруг него уцелели. И в них действительно жили люди. Командир Тбилисского полка подполковник Доценко получил задачу разобрать этот завал. Наши отечественные краны ни одной плиты, переплетенной арматурой, взять не могли. Бульдозеры и «ДЭТы» тоже не справлялись. Достали мощные, 80-тонные автокраны «Демаг». Но нужно было подготовить для этих кранов площадки. И вот Доценко дал команду разбирать гаражи, чтобы на их месте поставить технику. Несколько гаражей уже успели раскурочить. Когда я приехал и увидел это безумие, мне чуть плохо не стало. А жители, жившие в гаражах (их называли «гаражане»), готовы были растерзать и командира, и солдат. Ну что оставалось делать? Прежде всего убрал с объекта работ всех воинов. Собрал жителей, успокоил их, что никто их гаражи трогать больше не будет, а эти мы восстановим в течение суток. Тут же отдал соответствующий приказ Доценко, и до него только теперь дошло, что он натворил глупостей. Инцидент был исчерпан, расстались мы с армянами по-доброму, без зла и обид. Ну а потом я этого Доценко отчистил на совещании по всем правилам и в назидание потомкам.

Роковые линии разлома в Спитаке

... И рухнули жилые дома вместе с их обитателями

Только советский солдат смог развязать переплетение арматуры и железобетона, чтобы извлечь живых или мертвых из-под завалов

Докопались, но поздно...

И офицеры, и солдаты в одной упряжке

Раз-два – взяли...

Настоящий друг человека, способный отыскать его и под завалами

Генерал армии В. Л. Говоров знакомится с ходом выполнения работ по освобождению полей Ахурянского района от завалов. Рядом с ним первый секретарь Ахурянского РК Компартии Армении С. Г. Григорян

Военные медики оказывают помощь пострадавшим

«Горе горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...»

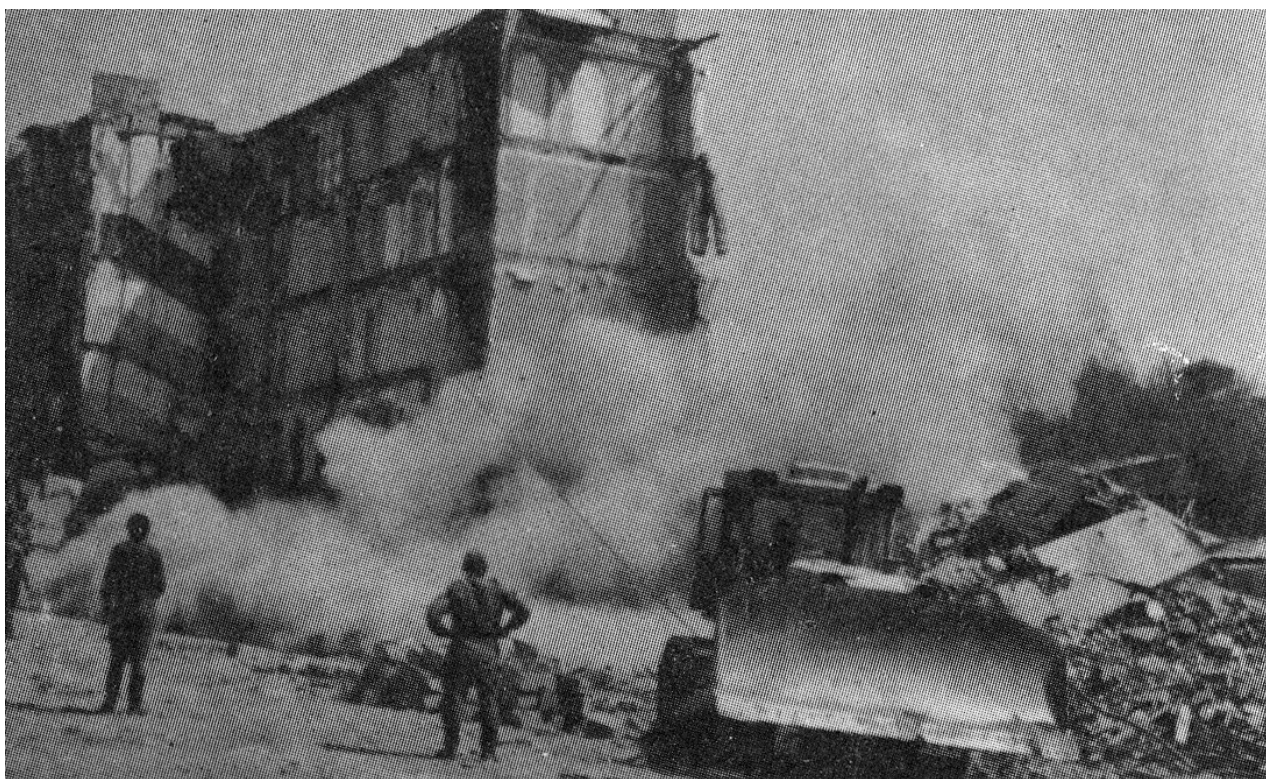
Гробы, гробы... тысячи гробов

Транспортная авиация доставляет тяжелую технику, которой так не хватало

Спасибо тебе, солдат!

Обрушение аварийных зданий, грозящих обвалом

Кубинская делегация во главе с начальником гражданской обороны Родригесом изучает опыт работ по ликвидации последствий землетрясения, июль 1989 года

*Начальник Гражданской обороны СССР
генерал армии А. Т. Алтунин (1921—1989)*

и земля оказалась под огромной массой завалов

Генерал-лейтенант А. В. Ермаков (в центре) — активный участник ликвидации чернобыльской катастрофы и последствий землетрясения в Армении (1937—1991)

Командир полка полковник А. Е. Грабарь получает поздравления с окончанием работ

Все, что осталось от жилого дома... А был ли тут цемент?

Сражение с завалами на полях Ахурянского района

Земля освобождена от завалов, и теперь можно сеять

Командиру полка Р. Мустафину ставится очередная задача на проведение спасательных работ

На комплексе гражданской обороны (слева направо): генерал армии А. Т. Алтунин, Адмирал Флота Советского Союза С. Г. Горшков, Маршал Советского Союза В. Г. Куликов

На учениях по гражданской обороне в Азербайджанской ССР (Апшеронский полуостров), 1976 год (в центре руководитель учений полковник Н. Д. Тараканов, слева полковник М. И. Бушуй, справа генерал Н. К. Казанцев)

Проблемами гражданской обороны лично занимался министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов. Посещение комплекса гражданской обороны

Начальник проектно-строительного объединения В. П. Колчин и генерал-майор И. Д. Тараканов. Их сдружила совместная работа

Трагедия вырвала из жизни и молодых

В первых числах февраля в соответствии с решением комиссии Политбюро ЦК КПСС все войска гражданской обороны прекратили работы в городе — мы получили задачу очистить от завалов поля и пастбища колхозов и совхозов Ахурянского района и все дороги. На этих полях, по предварительным данным, лежало более 300 тысяч кубических метров завалов, а площадь составляла более 500 гектаров. А ведь каждая пядь земли в Армении — на вес золота.

На совещании оперативного штаба 31 января 1989 года В. И. Решетилов официально объявил, что войска гражданской обороны с 1 февраля приступают к работам по очистке всех полей Ахурянского района. На этом совещании он обратился к первому секретарю Ахурянского райкома партии Шаврашу Амаяковичу Александяну, председателю районного исполнительного комитета народных депутатов Мартину Качаровичу Тонояну и ко мне:

— Всем вам надо утрясти вопросы организации работ.

После совещания, которое прошло весьма оперативно, в течение 30—40 минут, мы познакомились. Вместе с первым секретарем был и второй — Сашик Гарегиневич Григорян, который привлекал своей открытостью. С ним мы с первого дня подружились, — пожалуй, на всю жизнь.

Решили встретиться на другой день в райкоме партии в Ахурянах и конкретно все рассмотреть. Договорились, чтобы в райком прибыло руководство тех колхозов и совхозов, на полях которых имеются завалы, а также частей гражданской обороны, которым предстояло очищать земли.

В 8 часов утра 1 февраля мы были в Ахурянах, в здании райкома партии, которое осталось целым и невредимым. После короткого совещания я предложил выехать на местность для рекогносцировки, что мы и сделали. С собой, помимо командиров частей, я взял группу военных инженеров во главе с полковником Г. С. Харьковым. Не могу обойти добрым словом талантливых военных инженеров, которые работали с ним, — полковников А. К. Кутырева, В. П. Сергеева, подполковников А. Е. Житченко, С. А. Дейнеко, Д. А. Крыштобаева, Г. В. Кузнецова. Мы не знали с ними никаких забот. Ведь это только легко сказать, а мы с ними по приказу генерала армии В. Л. Говорова в течение недели обследовали весь Спитак и определили конкретный объем работ, планируемый для войск гражданской обороны. Получилось даже забавно. Оперативная группа гражданской обороны по Спитаку представила генералу армии Говорову баснословные цифры объемов работ. Владимир Леонидович сразу же усомнился в них и позвонил генерал-лейтенанту Н.П. Горбачеву — срочно генерала Тараканова с инженерами направить в Спитак. Точные данные были доложены начальнику Гражданской обороны СССР, и после этого один полк был переброшен в Лениакан, где были огромные объемы работ.

Начальник оперативной группы в Спитаке генерал-лейтенант Виктор Федорович Масенко обиделся на нас с генерал-лейтенантом Горбачевым — будто бы мы предвзято отнеслись лично к нему, к его оперативной группе. В итоге они вместе с первым секретарем Спитакского райкома партии Н. Г. Мурадяном направили телеграмму министру обороны, но ничего этим не добились: в Спитаке и в самом деле достаточно было одного полка.

Итак, мы выехали на поля Ахурянского района. Отличные пахотные земли агрофирмы «Азотан» в районе аэропорта, вдоль дороги Лениакан — Ереван, были придавлены огромной массой завалов. Группа военных инженеров определила, что тут лежит 85 тысяч кубических метров руин. Председатель этой агрофирмы Гарник Хачатурович Есяян стоял тут же.

— Это, пожалуй, не по силам даже и для армии, — сказал он.

У меня особого оптимизма тоже не было, особенно когда мы окончательно обошли

это бесформенное нагромождение из железобетонных плит, прогонов, арматуры, лестничных маршей. И все это, за что ни возьмись, было намертво сцеплено одно с другим.

И тут подходит ко мне Сашик Гарегиневич Григорян, берет мою левую руку, крепко прижимает ее к своей груди и говорит:

— Николай Дмитриевич, надо землю освободить от этого гнета.

— А кто сказал, что не надо? Мы и не такое видели в Чернобыле. Валерий Александрович!

Подошел командир Волгоградского полка подполковник Саидов.

— Слушаю вас, товарищ генерал.

— Это ваш плацдарм. Принимайте его, внимательно обследуйте и разбейте на батальонные и ротные участки. А с председателем агрофирмы «Азотан» установите тесное взаимодействие — чистое поле сдавать ему.

Подполковник Саидов коротко ответил: «Есть!» — и по-уставному отошел.

В душе я, конечно, посочувствовал ему и его подчиненным. Но что поделаешь, если в армии симпатии — это доверие. Кому больше симпатизируешь, на того больше и нагружаешь.

На полях совхоза «Кэти», которые начинались прямо от околицы Лениакана, лежало, по данным военных инженеров, 65 тысяч кубических метров завалов. Молодой и симпатичный директор совхоза Амаяк Александрович Мартиросян с большой озабоченностью и тревогой попытался нас убедить, что его поля завалены больше других и к посевной нужно было бы их очистить. Мы обошли эти поля. Участок закрепили за Донецким полком.

Подполковнику Р. Ш. Мустафину достались и поля совхоза «Маисян», примыкавшие к полям совхоза «Кэти». Тут было завалов поменьше. В совхозах «Ацик» и «Ширак» картина такая же. Эти поля я закрепил за Тбилиским полком и его командиром полковником В. П. Доценко. Колхозом «Арапий» руководит женщина — Сусанна Мамиковна Хачатурян. На полях этого колхоза и в зоне отдыха оказалось около 40 тысяч кубических метров руин, но они так хаотически разбросаны, как будто кто-то нарочно старался усложнить нам работу. Эти земли, их освобождение от завалов поручил своим однополчанам-саратовцам. Командир полка полковник А. Д. Карбаев чем-то недоволен.

— Александр Дмитриевич, — говорю ему, — тебе повезло. Ради женщины нужно будет досрочно освободить поля к Восьмому марта.

И Карбаев, и я понимали, что за месяц мы здесь не управимся. Но настроение как-то переломилось, и на душе стало полегче.

Наша рекогносцировка окончилась в колхозе «Карнута». Этому хозяйству, пожалуй, досталось больше других. На его полях оказалось более 100 тысяч кубических метров тяжелейшего гнета. И эта работа поручалась Ереванскому полку (командир полковник А. Е. Грабарь).

На следующий день, то есть 2 февраля, битва за освобождение полей от завалов развернулась полным ходом. Некоторые части гражданской обороны вынуждены были передислоцироваться на новые места. Так, в поселок Карнута полностью передислоцировались личный состав и техника Ереванского полка. Район работ по очистке полей был теперь практически рядом. Ущелье для приема всей этой массы руин тоже было недалеко от полей.

Все места сброса завалов подбирались совместно с райкомом и исполкомом Ахурянского района. Только после этого сюда доставлялись на трейлерах бульдозеры, «ДЭТы» или даже «Чебоксарцы» — по 5—10 единиц для круглосуточной работы по

перемещению уже привезенного в пропасть. Тут же обычно стояла палатка, в которой жили бульдозеристы, повара, охрана и учетчики.

Февраль в Ленинкане выдался морозный и почти бесснежный. Дул сильный, пронизывающий ветер. За день тебя так продует на полях, что к ночи возвращаешься в свой вагончик и рад-радешенек посидеть у этой самой фронтальной печурки, от которой идет такое приятное тепло. Забываешь и эти завалы, и ветер, и голод, и холод — ты весь поглощен созерцанием огня, который, кажется, излучает жизнь...

А солдатам в палатках и того хуже. Ветер со свистом напирал на брезент. И не раз бывало, что вот такой напористый свистун срывал армейские жилища. Воинам с большим трудом приходилось заново ставить их в ночное холодное время, когда тебя после изнурительных работ тянет в сон.

Лучше всех других из частей гражданской обороны был обустроен Донецкий полк. Подполковник Мустафин еще в декабре 1988 года, когда только прибыли, выбрал удачное место, почти рядом с оперативной группой, и так больше никуда не снимался. Он успел даже построить бани — на каждый батальон и для управления. Позже в этом военном городке появились почта, междугородный телефон-автомат, магазин военторга, клуб. Мустафин ухитрился завести у себя и подсобное хозяйство с поросятами. Правда, полк с этой земли едва не выгнали. Директор совхоза «Кэти» Мартиросян требовал освободить этот участок земли, так как он один из лучших. Дело дошло до Ахурянского райкома партии. Разбирались. Конечно, земля, на которой разместился полк, одна из лучших, ничего не скажешь. На этом месте обустройство проведено такое, что нужно по крайней мере недели две-три на передислокацию. Значит, останавливать работы? К тому же на руках у Мустафина оказался подписанный договор с этим директором на временное землепользование. Естественно, командир полка стоит и улыбается. Сашик Гарегиневич рассердился на этого директора и на армянском языке хорошенько поддал ему. А мне говорит: «Извините, Николай Дмитриевич».

Быт солдат существенно влиял и на результаты работ. Поэтому Мустафин в основном и лидировал среди других частей. Правда, на ЧП этому полку тоже «везло». Когда начались работы на полях, Мустафин полностью личный состав не вывел — на то было наше согласие. В городе для поддержания морального духа ленинканцев по батальону, а где и по роте осталось. Воины продолжали кропотливо расправляться с аварийными домами, особенно полуразрушенными, где сохранялась вероятность обнаружения трупов. На улице Манушана, например, капитан Аксенов не прекращал работы ни днем, ни ночью. Пострадавшие жители города совершенно промерзли, порой часами стояли и смотрели безмолвно на мастерскую работу механиков-водителей путе-прокладчиков, инженерных машин разграждения, экскаваторщиков, крановщиков, водителей огромных самосвалов — «КрАЗов», «МАЗов» и прочих.

Понять душу человека, состояние его психики после такого стресса не так-то просто. И я вовсе не согласен, когда говорят, что армяне ничего не делают. Многие из них просто не могли найти себя в делах. И душа и руки не лежат ни к чему. Я очень хорошо понимаю состояние этих людей. Впрочем, многие из них уже трудятся в строительных организациях, на уцелевших предприятиях, в учреждениях, во временных школах, больницах...

Подъезжаю я как-то к дому, где работал младший лейтенант Заишный, тот самый Михаил Васильевич, а около него совсем промерзшие армяне, человек десять — пятнадцать, и корреспондент Вл. Николаев. Все молча смотрят на солдат. Я и говорю: зачленеете, мол, на таком ветру и морозе! Или давайте работать, или по домам. Армяне отвечают, что у них нет дома. Потом корреспондент говорит мне: «Вот этот ваш Михаил Васильевич и Мустафин меня заманили тем, что вы должны приехать на их участок в 10

часов 20 минут. А сейчас, смотрите, 10 часов 15 минут, даже раньше прибыли. Давайте я всех вас сфотографирую и возьму у вас интервью». Я отвечаю: дескать, вот они — герои, и у них надо брать интервью. У меня-то чего брать? Я руководитель и не сижу за рычагами этих машин. Единственное, я могу дать оценку организации работ и доброе слово о своем ученике и его прекрасных солдатах с Украины сказать.

Никогда не был суеверным, но жизнь без происшествий в полку сглазил, наверное, я.

Именно в этот день один из лучших водителей полка рядовой Зверьков вывозил завалы от разрушенного дома по улице Ширакоци. Часов в двенадцать его попросили товарищи рядовые Андриенко и Медоев съездить в поселок Ацик. Что уж они там забыли — правду так и не сказали. Так вот, не доезжая до поселка, увидели, что на переезд по второстепенной дороге мчится «жигуленок» и не думает уступать дорогу самосвалу, на котором они ехали. На что рассчитывал этот лихач, только ему да богу, наверное, известно. Короче говоря, на принятие решения у Зверькова оставались считанные секунды. Его товарищи замерли в кабине и не могли слова произнести. Зверьков, чтобы не разбить этого лихача и его машину, резко повернул баранку влево и тут же попытался увернуться от кювета, который оказался с его стороны, но сила инерции была уже непреодолима. Зверькова выбросило из кабины и тут же раздавило опрокинувшейся машиной. Рядовые Андриенко и Медоев осталась живы и невредимы. Геннадия Зверькову было всего лишь 32 года. Вот ведь как получается в жизни: явный нарушитель, можно сказать, дорожный преступник остался жить, мерзавец даже не остановился, а человек, который подарил ему жизнь, погиб. А дома в Горловке у него жена, двое детей. Второй ребенок, дочка, родился 17 января 1989 года. Он так ее и не увидел. Его сослуживцы и земляки рассказывали, что он очень любил жену и детишек. И такая нелепая смерть!

Битва в полном смысле этого слова за освобождение полей Ахурянского района от огромной массы нагромождений разворачивалась на плацдарме девяти колхозов и совхозов. План этой операции был хорошо продуман, достаточно точно военные инженеры рассчитали все основные виды и объемы работ на полях, пастбищах и дорогах. В разработанные графики легли теперь сроки выполнения заданий каждым полком. Операторы-направленцы с первого и до последнего дня вели эти строгие графики, на которых отображалась вся динамика хода работ. Тут была видна каждая часть, ежедневный выход на это сражение основных специальных машин — инженерных машин разграждения, «ДЭТов», «Чебоксарцев», бульдозеров, погрузчиков, автокранов. Тут же как на ладони просматривались и политическая работа с воинами, соревнование, контактирование с жителями колхозов и совхозов.

Поздно вечером итожились цифры, корректировались графики, оценивался труд солдат, сержантов, офицеров, командиров и политработников.

Рано утром, в 7 часов, итоги работы за прошедший день докладывались Владимиру Ивановичу Решетилову. Ему нравились все эти строгие армейские графики, схемы, короткие и четкие доклады. Тем более что он терпеть не мог гражданской, как мы выражаемся, разболтанности.

Поселок Карнут. Он расположен у подножия горы, которая прикрывает его от холодных ветров. Этот поселок почти рядом с Ахурянами, километров пять-шесть. Тут же расположены щебеночные карьеры. Вся щебенка должна поступать только на новое строительство в Ленинанкане. По докладу руководителю оперативного штаба Владимиру Ивановичу Решетилову его помощниками было установлено, что часть щебенки уходит «налево».

На одном из совещаний штаба Владимир Иванович отдал распоряжение полковнику милиции Л. А. Галустяну и командиру полка внутренних войск подполковнику А. С. Бакланову — директоров карьеров арестовать и у карьеров выставить вооруженных солдат. На следующий день солдаты с автоматами пропускали в карьеры только самосвалы, занаряженные под щебенку на строительство города. Право, не знаю, были ли действительно арестованы эти жулики, но поставка щебенки увеличилась ровно в два раза.

Когда об этом узнали в Ереванском полку, который работал на полях колхоза «Карнут», рядом с карьерами, там даже настроение как-то поднялось. А то надо же — у народа такое горе, а ворюгам — лучше не надо! Поначалу бульдозеры и путепрокладчики, погрузчики и экскаваторы едва вгрызались в бесформенную массу железобетона. Неимоверных усилий стоило оторвать часть завалов от общей массы, чтобы погрузить на самосвалы. Команды солдат с газорезательными аппаратами ни на шаг не отходили от бульдозеров, экскаваторов, кранов, чтобы, орудуя газовыми горелками, резать арматуру. И дело пошло!

Успехи штурма завалов на полях особенно были заметны на плацдарме Волгоградского полка. Земля агрофирмы «Азотан» лежала у всех на виду. Едешь из аэропорта — тебя встречают завалы, едешь из Еревана — тем более. Все ротные участки полка на полях в ночное время освещались, так как работа кипела круглые сутки. Командир полка подполковник В. А. Саидов свой командный пункт, по-моему, никогда и не покидал. Хотя стоял этот КП на открытой местности — на самом холоде и ветру. Валерий Александрович никому не давал покоя: он настойчиво требовал усиления техникой — и добивался своего, он требовал бесперебойной подачи кислорода для газорезчиков — и получал этот кислород, он требовал участия в работах колхозников — и они работали. Командира уважали солдаты, сержанты и офицеры.

Я смотрел на этого энергичного командира и невольно прикидывал, что он сделал бы, будь у его подчиненных современная техника. Да только что толку в таких прикидках! Оснащение техникой как было двадцать лет назад, так и теперь осталось, мало что изменилось.

Чтобы хоть как-то объяснить засилье рутины, сошлюсь, как я поступал в адъюнктуру Военно-инженерной ордена Ленина Краснознаменной академии имени В. В. Куйбышева на кафедру машин инженерного вооружения, которой тогда руководил молодой доктор технических наук, профессор генерал-майор Александр Георгиевич Лобов. У меня уже была своя тема по гражданской обороне, с ней и приехал: «Исследование эффективности инженерной техники при ведении работ в очагах ядерного поражения». Эту тему мне с подачи моего научного руководителя полковника О. М. Лушников сразу же зарубили. Он мне сказал примерно так: «Знаешь, Николай Дмитриевич, это любой адъюнкт осилит, а ты вот возьми за исследование импульсно-силового удара в интересах повышения эффективности путепрокладочных машин». И добавил, что уходит в отпуск: сам, дескать, за это время разберись и определись.

Оставил я свои идеи в стороне от гражданской обороны и начал заниматься новой проблемой. Увлёкся. И в конце первого года адъюнктской подготовки меня уже слушали на кафедре. Работу одобрили и благословили трудиться дальше. На втором году адъюнктуры я прорабатывал создание опытного образца. Но неожиданно мой научный руководитель Орест Михайлович Лушников увольняется из армии.

— Орест Михайлович, а как же быть с деньгами? Вы же обещали у маршала инженерных войск Харченко выбить деньги на опытный образец.

— Извини, брат, меня увольняют, и я уже для них не авторитет. Что поделаешь...

Пошел к профессору А. Г. Лобову. Тот интеллигентно отрезал: на адъюнкта

положено 300 рублей в год, и никто больше не даст.

— Что же мне делать? — спрашиваю Александра Георгиевича.

— Вы с какой темой к нам пришли? Так вот, пишите на мое имя рапорт, и на большом ученом совете академии мы эту старую вашу тему утвердим.

Я ему и толкую, что полтора года уже прошло, за оставшееся время я не успею ничего сделать, меня просто отчислят, да и только. «Ничего,— успокоил меня А. Г., как мы его называли на кафедре,— успеете».

Вот тогда-то и начались мои «дни и ночи». Только жена да покойная бабушка Арина знали, как по 18 часов в сутки я корпел над диссертацией...

Но однажды мне повезло с экспериментальными исследованиями. В одной научно-исследовательской работе я стал соисполнителем от академии. Руководителем этой НИР был талантливый ученый и прекрасный человек, тогда еще полковник, позже генерал, доктор наук, профессор М. П. Цивилев. Настоящий энтузиаст гражданской обороны, он через Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова пробил создание натурального полигона, моделирующего сильные, средние и слабые разрушения от ядерного фугаса в городе. Методику разрабатывали мы с полковником Б. М. Суслиным.

Вышел приказ начальника Гражданской обороны СССР, в соответствии с которым ряд частей должен был доставить на полигон около 30 тысяч кубических метров железобетонных конструкций из бракованных плит, перекрытий, колонн, прогонов, кирпича и прочего. Мы вместе с Борисом Матвеевичем Суслиным и начальником ведущего инженерного отдела полковником Вольтом Ильичом Карлинским более трех месяцев создавали этот натуральный полигон под Ногинском. Туда же стала поступать инженерная военная и народнохозяйственная техника для испытаний на завалах. Более того, меня очень интересовали тяговые характеристики всей техники при работе в этих условиях, а потом с помощью того же Михаила Порфирьевича Цивилева я получил аж целую тензометрическую лабораторию из Нахабина.

Целое лето я просидел на испытаниях техники. Получил материал, о котором еще недавно не мог и мечтать. Именно здесь родились все нормативы на выполнение работ специальной техникой в условиях сплошных завалов и разрушений, конкретные рекомендации по созданию специальных машин для гражданской обороны. Я уложился в оставшиеся полтора года и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук.

Нормативы прижились, а вот рекомендации остались на бумаге. Даже легендарный В. И. Чуйков не мог пробить в правительстве создание хотя бы одной такой машины, которая отвечала бы условиям работ в очаге поражения или районе стихийных бедствий. Не удалось это и новому начальнику Гражданской обороны СССР генералу армии Александру Терентьевичу Алтунину. Ни одной машины не было создано в интересах гражданской обороны. Да и теперь на горизонте ничего существенного не светит, несмотря на катастрофы в Чернобыле, Арзамасе и Башкирии, наводнение в Приморье. Какие же еще нужны беды, чтобы принять радикальные меры по совершенствованию всей системы гражданской обороны в стране?! Может, армянская трагедия все-таки научит нас уму-разуму?

Как выглядит гражданская оборона за рубежом? Вот, к примеру, Италия, на юге которой в 1984 году произошло разрушительное землетрясение. После этого служба гражданской обороны была преобразована в министерство с мощной финансовой поддержкой со стороны государства, с эффективной техникой, оборудованием, отрядами спасателей. Именно это министерство выделило жилищные модули для «итальянской деревни» в Спитаке. Однако эти модули не единственный акт солидарности и милосердия. Помощь

Италии началась сразу. Спасатели были готовы вылететь в Армению уже вечером 7 декабря, но визы были задержаны, и итальянцы прибыли в зону бедствия лишь через два дня. И в первый же день они спасли человеческие жизни.

В середине декабря уже было принято решение о поставке Италией сборных домиков, оборудования для больницы, гостиницы и привлечении итальянских фирм для участия в сейсмостойком строительстве. Для координации всей программы итальянской помощи в Ереван прибыл уполномоченный министерства гражданской обороны М. Симонелли. Техническое обеспечение этой программы взяла на себя крупнейшая транспортная фирма Италии «Фаджоли». Она подготовила грузовые автомобили, а на деньги, выделенные министерством гражданской обороны, зафрахтовала у судовой компании «Линеа Мессина» корабль «Джолли Неро», который доставлял грузы в Потти. У американцев фирма заказала военно-транспортный самолет для доставки водителей и техников.

Когда итальянцы строили деревню в Спитаке, я не раз бывал там вместе с Мурадяном. У них для работы было буквально все: топливо, автомобили, катки, автоподъемники, запас продовольствия — вплоть до минеральной воды. Деревня получилась великолепная. Рядом с деревней для жителей разместился военно-полевой госпиталь гражданской обороны, в котором мы увидели самое современное оборудование. Деревню и госпиталь мы смотрели вместе с моим воронежским земляком Борисом Леонтьевичем Толстых, только что назначенным председателем комиссии Политбюро ЦК КПСС. Мы ушли из этой деревни и госпиталя в удрученном состоянии. Как не расстроиться, если в нашей замечательной и богатой природными ресурсами стране нет ничего подобного! Ну кому задать эти вопросы: почему у нас так строят, почему не создают такие вот лечебные учреждения, почему у нас несовершенная гражданская оборона?..

Один раз в неделю, после тщательного ознакомления с ходом работ по освобождению полей от завалов, мы проводили совместное с райкомом партии и райисполкомом Ахурянского района совещание с председателями колхозов, директорами совхозов, агрономами, секретарями партийных комитетов и, соответственно, нашими командирами и политработниками. Польза от таких мероприятий была большая. Внимательно заслушивали обе стороны, давали оценку состоянию работ, находили критерий истины при наличии противоречий, а также, были моменты, принимали тут же решения по некоторым вопросам.

Как-то выяснилось, что несколько дней подряд из-за низкого качества топлива инженерная техника стала работать с перебоями. Решили взять топливо, поступающее с нефтебазы, на анализ. И что же? Даже в такую тяжелую годину поймали с поличным жуликов, которые дизельное топливо разбавляли водой. Что этим подлецам до работы на полях! Им нужно было извлечь доход из этой неординарной ситуации, в расчете на безнаказанность погреть руки. Ан поймали!

Кстати, в самый первый период трагических событий и в Спитаке, и в Ленинкане было немало случаев мародерства и воровства. Воины и работники МВД республики задержали немало лиц, которых алчность подтолкнула к гнусным и мерзким действиям. Уже 26 декабря 1988 года Верховный суд Армянской ССР заслушал ряд дел этих мародеров. Так, например, водитель автопредприятия № 3 Ереванского автотреста некий В. Г. Манукян 7 декабря 1988 года, воспользовавшись тяжелой ситуацией, проник на склад Ленинканского пищеторга и похитил оттуда товары общей стоимостью 1633 рубля. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда приговорила его к лишению свободы сроком на 8 лет.

А вот некто А. В. Бабаян под видом врача «скорой помощи» участвовал в работах по

извлечению погибших из-под развалин и перевозке раненых. При извлечении тел погибших он снимал с трупов золотые вещи. О какой тут нравственности речь?! В ней произошел какой-то жуткий разлом, и люди переставали быть людьми.

...Совещания, о которых я говорил, как правило, проходили в Ахурянах. На одно из них как-то приехали из Еревана представители Госагропрома Армянской ССР, министерств автомобильных дорог, здравоохранения, связи. Кроме полей, мы уже начали освобождать от завалов такие магистрали, как Ереванское, Тбилисское, Гарибджанянское и Карское шоссе, ряд сельских дорог. Seriously встал вопрос об участии гражданских дорожно-строительных управлений в этих работах. Приехавшие министерские чины сопротивлялись. И все же, проявив до конца настойчивость, мы втянули в эту работу ряд местных организаций.

Одним из серьезных вопросов была проблема дезинфекции вывезенных на свалку руин. Как ни странно, санэпидстанции не понимали всей важности этой работы. Или не хотели понимать. Понимание к ним пришло лишь после того, как Сашик Гарегиневич основательно распек их.

Эх, наша лень-матушка!

Среди этих тяжелых, изматывающих и тело, и душу будней случались и светлые дни. Именно таким стало 23 февраля — 71-я годовщина рождения Советской Армии и Военно-Морского Флота. Из всех частей гражданской обороны мы выделили на торжественное собрание по 30 воинов. Были тут русские из Саратова и Волгограда, украинцы из Донецка и Ворошиловграда, армяне из Еревана, грузины из Тбилиси. Торжественное собрание открыл секретарь Ахурянского райкома партии С. Г. Григорян. С докладом выступил я. Отметил, что в годы Великой Отечественной войны немалый вклад в разгром фашистской Германии внесли солдаты, сержанты, офицеры и генералы — воины мужественной Армении. Особая роль принадлежит таким сынам армянского народа, как Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков, маршал бронетанковых войск Амазасп Хачатурович Бабаджанян. В годы Великой Отечественной войны только из Ахурянского района на фронт было призвано 6409 человек, 2196 из которых не вернулись к родным очагам. Трое ахурянцев были удостоены высокого звания Героя Советского Союза — Симон Багдасарян, Арутюн Мкртчян и Арамис Погосян.

Было также сказано доброе слово о воинах-армянах, погибших в Афганистане при оказании интернациональной помощи Республике Афганистан. Я назвал поименно лучших воинов, уроженцев многих уголков нашей Родины, которые с честью выполняют свой долг по ликвидации последствий землетрясения в Армении. Потом воинам были вручены почетные грамоты и ценные подарки. Мне кажется, что это совместное торжественное собрание еще больше сблизило нас и укрепило нашу дружбу.

В конце февраля в оперативной группе Гражданской обороны СССР появились первые акты о сдаче колхозам чистых полей. В этом документе лаконично приводились сведения о количестве гектаров земли, которую освободили солдаты из-под завалов, и объеме вывезенного в тысячах кубических метров. Давалась оценка качеству состояния освобожденной земли. Этот акт о сдаче земли подписывали лично командир полка и начальник политического отдела, а о ее приеме — председатель колхоза и агроном. Первый такой акт принес мне подполковник Р. Ш. Мустафин. Он докладывал с радостью, будто действительно выиграл целое сражение. Подчиненные ему солдаты, сержанты и офицеры освободили от 70 тысяч кубических метров руин первое поле колхоза «Кэти» площадью в 30 гектаров. Я тепло поздравил Рашида с этой победой, а на очередном совещании его поздравил и Алексей Платонович Горбачев. Командир полка поблагодарил

нас и пригласил на торжества по случаю передачи очищенной земли колхозникам.

Я созвонился с секретарем райкома партии С. Г. Григоряном и спросил его, знает ли он, «генсек» Ахурянского района, что сегодня по случаю освобождения земли волгоградцами состоится торжественный акт передачи.

— Мой милый друг, — Сашик Гарегиневич часто так называл меня, — ты лучше задай мне вопрос, чего я не знаю.

— Тогда до встречи, — говорю ему и нарочно не называю время сдачи и приема поля.

До чего же симпатичный человек, этот мой «генсек»! Бывший журналист, он прошел многие ступеньки в райкоме партии и никуда больше не стремился, хотя ему, насколько мне известно, были предложения. Он говорил мне:

— Вырос на земле, Николай Дмитриевич, она меня вскормила, и я не имею права ее предавать. Люблю свою землю, как мать родную.

На этом мы с ним сошлись. Я рассказывал ему, что родился в чудесной деревне, которая с незапамятных времен уютно расположилась в излучине Дона, вся утопает в садах; ее окружают чудные горы, конечно, меньше, чем Арарат или Арагац, но все же горы; рядом с ней живописный луг, леса, озера. Как только закончу службу в армии, сразу же уеду в родное Гремячье, пока еще жива мама, которая ждет меня не дожидется одна в деревне на своей усадьбе.

— А как же Москва? — подначивает Сашик Гарегиневич.

— А так. Жила без меня веками и дальше проживет.

В 11 часов 28 февраля мы с Валерием Михайловичем

Сташко были на полях агрофирмы «Азотан». Командир полка подполковник Саидов доложил:

— Товарищ генерал, личный состав полка задание правительственной комиссии по очистке полей от завалов выполнил. Вывезено 85 тысяч кубических метров завалов, освобождено 30 гектаров земли.

Я сердечно поздравил Саидова с успешным выполнением задания. Тут же, на чистом поле, стояли радостные директор агрофирмы Гарник Хачатурович Есоян, его замы, агроном, секретарь парткома. Секретарь парткома, обычно молчаливый, угрюмый человек, теперь улыбался:

— Большое спасибо всем солдатам и вам, Николай Дмитриевич. Я действительно не был уверен, что эту работу можно выполнить так быстро.

Гарник Хачатурович более тридцати лет возглавляет это хозяйство. На его груди ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, он был неоднократно делегатом съездов Коммунистической партии Армении. Уважаемый и добрый человек. Ему давно за шестьдесят, а выглядит не старше 50 лет. Спрашиваю, в чем секрет его молодости.

— Секрет простой, Николай Дмитриевич: земля родная кормит и поит свежими продуктами плюс воздух.

Подъехал Григорян, улыбается:

— Ну, «генсек», смотри, какой подарок волгоградцы сделали!

Мы все — и хлеборобы, и солдаты — идем по этому чистому полю... Какие же прекрасные они ребята, волгоградцы! Вот уж воистину наследники своих отцов, которые сначала защищали Сталинград, а потом его возрождали.

Мне посчастливилось несколько раз присутствовать на встречах с прославленным маршалом, дважды Героем Советского Союза Василием Ивановичем Чуйковым и слушать его рассказы о сталинградской эпопее. И вот здесь, прямо на этом чистом от руин армянском поле, я стал рассказывать то, что слышал от Чуйкова. Солдаты, сержанты и

офицеры полка обступили меня плотным кольцом и слушали мой рассказ затаив дыхание, тем более что в нем звучали названия районов города, заводов, с детства знакомых каждому из них, — «Баррикады», «Красный Октябрь», тракторный. И по лицам людей было видно, что события 45-летней давности для них отнюдь не история. Это их гордость, это их знамя, с которым они шли на штурм здешних руин.

Тепло поблагодарив солдат-волгоградцев за выполнение задания, мы поехали на прием полей в колхоз «Карнут», где нас в 14 часов ожидали командир Ереванского полка полковник А. Е. Грабарь, председатель колхоза Ашик Оганесович Манукян и их помощники.

На подъезде к «Карнуту» еще издали увидели, что по широкому полю идут цепью солдаты, как в атаку. Присмотрелись, а они с этого поля аккуратно собирают оставшиеся мелкие куски бетона, бросают их на носилки, а потом в автопогрузчик и в самосвал. Солдаты все были армяне, и я понял, насколько глубока их любовь к родной земле. Мы вышли из машины. Полковник Грабарь отдал рапорт о выполнении работ. Спрашиваю председателя колхоза Ашика Оганесовича, уже немолодого, щупленького человека:

— Ну как, принимаем поля под сев?

— Ни у меня, ни у наших колхозников нет слов, чтобы выразить благодарность солдатам. Все мы вместе, и в том числе эта вот наша плодородная земля, говорим в один голос: спасибо солдатам!

Однако не везде было так гладко. Прямо скажем, не ладилась дела у Доценко в Тбилисском полку, который работал на полях совхоза «Ширак». Мы внимательно объехали ротные участки и выяснили в основном две причины: первая — частые поломки экскаваторов, и отсюда сбой погрузочных работ; вторая — нехватка самосвалов. Минавто-транс России по-прежнему зажимал их для нас, хотя для полной двухсменной работы мы добились дополнительного выделения этой специальной техники по нашим заявкам. Дело в том, что войска гражданской обороны работали бесплатно, а гражданским организациям, которые в декабре и январе разбирали город, нужно было платить. Несмотря на то, что республике выделили 300 миллионов рублей только на разборку завалов, Совет Министров и Госстрой Армении под всякими предлогами пытались эти работы не оплачивать. А раз так — мы не получали машины.

Еду к Решетилову и все эти неувязки выкладываю. Слова, видимо, подобрал не самые сладкие. Он нахмурился:

— Сегодня разберемся на совещании.

Как всегда, ровно в 17 часов состоялось совещание штаба. Помещение, в котором собирались, как и все здания в Ленинакане, пока не отапливалось, и мы сидели в теплой одежде. Было человек пятьдесят — министры и начальники главков, представители горкома и горисполкома, железной дороги, служб, медицины, военные и так далее. С Владимиром Ивановичем, как всегда, зашел мой шеф — генерал-лейтенант Горбачев. Решетилов на этот раз за стол не сел. Алексей Платонович малость постоял, потом, чувствуя какую-то скованность, все же примостился.

Я сидел в первом ряду. Владимир Иванович осмотрелся, потом, как удав, нашел глазами меня и говорит:

— Доложите-ка, товарищ Тараканов, каким воинским частям регулярно не выделяются самосвалы Минавтотранса Российской Федерации?

Я назвал почти все наши части и цифры — сколько машин не выделяется каждому полку. Не преминул подчеркнуть, что Минавтотранс игнорирует решение, подписанное им самим, Решетиловым.

Вот тут и разразились гром и молнии. Влади-мир Иванович поднял начальника

главка Минавтотранса, который ведал распределением самосвалов, и тут же громовым голосом приказал своему помощнику:

— Немедленно откомандировать этого деятеля с «волчьим билетом», без права занятия руководящей должности в Москве.

Тот только успевал шевелить губами и хватать воздух. Он пытался что-то на ходу лепетать. Но Решетилов больше слушать не стал.

Поразительный был эффект. Сменщик этого начальника главка долгое время ежедневно лично интересовался, какой выход машин, не нужно ли добавить... Много раз мы вспоминали добрым словом Владимира Ивановича — с его отъездом началась снова эта вакханалия. И каких стоило сил и нервов, чтобы все опять отладить. Видно, бюрократы очень живучий народ.

Были неприятности и другого рода. Однажды приезжает к нам в оперативную группу представитель агрофирмы «Азотан» и говорит:

— Николай Дмитриевич, а мы нашли у себя еще одно большое поле, которое находится под завалами. Это в районе старого аэропорта.

— Где же вы были раньше? Ведь у нас все спланировано и распределено по войскам...

Пришлось ехать смотреть этот «неопознанный объект». Оказалось, огромное поле, и на нем 30—40 тысяч кубометров осточертевшей массы завалов. Вечером доложил Алексею Платоновичу, он не поверил. Утром едем с ним, берем с собой и Мустафина. Все как есть — завалы на месте. Инженеры намерили точно 35 тысяч кубиков. Бедолага Мустафин стоит, молчит. И мы пока ему ничего не говорим, молчим. Наконец Алексей Платонович собрался с духом.

— Рашид, — он звал его только по имени, — а чего ты бледнеешь? Разве ты не понимаешь, что твой бывший учитель больше никому не может доверить этот участок?

Шутки шутками, а прибавку мы вручили Мустафину такую, что целый батальон месяц вывозил эту массу.

Позже «неопознанные объекты» были обнаружены в поселке Ацик, но там воины часть завалов убрали, а часть осталась, кажется, и по сей день. Дело в том, что уже в начале марта мы вновь вернулись в Ленинкан. В первых числах марта с полями было покончено. Из Еревана приехал генерал армии Владимир Леонидович Говоров. Мы с Алексеем Платоновичем Горбачевым встретили его у поста ГАИ, что рядом с аэропортом и с полями агрофирмы «Азотам». Туда же приехали руководство райкома партии, исполкома и председатель агрофирмы Гарник Хачатурович Есоян. Почти полдня генерал армии Говоров ездил по полям района, и я не ошибусь, если скажу, что он гордился нашими солдатами. С полей было вывезено более 300 тысяч кубических метров завалов с площади 575 гектаров. Сражение на полях Ахурянского района окончилось.

В эти же дни состоялось чествование солдат, сержантов и офицеров, особо отличившихся при выполнении задания комиссии Политбюро ЦК КПСС. Многие офицеры были представлены к наградам.

Глава 4

И вспомнилась война...

В летописях человечества немало печальных историй о гибели городов. Запахом крови и гарью пожаров веет со страниц истории, повествующих о бесконечных грабительских походах вандалов и гуннов, скифов и печенегов, орд Тамерлана, Чингисхана, Батыя, Мамай, несших рабство и разрушения государствам и народам. Но эти злодеяния времен

седой старины несравнимы с тем, что совершили гитлеровские орды в период Великой Отечественной войны. На захваченной советской территории фашистские варвары по прямой директиве преступного гитлеровского режима сделали все, чтобы уничтожить плоды многолетнего труда советских людей.

Известный американский публицист Эдгар Сноу в 1944 году писал: «Территория, которую русские отвоевали у врага,— это усеянная осколками и щебнем пустыня. Нетронутой осталась только земля, да и ту Гитлер отравил бы, если бы только мог. Чтобы дать хотя бы отдаленное представление, я попробую обратиться к аналогиям. Вот десяток крупных городов, опустошенных гитлеровцами: Севастополь, Ржев, Курск, Харьков, Киев, Одесса, Ленинград, Сталинград, Смоленск, Днепропетровск...

По численности населения до войны они соответствовали таким американским городам, как Трентон, Атлантик-Сити, Нашвил, Бостон, Балтимор, Сан-Франциско, Чикаго, Милуоки, Вашингтон, Де-Мойн, Цинциннати...

Подумайте о десятках тысяч разрушенных домов, заводов, электростанций, о разбитых или вывезенных сельскохозяйственных машинах, о разрушенных железных дорогах и мостах, учреждениях и школах, библиотеках, магазинах, о десятках миллиардов часов честного труда, пошедших прахом, сожженных в огне пожарищ. Это даст вам представление о цене, заплаченной русскими за победу. И не забудьте главную и страшную цену — людские потери: убитые, раненые, пропавшие без вести».

Фашистские оккупанты разрушили и сожгли на советской территории более 70 тысяч сел и деревень, 1710 городов и поселков городского типа. Они лишили крова 25 миллионов советских граждан, разрушили 31 850 промышленных предприятий, уничтожили 40 тысяч больниц, 84 тысячи школ, техникумов и вузов.

Почти полному разрушению подверглись угольные бассейны Подмосковья и Ростовской области, нефтяные промыслы Краснодарского края, крупнейший завод черной металлургии «Красный Октябрь» в Сталинграде.

Были разрушены и выведены из строя крупные машиностроительные заводы, среди них Сталинградский тракторный, Ростовский завод сельскохозяйственного машиностроения и завод «Красный Аксай», Воронежский завод сельскохозяйственного машиностроения, Великолукский, Калининский и Воронежский вагоностроительные и паровозостроительные заводы и так далее.

В Сталинграде оккупанты сожгли и разрушили 41 685 домов, более 100 заводов и фабрик, вывели из строя все городское хозяйство, разрушили 110 школ и все лечебные учреждения. На месте города остались груды развалин. Не было ни улиц, ни переулков, ни площадей. словно величайшей силы землетрясение потрянуло цветущий город и все разрушило, раздавило, сровняло с землей.

Никакая статистика не может дать подлинного представления о действительных масштабах потерь, которые понес советский народ за годы войны. Разве можно подсчитать и выразить в цифрах тот огромный труд, мысль, талант, которые вложили многие поколения наших людей в создание огромных материальных и духовных ценностей, уничтоженных фашистами?!

Превращение советских городов в руины и пепелища не было результатом только военных действий. Это был холодный, методически рассчитанный варварский акт, заранее спланированное преступление фашистов. В приказе за подписью Йодля предписывалось сровнять с землей Ленинград и Москву. «И для всех других городов,— говорилось там же — должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины огнем и воздушными налетами».

Это была страшная война. Не на жизнь, а на смерть. Я видел, помню ее, и потому,

наверное, армянская трагедия в моем сознании ассоциируется именно с фашистским нашествием. Словно время пошло вспять.

Землетрясение 7 декабря 1988 года в Армении унесло более 25 тысяч человеческих жизней, 19 тысяч человек получили различной степени повреждения, без крова остались почти 514 тысяч человек. Разрушены полностью или серьезно повреждены многие промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Выведены из строя значительные участки железных и автомобильных дорог. Сорваны мосты, линии связи, в полную непригодность приведено коммунальное хозяйство. В прах повержен город Спитак, который не подлежит восстановлению.

В одном только Ленинакане было разрушено более половины всех зданий. Перестали существовать 470 жилых домов, 31 школа, 74 детских садика, 6 лечебных учреждений, 212 предприятий общественного питания; 39 промышленных предприятий получили различной степени повреждения и прекратили работу. Выведены из строя системы газо-, водо- и энергоснабжения.

Историческое прошлое Ленинакана отмечено многими бурными событиями. Археологическими раскопками установлено, что еще в III тысячелетии до нашей эры здесь было крупное поселение. В период Урартского царства оно называлось Кумайри. Первое же письменное упоминание о поселении принадлежит летописцу VIII века Гевонда, который пером очевидца описывает вспыхнувшее здесь в 773 году восстание против арабского ига, руководимое Аргавадзом Мамиконяном.

Во времена турецко-персидского владычества город переходит из рук в руки, подвергаясь многократным разрушениям. Новое возрождение города непосредственно связано с историческим событием — присоединением Восточной Армении к России. За короткое время в окрестностях Кумайри (Гюмры) сооружается целый комплекс мощных фортификационных сооружений, а в 1837 году приехавший сюда император Николай I переименовал город в Александрополь. Говорят, в честь своей жены, императрицы Александры Федоровны.

В 1924 году, в увековечение памяти о вожде революции В. И. Ленине, город был переименован в Ленинакан. С начала 20-х годов в Ленинакане с братской помощью России, посланцев всей страны закладываются основы развития мощной базы текстильной и легкой промышленности республики.

До землетрясения Ленинакан был крупным промышленным городом, транспортным узлом республиканского значения, вторым по значимости культурным центром Армении. На его текстильно-трикотажных, станкостроительных, пищевых, обувных, швейных, деревообделочных, стекольных предприятиях выпускалось 3500 наименований промышленной продукции. И теперь все это было в значительной степени разрушено или выведено из строя подземной стихией.

Правительственная комиссия, как известно, обнаружила, что рухнули дома и производственные здания современной постройки, а возведенные более четверти века назад пятиэтажки уцелели. Значит, они были построены на совесть? Конечно же! Ведь в те отдаленные, дозастойного периода, времена нормативы строительства исходили из расчетов девятибалльного землетрясения. Да, это дорого, но не дороже человеческой жизни.

Специалисты считают, что землетрясение в девять баллов можно ожидать один раз в несколько сот лет, а то и того реже. Заинтересованные строительные организации и ведомства сразу уловили это и начали высказывать неудовольствие — мало ли что может быть через 500 лет. И ученые-сейсмологи дрогнули. В 70-е годы на Кавказ выехали экспедиции ряда научных организаций. Итогом их работы стала новая карта

сейсмического районирования, где вместо девятибалльных зон появились как максимум восьмибалльные. А строителям только этого и нужно — ляпать числом поболее, ценою подешевле.

Именно так было построено и здание НИИ геофизики и инженерной сейсмологии Академии наук Армянской ССР. Будто в наказание за грехи услужливых сейсмологов оно рухнуло тоже...

Свою лепту внесло, как мы теперь знаем, и местное ворье. Оно безнаказанно тащило даже то, что было положено по более чем скромным строительным нормам. Расчет был на попустительство со стороны правоохранительных органов. Давно известно, что цемент для строительства с повышенной статической нагрузкой в розничную продажу никогда не поступал. Однако у частных он шел за милую душу. И эти виллы, гаражи, построенные из ворованного материала, безусловно, давно бы надо конфисковать и передать пострадавшим людям, а владельцев отдать под суд вместе с жуликами, которые продавали этот цемент.

И еще. Собрать бы всех этих ворюг да водить их по развалинам Спитака, Лениакана, Кировакана, Ахуряна и другим населенным пунктам, которые были повергнуты в прах. И особенно в холодные дни, когда яркое солнце безжалостно обнажает до мельчайших подробностей жуткую картину бедствия. Провести бы их, этих мерзавцев, как поверженные войска фельдмаршала Паулуса в морозные дни по развалинам Сталинграда, мимо закутанных в шали женщин, которые сидели у тел погибших, накрытых синими простынями. Это не сон, это явь — страшные руины и длинный ряд прикрытых мертвых тел...

И вот солдаты снова на улицах поверженного в прах города приступают к изнурительным и тяжелым работам.

В самом Лениакане еще оставалось более 300 жилых зданий, которые нужно было окончательно разрушить и вывезти на свалки. Кроме того, одновременно войска должны были завершить работы по очистке внутригородских коммуникаций, загородных шоссе, принять участие в восстановительных работах на ряде предприятий, таких, как молокозавод, мясокомбинат, хлебозавод, восстановить троллейбусное движение по городу и так далее. Работы в городе полки начали по своим закрепленным зонам. Вновь отлаживалась технология разбора и вывоза жилых, общественных и административных зданий, школ, детских садов, промышленных предприятий.

Снова вместе с военными инженерами полковниками Г. С. Харьковым, В. П. Сергеевым, А. К. Кутыревым, подполковниками А. Е. Житченко, С. А. Дейнеко, Г. В. Кузнецовым мы разъезжали по улицам, тщательно проводили замеры завалов, планировали соответствующие объемы воинским частям гражданской обороны. Операторы во главе с полковниками В. И. Михеевым и В. П. Макаровым усердно готовили схемы, расчеты, регулирование движения по улицам, дорогам, площадям. Начальник оперативного отдела полковник Виктор Иванович Михеев установил тесный рабочий контакт с работниками ГАИ, и не было никогда проблем в обеспечении сложного регулирования движения огромной массы автомобильного транспорта, который вывозил руины.

На каждую часть приходилось расчистить огромную массу завалов на дорогах протяженностью в среднем около 20 километров. К примеру, Донецкому полку отдали центральные улицы: Ленинградяна, Кирова, Манушана, Тбилисское шоссе — общая протяженность 7,2 километра плюс еще внутриквартальные коммуникации протяженностью 12,6 километра. Итого 19,8 километра.

Но Решетилкову этого было мало.

— Нужно, — говорит, — подготовить войска к проведению генеральной уборки города в течение трех дней в честь предстоящего женского праздника — Восьмого марта.

Алексей Платонович и я малость заерзали. Ведь в городе более ста тысяч безработных слоняются без дела, однако получают свою зарплату. Ну пусть не участвуют в тяжелых работах на разборке города, тут нужны и техника, и навыки, хотя при желании могли бы помочь... Наше ерзанье Владимир Иванович воспринял правильно. Вечером на очередном заседании оперативного штаба он дал указание войскам, всем строительным организациям, прибывшим на восстановление города, председателю горсовета Эмилю Михайловичу Киракосяну мобилизовать население на этот субботник. Попросил первого секретаря горкома Мисака Леоновича Мкртчяна тоже как-то помочь. Тот сказал, что горком и горисполком примут все меры, чтобы население Ленинакана вышло на уборку своего города.

И вот настал день начала генеральной уборки — 5 марта. Едем с Алексеем Платоновичем по маршрутам частей гражданской обороны. Солдаты работают, гражданских почти нет. На улицах города мы насчитали не более 20 человек, и то оказалось, что эти люди — дворники. Заехали раздосадованные к Решетилову — тот, естественно, возмутился, сразу за телефонную трубку. Но от этого людей на улицах не прибавилось. Более того, некоторые председатели райисполкомов, и особенно директора контор, которым по долгу службы положено заниматься уборкой города, стали предъявлять претензии: дескать, военные не везде убрали хорошо, особенно внутри кварталов. Но тут уж и у нас терпение кончилось. Был дан такой отпор, что в последующем на улицах появились и дворники, и просто жители.

Как бы там ни было, но к 8 Марта мы избавили город от антисанитарии, и он заметно преобразился, хотя дороги и шоссе еще были завалены. Мне кажется, с тех пор в городе мало-помалу стали поддерживаться чистота и порядок. По всем центральным улицам ходили наши военные патрули и обеспечивали поддержание воинского порядка среди военнослужащих. А то ведь было всякое. Скажем, идет группа солдат. Внешний вид их настолько безобразен, что не остановиться просто нельзя.

Спрашиваю:

— Куда, служивые, путь держите?

Почти хором отвечают — в магазин. Я им и говорю:

— А ну, присмотритесь друг к другу и скажите свое мнение о себе.

Заставил я их любоваться собой не меньше пяти минут. Они даже рассмеялись.

— А теперь, — говорю им, — шагом марш в свою часть и приведите себя в порядок, чтобы не пугать местных жителей, они и без вас напуганы.

Освобождение дорог, площадей, магистральных шоссе, таких, как Ереванское, Тбилисское, Карское и Гарибджанянское, шло полным ходом. Эти работы были несколько полегче, чем на колхозных полях, но и тут свои трудности — нехватка автопогрузчиков, экскаваторов, да и зачастую автосамосвалов. Специальная техника часто ломалась, а ремонт не был толком налажен. Нужно было пополнять новой техникой все воинские части гражданской обороны. Этот вопрос был поставлен генералом армии Говоровым на комиссии Политбюро ЦК КПСС. Мы получили команду готовить обоснования.

На очередном заседании комиссии Политбюро ЦК КПСС Алексей Платонович выступил с докладом. Все наши доводы были приняты. Председатель комиссии Лев Алексеевич Воронин, будучи одновременно председателем Госснаба СССР, с полным пониманием отнесся к нашим нуждам. Он даже, как сам признался, не представлял, какой огромный объем работ предстоит выполнить войскам гражданской обороны по разбору и вывозу в городах Ленинакане, Спитаке, Ахурянах жилых домов, общественных зданий,

промышленных объектов, объектов соцкультбыта, школ. Позже Лев Алексеевич не раз приезжал в Ленинакан и внимательно разбирался в наших нуждах.

Мир, как говорится, все же тесен. И Лев Алексеевич Воронин, и Алексей Платонович Горбачев — все мы прошли Чернобыль. Но я вспомнил необычную первую встречу с Львом Алексеевичем Ворониным в Москве, когда он был заместителем председателя Госплана СССР. А необычность этой встречи заключалась вот в чем. Однажды я должен был ехать в командировку в Ригу. Поздно вечером подхожу к своему вагону, вдруг слышу объявление: «Полковник товарищ Тараканов Николай Дмитриевич. Вас просят срочно зайти к коменданту вокзала». Я подумал, что ослышался. Диктор повторил то же самое. Смотрю на часы — минут 15—20 до отхода поезда. Пока я размышлял, ко мне подбегает оперативный дежурный и говорит:

— Вам приказано срочно позвонить генерал-лейтенанту Малашенко в штаб Гражданской обороны СССР.

Мы идем к коменданту. Набираю номер телефона Евгения Ивановича.

— Николай Дмитриевич, сдавайте быстро билет и завтра на учебно-экспериментальном комплексе будете проводить занятия с товарищем Ворониным и его аппаратом по всем нашим вопросам. На занятиях будет присутствовать начальник Гражданской обороны СССР генерал армии Алтунин...

Мне в составе группы офицеров и генералов уже приходилось участвовать в таких мероприятиях. В вопросах гражданской обороны мы просвещали и президента Академии наук СССР Анатолия Петровича Александрова, и многих председателей Совминов республик, и руководителей зарубежных государств — ГДР, Чехословакии, Болгарии, Кубы. Однажды на занятия приехала вся коллегия Министерства обороны СССР во главе с министром Маршалом Советского Союза Дмитрием Федоровичем Устиновым.

Первым выступил генерал армии А. Т. Алтунин. Он доложил о состоянии дел в гражданской обороне страны и перспективах ее совершенствования. Доклад занял ровно 45 минут. После него начали проводить занятия по соответствующим разделам мы — генералы Б. П. Дутов, М. П. Цивилев, полковники О. Н. Пашин, В. Е. Аниканов, Ю. И. Сульдин. Я докладывал последним — о проблемах устойчивости предприятий газовой, нефтехимической, химической промышленности, электроэнергетики и машиностроения. Слушали внимательно, задавали вопросы. И вдруг в зале электроэнергетики министр обороны берет меня за руку:

— Подождите. — И тут же обращается к одному из своих заместителей: — Я хотел бы, чтобы на занятиях была дисциплина.

А тот, оказывается, стоял у действующего макета АЭС и, с кем-то разговаривая, не слушал доклад. Это отложилось у меня на всю жизнь.

Приглашая партийных, государственных и хозяйственных руководителей страны на наш учебный комплекс, Александр Терентьевич Алтунин пытался сдвинуть с мертвой точки архиважную проблему повышения устойчивости работы объектов народного хозяйства. Это как раз та проблема, которая и сегодня толком не решена по-настоящему и дает такие аварии и катастрофы, как Чернобыль, Башкирия, Арзамас. Сюда же примыкает и трагедия в Армении. Так что занятия с госплановцами во главе с Л. А. Ворониным преследовали ту же цель. Весь день мы просвещали работников Госплана по многим проблемам. Тут была и электроэнергетика с ее узкими, не расшитыми до сего времени местами, и атомная энергетика с непредвиденными, чрезвычайными ситуациями, машиностроение, связь, транспорт, сельское хозяйство. Наш комплекс к этому времени значительно расширился и охватывал многие отрасли экономики.

Уже за чаем Лев Алексеевич Воронин пообещал Александру Терентьевичу Алтунину

свое содействие в реализации требований по повышению устойчивости промышленных предприятий. На том мы и распрощались. Заверения давали не только председатель Госплана, но и другие столь же высокие мужи руководства страны. Сдвиги же были небольшие. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся аварии и катастрофы, которые наносят огромный материальный ущерб и ведут к новым человеческим жертвам.

...Здесь, в Ленинкане, Воронин подписал постановление комиссии Политбюро ЦК КПСС о дополнительном выделении войскам гражданской обороны экскаваторов, автопогрузчиков, «ДЭТов» и «Чебоксарцев». Однако за полгода мы смогли выбить только треть предназначенной нам техники — на большее у нас не хватило сил. Пока решался вопрос оплаты за выделенные нам машины, наш уважаемый Владимир Иванович Решетилов как союзный министр выкинул на стол требуемую сумму и забрал все себе. Хватка у него оказалась прямо-таки акулья. Мы с Алексеем Платоновичем смогли вырвать самую малость.

Впрочем, у нас всегда так: кто успел — тот и двух съел. Да еще эта проклятая необязательность. Скажем, за всю выполненную работу по разбору аварийных домов и вывозу завалов оплату в декабре и январе производила объединенная дирекция строящихся объектов в Армянской ССР, которую возглавлял заместитель председателя Госстроя РСФСР Василий Федорович Годин. Затем все деньги передали горсоветам. Так доходило до смешного. Приехали как-то в июле первый секретарь ЦК Компартии Армении Сурен Гургенович Арутюнян, Председатель Совета Министров Армении Владимир Суренович Маркарянц, секретарь ЦК Компартии Армении Олег Владимирович Лобов, председатель Госстроя, некоторые министры. Сидим и работаем в кабинете первого секретаря горкома партии Мисака Левонovichа Мкртчяна. Один из вопросов — оплата за выполненные работы ПСО министерств и ведомств. Председатель Ленинканского горисполкома К. Д. Амбарцумян при всей честной компании заявляет: все в порядке, мы заплатим. Проходит какое-то время — ничего подобного. Строители, естественно, разозлились — ничему не верят. Кому это на руку?

Но вернемся, как говорится, к нашим барашкам.

Работы в Ленинкане велись по зонам ответственности от центра города, то есть от площади Ленина и дальше по улицам: Ленина, Калинина, 50 лет Советской Армении, Ленинградяна, Ширакоци, Тбилисскому шоссе и другим. Слово муравейник, вновь зашевелился некогда красивый город Ленинкан. Тысячи солдат, сотни единиц специальной и автомобильной техники наполнили оживающий город.

Одновременно разбирались до сорока объектов. Помимо шума, который стоял в городе от работы техники, над ним висела еще и пыль. (Она, кстати, тоже свидетельствовала о том, что в так называемом бетоне погибших зданий почти отсутствовал цемент.) За день бывало так надышишься, что вечером еле-еле всю эту гадость отхаркнешь. Хорошо еще, если сил хватит пойти в баню, а то иной раз и баня есть, а ноги не идут...

В Спитаке, как я уже говорил, у нас работал Краснодарский полк. Со мной туда отправился кинооператор Центрального телевидения Евгений Владимирович Павлов. Командиру полка говорю: «Поехали на тот участок работ, где лучше всего организовано дело». Поехали. Остановились где-то в центре руин — работа кипит. Подбегает подполковник, весь в пыли, улыбается и докладывает: «Товарищ генерал, второй батальон выполняет правительственное задание по разборке аварийных зданий. Командир батальона подполковник Богданов». Только теперь я узнал своего бывшего курсанта. Вячеслав Михайлович Богданов доложил всю обстановку на своем участке работ, не забыл отметить своих лучших офицеров, таких, как командир роты старший лей-

тенант В. А. Диденко, командир взвода старший лейтенант Т. Д. Самхарадзе, лучшего бульдозериста рядового А. Л. Малыхина и других. Так что телевидению было кого снять в этом батальоне.

И все же самый большой объем работ приходился на город Лениканан. Практически мы приступили повсеместно к сносу около 70 процентов государственного жилого фонда — более миллиона квадратных метров. Из 39 промышленных предприятий 12 было разрушено полностью, и их срочно надо было разобрать и вывезти. Это такие производства, как текстильная фабрика имени Лукашина, текстилькомбинат, производственное объединение «Армэлектроконденсатор», чулочная и обувная фабрики, и другие. Тысячи рабочих, служащих, инженеров остались не у дел. Мобилизовать их на разборку руин ни партийным, ни советским, ни хозяйственным руководителям не удалось. Да и вручную, без специальной техники, мало что сделаешь.

Снова вспоминаю Владимира Ивановича Решетилова. Приехали мы с ним на фабрику имени Лукашина. Нас встретили директор Ашот Оганесович Киракосян, секретарь парткома и главный инженер. Директор показывает нам огромный корпус, который был построен лет десять назад, и этот гигант не выдержал натиска землетрясения. В этом корпусе были размещены сортировочно-трепальный, чесальный, ленточно-ровничный, прядильный и мотальный цехи. Гигантское производство, и теперь оно было обречено на окончательное разрушение и вывоз на свалку. Это 24,5 миллиона рублей! Да еще ежегодная потеря 32,4 миллиона рублей из-за остановки выпуска пряжи. А главное — тысячи людей остались без работы.

Вместе с этой фабрикой рухнули четыре общежития, административный корпус, механические мастерские, котельная, складские помещения. Новое производство строил Леникананстройтрест. Невредимым осталось только здание первой очереди кордного производства, которое было построено в 1924 году неизвестными, но честными людьми.

Владимир Иванович Решетилов остановился напротив сохранившейся первой очереди, дымит безбожно папиросой, смотрит. Я молчу и улыбаюсь. Тогда он бросил недокуренную папиросу и говорит:

— Ну что ты молчишь?

— Ничего, спасибо, Владимир Иванович, за экскурсию, можно и ехать.

— Ты что, мне делать, что ли, нечего, кроме как тебя по экскурсиям возить? — Потом уже поспокойнее: — В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР мне и Минюгу поручено уже в 1990 году ввести производство мощностью на 6 тысяч тонн пряжи в год. Это тебе ясно?

Я опять улыбаюсь:

— Конечно, ясно, что надо эту фабрику разбирать. Но у нас с вами уже утвержденный план по разбору жилья — тоже в соответствии с решением комиссии Политбюро.

— План планом, а это первоочередная задача — рабочим нужна фабрика. Думай, с чего будем начинать.

Я предложил в течение трех дней вместе с руководством фабрики подготовить проект демонтажа оборудования и разборки зданий, сооружений, наметить реальные силы, средства и определить сроки.

— Что же, прекрасно, — сказал Владимир Иванович, — ты инженер-механик, да еще и генерал, — тебе и карты в руки...

Через несколько дней проект был готов, и 21 марта 1989 года Владимир Иванович утвердил его. Фабрику мы поручили разбирать подполковнику Мустафину. Два с лишним месяца один из лучших батальонов полка в три смены, я подчеркиваю — в три смены, вел

сражение на этом объекте. Каждый солдат, сержант и офицер знал, что чем быстрее они демонтируют оборудование, чем быстрее разрушат здания и сооружения, чем быстрее вывезут руины за город на свалку, тем быстрее рабочие снова встанут к своим станкам.

Не было дня, чтобы мы с руководством фабрики и офицерами полка не проводили оперативных совещаний по ходу работ. Хорошие впечатления от совместной работы оставили директор фабрики А. Киракосян, главный инженер Р. Айран, заместитель директора по строительству С. Аракелян, главный механик Л. Терзян, главный энергетик А. Барсегян. Особенно частые встречи были с Ашотом Оганесовичем. Его отличали высокая культура общения, выдержка, эрудиция, отличная профессиональная подготовка, и ко всему — он великолепно знает историю своего народа. Мог часами напролет рассказывать об Армении. Просто удивительно. От него я узнал довольно много. Например, об истоках нашей дружбы. Своими корнями она уходит в глубь веков. В XI веке после длительной борьбы с византийцами, потом с турками-сельджуками армянский народ лишился самостоятельности. Пала знаменитая столица Армении — город Ани, о которой я уже рассказывал. После этого страна окончательно потеряла независимость. Армяне стали искать убежища в других странах. Еще в XI веке образовалось первое поселение армян в Киевской Руси. Позже армянские общины появились в Москве, Астрахани, Новгороде, наконец, в Санкт-Петербурге. В России армяне занимались самыми различными видами деятельности. Они были известны как промышленники, живописцы, торговцы, ремесленники, медики, полководцы русской армии.

Жизнь в армянских колониях текла в русле окружающей среды, но с сохранением национальных традиций. Так зарождались ростки дружбы между двумя народами, которая потом принесла армянам спасение от физического уничтожения, дала возможность обрести свое место в государственном и культурном строительстве России.

Вместе с тем судьба армянского народа полна самых тяжелых, драматических событий. Недаром в 1935 году газета «Правда» писала: «Кто не знает трагического, кошмарного прошлого этого народа! Находившаяся на рубеже двух миров, двух стран света — Европы и Азии, бывшая некогда одной из могущественных стран Древнего Востока, Армения была ареной бесконечных битв и нашествий. Одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы. Едва народ успевал опомниться от одной опустошительной грозы, как надвигалась новая. И снова разрушались села и города, разрушалась культура, гибли трудящиеся армяне...»

В 1639 году Армения была окончательно разделена между султанской Турцией и шахским Ираном: Западная Армения отошла к Турции, Восточная — к Ирану. В истории армянского народа наступили самые мрачные времена.

Поэт Ованес Туманян этому трагическому событию посвятил прекрасное стихотворение «Две черные тучи». Он художественно выразил в образе тучек, гонимых ветром по небу, судьбы разделенного на две части армянского народа, вынужденного волею «грозных ураганов истории» кочевать из страны в страну:

С зеленого трона спокойной вершины
Поднявшись тревожно в темнеющий свод,
Гонимые бурей, по краю стремнины
Две тучки печальные мчались вперед.
Но даже и буря в порыве жестоком
Одну от другой оторвать не могла,
Хоть злобой дышала и в небе широком,
Их с места на место бросая, гнала

И все же армянский народ, по словам В. Я. Брюсова, при всех превратностях судьбы за тысячелетия своей исторической жизни создал самостоятельную культуру, внес свой вклад в науку и оставил миру богатейшую литературу.

В русской художественной литературе получили правдивое отображение исторические судьбы армянского народа, его духовной культуры, богатая природа Армении. Широкое и правдивое воплощение получила и самая черная, трагическая страница трехтысячелетней истории армянского народа — геноцид армян в Османской империи. О геноциде армян много писали, пишут и теперь историки, писатели, деятели науки и культуры, публицисты России, Франции, Германии, Англии, США и многих других стран мира.

Обращают на себя внимание документы сборника «Информация о судебном процессе над лидерами младотурок в 1919 году» и «Приговоры судебных процессов над виновниками депортации и убийств в вилайетах Трапезунда и Харберда».

Всему миру известно, что судебный процесс над главными виновниками геноцида армян длился около полугода. Военный трибунал состоял из пяти судей турецкой национальности под председательством генерала Фарика Мустафы Назым-нами, членов суда: бригадного генерала Зеки-паши, бригадного генерала Мустафы-нами, бригадного генерала Али Назым-паши, полковника Раджиба Фердибея.

6 июня 1919 года в Стамбуле трибунал вынес решение: «За вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и резни армян заочно приговорить к смертной казни главных преступников — великого визиря и министра внутренних дел Талаата, военного министра Энвера, морского министра Джемалю, министра просвещения и генерального секретаря младотурецкой партии доктора Назыма».

А совсем недавно Европейский парламент признал трагические события 1915 года как геноцид армян в Османской империи и призвал страны ЕЭС учредить День памяти геноцида. Когда младотурки свергли султана Абдул-Хашидю, никто во всей империи не приветствовал так сердечно введение конституционного режима, никто не оказал новой власти такой поддержки, как армяне. Их единственной ошибкой в течение первых девяти месяцев конституционного режима была нескрываемая радость и трогательная вера в него. Армяне верили в младотурок до тех пор, пока сами младотурки не разбили эту веру. Пришедшая к власти в 1908 году младотурецкая партия «Единение и прогресс», руководствуясь программой насильственной туркизации страны, подготовила и осуществила в годы первой мировой войны поистине сатанинскую программу истребления армянского населения Османской империи. Турки хотели создать «великую Турцию».

Как тут опять не вспомнить замечательного поэта Армении Ованеса Туманяна, который был певцом страданий родного народа, поэтом его печалей и скорби... Гений народа потому и бессмертен, что он живет в народе всегда. Неразрывно и навечно слились с армянским народом творчество и вся жизнь Ованеса Туманяна. Он стал частицей души людей самых разных характеров, судеб и поколений, он выразил в своих произведениях нечто общее, одинаково родное и понятное всем. Это общее — армянский народный дух, национальный характер народа, его психология, стремления, идеалы.

Но гений народа еще и потому бессмертен, что в какие-то моменты жизни народа он становится особенно необходим и дорог, особенно злободневен. Слова, сказанные им давно и совсем по другому поводу, вдруг неожиданно обретают живую силу, словно они сказаны только что и непременно для людей, живущих теперь. И вот сегодня, когда народ Армении живет незатухающей болью катастрофического землетрясения 7 декабря 1988 года, когда эта нечеловеческая сила повергла ряд городов и населенных пунктов в прах,

поглотив тысячи жизней, обездолив и искалечив тысячи людей, невольно приходят на память стихи Ованеса Туманяна, вынесенные в эпиграф настоящей книги.

Мой собеседник Ашот Оганесович, правда, больше любит историю, чем поэзию, но со всем вниманием знатока поэзии слушает, когда я начинаю говорить о Пушкине, Баратынском, Фете, Тютчеве, и особенно он оживлялся, когда я ему читал стихи Туманяна. Были у нас и такие минуты, когда после изматывающей твоей силы работы хочется добраться до своего вагончика и броситься на солдатскую железную кровать. Ан нет, предложение Ашота Оганесовича продолжить нашу беседу как-то взбадривало, а чашка кофе и вовсе уводила от желания спать...

С Ашотом мы продолжали встречаться и потом, когда солдаты практически подготовили строительную площадку. Строители затягивали начало работ. Киракосян то посылал телеграммы Решетилову, которого, к сожалению, уже не было, то выезжал в Москву. И всякий раз искренне возмущался: «Ну как же можно так, Николай Дмитриевич, ведь ткачи ждут начала строительства, а этот Сахаров морочит мне голову с фундаментами».

Бориса Петровича Сахарова, начальника производственно-строительного объединения Минсевзапстроя СССР, я уже знал более пяти месяцев. По просьбе Ашота Оганесовича я близко их познакомил в надежде, что они найдут общий язык. Вроде контакт установлен, и дело пошло, тем более официально на подряде у Сахарова — строительство новой фабрики. Не знаю, в чем они разошлись. Как говорится, нашла коса на камень. И Ашот стал жаловаться на Бориса Петровича, а тот закусил удила. Дело страдало...

Время стремительно мчалось. Войсками гражданской обороны был выполнен огромный объем работ. Только представьте на минуту, к 1 мая было уже обрушено и вывезено на свалку около 200 жилых домов пяти-девятиэтажной застройки, десятки школ, предприятия, институты, детские садики. И сделали бы еще больше, если бы не самые разные неувязки.

Много хлопот было с железной дорогой. Почти ежедневно на заседании оперативного штаба большая часть времени отводилась выяснению причин задержек с разгрузкой вагонов, путаницы в подаче вагонов грузополучателям. Какие только меры Решетилов не принимал, до конца навести порядок у железнодорожников ему не удалось. Да и его преемникам тоже. Железную дорогу постоянно будоражило. Какая-то скрытая, не улавливаемая на ощупь заноза сидела в нашем деле, и никто ее не мог аккуратно вытянуть. На партийном активе парторганизаций города, строителей и военных даже предлагали, чтобы органы КГБ поработали над этой загадкой. Бесполезно...

Или «деятельность» Госстроя республики вкуче с Ереван-проектом. Они умудрялись срывать самые простейшие работы по проектированию новых микрорайонов, разработке генплана Лениакана. За всю эту волокиту освободили от должности председателя Госстроя. Назначили Г. А. Оганесяна. Все надеялись — работа улучшится. Тщетно. Ереванпроект полностью завалил проектирование новых микрорайонов и оказался совершенно несостоятельным в разработке генплана города. Я уже не говорю о том, что этот институт самоустранился от обследования всех аварийных зданий и сооружений, что входило в его функции.

А в августе вообще разразился скандал, который вышел на международную арену. В Лениакане в соответствии с зарубежным проектом «Помощь Берлина» предусматривалось строительство школ, торгового центра, жилых домов, больниц. Особо речь шла о строительстве поликлиники для беременных женщин и маленьких детей. Жители Западного Берлина на строительство больницы собрали 2 миллиона 400 тысяч марок.

Западноберлинские строители собирались приступить к работе в мае 1989 года. К этому времени Госстрой Армении должен был заложить фундамент. И что же? Правильно, подвел. Он сумел растянуть на четыре месяца только проектирование. Но и после этого институт передал строителям неполный комплект документации.

И это не единичный случай. Такая же петрушка происходила в контактах с Австрией, Польшей, Англией, Италией, США. Руководители республиканских строительных ведомств, вместо того чтобы навести порядок у себя, имели совесть укорять добровольных помощников из-за рубежа в том, что те, видите ли, слишком разборчивы. Мало того, что они стали требовать щебенку определенной фракции, они еще заставляют ее и промывать. С цементом местного производства иностранцы вообще не желали иметь дело.

Знал ли армянский народ, что ворье, несмотря на такую трагедию, продолжало свои грязные дела? Вряд ли. Если бы знал, цемент и все другие материалы поступали бы в необходимых количествах и кондиции. В Ленинакане меня постоянно терзал стыд: как же плохо мы оснащены, какая же у нас примитивная и малоэффективная техника! Я навязал А. П. Горбачеву идею — собрать всю технику, и отечественную и зарубежную, которая применяется в Ленинакане, и показать ее генералу армии В. Л. Говорову. Может, все-таки будет дано поручение соответствующим подразделениям штаба Гражданской обороны СССР проработать техническое переоснащение наших частей. Мудрый мой начальник Алексей Платонович, которого я искренне уважаю, доложил генералу армии Говорову нашу затею. Тот назначил день смотра. Конечно, пришлось ломать шапку перед многими начальниками, чтобы в назначенный день высвободить на час-два нужную технику для показа. Но как бы то ни было, в назначенный день генерал армии В. Л. Говоров прибыл в Ленинакан. Первая точка показа — на бывшем заводе «Компрессор», который полностью был разрушен землетрясением, его больше не существовало. Завод теперь на свалке. Однако оставались еще железобетонные фундаментные стаканы, которые воины подполковника Мустафина вытаскивали из земли, и эти мощные конструкции разбивали специальной техникой. Тут стоял экскаватор на колесном ходу, но вместо ковша был навешен мощный отбойный пневмомолот, который изобретен в Московском высшем командном училище дорожных и инженерных войск. Еще задолго до смотра по моему распоряжению его доставили сюда полковник А. Цуканов и подполковник В. Кулибаба.

Они и доложили более подробно о своем детище. А я добавил, что этот пневмомолот вполне заменит устаревшую компрессорную станцию ЗИФ-55 с ее примитивным пневмо-инструментом.

Здесь же мы показали в работе взрывогенераторную машину. С помощью взрыва разбивали те же фундаменты, но эффект был слабее. В эксплуатации она сложнее и опаснее. Одобрения эта машина не получила. Затем осмотрели большой грузоподъемности автомобильные краны западногерманской фирмы «Демаг». Тут и вопросов не было, так как и таких кранов у нас тоже нет.

Переезжаем в район Варт-Баха, где показывали мощные гидравлические ножницы Минчермета СССР. Они кромсают, перерезая как соломинку, арматуру, швеллеры, железобетонные балки. Рядом — набор газорезательной аппаратуры. В известном трагическом «треугольнике», где незадолго до землетрясения был построен новый микрорайон, который рухнул весь, до единого дома, показываем мощный гидравлический отбойный молоток. Напоследок посмотрели мощные экскаваторы, автопогрузчики, автомобильные краны зарубежных фирм.

Генерал армии В. Л. Говоров коротко подвел итоги этого смотра и сказал, что нам нужно отобрать наиболее эффективную технику, добиться включения ее в штат воинских

частей гражданской обороны. На этом можно было бы и закончить день, но я сказал генералу армии Говорову, что у моего близкого знакомого, работника КГБ, есть документальный фильм, снятый в первые часы после землетрясения, можно его посмотреть. Владимир Леонидович не отказался, и минут через десять мы поднимались на второй этаж ничуть не пострадавшего дома, в квартиру Вячеслава Левонovichа Паняна. За долгие месяцы я хорошо узнал этого прекрасного, душевного и честного чекиста, его жену Эмму Андреевну, детей, родителей, поэтому был уверен, что просмотр удастся. И действительно, вся семья была дома. Разделись, вошли в просторный зал с высокими потолками.

Как строили, сразу после войны. Эмма Андреевна преподавала английский язык в русской школе, и, когда Владимир Леонидович узнал, что она «англичанка», он заговорил с ней по-английски. Нас это, откровенно говоря, шокировало. Мы хорошо знали, насколько наш начальник образован, интеллигентен, но, что он владеет английским языком, для некоторых было открытием.

Фильм был очень тяжелый. Почти полтора часа перед глазами прошли все мыслимые лики горя и ужаса. А рядом — святые солдатские души, первыми вступившие в этот ад во имя спасения человеческих жизней... Мы молча оделись, поблагодарили хозяев и распрощались.

Вскоре после убийства начальника Гражданской обороны СССР неожиданно приехал его заместитель по политической части генерал-полковник Василий Петрович Новиков. Оказалось, для контроля за подготовкой к выборам народных депутатов в Верховный Совет СССР. Так вот, накануне генерал Горбачев сказал мне:

— Ты знаешь, Николай Дмитриевич, я встречать его не поеду. И тебе не советую, дел у тебя тоже уйма.

И ушел. Но тут появился наш комиссар Валерий Михайлович Сташко, весь взъерошенный, растерянный.

— Николай Дмитриевич, прошу вас, хотя бы вы уделите внимание моему шефу, мне ведь с ним работать.

— Ладно,— говорю,— комиссар, будет полный порядок.

Встретили мы как положено Василия Петровича, повезли его по частям гражданской обороны, где он внимательно ознакомился с избирательными участками, встретился с солдатами, сержантами, офицерами. Отдельно поговорил с председателями избирательных комиссий. А потом поехали в Ахуряны посмотреть выполненную на полях работу. Заглянули и в райком партии. К 17 часам вернулись в оперативную группу, где генерал-полковник Новиков приказал собрать всех политработников.

В это же время мы с Алексеем Платоновичем обычно проводили совещание с командирами частей. Естественно, на него я не попал — сидел там, где выступал Василий Петрович. Совещания окончились почти одновременно. Приходит к нам Алексей Платонович и прямо в присутствии Новикова мне говорит:

— А ты чего у политработников забыл, я тебе что сказал?

В общем, разворчался мой начальник, а я ничего не пойму. Чтобы еще больше не раздражать его, отправился к

Владимиру Ивановичу Решетиллову. Прихожу к нему и не успел ещё и рта раскрыть, как он мне уже басит:

— Ну и армия, а я-то думал, у вас там порядок...

Никак не могу взять в толк, на что он намекает. Думаю, опять что-то решил подбросить. Стою и молчу.

— Ну чего ты молчишь-то? Что, не знаешь, как обошлись с Горбачевым? Пока

бедолага Алексей Платонович вкалывал здесь, как негр на плантации, на его должность уже какого-то работника ЦК посадили...

Этим сообщением он меня так ошарашил, что я и язык проглотил. Постоял-постоял и говорю:

— Ладно, Владимир Иванович, я пошел, в другой раз.

Он мне вслед:

— Ну чего у тебя там случилось?

— Да ничего срочного, потерпит.

Сел в машину и поехал искать Алексея Платоновича.

Мой начальник очень болезненно переживал свою отставку. И его можно понять. Увольняться из армии когда-нибудь надо. Но его ведь даже не предупредили.

А ларчик открывался очень просто. Алексея Платоновича заменил мой бывший сослуживец по полку гражданской обороны в Мереве Николай Николаевич Долгин. В свое время он с золотой медалью окончил Военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева, долгое время работал в штабах Гражданской обороны РСФСР, СССР, а потом лет десять трудился в ЦК партии инструктором. С этой должности он перешел снова в гражданскую оборону на должность председателя научно-технического комитета и вскоре стал генералом. Однако после черныбыльских событий его вернули в ЦК и назначили вместо А. И. Голякова заведовать сектором по гражданской обороне и ДОСААФ. Теперь этот сектор ликвидировали, и снова продвижение.

Через несколько дней снова приехал генерал армии В. Л. Говоров и представил вместо Алексея Платоновича генерал-лейтенанта Анатолия Васильевича Ермакова. За ужином все мы высказали генералу Горбачеву свои самые сердечные пожелания доброго здоровья и спокойной жизни — без особых забот и тревог, без повторения ада в Чернобыле и Ленинкане. Мне казалось, он чуть-чуть отошел, повеселел, но горечь обиды осталась, и она отражалась на лице этого замечательного человека.

Генерал-лейтенанта Анатолия Васильевича Ермакова я знал многие годы. За его плечами была служба во всех должностях — от командира взвода до командующего армией. Потом его назначили заместителем командующего войсками Московского военного округа по гражданской обороне, и наконец он возглавил штаб Гражданской обороны Москвы. Так что мы начали совместную работу без особой притирки. Но это была его последняя служебная командировка. В марте 1991 года Ермакова не стало: инфаркт жестоко расправился с ним.

Тверже стали

Недалеко от дома 4а по улице Исаакяна стояла инженерная машина разграждений ИМР-2, что сконструирована на базе танка. Весь ее внешний вид говорил, что не завалы она растаскивала, а только-только вышла из танкового сражения. Рядом с машиной стоит командир Ереванского полка полковник Анатолий Ефимович Грабарь и смущенно улыбается.

— Ты чего улыбаешься, танкист? Кто так изуродовал машину?

Оказывается, вчера этот дом никак не могли завалить — тросы рвутся, тонки, а трос диаметром 54 миллиметра мы еще не получали. А жители смотрят. Правда, ничего не говорят, но наверняка думают: до чего же беспомощны эти солдаты из гражданской обороны. Тогда полковник приказал механику-водителю покинуть машину и сам сел за рычаги, вспомнил, так сказать, свои лейтенантские годы.

— И рванул я на этот дом, на несущие его колонны. Минут двадцать штурмовал, и вот теперь мы его окончательно прикончили.

— А что с машиной будем делать? Тебя за такие трюки надо серьезно наказывать...

Он ухмыльнулся в свои черные усы:

— Товарищ генерал, да через двое суток я все восстановлю...

Тут ко мне подходит совсем старенький мужчина, ну лет под восемьдесят, и говорит:

— Сынок, ты не ругай этого храброго командира, ведь вот с такими мы, солдаты и матросы, шли на смерть и били немецкую гадину так, что пыль столбом поднималась, как вот от этих наших... — Он на минуту задумался и все же досказал: — ...от наших липовых домов. Сынок, а ведь это я попросил солдат малость ускорить разборку домов. И знаешь почему? — Он хитро прищурил левый глаз: — А ну, угадай!

Я взял его за худенькие плечи, прижал к себе — он мне так напомнил моего покойного отца! И разговором, и этой житейской мудростью. Мне стало даже не по себе...

— Наверное, как и всем жителям, эти развалины не дают тебе покоя, отец.

Тут он, будто испугавшись, что я вдруг еще что-то скажу, перебил меня:

— Это само собой разумеется. Но ты, сынок, посмотри на вот эту сохранившуюся надпись на куске железа с названием улицы. Что тут написано?

— Отец, я знаю, что эта улица названа в честь вашего земляка, известного всему миру флотоводца Ивана Степановича Исакова, или, точнее, Ованеса Тер-Исаакянца.

— Верно! — А у самого аж глаза заиграли. — Так вот, сынок, я моряк, всю войну отвоевал, чудом остался жив, близко знал Ованеса, а когда он умер, был на его похоронах. И вот теперь хочу только одного: чтобы до моей смерти эту улицу привели в порядок и все на ней восстановили, как было раньше. Ничего не надо лишнего — как было раньше, до землетрясения. Я уж у кого только не был — и в горкоме, и в горсовете, — все мне обещали восстановить эту улицу одной из первых...

Об Адмирале Флота Советского Союза Иване Степановиче Исакове я много читал. У меня дома хранится о нем книга армянского писателя Ашота Арзуманяна. Автор честно и правдиво рассказал о таланте Исакова как крупного военачальника, полностью раскрывшемся в суровые годы Великой Отечественной войны, как ученого, государственного деятеля, писателя и человека. Ему, Исакову, довелось работать вместе с плеядой замечательных военных полководцев — Шапошниковым и Василевским, Жуковым и Рокоссовским, Баграмяном и Горшковым. Старый матрос лишний раз подтвердил мое право на восхищение этим флотоводцем.

От таких встреч отдыхаешь душой. А отдых нужен, потому что нервы постоянно натянуты как струны. Не знаешь, какая сейчас лопнет.

Оперативный дежурный звонит мне по радиотелефону в машину:

— Товарищ генерал, вас срочно просил прибыть Решетиллов.

Еду. Прибыл в его кабинет, поздоровался.

— По информации КГБ, солдаты стали плохо работать. Грязные и небритые, болтаются по городу. Что это такое?

Он никогда еще так не разговаривал со мной.

— А этот план-график, что лежит у вас на столе, выполняют, может быть, эти ребята из КГБ? Кто же, по-вашему, разбирает дома, фабрики, школы, институты, детские садики? Кто разгружает вагоны и ремонтирует дороги? Кто восстанавливает троллейбусную линию?

Он меня оборвал:

— Ты что, считаешь, что я этого ничего не знаю и не вижу? Речь идет о том, что солдаты стали хуже работать.

Я ему опять попытался сказать, что это не так. Тогда он приказал собрать всех командиров полка в 12 часов к нему в кабинет.

Сел я в машину и думаю: ну зачем я согласился срывать всех командиров частей с объектов работ? Ведь это даже и не Решетилова дело. Тем более что за идиотская информация у этих комитетчиков?

Настроение было поганое. Шофер спрашивает:

— Товарищ генерал, куда поедем?

Я ему:

— В Москву, Володя. Пусть Решетиллов сам тут завалы разбирает.

— Товарищ генерал, вы же его очень уважаете...

Ладно, у нас есть целых полтора часа, и мы успеем объехать основные объекты, чтобы убедиться: и сегодня солдаты сражаются на завалах так же самоотверженно, как всегда. Мы поехали на текстильный комбинат. На этом объекте работы начались почти сразу после пожара, числа 10—12 апреля. На складе с хлопком ночью возник пожар. Версии ходили всякие, в том числе и насчет умышленного поджога. Вот на этом объекте и могли бы поработать сотрудники КГБ, хотя бы помочь следственным органам, а не следить за работой солдат. Так вот, прибывшая на тушение военизированная пожарная команда ничего не могла поделать. Тогда сигнал тревоги получил наш оперативный дежурный, который часов в пять утра разбудил меня и доложил обстановку. Я приказал поднять по тревоге Донецкий полк, так как он был ближе всех к текстильному комбинату, и вызвать мою машину. Не успел я одеться и натянуть резиновые сапоги, как Володя Полухин барабанит в дверь вагончика.

— Товарищ генерал, горит текстильный комбинат, смотрите, какое зарево.

К небу устремлялось огромное пламя, и густой дым застилал город. Мало землетрясения, так еще этот пожар решил спалить то, что осталось.

Народу вокруг пожара набралось уйма, и все стоят глазют. Пожарные, промокшие до ниточки, ведут борьбу с огнем. Уже столько вылили воды, что кругом пройти нельзя, а толку никакого. Руководит ими начальник отдела пожарной охраны города. Я внимательно обошел со всех сторон огромный склад, где было сосредоточено более 3 тысяч тонн хлопка. Он хранился по отсекам, но вероятность, что может загореться все, была весьма реальной. Спрашиваю генерального директора комбината Арташеса Татевосовича Агузумдяна, можно ли обрушить отсек склада с горящим хлопком.

— Можно, если вы сможете. Все эти склады у нас аварийные и подлежат сносу.

Принимаю решение — командиру полка подполковнику Мустафину с соседней фабрики имени С. Лукашина перебросить все экскаваторы на гусеничном ходу, бульдозеры, автопогрузчики и самосвалы. Тот отсек склада приказываю обрушить экскаваторами, а пожарным продолжать действовать водой и обеспечить безопасность работы расчетов и самой техники. После обрушения приступили к вывозу горящих тюков вместе с завалами. Пожарные попытались возражать, но я предупредил — или помогайте, или все вон с территории. С этого момента у нас началось полное взаимопонимание. Примерно через полчаса тяжелая техника Мустафина появилась на пожаре. Опытные экскаваторщики тут же начали крушить стены одноэтажного склада. В течение часа воины завалили склад, пожар малость поутих. Из соседнего отсека склада была организована эвакуация не тронутого огнем хлопка. Тут работали дружно и солдаты, и офицеры из Московской высшей пожарной школы, кажется, они были на стажировке. Тюки вытаскивали из штабелей и тут же грузили в ковши автопогрузчиков. В общем, пожарная

эпопея была еще в разгаре, когда из Еревана приехали первый заместитель Предсовмина Армении Левон Гургенович Саакян, заместитель министра внутренних дел республики Юрий Михайлович Колобаев, министр легкой промышленности (фамилию не помню). Всех их привез «имен гер» (мой друг) полковник Левон Акопович Галустян. Но получился конфуз. Все они прибыли, не в обиду будь сказано, как говорится, при параде: в тужельках, рубашках необыкновенной белизны, в галстуках, в плащах — одним словом, приехали, как на спектакль в театр. А я в это время стою весь грязный в своей «афганской» робе, посреди целого моря воды, которая окружила теперь этот склад. Они замешкались, чувствуя неловкость, остановились и не знают, что им дальше делать. А до пожара еще прилично идти. Я тогда кричу:

— Левон, засучивайте штаны и бегом ко мне!

То ли он тоже решил выдать номер, коль такая оказия приключилась, то ли еще что, но вижу, он и впрямь поднимает брюки. Все расхохотались, а я быстро зашагал к нему навстречу и едва остановил его:

— Ты что, ведь утонешь на глазах своего начальства.

Пожар был потушен, и по просьбе Совета Министров

Армянской ССР мы оставили после пожара часть войск для разбора и вывоза аварийных зданий и сооружений текстильного комбината. Командиры и политработники были на своих местах, солдаты и сержанты трудились как обычно. Я прошел по всем объектам работ на комбинате, потом остановился у гусеничного экскаватора, на ковше которого сварщик наваривал зубья. Разговорился с солдатом-экскаваторщиком:

— Что, и такие зубья не выдерживают завалов?

— Товарищ генерал, эти экскаваторы должны землю рыть, а не завалы разбирать. Тут никакие зубья не выдержат, ведь с декабря грызли этот бетон.

Пожелав солдату успешной работы, мы с Володей поехали на другие объекты. Работы везде шли вполне нормально, но не без того — где-то мы тоже встретили нескольких солдат не в лучшем виде, кое-где солдаты сидели без дела, особенно команды по сбору металлолома. Газорезчикам не хватало кислорода, и они не обеспечивали фронт работ этим командам.

Время приближалось к 12 часам. В приемной Решетилова начальник штаба оперативной группы полковник В. М. Шугай доложил, что все командиры собраны. Мы тут же зашли в кабинет. Командиры частей расселись по периметру кабинета, а я сел за стол заседаний. На краешек стула против меня сел Виктор Митрофанович Шугай, добросовестнейший и исполнительный офицер, длительное время, он работал вместе с нами в Ленинкане, прошел Чернобыль.

Владимир Иванович исподлобья внимательно посмотрел на каждого и вдруг начал:

— Командиры, ваши солдаты стали работать плохо, по всему городу шляются, внешний вид отвратительный...

Он повторил примерно все то, что высказал раньше мне. Шугай возьми и брось реплику:

Нам опять плохо стали выделять автотранспорт для вывоза завалов, кислород тоже Минчермет толком не поставляет...

Владимир Иванович не дал ему договорить и понес, что называется, по всем швам:

— Ты кто такой, откуда ты взялся? Тебя надо давно отсюда выгнать...

Я встал:

— Это начальник штаба, и мы его ценим как отличного офицера.

Решетилов свое:

— Какой это начальник штаба?!

И вдруг он тоже встал, подходит к заместителю командира Ереванского полка подполковнику Гуторкину, а тот сидит в «афганке», под курткой у него видна тельняшка, симпатичный офицер, умница. Прицепился к нему:

— Какой ты моряк, только позоришь моряков! Твои солдаты под моим носом, на улице 50 лет Советской Армении, копаются как сонные мухи! — Спрашивает меня: — Николай Дмитриевич, а за плохую работу ты можешь кого-нибудь из них разжаловать, ну хотя бы до капитана?

— Нет!

— А Говоров?

— Нет!

— А министр?

— Только на одну ступень, но у нас таких «претендентов» нет, — говорю я.

Тогда он набросился на меня:

— Я вас тоже, генерал, не узнаю, в чем дело?

— А в том, чтобы вы взяли себя в руки, успокоились и прекратили этот цирк, иначе я дам команду, и мы все немедленно уйдем. Более того, я вам докладываю, что все солдаты, сержанты и офицеры в основной массе честно выполняют свой долг. Что касается меня, то я вам уже говорил — приехал сюда добровольно, а не по приказу и могу немедленно отчалить. В такой обстановке и при таких ваших оценках я работать больше не желаю. А вот с этими информаторами из КГБ разберитесь, да и мы не оставим их в покое, это не тридцать седьмой год. У меня все!

Вижу, он малость успокоился, стал говорить поучтивее попросил учесть замечания и сказал, что все свободны. Мы вышли. Настроение упало ниже нулевой отметки.

Вечером вернулся из Спитака генерал-лейтенант Анатолий Васильевич Ермаков, и я доложил ему о событиях минувшего дня, а в заключение говорю:

— Завтра же собираю манатки и — вперед, на Москву. Кажется, устал.

На заседание комиссии в этот день не поехал. Анатолий Васильевич отправился к Решетилову один. Вернулся он поздно вечером, зашел ко мне в вагончик. Решетилов, говорит, очень огорчился моим ультиматумом. Назавтра вновь собирает командиров частей — хочет перед ними извиниться, а со мной будет якобы говорить лично.

В этот вечер мы с Анатолием Васильевичем засиделись допоздна. И разговор вертелся главным образом вокруг того, зачем было этим деятелям из КГБ затевать сырбор, если даже что-то и заметили в работе солдат. Нашли бы нас и проинформировали, как и должно быть по-порядочному. Так нет же, надо отличиться перед председателем комиссии!

Владимир Иванович Решетилов сдержал слово. На следующий день он действительно принес свои извинения всем командирам частей. Инцидент был исчерпан, но видеться с ним все равно уже не хотелось.

Накануне выборов народных депутатов СССР, 24 марта 1989 года, на встречу с воинами-избирателями должен был приехать первый секретарь ЦК КП Армении Сурен Гургенович Арутюнян. Мы собрали представителей от всех полков в военном палаточном городке ростовчан. И вот появляется Владимир Иванович. Улыбается.

— Ты что, и впрямь обиделся?

— Да нет, просто устал, и пора возвращаться домой, уже три месяца пробежало...

— Не вздумай действительно сбежать...

Мы не договорили: генерал-лейтенант А. В. Ермаков подал команду: «Смирно!» — и стал отдавать рапорт С. Г. Арутюняну.

Мы поприветствовали первого секретаря ЦК КП Армении, показали гостям военный городок, жизнь и быт солдат, полевой избирательный участок, столовую, палатки, в которых живут солдаты, и направились в огромный палаточный клуб, где уже сидели в ожидании встречи воины. Анатолий Васильевич Ермаков произнес вступительное слово и открыл встречу избирателей с кандидатом в народные депутаты. Потом было предоставлено слово для выступления Сурену Гургеновичу Арутюняну, зарегистрированному кандидатом в народные депутаты СССР по Ленинканскому избирательному округу № 737. Единственным кандидатом.

Позиция и платформа кандидата в депутаты были нам известны. Он твердо стоял за обновление всех сторон жизни и деятельности своего народа, выступил инициатором разработки комплексной программы преодоления застойных явлений в экономике, социальной сфере и оздоровления идейно-нравственной обстановки в республике. Сурен Гургенович в своем выступлении остановился на разработке поправок к Конституции СССР, поисках компромиссного решения по Нагорному Карабаху — выводе автономной области в подчинение центру. Прозвучал рассказ о том, как готовилось решение о закрытии Армянской АЭС. Только было непонятно, почему он молчал, когда секретарь ЦК КП Армении Галоян в одиночестве отстаивал перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым идею закрытия атомной станции. Политика выжидания?..

В своем выступлении Сурен Гургенович как член комиссии Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Компартии Армении дал высокую оценку работы воинов гражданской обороны, которые с первого дня включились в спасение жизней пострадавших и сегодня так же добросовестно освобождают город от завалов.

У солдат, сержантов и офицеров была масса вопросов к руководителю республики. Вот, например, поднимается старший лейтенант Караджян из Ереванского полка, выходит на трибуну и очень грамотно и убедительно говорит о том, что в Армении продолжают процветать коррупция и взяточничество, что на основные руководящие должности выдвигаются люди по протекции и за крупные взятки, что в аппарате ЦК КП Армении много нечестных людей и что лично первый секретарь ЦК товарищ Арутюнян не ведет эффективную борьбу с негативными явлениями. Более того, в связи с трагическими событиями в Армении руководство ЦК и Совета Министров плохо занимается организацией работ по восстановлению нормальной жизни народа, материальная помощь, которая поступает со всего мира, расходуется не по тем, кому она нужна, а на этом опять греют руки нечестные люди. В общем, выступление Караджяна было мрачным, и Сурен Гургенович сидел понуря голову. Мне кажется, наш офицер говорил истинную правду.

Затем он коснулся работ по разборке зданий и сооружений города Ленинкана, организации строительства в нем новых микрорайонов. В этом его информация была недостаточно верна, а потому вызвала у Владимира Ивановича

Решетилова бурный протест. Он даже пытался перебить оратора. Не получилось. Тогда, как только тот сошел с трибуны, Решетилов встал из-за стола и своим знаменитым зычным голосом объявил, что выступавший перед ним товарищ о вопросах строительства и восстановления не имеет никакого понятия, поэтому его выступление в этой части носит провокационный характер. Тут же обрисовал всю реальную картину. А когда сел за стол, шепнул мне:

— Надо бы норму выработки солдатам пересмотреть в сторону увеличения, тогда меньше языком молоть будут...

Владимир Иванович был неисправим.

Встреча длилась часа три с лишним. Потом по просьбе воинов-армян мы оставили их наедине с Арутюняном, и они на своем родном языке продолжали выяснять

отношения... И все же встреча прошла хорошо. Были довольны и воины, и гости, и кандидат в депутаты. Правда, когда наступил день голосования, земляки Сурена Гургеновича Арутюняна проголосовали за него не лучшим образом. Они отдали за него меньше голосов, чем в других полках гражданской обороны. Комиссар наш, Валерий Михайлович Шашко, очень близко принял к сердцу эти результаты и переживал. А я все подтрунивал над ним:

— Главное, проголосовали. А уж как, это не наш с тобой вопрос. Это дело совести каждого избирателя.

Между тем в городе всюду бушевала весна. Ленинанкан постепенно освобождался от завалов. Улицы, площади, парки, пешеходные дорожки были приведены в образцовое состояние. В центре оставалось разрушенных зданий все меньше и меньше. Солдаты постепенно перебирались на городские окраины и на внутриквартальные улицы и переулки. И удивительно: как только город стал более-менее преображаться, так сразу же появилась молодежь на улицах Калинина, Ленина, 50 лет Советской Армении. Стайки симпатичных, модно одетых девчат и парней гуляли по городу до поздней ночи. Жизнь, кажется, потихоньку восстанавливалась, а горе мало-помалу отступало.

За санитарным состоянием кварталов неустанно следили санэпидстанция и специальная группа медиков от Минздрава РСФСР. Однажды, на очередном заседании, медики доложили Решетилову, что на товарной железнодорожной станции в тупике объявилось несметное количество крыс, которые по ночам совершают набеги и на жилые массивы. Владимир Иванович удивился:

— Это как же вы такое допустили, откуда они взялись?

Докладчик упустил самое главное — эти крысы завелись в буртах сахарной свеклы, которой скопилось на железной дороге более двух тысяч тонн...

— Николай Дмитриевич, надо срочно организовать вывоз этой свеклы вместе с крысами куда-то на свалку.

— Ну вот, Владимир Иванович, даже с крысами бороться никто не может, кроме солдат. Так, выходит?

Он подумал-подумал и вздохнул:

— Значит, так, генерал.

От такого признания, откровенно говоря, я опешил. Чтобы Решетилов спокойно воспринял такую «подначку»! Этого не могло быть!

О задании я доложил Анатолию Васильевичу Ермакову. Мы решили поручить эту операцию Волгоградскому полку, который дислоцировался ближе других к «сахарному» тупику. Я вызвал командира полка, и мы отправились с ним на рекогносцировку. Нашли этот самый «сахарный» тупик, где в нескольких буртах лежала свекла. К нам подошел вооруженный железнодорожник.

— Товарищ генерал, — говорит, — вы только с минуту постоит молча.

Мы замолчали. Этот бурт свеклы, у которого мы стояли, весь шуршал! Представил, что творится тут ночью. Они же человека сожрать могут!

— А потому и я, и мои товарищи по ночам трясемся от страха. Особенно пугают те вагоны, которые под пломбой. Вот только жулье ничего не боится.

— Эти крысы, наверное, заодно с вашей мафией.

Невольно вспомнилось: новый председатель горсовета Корнелий Данилович Амбарцумян отбивается от чехов, которые недоумевают и возмущаются — как так, они прислали прекраснейшее сантехническое оборудование, а его наполовину разграбили, прямо из вагонов! Амбарцумян готов был сквозь землю провалиться — так ему было неловко и стыдно из-за этих воругов. Мой друг, начальник УВД Левон Оганесович Галустян,

занимался этой кражей, но нашел концы или нет — до сих пор не знаю.

Мы, конечно, вывезли эту свеклу. Большую часть на свалку, меньшую — в колхозы и совхозы Ахурянского района, на корм скоту. Через трое суток провели генеральную уборку территории железнодорожной станции и сдали ее «директорам тяги» в самом образцовом виде. Еще одна операция под кодовым названием, как острили солдаты, «буряки и крысы» закончилась. И до сих пор я думаю вот о чем: почему до этой свеклы не дошли руки у Госагропрома республики? Что, у нас сахара излишки? Или уже талоны на него отменили?

25 марта на улице Гая вдруг завалился пятиэтажный аварийный дом. Он не был отнесен к первоочередным ввиду того что, кроме трещин в стенах, угрожающего в нем ничего не было. В доме находились солдаты. Сколько — никто не знал. Выскочить не успел ни один. По тревоге перебросили на эти развалины людей и технику из Ереванского полка. Вновь спасательные работы. Кто-то из жителей сказал, что на пятом этаже, в центре, он видел двух солдат. Решили в этом месте разбирать завал побыстрее. Что значит приобретенный опыт — через несколько часов извлекли живого солдата. Военный строитель был в полном сознании и сумел рассказать, что они вдвоем решили подняться на крышу, чтобы с высоты посмотреть на город. Только дошли до последнего этажа, как дом начал разрушаться.

— Дальше ничего не помню. А мой товарищ, узбек, должен быть где-то рядом,— и спасенный показал в то место, откуда его извлекли.

Через полчаса откопали и второго солдата, но он был мертв. Плиты перекрытия изуродовали человека до неузнаваемости. По документам установили его личность и вызвали представителей из военно-строительного отряда. Нужно было сообщать родным и отправлять оцинкованный гроб с телом погибшего на родину.

По всем воинским частям среди личного состава, так же как и среди местного населения, постоянно велась разъяснительная работа — не ходить по аварийным домам. Однако счет жертвам шел бы еще достаточно долго, если бы 30 марта все аварийные дома, грозившие обвалом, разом не рухнули. В эту ночь на территории Армении произошло ещё одно землетрясение. В Ленинкане его сила достигала семи баллов.

Меня оно застало в вагончике полковника Валерия Михайловича Сташко. Поздно вечером ко мне зашел начальник штаба оперативной группы Минздрава РСФСР и попросил подписать грамоты, которыми собирались наградить наиболее отличившихся медицинских работников. Действительно, медики во главе с Владимиром Васильевичем Кулагиным работали хорошо. Это Владимир Святославович Мурзаков, Наталья Петровна Журавлева, Каро Спартакович Маргарян, Татьяна Борисовна Гурьянова и многие другие. Все они были из Пензы. Среди них терапевты, стоматологи, работники санэпидстанции — опытные и высококвалифицированные специалисты. А главное — безотказные врачи. Располагались они в вагончиках на территории оперативной группы Гражданской обороны СССР. В общем, мы их взяли на свое попечение.

Кулагину я сказал, что завтра грамоты будут подготовлены и мы вручим их всей группе медработников в торжественной обстановке. С тем он и ушел от меня. Я тут же, не откладывая дело в долгий ящик, зашел в вагончик Валерия Михайловича Сташко и уже открыл рот, чтобы сказать, как организовать завтра это маленькое торжество, как вдруг вагончик закачало. Смотрю, Валерий Михайлович падает на стенку, держаться ему не за что. Я же стоял на пороге в проеме дверей и уцепился руками за притолоку. Сташко спрашивает:

- Что это, Николай Дмитриевич?
- Твой вагончик воры автокраном зачалили и сейчас вместе с комиссаром

увезут.

А сам опрометью вылетаю на улицу. И сразу же к оперативному дежурному. Тот в это время вместе со своим помощником уже были на улице, в два счета оставив здание СПТУ-40, в котором на втором этаже были все наши служебные помещения, в том числе комната оперативного дежурного.

Отослал офицера к телефонам — срочно обзванивать все полки и поднимать их по тревоге, чтобы они были в полной готовности для выполнения спасательных работ в своих зонах ответственности. И тут подъезжает мой «УАЗ».

— Ну что, товарищ генерал, поехали? — спрашивает водитель.

— Поехали, Володя.

Когда сел в машину, вдруг дошло, что она пришла без вызова. Говорю:

Я же тебя не вызывал.

Володя улыбается:

— А разве я не знаю, что вам надо сейчас ехать по всему городу и смотреть, нет ли серьезных последствий от этого толчка!

Ну что тут скажешь! Разве повернется язык, чтобы калякать насчет того, какие у нас серые и замордованные солдаты?..

Ленинканцы были на улицах. Стояли кто в чем. Во многих местах разводили костры. Люди боялись возвращаться в свои квартиры. Особенно многолюдно было на улицах Калинина, Ленина, Горького, где стояли крепкие дома, в которых продолжали жить люди.

В центральном штабе дежурный офицер (кажется, подполковник Ю. Базлов) доложил, что из Еревана позвонили и сообщили, что в Ленинкане зафиксирован толчок в 7,5 балла продолжительностью 8 секунд. Больше пока ничего не предвидится. Кстати, по центральному штабу никаким положением не было предусмотрено дежурство наших офицеров. Но по просьбе В. И. Решетилова и с разрешения генерала армии В. Л. Говорова для обеспечения более оперативной работы этого органа мы назначили своих дежурных. Ну и вторая сторона — Владимир Иванович все-таки любил строгий армейский порядок.

— Ну а что дальше? — спрашиваю дежурного.

— Я не знаю. Кто мне звонит, тому я передаю эту информацию.

Говорю Базлову:

— Звоните начальнику Гражданской обороны председателю горисполкома Киракосяну и поднимайте его по тревоге — пусть займется своими обязанностями и как мэр города, и как начальник Гражданской обороны. Это первое. Второе — надо растряссти радиоузел и попытаться всю имеющуюся информацию довести до населения, чтобы успокоить людей.

Вооружившись сведениями из Еревана, поехал по городу, чтобы малость успокоить народ. Часа два мы с Володей разъезжали по улицам и до хрипоты объясняли людям, что можно возвратиться в квартиры.

Народ разошелся только под утро. А объявлений по городу так и не было. Радиоузел не работал, на улицах не было ни одного громкоговорителя. Никак у нас не дойдет мысль до того, чтобы перенять у Еревана хотя бы этот опыт. Там в каждой деревне радиоузел и мощные динамики. Оповещение населения занимает считанные минуты. В 17 часов состоялось заседание центрального штаба. Наряду с повседневными вопросами стоял и вопрос о готовности всех служб города к действиям в условиях повторного землетрясения. На этот раз Решетилов был в Москве, и заседание проводил его заместитель Юрий Ильич Ларинцев, волевой и жесткий человек, как и его шеф. Юрий Ильич разнес медицинскую службу за то, что ночью ее так и не могли вызвать, затем

поддал мэру города. Но он еще не знал того, о чем хотел доложить я.

Свое выступление я начал с обращения к первому секретарю горкома партии Мисаку Левоновичу Мкртчяну и председателю исполкома горсовета Эмилю Михайловичу Киракосяну. При всей аудитории я прямо сказал, что минувшая трагедия их ничему не научила и все как было, так и осталось. Ни в одной городской службе гражданской обороны дежурство не организовано, оповещение в городе отсутствует, информация до населения не доводится, даже в горсовете нет дежурства. Никаких формирований повышенной готовности в городе не создано. Опять все надежды на армию.

Возмущенный, я предложил обо всем этом проинформировать жителей города — пусть знают, как «заботятся» о них.

После этого Юрий Ильич Ларинцев на ранги уже не взирал. Он больше никого не стал слушать. Было принято совсем короткое решение — назначены ответственные лица из штаба для контроля за устранением обнаружившихся безобразий.

Глава 5

Солдат всегда солдат

«Солдат — имя общее, знаменитое, — писал Петр I в воинском уставе 1714 года. — Имя солдата носит первейший генерал и последний рядовой».

За многолетнюю офицерскую службу в армии я много повидал солдат. Это были в большинстве своем настоящие ребята, полные задора, солдатской сметки, юмора и, главное, убежденности в том, что они — защитники своего Отечества и народ надеется на эту защиту.

В послевоенной истории страны было достаточно поводов, чтобы проверить все качества советского солдата. В том числе и Чернобыль. Мне никогда не забыть сложную, опасную и трудную операцию по удалению высокорadioактивных элементов с крыш третьего энергоблока и площадок главной вентиляционной трубы Чернобыльской АЭС. В этой операции приняло участие более 3 тысяч солдат, сержантов и офицеров. Горькую участь мне пришлось разделить вместе с ними. Только руками солдат, одетых в примитивную защиту, использующих шанцевый инструмент, было удалено около 170 тонн радиоактивно зараженного графита и разбросанного вместе с ним ядерного горючего.

Зоны, в которых работали солдаты, так и назывались — «особо опасные». Уровни радиации составляли в них более 1000 рентген в час. И вот, чтобы уберечь солдата от «белой смерти», мы вместе с физиками из Обнинска и Ленинграда, Киева и Свердловска скрупулезно вычисляли, чтобы одноразовая доза облучения солдата была не более 20 бэр. Предельно точно замерялось время выхода в зону и возвращения из нее, подъема по пожарной лестнице из третьего блока через отверстие в перекрытии на крышу, подъема по металлической лестнице на трубные площадки и так далее.

Не было ни одного случая переоблучения солдата. Солдат выходил в эту особо опасную зону один раз в своей жизни и на время не более двух минут. А это значит, что все они остались живы и здоровы. Если бы вот так, пусть даже не по две, а по 5—10 минут работали пожарные, подменяя друг друга, сегодня были бы среди нас живые герои. Но, увы...

Вот и теперь, в городах Ленинкане и Спитаке, солдаты — главная ударная сила, они трудятся днем и ночью, беззаветно выполняя свой воинский долг. О многих из них я уже рассказал, о некоторых рассказ еще впереди.

Однажды пришел ко мне на прием по личному вопросу уже немолодой, лет за

сорок, солдат А. Г. Карпенко. Говорит:

— Товарищ генерал, ну что за безобразие — всю свою жизнь после армии я прожил в Армении, недалеко от озера Севан есть такой поселок Варзенис. Жил, прямо говорю, хорошо. А когда уезжал в Ленинакан на ликвидацию последствий землетрясения, то мой начальник, армянин, сказал мне, что больше ста рублей в месяц тебе не заплачу, хотя мой оклад намного больше. Я ему уже писал письма, а жена ходила на прием, но он стоит на своем — сто рублей, и баста. Как студенту-заочнику. Может, он, товарищ генерал, какой-нибудь карабаховец и специально разжигает во мне страсти и недовольство?

Я усадил Карпенко, успокоил, расспросил про жизнь на Севане, про отношения среди местного населения. Разговор у нас получился долгий.

— Товарищ генерал, армяне нас уважают и ценят. Мы их тоже. Что нам национальность! Лишь бы человек хороший был. Но в семье не без урода. Уж больно есть хитрые среди них. Если он тебя не обманет, ей-богу, и дня не проживет. И еще скажу: все армяне очень любят армию. Из-за любви они здесь нашего брата нет-нет да и подпаивают. Вы думаете, нашего механика-водителя ИМР, рядового Николаева который раздавил «Москвич», кто напоил? А ведь жаль парня — это настоящий русский солдат, удивительно безотказный танкист. Сколько домов он завалил, а наверняка засудят...

А дело было так. Рядового Н. Н. Николаева где-то местные жители прилично угостили, и он в нетрезвом состоянии на этой огромной инженерной машине разграждения, что на базе современного танка, помчал в расположение части. Уже вечерело. На проезжей части улицы с правой стороны по ходу стоял «Москвич», в котором сидели его владелец Назарян с женой. Куда смотрел этот Николаев, никто не знает. Говорит, засмотрелся. Как бы там ни было, а машина летела прямо на легковушку. К счастью, жена Назаряна увидела, что их вот-вот раздавит... Она едва успела вытащить больного мужа из кабины, как ИМР подмяла этот жалкий «Москвич» под себя... Вот ведь какой может быть финал, если человек подружится со спиртным.

А с Карпенко мы не раз еще встречались. Перед отъездом домой нашел меня, вручил домашний адрес и пригласил в гости на Севан. Кстати, за шесть месяцев командировки я так ни разу и не побывал на этом озере, хотя собирался съездить.

Работой солдат в городе были довольны и жители, и зарубежные гости, и, конечно, члены комиссии Политбюро ЦК КПСС, которые часто посещали Ленинакан.

Запомнился приезд в апреле председателя комиссии Политбюро ЦК КПСС Ивана Степановича Силаева, ныне Председателя Совета Министров РСФСР. Никакой подготовки мы с Анатолием Васильевичем Ермаковым к его приезду не проводили. Начальник только сказал: «Сядешь вместе с Силаевым в его машину и покажешь все наши объекты. Коротко расскажешь, что нужно».

С Иваном Степановичем из Еревана приехало много начальства. Да все наши местные начальники собрались. Поехали мы на автобусах.

Вначале был осмотр новостроек в 58-м квартале. Строительство только набирало силу. Неплохо шли дела у наших российских «бригадиров», особенно у Валерия Павловича Колчина, Бориса Петровича Сахарова, Владимира Ивановича Ефимова. Но у казахов Иван Степанович расстроился. Он дал команду тут же вызвать одного из замов Предсовмина Казахской ССР, как говорится, на ковер.

После ознакомления с новым строительством наступил и мой черед. Мы поехали по основным объектам города, где трудились солдаты. Вот он, огромный больничный комплекс. Наполовину сохранился, но и оставшуюся половину, что ближе к станции переливания крови, солдаты грызли экскаваторами, автопогрузчиками, крупные элементы конструкций грузили на шаланды (машины с длинным прицепом) автокранами. Солдаты

уже привыкли к разного рода комиссиям и гостям, а потому, не обращая внимания, продолжали трудиться. Только когда мы вышли из автобусов, старший на участке работ офицер подошел и отдал рапорт. Потом мы поехали на жилые дома, которые разбирались легче. Тут же солдаты выбирали туф, грузили его в самосвалы или складировали. Работа на разборке домов шла веселее. Обычно пятиэтажный жилой дом рота вместе со своей техникой разбирала и вывозила за 12—14 дней. Заехали на фабрику имени Лукашина, где работы велись в три смены.

Всем ходом работ, которые выполняли солдаты, Иван Степанович Силаев остался доволен. Но тут же спросил, какие просьбы, пожелания. Я сказал, что недостает эффективной тяжелой техники, большой грузоподъемности кранов, а также канатов диаметром 54 миллиметра для обрушения зданий, сооружений. Неплохо было бы привлечь помимо войск гражданской обороны и инженерные войска для приобретения опыта в этих нелегких работах. Помощник Ивана Степановича Б. З. Шахназаров зафиксировал все эти вопросы, и, на удивление, в очередном постановлении комиссии Политбюро ЦК КПСС они в основном были разрешены. Вскоре для выполнения данного постановления от начальника инженерных войск Министерства обороны прибыл генерал-лейтенант Жидченко.

Наш первый с ним разговор закончился тем, что он дал слово: в соответствии с решением комиссии Политбюро ЦК КПСС в ближайшее время обеспечит поставку новых инженерных машин разграждения, путепрокладчиков, «Чебоксарцев» и другой техники. Вскоре эту технику мы действительно получили.

Ленинакан постепенно освобождался от разрушенных и аварийных жилых домов, промышленных предприятий, школ, больниц и многих других теперь совершенно никому не нужных объектов. Уже полностью разобрана и вывезена на свалку огромная фабрика имени С. Лукашина. Теперь на месте фабричных корпусов — пустырь. Подходят к концу работы на текстильном комбинате. Но много времени и сил у подчиненных подполковника Мустафина отнимает огромный, многоэтажный, современной постройки цех. Он угрожает в случае его обрушения с одной стороны существующей трансформаторной подстанции, с другой — целому составу железнодорожных вагончиков, в которых живут геологи. Но приобретенный опыт солдат и офицеров все же позволяет без ущерба обрушить эту махину и начать вывоз конструкций за город. Правда, часть уцелевших плит, колонн, прогонов и прочего пойдет снова в дело. Но основная масса руин будет на свалке.

27 апреля 1989 года в Ереване состоялось заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС под председательством Ивана Степановича Силаева. Обсуждался ход выполнения работ войсками гражданской обороны по разборке и вывозу аварийных жилых зданий, промышленных сооружений, объектов соцкультбыта, разгрузке вагончиков, стройматериалов на железнодорожных станциях. По настоянию генерал-лейтенанта А. В. Ермакова и ввиду того, что я в районе бедствия давно, неплохо владею обстановкой, с докладом было поручено выступить мне. На это совещание были приглашены все командиры частей гражданской обороны, руководители штабов по ликвидации последствий землетрясения: по городу Ленинакану — А. А. Бабенко, который только что сменил В. И. Решетилова, по Спитаку — В. А. Курамин, председатели горисполкомов, партийные работники.

Следует отметить, что отъезд в Москву Владимира Ивановича многих огорчил. Все руководители производственно-строительных объединений, военные, местные партийные и советские органы настолько привыкли к его требовательному и честному стилю работы, что, несмотря на крутой нрав Решетилова, весть о его замене застигла врасплох. Потом как-то несолидно получилось, что на последнем совещании, которое проводил Владимир

Иванович, был представлен и его сменщик — Александр Алексеевич Бабенко, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР. Никто даже не успел сказать доброе слово о работе нашего грозного руководителя. Весь его отъезд был скомкан. До сих пор в душе остался нехороший осадок, тем более что на этом совещании «не оказалось» ни первого секретаря горкома, ни председателя горсовета.

В своем докладе я обратил внимание на численность и оснащение техникой всей нашей группировки, в том числе отдельно по городам Ленинакану и Спитаку. Вкратце остановился на выполненных работах за зимний период:

с полей и пастбищ Ахурянского района солдаты вывезли более 300 тысяч кубических метров завалов, освободив площадь в 530 гектаров;

около 120 километров дорог и улиц города Ленинакана освобождено от завалов и вывезено 120 тысяч кубических метров завалов;

разобрано и вывезено на свалку около 200 жилых домов, 4 промышленных предприятия, что составило 904,3 тысячи кубических метров завалов, и так далее;

солдатами разгружено около 3 тысяч вагонов; разгружено, доставлено и установлено около 2 тысяч вагонов-домиков;

собрано 29 500 тонн металлолома, 2660 кубических метров строительного туфа;

оказана помощь в восстановлении троллейбусного движения и так далее.

В сутки солдаты вывозили в среднем 12—14 тысяч кубических метров завалов. И все равно только в Ленинакане еще оставались неразобранными 140 жилых домов, 21 промышленный объект, 49 объектов соцкультбыта (29 школ, 11 детских садиков, 9 больниц) и прочего.

В моем докладе был поставлен и ряд проблемных вопросов, в том числе и такой, как отсутствие у Госстроя Армении стратегии возрождения Ленинакана. Что вывозить в первую очередь, что во вторую, а что в последнюю, — до сего времени мы сами решали эти вопросы. А так дальше не годится. Иван Степанович Силаев эту идею подхватил, и тут же были даны соответствующие распоряжения Госстрою Армении. Мною была высказана неудовлетворенность и тем, что до сих пор нас будоражит автомобильный транспорт. По-прежнему бывают сбои в выделении автосамосвалов, ввиду того что Совет Министров Армении тянет и не решает вопросы оплаты работ Минавтотранса РСФСР.

После моего доклада были и вопросы, и выступления. Председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС Иван Степанович Силаев дал высокую оценку работам, проделанным войсками гражданской обороны, что и было отмечено в соответствующем решении. Правда, произошел небольшой инцидент. Выступает заместитель командующего Закавказским военным округом по гражданской обороне генерал-майор А. Кортапов и предлагает вывести из Ленинакана Ереванский и Тбилисский полки: дескать, они плохо работают, дисциплина слабая и трудно этими частями управлять. Силаев послушал-послушал генерала, да и спрашивает меня:

— Николай Дмитриевич, а как в действительности работают эти части?

Я встал и доложил:

— Ереванский полк, командир полка полковник Грабарь, вот он сидит здесь, занимает второе место и работает хорошо. Тбилисский полк несколько хуже, но план в основном выполняет.

Тут Иван Степанович и выдал товарищу Кортапову за его беспомощность по первое число.

В конце апреля Силаев со всем своим аппаратом отбыл в Москву. Хорошие дела и хорошие впечатления о своей работе оставил председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС. Мы его не раз вспоминали, болели за него при повторном назначении

заместителем Председателя Совета Министров СССР на первом Съезде народных депутатов.

Вместо И. С. Силаева председателем комиссии Политбюро ЦК КПСС был назначен Борис Леонтьевич Толстых. Это тоже заместитель Председателя Совета Министров СССР, он же председатель Комитета по науке и технике. На следующий день после прибытия Борис Леонтьевич уже знакомился с обстановкой в городах и населенных пунктах, пострадавших от землетрясения. Прежде всего он вылетел в Спитак. Анатолий Васильевич Ермаков поручил мне выехать на встречу с ним и соответственно проинформировать о всех работах, которые выполняет в Спитаке Краснодарский полк.

Выехал рано утром. Езды от Ленинанкана около часа. Дорога хорошая, асфальт, обочины ухоженные. Едешь, а вокруг горы, молчаливые, какие-то манящие. Невольно вспоминаются чудные строки М. Ю. Лермонтова:

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат кусты...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Посередине между Ленинанканом и Спитаком прямо у дороги когда-то располагался поселок Ширакомут. Здесь был этот злосчастный эпицентр землетрясения, и практически этого поселка больше не существует, одни развалины... А с левой стороны от дороги, когда смотришь на железнодорожную станцию Налбанд, прямо против села Ширакомут видна в некоторых местах зияющая просадка железнодорожного пути, которая составляет более четырех метров. После Ширакомута других крупных населенных пунктов нет, впереди только поверженный Спитак.

В Краснодарском полку, что расположился в палатках на взгорье, меня встретил исполняющий обязанности командира майор Александр Алексеевич Наумов. Он прибыл в Спитак 12 декабря 1988 года вместе со своим бывшим командиром полковником Д. А. Ращукулой. Тот отменно показал себя и теперь назначен с повышением. В полку мы с шофером позавтракали и поехали на вертолетную площадку, что была расположена несколько выше. Только успели подняться к ней, как за нами следом приехал первый секретарь городского комитета партии Н. Г. Мурадян. Небритый, костюм какой-то помятый, рубашка грязная. Я хотел было спросить, почему у него такой затрапезный вид, но одернул себя: «А какое мое дело! Хозяин — барин, у каждого своя манера показываться на глаза начальству».

Пока мы с ним говорили о неурядицах в восстановлении всей жизни в Спитаке, о работе солдат, появился вертолет. Он сделал несколько кругов над городом и сел около нас. Винты вертолета остановились, и к нам по лестничке спустился совсем молодой человек, в котором я тут же узнал своего земляка из Воронежа — бывшего генерального директора научно-производственного объединения «Электрон». На этом предприятии я не раз бывал по служебным делам, и Борис Леонтьевич Толстых тоже узнал меня. Обменялись крепкими рукопожатиями.

С вертолетной площадки мы поехали осматривать руины Спитака, которые произвели на Бориса Леонтьевича удручающее впечатление. Практически ни улиц, ни дорог, ни площадей в городе больше не существовало. Все превращено в прах. Солдаты гражданской обороны работали на сахарном заводе, разбирая завалы, вывозили обломки

и мусор от тех разрушенных домов, на месте которых уже начиналось зарождение временного поселка строителей. Работа у солдат кипела, и Б. Л. Толстых очень тепло отозвался о них. Закончив осмотр разрушений, мы направились на строительство нового города, что будет расположен километрах в десяти от старого. Работы шли неважно, особенно у узбеков. Рабочие простаивали из-за отсутствия опалубки, цемента, щебня. Дела спорились у зарубежных строителей, особенно у итальянцев, которые возводили деревню. О ней уже речь шла. Хорошо трудились на строительстве больничного комплекса норвежцы. Нас встретил их руководитель Вадим Ольсен и показал всю организацию работ. Они тогда только что закончили закладывать фундамент.

После внимательного ознакомления с состоянием всех работ в Спитаке мы вернулись в город, в вагончик, в котором уютился горком партии. Тут и провел свое первое официальное совещание новый председатель комиссии Политбюро ЦК КПСС. Были заслушаны ряд руководителей города, строители, представители некоторых министерств и ведомств. Первый секретарь горкома Н. Г. Мурадян выложил, как всегда, свои просьбы, в том числе и о том, чтобы вернуть в Спитак Ростовский полк гражданской обороны, который теперь работает в Лениакане. Борис Леонтьевич был не в курсе минувших событий, а потому попросил меня объяснить, в чем тут дело. Я доложил, что в связи с небольшим объемом работ по Спитаку, завалы в котором не разбираются и не вывозятся, на все работы на подхвате тут одного полка вполне достаточно. И решение по этому вопросу было принято в марте комиссией Политбюро ЦК КПСС вполне обоснованно. Борис Леонтьевич с моей информацией согласился и подвел итоги «дискуссии». Он дал неудовлетворительную оценку всем нашим строителям. В конце сказал:

— Идите и учитесь, как надо строить, у тех же итальянцев, норвежцев и других зарубежных строителей.

Через несколько дней после Спитака, 7 мая 1989 года, состоялось выездное заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС в Лениакане. Помощники Б. Л. Толстых трудились в городе безвылазно. Они ознакомились с ходом нового строительства, с восстановлением зданий, сооружений, ходом их разборки. С утра и до обеда Борис Леонтьевич сам объезжал объекты. Работой воинских частей гражданской обороны и он, и его помощники остались довольны. На это заседание приехали из Еревана Предсовмина Армении В. С. Маркарьянц, некоторые министры, члены ЦК КП Армении. От Лениакана на заседание были приглашены ответственные работники горкома партии, горсовета, начальники проектно-строительных объединений, а от армии мы с генерал-лейтенантом А. В. Ермаковым. С заседания комиссии Политбюро ЦК КПСС шла прямая трансляция по Армянскому телевидению. С докладом о состоянии всех работ в городе выступил председатель горсовета Эмиль Михайлович Киракосян. Он больше делал упор на критику прибывших строителей и, думаю, умышленно опускал бездеятельность Госстроя Армении, который вплоть до 7 мая еще не разработал генплан нового Лениакана. Докладчик оставил в стороне и свой родной горсовет, который мало проявлял активности в восстановлении города. Естественно, после такого доклада страсти разгорелись.

Началось заслушивание всех восьми начальников проектно-строительных объединений (ПСО). Одним из первых выступал Владимир Иванович Ефимов из Минюга СССР. Он вкратце доложил о состоянии строительства на своих объектах. Однако задержка проектной документации армянским институтом проектирования значительно сдерживает ход работ, особенно в 58-м квартале. Председатель Совета Министров Армянской ССР Маркарьянц пытался обвинить Ефимова в том, что срыв строительства плановых объектов происходит только по вине строителей. Более того, показывая свою компетентность в области строительства, он учинил чуть ли не экзамен Владимиру Ивановичу по

нормативам и расценкам. Маркарьянц так сказал Ефимову: «Ты нас не води по темным углам, мы тоже кое-что соображаем».

В общем, всем нам стало ясно, что руководство Армении играет на публику — чтобы отвести от себя вину за волокиту.

Я хорошо знал Владимира Ивановича Ефимова, его высокую профессиональную подготовленность, организаторские способности. И потом, все они, начальники ПСО, работали по 16—18 часов в сутки. Армия ему и всем его коллегам регулярно оказывала помощь солдатами, которые разгружали вагоны со строительными материалами, помогали в строительстве бетонных заводов, в ремонте и восстановлении школ.

Вот на трибуну поднялся начальник ПСО Борис Петрович Сахаров из Минсевзапстроя СССР. Этого звали «решетиловец». Он не стал перечислять, что его объединение выполнило на сегодняшний день, а сразу же пошел в атаку на руководство республики, обвиняя его в том, что оно потворствует безответственной деятельности Госстроя Армении, который ни одного проекта не выдал в срок. А если что и выдал, то по несколько раз пришлось переделывать. Качество этих проектов очень плохое.

— Как можно мириться,— продолжал Борис Петрович,— что сегодня 7 мая, а до сих пор нет генплана? Как можно мириться, что щебенка и песок, которые мы берем в местных карьерах для монолитного строительства домов, не годится — мы теперь все везем из России?! Так о каких плановых сроках может идти речь?

Начальники ПСО один за другим поднимались на трибуну и высказывали всю горькую правду. Председатель Госстроя Армении, почувствовав, что назревает большой скандал, стал заверять всех присутствующих: мол, поправим положение дел и с проектированием, и с генпланом. Но начальники ПСО этими заверениями не удовлетворились. По их настоянию было принято решение немедленно направить работников Госстроя и проектировщиков в Ленинакан для доработки всех проектов на месте.

Речь зашла также и о строительстве в районе поселка Мармашен. Дважды там заставляли строителей снимать землю, вывозить грунт и закладывать фундамент. Дважды они начинали эту работу. И останавливались. Совет Министров Армении во главе с Маркарьянцем никак не собирается принять решение об отводе земли под стройку. Борис Леонтьевич Толстых потребовал от Совета Министров немедленно решить этот вопрос.

Маркарьянц вскочил:

- Все уже решено.
- А где сам документ?
- Решение немедленно будет в Ленинакане.

По залу прокатился гул.

Борис Леонтьевич Толстых признал состояние строительства неудовлетворительным. Он дал такую оценку штабу по руководству всеми делами в Ленинакане во главе с Бабенко. Кстати, Александра Алексеевича Бабенко на этом заседании не было — он выезжал куда-то в Краснодарский край на встречу с избирателями. За него оставался Станислав Иванович Сабанеев, он и выступал с докладом по всему строительству и восстановительным работам в Ленинакане. Так же была оценена работа Госстроя Армении и Госстроя Союза, который практически устранился от армянских дел и слабо влиял на ускорение разработки проектной документации. От железнодорожников председатель комиссии потребовал выправить положение с разгрузкой вагонов. Были расставлены, кажется, все точки над «i».

В хлопотах и заботах не заметили, как пришел великий праздник 9 Мая — День Победы. Тогда, в сорок пятом, солдат Великой Отечественной войны, по-моему, испытал

величайшее счастье от понимания того, что именно он, солдат, помог своему народу победить врага, отстоять свободу Родины, вернуть ей мир. Спустя десятилетия мы все больше понимаем, как был тяжок тот солдатский долг и что, наверное, выше его на земле ничего нет.

Несмотря на то что в Ленинанкане еще не были залечены даже самые малые раны, полученные городом во время землетрясения, все его жители в этот праздничный день были радостны, приветливы и добры. А наши солдаты тоже почувствовали себя победителями — только не над фашистами, а над стихией и последствиями ее разгула. Они делали все возможное, чтобы облегчить участь народа, оказавшегося в такой беде.

В День Победы особенно отчетливо представляешь, какие тяжелые годы пережила наша Родина. И тогда ни у кого не было сомнений в том, что руководителем и организатором нашей борьбы с фашистскими захватчиками должна быть только ленинская партия. По ее зову народ поднялся на эту великую войну, и она действительно стала всенародной. В смертельной схватке с лютым врагом, которая началась для нас в крайне невыгодных условиях, проявились во всем величии несокрушимое единство советского народа, безграничная любовь наших людей к своей Родине, их верность ленинским идеям.

Первый День Победы навсегда останется в моей памяти. Я учился тогда во 2-м классе. Проснулся — на улице солнце и тишина. В доме тоже тихо. Неужели все еще спят? Между тем мой старший брат Иван, который уже около года после тяжелых ранений, полученных в воздушном бою, работал военруком в Гремяченской средней школе № 36, давно бодрствовал. Брат достал свою летнюю офицерскую форму, выгладил ее, прикрепил боевые ордена и стал красить разведенным в воде зубным порошком свои брезентовые башмаки. Когда закончил, аккуратно поставил их на завалинку дома, чтобы они высохли. Так случилось, что, выбегая из дома, я случайно рукой задел один из башмаков, и тот свалился в лужу. Я схватил его и, не зная, что делать, расплакался. Значит, уже хорошо понимал, что натворил. Брат вместе с этим полуботинком взял меня на руки, прижал к себе:

— Ну ты чего это расстроился? Мы его сейчас перекрасим. — Опустил меня на землю, — Давай беги да живо собирайся. Ваша школа тоже будет участвовать в торжествах, посвященных Победе.

На этот праздник я надел шуршащие зеленые брюки, сшитые мамой из армейской плащ-палатки, на ноги натянул глубокие резиновые галоши, склеенные из автомобильной камеры безногим инвалидом войны соседом дядей Ваней Хрипушиным, повесил через плечо холщовую сумку со школьными тетрадками и отправился в школу. Все четыре начальных класса, примерно человек сто, строем пошли на Гремяченскую гору, где на площади собрались все жители села Гремячьего. «Парадом» на площади командовал мой брат. Тут были колонны школьников, колхозов и совхозов Гремяченского района, служащих и отдельно, самая главная, колонна участников Великой Отечественной войны. Над каждым строем — портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Совсем неожиданно появились руководители райкома партии, райисполкома. Иван подал команду: «Равняйся, смирно! Равнение на середину!» Он подошел строевым шагом к первому секретарю райкома партии и отдал рапорт, после чего прозвучала команда: «Вольно!» — и начался незабываемый митинг. Выступали руководители района — все, как один, они были участниками Великой Отечественной войны, на груди у них сияли ордена и медали, лица у них были радостные, но слезы все же предательски текли по щекам. Вспоминали близких друзей, не доживших до этого дня, к которому стремились долгие и мучительные годы...

День 9 мая 1989 года в Ленинакане выдался тоже как по заказу. С самого утра ярко светило солнце, хотя всю ночь лил проливной дождь. Я вышел из вагончика и направился в оперативную группу, где с утра собирались все офицеры. Дежурный офицер доложил обстановку за минувшую ночь, которая на этот раз была относительно благополучной. Я тепло поздравил всех присутствующих офицеров с Днем Победы, который мы отмечаем в необычных условиях, пожелал им здоровья, праздничного настроения и успехов в выполнении интернационального долга в Армении. Оперативному дежурному сообщил, что вместе с полковником Виктором Михайловичем Старостиным мы заезжаем в гостиницу за генерал-лейтенантом А. В. Ермаковым и оттуда следуем на возложение венков погибшим воинам к памятнику «Мать Армения». С нами вместе выехали офицеры с венками и представители от строителей Росжилгражданстроя во главе с Валерием Павловичем Колчиным.

Ленинакан в этот день выглядел праздничным. Накануне 1 Мая воины вместе с жителями города и строителями еще раз провели генеральную уборку улиц, площадей, скверов. И этот праздничный вид поддерживался. Мы разыскали Анатолия Васильевича Ермакова и все вместе отправились к подножию памятника «Мать Армения». Здесь собрались партийные и советские руководители города, жители Ленинакана, воины Советской Армии, строители от союзных республик, министерств и ведомств, ветераны войны и труда.

По крутым ступенькам все участники этого торжества стали подниматься с венками и живыми цветами к памятнику. Рядом с этим монументом был сооружен мраморный памятник погибшим в Великой Отечественной войне. Горел Вечный огонь, звучала музыка. Люди шли и шли — нескончаемый людской поток. На лицах — печаль и сострадание. И много слез. Что утешит их, этих простых женщин и мужчин, у которых горе потерь при землетрясении наложилось на горе потерь в годы войны? Может, то, что у советского, в том числе и армянского, народа есть надежная защита, которая не оставит в беде, — армия.

Раздался зычный голос командира дивизии генерала Ю. Г. Казакова, и войска местного гарнизона прошли торжественным маршем, отдавая честь павшим в Великой Отечественной войне и всем тем, кто погиб в декабрьской катастрофе.

Глава 6

И снова жизнь пробилась из руин

Ф. М. Достоевский утверждал, что три четверти человеческого счастья — в семье, во всем остальном мире — только одна четверть. Трагические события в Армении лишний раз подтвердили горькую справедливость этих слов великого сына России. Тысячи семей были разрушены, и никакая арифметика не способна вычислить сумму всех этих человеческих страданий. Все спасатели и строители, которые приехали из разных уголков нашей страны, из Европы и Америки, отдавали все для облегчения страданий попавших в беду людей.

Хлеб наш насущный, хлеб — наша жизнь, хлеб — всему голова... Когда разом все рухнуло, рухнули и пекарни. Хлеб теперь везли из Еревана, Тбилиси, его раздавали прямо на улицах.

Многим было не до хлеба, не до еды. Но первая и последующие ночи, проведенные в муках ада у развалин и костров, отобрали значительную часть человеческих сил, и потребовалось их восстановление. Хлеб — вот что прежде всего восстанавливало жизнь.

Тут же, на завалах, булка разламывалась руками в ссадинах, покрытых пылью, и съедалась. Вновь, как и в годы Великой Отечественной войны, да и многие послевоенные годы, хлеб раскрыл свою истинную цену.

Только теперь, в Ленинанкане, он был настоящим, пшеничным или ржаным, без примесей.

Мы часто говорим о бережном отношении к хлебу. Но, к великому сожалению, от этих разговоров мало что меняется. Хлеб по-прежнему можно увидеть на помойках, в мусоропроводах, на улице, в лесу, на берегах рек, озер — где попало. И особенно безнравственное отношение к хлебу процветает в наших городах, где люди забыли, а то и просто не знают, как достается человеку хлеб, сколько сил и здоровья тратится на его возделывание. Я уж не говорю о том, что из нашей памяти напрочь выветрились представления о голоде, о хлебе почти из голой лебеды или из жмыха и желудей...

Ленинанканский хлебокомбинат до землетрясения ежедневно выпекал 90 тонн лучших сортов хлеба. А теперь он, парализованный, остановился, остыли его печи, некогда принимавшие тесто целым потоком. Не суетятся больше тут и известные ленинанканцам знаменитые пекари — иных уж нет в живых, а некоторые уехали в дальние края.

Как-то в сентябре 1989 года, после моего возвращения из Ленинанкана, мы с женой поехали на могилу ее отца Ивана Кузьмича Орешкина в Пензенскую область, станция Пашкове. Остановились у родного дяди жены Михаила Федоровича Орешкина. Поздно вечером сели ужинать, и на стол хозяйка дома Аня подала пышный хлеб, какого я давно не видывал и не едал. Спрашиваю: «Что, теперь в местной пекарне выпекают такой хлеб?» Аня отвечает: «Ну да, в местной! Это приезжие армяне основали кооператив, по полтиннику за булку».

Ну и братцы-ленинанканцы, куда рванули! А мне Михаил Федорович в ответ: «Да они у нас не только хлеб выпекают, но и дома строят в леспромхозе, в колхозах — фермы, свинарники, одним словом, шабашники. А еще требуют вне всякой очереди бесплатное жилье. Но тут-то народ остепенил их. Напрямую сказал: езжайте к себе и стройте там. И что ты думаешь, хоть бы кто-нибудь один, для примера, взял и вернулся в свои разрушенные города и села. Ан нет тебе! У них у всех такие рубленые дома появились — будь здоров».

Ну что ж, это называется «взаимная выручка». Мы там у них спасали людей, разбирали завалы, восстанавливали жизненно важные объекты, тот же ленинанканский хлебокомбинат. А они здесь пекут хлеб по полтиннику и оживляют российскую глубинку.

Вспоминается время, когда мы примерно 90 процентов личного состава войск уже уволили в связи с истечением срока призыва, а новый контингент резерва не получили. Темпы работ резко упали. Тогда секретарь горкома партии Ленинанкана и председатель горсовета сочинили правительству телеграмму с просьбой ускорить новый призыв резервистов. А шла борьба мнений. Руководство большинства союзных и автономных республик, краев и областей обратилось в Совет Министров СССР с просьбой — больше не призывать из этих мест солдат, сержантов и офицеров из запаса, так как отрыв людей, да еще с техникой, существенно сказывается на производстве. Председатель Совета Министров СССР Николай Иванович Рыжков долго это постановление не подписывал.

Телеграмма нашла на Съезде народных депутатов СССР первого секретаря Ленинанканского горкома партии Мкртчяна, который побывал с ней и у Н. И. Рыжкова, и у Д. Т. Язова. Вскоре постановление Совета Министров СССР было подписано, и новый призыв включился в тяжелые работы по ликвидации последствий землетрясения в Армении. А в это время в республике было 140 тысяч безработных.

Конфуз получился с новым контингентом в Тбилисском полку. Руководство Грузии на первых порах согласилось выполнить постановление. Военные комиссариаты, учитывая свои серьезные упущения в декабре 1988 года, выворачивались теперь, как говорится, наизнанку. Призывников подбирали более тщательно. Мобилизовали из народного хозяйства соответствующую технику: бульдозеры, экскаваторы, автомобильные краны, автосамосвалы и так далее. Со всеми призванными военнослужащими были проведены занятия. И вот личный состав вместе с техникой своим ходом совершает маршрут Тбилиси — Ленинакан. На полпути поступила команда от руководства республики: технику немедленно вернуть восвояси! Командир полка подполковник В. П. Доценко вместе со своими заместителями и командирами батальонов в полном замешательстве. Что делать? Но приказ есть приказ. И вот сотни единиц специальной и автомобильной техники разворачиваются и едут обратно в Грузию, а личный состав с голыми руками прибывает в Ленинакан. Несколько дней мы пытались привлечь их на второстепенные работы: сбор строительного туфа, металлолома, снятие всей столярки из аварийных домов, подлежащих разбору. Но к этим работам отношение было плевое. Резервисты стали проявлять недовольство, и вскоре мы получили официальное разрешение Генерального штаба расформировать этот призыв. Не мытьем, так катаньем эти «интернационалисты» добились своего.

И как можно тут опять умолчать о возрождении страны после Великой Отечественной войны! Оно было делом чести всего советского народа, каждого советского человека. Восстановительные работы в освобожденных районах начались сразу же после изгнания врага. Десятки тысяч людей, в основном стариков и женщин, возвращались на руины родных городов. Располагались в уцелевших подвалах, на лестничных клетках, в блиндажах и землянках. Не было воды — ее носили ведрами из рек и озер. Не было столовых — люди варили себе пищу под открытым небом. Не было электричества — изобретали самые причудливые коптилки. Величие духа советских патриотов сказалось не только в том, что они мужественно переносили тяжесть быта. Не заботясь о личных удобствах и материальных благах, они брались прежде всего за большое общенародное дело — восстановление предприятий, хозяйств, культуры родных городов. И нынешние «демократы» еще хотят убедить меня в том, что наша история черного цвета! Сталинград, Воронеж, Новороссийск, Севастополь, Курск, Орел, Смоленск, Брянск, Новгород, Псков, Минск — разве перечислишь все города и веси, которые подняты из руин гением наших народов? И в тех жутких условиях партийные и советские органы, не в пример таким же нынешним комитетам городов Ленинакана, Спитака и Кировакана, наладили строгий учет всего населения, вплоть до инвалидов войны, кто только был способен выполнять хоть какую-либо работу, учли коммунистов, создали партийные организации, из которых черпали руководящие кадры. Возобновлялась работа хозяйственных органов и общественных организаций, мобилизовывались все силы на очистку городов от трупов, мин, завалов, на подготовку фронта восстановительных работ. В кратчайшие сроки восстанавливались железнодорожный транспорт и энергосистемы. Без всего этого не приступишь к возрождению самих городов и промышленных объектов. Надо было полностью восстанавливать жилищно-коммунальное хозяйство, обеспечить жителей хотя бы временным кровом, наладить работу хлебопекарен, торговых организаций, школ, лечебных и культурно-бытовых учреждений, найти источники пополнения рабочей силы, заново создать коллективы промышленных предприятий, развернуть подготовку квалифицированных рабочих кадров массовых профессий, организовать заготовку строительных материалов и так далее.

Во главе всей этой битвы встали партийные организации и все коммунисты. Ровно

через 25 дней после освобождения Воронежа областная газета «Коммуна» от 20 февраля 1943 года писала: «Все больше и больше оживает город. Начали функционировать бытовые и культурные учреждения. В магазинах бесперебойно идет выдача хлеба, швейная артель имени XX лет Октября возобновила прием заказов. В Коминтерновском районе открыты первые парикмахерские». А через 15 месяцев Воронежский обком партии докладывал своим шефам-новосибирцам, что в городе уже восстановлено около 6200 домов, действуют 13 поликлиник, 18 больниц и родильных домов. Начали работать педагогический, зооветеринарный, лесохозяйственный и другие институты. Открылись несколько кинотеатров и театр эстрады. Начали выпускать продукцию заводы имени Тельмана, имени Калинина, швейные фабрики и другие предприятия. И тут не было никакого очковитирательства — тогда об этом не могли и подумать.

А вот как поступили трудящиеся города-героя Сталинграда в первые же дни жизни без боев. Они горячо откликнулись на призыв партийной организации города и активно включились в восстановительные работы. Все привлекались к обязательному обучению правилам обращения с неразорвавшимися боеприпасами. Саперы 62-й армии, осоавиахимовцы, батальоны МПВО в феврале обезвредили более 1 миллиона штук мин, бомб, снарядов, гранат. В феврале — апреле сталинградцы с помощью воинских частей и колхозников подобрали 147 тысяч погибших в концлагерях и 46 700 павших в боях советских солдат и офицеров. За это же время было расчищено 150 километров дорог, построено 22 моста, четыре дамбы, вывезены тысячи кубометров завалов.

Невольно все это накладываю на Ленинанкан, Спитак. Почему в условиях военной разрухи люди сами приезжали на развалины своих родных городов и в невероятных, даже нечеловеческих условиях возрождали их? Никакой армии и в помине не было на этих работах. А тут здоровые и молодые люди покидают свои родные места и уезжают на заработки кто куда. Беда, как на аптекарских весах, точно взвешивала, кто чего стоит. Были и слабые духом люди, которые носились со своим горем, требовали к себе внимания, как будто совсем забыв, что весь город разрушен и что у каждого сегодня свое горе. Находились люди, которые в первые дни трагедии, когда не хватало продуктов, набирали хлеба на месяц вперед, лишая многих даже одной буханки. Некоторые тащили вещи, в которых в этот момент у них совсем не было нужды, но они отнимали у других, кому действительно требовались. Не было настоящей работы с людьми, не было и строгого учета рабочей силы. А может, все это было? Ведь в течение шести месяцев безработным выплачивалась средняя месячная зарплата...

Задача обеспечения населения хлебом со своего, ленинанканского хлебокомбината вышла для нас на первый план. И эту задачу в основном решили воины гражданской обороны при участии гражданских специалистов. Уже в конце декабря 1988 года комбинат заработал, хотя пока выпекал всего 5 тонн хлеба в сутки. Остальная потребность покрывалась за счет выпечки военными полевыми хлебозаводами и кооператорами. В последующем хлебокомбинат был полностью восстановлен, и дефицит хлеба исчез. Правда, кооператоры продолжали выпекать вкусный белый хлеб, но цена за буханку была один рубль. Все шесть месяцев своей командировки я неизменно покупал хлеб только у кооператоров Ленинанкана. Пусть дороговато, но зато вкусно. Мы не раз с Володей Полухиным прямо в машине съедали по целой горячей булке.

Тогда, в Ленинанкане, я ничего плохого о кооператорах не думал и всегда неизменно говорил им только спасибо. Такие кооперативы надо поддерживать и приветствовать. Люди вкладывали в этот хлеб большой труд, свое мастерство. Но посмотришь на иные кооперативы, которые ничего сами не производят, а только занимаются перепродажей, по существу, спекуляцией того же продовольствия или товаров народного потребления, с

души аж воротит. Все эти шашлычные и кафе берут по госцене из магазинов лучшее мясо, колбасу, ветчину и тут же тебя обдирают как липку. И такое впечатление, что Советская власть не видит этих безобразий.

В сентябре 1989 года приехали мы как-то с женой на отдых в Гурзуф. Трудно передать всю прелесть здешних мест в конце крымского лета. Солнце мягкое и ласковое, море теплое и приятное для купания. Но главная красота — тенистый парк, который был заложен еще в 1808 году. Тут вы найдете все виды южных растений — от магнолий до самшита. В этих местах в 1820 году отдыхал А. С. Пушкин.

Нагулявшись вволю по парку, идешь к морю. И вот только вы ступите за ворота санатория, сразу же слева и справа вдоль всего берега встречают вас жуликоватые типы, которые разместились в своих ларьках, будочках, а то и просто на разного рода ящиках. Ко-о-пе-ра-то-ры! Все тут — государственные товары, но уже с клеймом этих грабителей. Молодые девицы, почти обнаженные, предлагают вам трусики, майки, рубашки, спортивные костюмы, обувь, одежду, шапочки, сумочки, бижутерию — и все втридорога. Рядом с ними молодой человек разложил вяленую рыбу по баснословной цене. Тут же, прямо на виду у всех отдыхающих, проходимцы крутят «наперсток». Чуть поодаль опять же молодые девицы предлагают игру в набор очков...

Едем в Ялту, которая всегда у нас вызывала особое чувство, связанное с поклонением гениям Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Ф. И. Шаляпина. Тут картина еще более пошлая, чем в Гурзуфе. Практически вся торговля сосредоточена в руках предприимчивых дельцов, только теперь уже не в ларьках, а в солидных магазинах, гастрономах, барах.

Решили мы купить бутылочку хорошего вина: у жены приближался день рождения. Нигде не нашли. Идем в давно знакомый нам бар, который размещается в подвальчике. Обстановка та же, что и раньше, отделка под дерево, померкший свет, но как глянули на цены вин — чуть дурно не стало. Крымский портвейн, который раньше стоил 4 рубля с копейками, теперь украшен ценой в 36 рублей, мускат — 45 рублей. За эту бутылку мне нужно двое суток мотаться по ленинканским руинам, трепать себе нервы, мокнуть, мерзнуть, недосыпать...

Вот и вернемся к нашим делам в Ленинкане. С хлебом более-менее ясно. Но не хлебом единым жив человек.

«Тепло»... Слово-то какое нежное, будто излучает саму жизнь. А что, тепло, как и хлеб, поддерживает жизнь человека, особенно в холодное время года. Даже сытый человек может лишиться жизни, не получая тепла. Сотни примеров можно привести на этот счет. Скажем, был такой случай. Когда я проходил службу в поселке Горном Саратовской области, 1964 год выдался как никогда холодным и снежным. В предновогоднюю ночь в поселок должен был прибыть поезд—паровоз и два или три вагончика доставляли пассажиров со станции Озинки. Условия службы в тех местах и сегодня вспоминаются как, пожалуй, самые несносные. Вода привозная, ее раздавали ведрами, уголь самый паршивый, продукты питания поступали в военторг нерегулярно... Так вот, поезд в эту ночь не пришел. Мы подняли по тревоге батальон солдат и отправились на поиски. Я как полковой инженер возглавил саму эту экспедицию и расчистку железнодорожных путей. Пропажу обнаружили километрах в трех от военного городка. Вагоны почти по крыши в снегу. В полном изнеможении мы все-таки смогли обеспечить продвижение этого состава, но только до военного городка. Всех пассажиров, в том числе полузамерзших детей, мы привели в казармы, где отогрели, накормили, напоили горячим чаем. Однако среди пассажиров недосчитывалось 19 крепких мужчин. Оставив в вагонах семьи, они пошли пробиваться сквозь пургу в поселок Горный за помощью. Из них только трое остались в живых и то с отмороженными руками, ногами,

лицами. Вот что значит человек без тепла.

К объектам неотложного восстановления в поверженных городах и населенных пунктах Армении были отнесены и все разрушенные котельные. Длительное время у завалов каждого развалившегося дома горели костры, и люди грелись, рассевшись плотным кругом, изредка подбрасывая все, что только могло гореть. Среди этих людей нередко можно было увидеть и солдат, которые в минуту перекура тоже искали тепло. Иногда едешь по объектам работ, и тебе кажется, что слишком уж часто и подолгу сидят солдаты у костров. Остановишься — и тоже к костру тебя тянет, а когда разговоришься с ними, то невольно узнаешь, что они действительно только что подсели хоть самую малость отогреть окаменевшие руки, которыми столько выбрано туфа, металлолома, сантехнического оборудования, столярки и прочего...

Никогда не забуду группу солдат из Волгоградского полка, которые разбирали один разрушенный жилой дом где-то в районе старого аэропорта. Вместе с этой группой все время, пока разбирали руины, стояли пожилые супруги. Это были пенсионеры-учителя, которые ждали, когда наконец дойдет черед до их квартиры, что была на первом этаже. И вот черед пришел. Уж как они упрашивали солдат поаккуратнее и поосторожнее разбирать груды завалов над их квартирой, в которой осталась большая библиотека! Им были очень Дороги книги. Солдаты выполнили просьбу этих милых и Добрых людей. Книги почти все были целы, хотя и покрыты пылью, а некоторые изрядно помяты. Воины бережно извлекли и погрузили все книги в машину, которая должна была отвезти этот груз в гараж. Но тут супруги попросили солдат взять на память любую понравившуюся книгу. На память. Солдаты с благодарностью согласились. И вот теперь многие из них у этого самого костра уже в который раз достают из-за борта бушлата подарок и читают.

Работы по восстановлению котельных в городе Ленинанкане шли полным ходом круглые сутки. В короткие сроки в рабочее состояние была приведена 21 котельная. Какая это была радость для всех! Тепло в первую очередь подавали в спортивные и актовые залы, различные уцелевшие конторы, которые использовались под общежития, потом в жилые дома. Но все же пять котельных, которые были полностью разрушены, восстановить так и не удалось. Вместо них из Сибири срочно доставлялись и устанавливались передвижные комплектно-блочные котельные, работающие на жидком топливе. Одна такая установка позволяла обогреть 30 тысяч квадратных метров жилья.

И все же всем тепла не хватало, особенно в индивидуальном секторе. Дома, котельные которых использовали в качестве топлива газ, стояли теперь ледяными. Правда, некоторые предприимчивые ленинанканцы уже успели соорудить печки — кто из кирпича, кто из металла. Но все же было принято решение обследовать систему газоснабжения и незамедлительно подать газ в индивидуальные дома. Многие связывали с этим надежду на прекращение отъезда населения. Но отток, к великому сожалению, не уменьшился. Люди по-прежнему под всяким предлогом, а то и без предлога уезжали из родных мест. Но таких все же было меньше, чем настоящих патриотов своих городов и сел.

В том же Ахурянском районе есть село Джарарат, жители которого решили никуда не уезжать и вместе с приехавшими строителями строить родной дом на новом месте, чтобы потом растить хлеб, выращивать скот на тех же полях, на тех же пастбищах, на которых трудились их прадеды. Эти преданные родной земле люди понимали и умом и сердцем, что их отъезд будет настоящим предательством памяти предков, которые когда-то на этой древней земле обосновались и положили начало жизни. Эти люди также понимали, что они не одни попали в такую ситуацию. Мыслимо ли, в зоне бедствия оказалось таких сел, как Джарарат. Всем было известно, что 58 сел на территории

Арагацкого, Гукосянского, Амасийского, Степанованского, Спитакского и их родного Ахурянского районов полностью разрушены. В селах погибло 24 тысячи голов крупного рогатого скота, 40 тысяч овец, более 8 тысяч свиней. Кто же теперь им все это вновь вырастит и восстановит, какие варяги придут сюда, на эти пепелища, если коренные жители отсюда сбегут? Нет, решение у них однозначное — всем остаться и восстанавливать прежнюю жизнь и деятельность.

Мне очень нравились и жители, с которыми я много раз встречался, и само это село, которое дивно разместилось в горах на высоте более двух тысяч метров над уровнем моря. Мы не раз здесь бывали с первым секретарем Ахурянского райкома партии Шаврашем Амаяковичем Алексаняном и вторым — Сашиком Гарегиновичем Григоряном. По их настоятельной просьбе солдаты оказывали помощь в налаживании жизни и жителям села, и крупному совхозу «Цахкасар», в котором много было разрушено животноводческих ферм, зданий и других сооружений. Возглавляет это хозяйство молодой, энергичный и образованный человек Амбарцум Агасиевич Матевосян, как говорят в селе, потомственный и прирожденный земледелец. Его отец, Агаси Матевосян, несколько десятков лет возглавлял это хозяйство и был широко известен не только в Армении, но и далеко за ее пределами. Это была его личная заслуга — создание крупного хозяйства в горах Джарарата, но смерть оборвала жизнь Агаси, и его дело продолжил старший сын Амбарцум, с которым я близко познакомился еще в январе 1989 года, во время эпопеи с завалами на полях Ахурянского района. Этого человека отличают прежде всего любовь к своему народу, постоянная забота о людях не на словах, а в конкретных делах по оказанию помощи попавшим в беду. Когда бы я ни заехал к нему, в его хозяйство, точнее, в вагончик, где размещался кабинет директора, у него всегда были посетители. И нужно было только присутствовать и слышать, как он с ними разговаривает, — усадит на стул посетителя, сядет напротив и внимательно-внимательно слушает своих земляков. Потом тут же берет блокнот, записывает вкратце суть проблемы и говорит, когда она будет выполнена. Многие односельчане решили строить новые дома, и нужны были материалы. Сколько он совершил этих поездок в Ереван, чтобы выколотить лес, шифер, цемент, кирпич и прочее! Да разве от такого руководителя могут уехать рабочие из родного села? Конечно, нет, все они его и любят и ценят.

Когда Амбарцуму удастся выполнить просьбу земляков, он весь светится, радуется, как ребенок, и говорит: «Николай Дмитриевич, мой отец сейчас бы радовался точно так же. Я выполняю его заветы, ведь всему этому он учил нас с детства».

В семье Матевосянов росли три сына, и самый старший из них — Амбарцум, за ним Гамлет и затем Григор. Все они выросли на родной земле Джарарата, рано познали труд хлебороба и цену хлеба, получили высшее образование, остались трудиться в своем родном селе. Однажды мне позвонил оперативный дежурный и передал просьбу директора совхоза «Цахкасар», чтобы я срочно подъехал в совхоз, так как директор никак не может со мной связаться по телефону. Я подумал, не ЧП ли какое случилось у солдат, которые работали в совхозе. Езды от Лениакана до этого села минут 30—40. Дорога туда проложена хорошая, бетонная. Извилистые серпантины ее уходят далеко в горы... На подъезде к селу нас поджидал на «Волге» водитель Амбарцума Лева, весьма симпатичный человек, у которого, кажется, пятеро детей. Лева живо выскочил из машины нам навстречу, поздоровался:

— Николай Дмитриевич, пожалуйста, побыстрее за мной.

«Ну, — думаю, — что-то все же неладно».

Лева продолжил:

— Вас ждут и жители, и руководство совхоза на закладке нового нашего села.

Тут у меня немного отлегло, и я не удержался, чтобы не сказать Леве несколько хороших слов.

Новое место для села было выбрано удачно. Оно располагалось неподалеку от старого Джарарата, километрах в пяти, и тоже занимало живописнейшие склоны здешних гор. На выбранном новом месте собрались сельчане, строители из Узбекистана, России и свои, доморощенные. У всех были радостные лица и хорошее настроение. Нас приняли в объятия как старых и добрых друзей. Тут же стояли первые экскаваторы, бульдозеры, самосвалы и другая техника. Строители успели соорудить себе неказистые будки под жилье, столовую и, конечно, контору.

Состоялся митинг. Его открыл Амбарцум. Потом он предоставил слово мне. Я коротко пожелал всем собравшимся, чтобы, во-первых, построили новое село краше и надежнее старого, во-вторых, чтобы жизнь в новом селе была более счастливой и радостной и, в-третьих, чтобы больше никогда не повторилось горе и страдания в этих краях. Затем выступили строители, ветераны села, комсомольцы. Тут же неподалеку готовился обед, причем первое блюдо в котлах готовили узбеки, а второе — шашламу и шашлыки — армяне. Обед прошел в доброй обстановке. Через непродолжительное время мы разъехались по своим делам. Амбарцум тепло поблагодарил меня за участие в мероприятии. Было это в выходной день, но он ничем не отличался от всех рабочих дней недели. Большинство из нас работали теперь без выходных и даже как-то привыкли к этому режиму. Так было и у военных, и у строителей.

Сел, подобных Джарарату, в Ахурянском районе было немало. Я об этом рассказываю еще потому, что партийные и советские руководители Ахурянского района проводили огромнейшую работу и проявляли заботу о людях, которые там проживали. Они буквально не вылезали из этих сел, владели всей обстановкой, знали нужды и запросы людей, пробивались в ЦК Компартии Армении, Совет Министров и другие инстанции для решения неотложных дел, связанных с налаживанием жизни людей. Только благодаря активной деятельности руководителей района уже в феврале первую продукцию после землетрясения начали выдавать филиалы Ахурянской швейной фабрики, и в торговую сеть поступило свыше двух тысяч детских платьев и сорочек.

Совместными усилиями гражданских специалистов и солдат в короткие сроки был восстановлен Ахурянский молокозавод. Примечательно, что одним из начальников цехов молокозавода был родной брат Амбарцума — Гамлет. Они словно две капли воды. Такой же жизнерадостный, энергичный и целеустремленный, он не давал покоя никому, в том числе и военным. Одно время я думал, что он и есть директор завода. Впрочем, когда дело дошло до замены безвольного чиновника, сидевшего в директорском кресле, были выдвинуты две кандидатуры: одна — Госагропромом Армении, другая — самими рабочими. Наверное, ясно, что коллектив хотел видеть директором Гамлета Матевосяна. Он и одержал победу на выборах. Третий брат в семье Матевосянов, Григор, работает секретарем парткома на птицефабрике. Я общался с ним меньше, чем с Амбарцумом и Гамлетом, но все равно сумел схватить в нем главные черты: они те же, что и у его братьев, — человечность, целеустремленность, гостеприимство.

За долгие месяцы командировки я побывал и в руководящих кабинетах, и в крестьянских домах, и в колхозах и совхозах, и на предприятиях, и в учреждениях. И могу честно сказать о своих впечатлениях об армянском народе — в основной своей массе он отличается добротой и сплоченностью. Короче, я остался очень хорошего мнения об этой нации, а всех друзей и товарищей, которых приобрел на этой древней земле в разгар страшной беды, полюбил всей русской душой.

Я говорил и говорю своим близким друзьям в Армении о том, как плохо, что мы

мало знаем друг друга, а еще хуже — историю наших народов, их культуру, традиции.

Я так и не могу объяснить, почему даже половодье всенародного горя не затопило разгоревшийся пожар национальных страстей. Оказалось, есть люди, и в основном это интеллигенция, которые расценили ужасающий катаклизм природы как своего рода завершающий акт того духовного землетрясения, которое многие месяцы колотило республику. Они же и устраивали в Ереване, на площади Ленина, в самые страшные дни беды митинги и демонстрации. Они разжигали националистическое неистовство, умело играли на обостренных чувствах людей, измученных многодневными митинговыми бдениями. Ясно, что расчет был на то, что последствия землетрясения и все эти эмоции отвлекут от конкретных задач перестройки, сулящей неминуемый крах подпольному темному царству политических интриганов, дельцов и хапуг, спекулянтов, деклассированного отребья. Но при чем здесь интеллигенция? Разве она может быть как-нибудь связана с национальной мафией?

Трезвые и разумные голоса тонули в кликушеских воплях безответственных лиц. Это был политический «пир во время чумы».

Пусть читатель меня, солдата, простит, но я не могу понять, как этот умный народ подпал под влияние неформальных лидеров и предоставил им щедрый политический кредит, а они враз почувствовали себя его духовными вождями.

В первые часы после землетрясения они бросились в охваченные ужасом селения, полагая, что им по силам возглавить борьбу с последствиями разбушевавшейся подземной стихии. Не знаю, насколько это достоверно, но я от многих близких мне людей не раз слышал, что эти «вожди» не могли даже предположить, с какой молниеносной быстротой и готовностью откликнулись на армянское горе вся наша страна и многие зарубежные страны. Масштабы этой помощи проявились буквально через несколько дней. Но с первого дня все управление было сосредоточено в руках комиссии Политбюро ЦК КПСС во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым, который сразу же овладел ситуацией во всем масштабе происшедшей трагедии. Он-то и поднял на ноги реальные тысячи специалистов, мощную технику, армию, внутренние войска МВД, нашу медицину, сотни самых разных, порой никак не связанных между собой ведомств.

Весь мир увидел, кто взвалил на свои плечи конкретную организацию всей этой огромной работы по спасению человеческих жизней, попавших в беду, кто материально обеспечивал безопасность армянского народа. И вот в эти дни совершенно безликие, не имеющие ни сил, ни средств, неформальные лидеры занервничали и задержались, стали оплевывать тех, кто пришел их народу на помощь. Вместо того чтобы пойти на конкретное сотрудничество с теми, кто обузывает стихию, спасает, согревает, одевает и кормит людей, они предпочли артистично качать головами и предрекать просчеты и ошибки. Они совали свой нос и в дела армии, пытались даже Михаилу Сергеевичу Горбачеву указать: где, мол, армия работает, там толку мало. Этот случай оголтелого вранья представителя неформалов зафиксировали операторы Центрального телевидения, и, кто внимательно смотрел эту передачу, тот не мог не заметить клеветы.

Лично мне с подобными типами не раз приходилось иметь встречи по поводу оценки работы войск. Но у меня на них просто не было времени, да и порой не выдерживали нервы, и я обычно говорил: «Или давай работай вместе с солдатами на этих завалах, или убирайся ко всем чертям, пока я тебя не отвез в крепость».

Помню такой случай. Солдаты Ростовского полка на Ахурянском шоссе разбирали завал от огромного разрушенного дома. Работы подходили к концу. Бульдозеристы уже подчищали строительную площадку. И вдруг под гусеницами оказался телефонный кабель на 900 пар!.. Вполне понятно, что мощный «Чебоксарец» как бритвой перерезал коммуни-

кацию. Командиру полка полковнику Клейменову от меня перепало, но я никак не ожидал, что этот факт попадет на язык неформалов. Дело дошло до комиссии Политбюро ЦК КПСС. Мне пришлось объясняться. Однако до того мы со специалистами выехали на место и внимательно разобрались. Что выяснилось: во-первых, отсутствовали указатели, где проходит этот кабель; во-вторых, была подпись представителя Ленинанканского узла связи, согласующая разборку дома без какой-либо опасности для линий связи; в-третьих, этот кабель был заложен в грунт всего на 20 сантиметров, что свидетельствовало о грубейшем нарушении требований ГОСТа. Поэтому ответный бой был дан настоящий. Но все же среди жителей Ленинанкана был распушен слух, что солдаты специально порвали 900 пар линий связи.

Точно так же этими неформалами был разыгран фарс, когда в районе карьера «Карнут» солдаты убирали с полей последние кубометры завалов. Произошло ЧП. Один механик-водитель путеукладчика БАТ-М, выполняя работы в ночное время, совершенно случайно наехал на опору ЛЭП. Опора была деревянной, и, конечно, такая мощная машина, как БАТ-М, ее элементарно переломила. Солдат чудом не попал под напряжение. Командир полка полковник Грабарь, понимая, что с повреждением ЛЭП прекратил работу по производству щебенки и карьер, собственными силами к утру поставил столб и натянул линию электропередачи. Это ЧП было преподнесено Владимиру Ивановичу Решетилову так, что мы будто бы занимаемся вредительством. Но хорошо, что на дворе не 1937 год. Однако какие-то слухи опять-таки поползли, народ немного пороптал.

Не секрет, что сплетни распушались одними и теми же людьми. Додумались до того, чтобы сказать, будто землетрясение — это якобы последствие подземного атомного взрыва, от которого проснулся и уже дымится Арагац. Разумеется, воспаленное воображение обезумевших от горя, несчастных людей остро реагировало на эти мифы. Мне не раз приходилось разъяснять абсурдность всех этих измышлений даже весьма подготовленным, образованным и близким мне людям. Но ведь были и такие «товарищи», которые сами понимали провокационность этих слухов, но ничего не делали для их опровержения, а, наоборот, просто попустительствовали им. С другой стороны, приходилось слышать, что землетрясение — это подходящий момент для расправы с неформалами. Это был циничный намек на то, что власти специально (!) устроили (!!) это землетрясение. Какие же надо иметь канаты вместо нервов, чтобы все это воспринимать без особых эмоций! Мне пришлось на эту тему не раз спорить с одной журналисткой, которая работала над моим интервью, и доказывать ей, что, хотя эти неформалы и не разделяют по-настоящему горе армянского народа, как это делаем мы, никто не бросает в них камни. Пока, к великому сожалению, камни летят в наших солдат, выпущенные руками отъявленных негодяев. Мне кажется, мы с ней так и не достигли взаимопонимания, и мое интервью не появилось в печати, о чем я несколько не сожалею. Я не раз обращался к мудрости великого русского писателя Ф. М. Достоевского, которого, как и многие русские люди, искренне люблю. Опять же в сентябре 1989 года и опять же в Ялте нам с женой удалось побывать на выставке советского художника Ильи Глазунова. Его любят или отрицают, но во всем мире он признан. С триумфом проходят выставки художника в нашей стране и за рубежом. И вот в Ялте мне посчастливилось встретиться с работой Ильи Сергеевича «Ф. М. Достоевский. Ночь». Стоя у этой картины, нельзя было не вспомнить одно место из «Дневника писателя». У Достоевского есть рассуждение, написанное будто специально по поводу трагических событий в Армении. Суть его сводится к следующему: если бы наутро после страшного Лиссабонского землетрясения, унесшего тысячи жизней, уцелевшие лиссабонцы прочли в свежем выпуске газеты стихи тончайшего лирика про «шепот, робкое дыханье, трели соловья», то наверняка они

прокляли бы этого, пусть даже самого любимого, поэта.

Провокаторы всех мастей над свежими могилами безвинно погибших, над развалинами опустевших очагов на все лады разглагольствовали об «исторических несправедливостях», подстрекали людей, сеяли ложь и недоверие даже к тем, кто добровольно пришел на помощь Армении. Они захлеб на всех перекрестках твердили одно и то же требование — переkreить карту страны. Можно подумать, что удовлетворение именно этого требования воскресит тысячи погибших или вернет сиротам родителей, а обездоленным родителям — их детей. Но почему-то их никто не проклял. Видать, Армения — это все-таки не Португалия...

Или вот, к примеру, как помнят многие наши телезрители, комментатор московской программы в первые же дни после землетрясения от души высказал уверенность, что многие советские люди захотят заменить осиротевшим армянским детям родителей. И как было это воспринято в Армении? Нужно было не только слышать, но и видеть эти истерические разглагольствования насчет «настоящей угрозы лишить нацию ее потомства». Вот уж кому было на руку это заявление комментатора из Москвы, так это карабахцам. Их ядовитая демагогия влезала даже в душу многих армян-интернационалистов. Ведь это факт, что мне приходилось спорить даже с моим близким другом Альбертом Оганесовичем Киракосяном.

Однажды я нашел такой аргумент:

— Ну хорошо, а если я пожелаю усыновить или удочерить ребенка, мне-то можно?

Альберт Оганесович совершенно искренне сказал:

— Николай Дмитриевич, вам я доверил бы и своих детей, вот вам честное слово.

— Да таких, как я, у нас в России полно... — ответил я Киракосяну.

В шутку с тех пор я его дочку Лилит стал называть своей второй дочкой. И непременно, когда бывал у них, сразу же спрашивал, где моя дочь. И все как-то по-доброму выбегали ко мне с радостью, помогали снимать одежду. Лилит тут же предлагала помыть руки и брала большую кружку — сливать воду. А жена Альберта Оганесовича, Эмма, еще не успею толком раздеться, начинала накрывать на стол и очень обижалась, когда я заходил сытым. Но было, когда я действительно был голоден и говорил Эмме:

— Я очень хочу есть.

Она так искренне радовалась этому! Вот тут уж мы сидели все вместе и подолгу говорили о всех наболевших вопросах. За шесть месяцев командировки мы сроднились, и теперь я с грустью вспоминаю полюбившихся мне людей и жалею, что живем мы в разных городах...

Я имел встречи с карабахскими радикалами из Ленинакана. Одна из встреч состоялась за ужином у влиятельного в городе человека, близкого мне товарища. Зашел серьезный разговор о том, что карабахцы имеют связь с коррумпированными элементами. Более того, мне было известно, что до этой трагедии Ленинакан считался центром существующей в Армении мафии. Мне задавали тот же вопрос, на который я пытался и пытаюсь ответить и сам: какая связь существует между интеллигенцией и мафией, что может быть общего между учеными, журналистами, литераторами и этими бизнесменами? Так толком им ничего и не ответил. Но ведь я-то знал, что и те, и другие были даже на этом ужине. И тогда я сказал: «Да посмотрите же друг на друга, кого каждый из вас представляет». Несомненно, в душе все они понимали, что отвлечение народа чисто национальными проблемами - это и есть прикрытие для мафиози, единственная возможность увести народ от нерешенных социальных проблем. Ведь совсем недавно народ Армении, как и другие народы нашей страны, задыхался от застойных явлений, от коррупции и протекционизма, от последствий сталинизма и брежневщины, и вдруг все

социальные противоречия исчезли, честные люди смирились со взяточниками, вчерашние жертвы застоя — с антиперестройщиками, творцы новых идей — с бюрократами. Мне трудно рассказать, какие дворцы я видел в Ленинкане. И они выстояли, и еще будут стоять века, так как построены на том высококачественном цементе, которого недосчитались при строительстве многих ныне рухнувших жилых домов, больниц, школ, детских домов и других объектов.

Но пусть мои оставшиеся в Армении близкие друзья и товарищи не подумают, что я собираюсь умолчать об экстремизме другой стороны — азербайджанской. Я много раз бывал в Азербайджане, и подолгу. В 1973 году на Апшеронском полуострове, а также в районе поселка Старая Кала мне пришлось участвовать в проведении крупнейших учений с войсками и формированиями гражданской обороны по организации борьбы с массовыми пожарами в районах добычи нефти и газа. Были мы тогда и в Кировабаде, Степанакерте и совсем отдаленных уголках Нагорно-Карабахской автономной области. Все лето офицеры одного из отделов штаба Гражданской обороны СССР готовили эти учения, так что у меня было время неплохо узнать азербайджанцев, их обычаи, традиции, историю народа. У меня сложились близкие отношения с рядом военных и гражданских товарищей из Баку. И нигде намек не было на то, что может произойти такой взрыв распри на этой древней земле, вплоть до смертоубийства.

Мой родной брат, Петр Дмитриевич, после окончания Харьковского авиационного училища в 1951 году был направлен для прохождения службы в Азербайджан — вначале в поселок Аляты, затем в Дуваны, Сангачалы. Более двадцати лет вместе с семьей он служил и жил среди азербайджанцев. Его жена, Нина Сергеевна, весь этот период преподавала в азербайджанской школе биологию. У них и по сей день остались самые лучшие впечатления об этом народе, искренне уважающем другие народы.

У нас в отделе работал полковник Сергей Сергеевич Авакимов, по национальности армянин, но родился и вырос он в Баку. Отец его был когда-то главным редактором бакинской газеты «Вышка». Отношения с азербайджанцами у них были самые теплые и дружеские. И вот спустя десятки лет все, что было в дружбе этих народов накоплено, подверглось самому страшному разлому. Азербайджанцы семьями уехали из Армении в Азербайджан, и, наоборот, армяне бежали из Азербайджана.

Как только я в июле 1989 года вернулся из Армении в Москву, ко мне на службу приехал очень взволнованный Сергей Сергеевич Авакимов. Рассказал: его сестра со всей семьей бросила в Баку все из-за опасности дальнейшего проживания и вот уже который месяц живет у него в Москве без прописки, без работы. Он стал меня просить хоть где-нибудь, в одной из областей России, устроить семью его родной сестры.

Сейчас беда разрослась еще шире: в России сотни тысяч беженцев, среди которых много и русских людей.

Кому все это выгодно? Прямая выгода — всем разношерстным антиобщественным элементам, обывателям и носителям мещанской морали, которые поклоняются только наживе и обогащению. Но особенно это выгодно воротилам теневой экономики, коррумпированным политикам и хозяйственникам, соединившимся с мафией в прочном альянсе. Они-то и повернули активность масс в русло националистических амбиций, межнациональных столкновений, выбрав удачный момент — события в Нагорном Карабахе. Как справедливо подчеркнул М. С. Горбачев в интервью корреспондентам телевидения Армении, тема Карабаха используется политическими демагогами, авантюристами, нечистоплотными людьми, больше того — коррумпированной публикой. Они же видят, перестройка идет в Армению и Азербайджан, меняется руководство, оно занимает перестроечные позиции. А это значит, дело подходит к тому, что будет нанесен

удар по всей этой паразитирующей компании. Ей, как сказал Михаил Сергеевич Горбачев, Карабах давно не нужен и никогда он ее не тревожил. Она ведет борьбу за власть, ей нужно во что бы то ни стало сохранить ее за собой.

В борьбе за сохранение власти, своего влияния противники перестройки, пробравшиеся на многие посты, свившие одно гнездо с боссами теневой экономики и привыкшие роскошно жить за счет людей труда, не брезгают никакими, даже самыми гнусными средствами. Что им до горя и страданий народа, до национальной трагедии! Вызов был брошен — и в Армении, и в Азербайджане — под удивительно схожими лозунгами со столь же схожими требованиями.

Кто же конкретно возбуждал толпу? Вот, к примеру, в Азербайджане объявился некий Неймат Панахов, числившийся токарем машиностроительного завода имени Шмидта. Поначалу никто не догадывался, что это подставная фигура коррумпированных кланов, тех, кто жаждет вновь хозяйничать в республике, видит в ней свою вотчину. В выступлениях Панахова, провокатора и подстрекателя, звучали призывы и лозунги, которые вызывали возмущение у честных людей. Он клеветал на воинов, вставших с риском для жизни на защиту чести, достоинства и жизни трудящихся, высказывал свои подлые взгляды на национальную политику Советского государства, ратовал за выход из состава СССР. Его единомышленником и дублером на трибуне был мракобес и реакционер Гаташи. Эти зачинщики, получая огромные суммы денег как эмиссары преступных кланов, использовали подкуп неустойчивых и паразитических элементов.

В оперативную группу Гражданской обороны СССР прибыл из Азербайджана подполковник Виктор Петрович Коменда, который прослужил в Баку двадцать с лишним лет, на службу и азербайджанцев не жаловался. Но вот в период беспорядков Виктору Петровичу пришлось принимать участие в обеспечении и поддержании нормальной жизни населения. Однажды оголтелые азербайджанцы набросились на него и сильно избили. Коменда оказался в госпитале. После излечения он и прибыл к нам в Ленинакан. В свободную минуту делился своими нерадостными впечатлениями о событиях, происходящих в Азербайджане. Даже не верилось, когда Виктор Петрович рассказывал о том, как 5 декабря 1988 года вандалы громили предприятия, переворачивали и поджигали машины, разбивали стекла домов и витрин магазинов, избивали водителей и пассажиров автобусов. Но эти бандитские нападения стали проявляться все чаще и чаще. Уже теперь громили целые железнодорожные эшелоны, которые везли строительные материалы, оборудование, машины и специальную технику в пострадавшие районы Армении. Точно так же поступали они и с колоннами автомашин, следовавших с грузами в Армению. Это был настоящий разбой.

Но более разрушительным последствием экстремистских действий было вовлечение в них учащихся школ и профессионально-технических училищ, студентов. Экстремисты пытались взрастить в неокрепших душах детей, юношества семена национализма, вражды, правовой и нравственной деформации, жестокости и насилия. Это была спланированная диверсия против традиций интернационализма, в которых ранее жила и воспитывалась наша молодежь.

Органы средств массовой информации, в том числе телевидение, не только не давали правдивой оценки всем событиям, но, наоборот, предоставляли слово экстремистам, из уст которых летели те же ультимативные требования, которые не раз звучали на несанкционированных митингах. А порой шли прямые передачи по радио и телевидению — без каких-либо комментариев и оценок высказываний подстрекателей.

Большое негодование среди армян вызывали ни в чем не повинные жертвы. Мне не забыть ответную словесную реакцию многих моих близких друзей в Ленинакане и

Ахурянах по этому поводу. И эта оценка была весьма справедлива. Зверские проявления в Азербайджане по отношению к работникам оперативно-следственной группы МВД СССР были совершены 18 сентября 1989 года. Убиты при исполнении служебного долга офицеры Андрей Тючнев и Сергей Габа. Случилось это неподалеку от сел Шахбулак и Гияслы. В этом инциденте участвовали сотни людей, ослепленных злобой и враждой.

Дело в том, что в этот злополучный день была сформирована группа, которая срочно выехала в район Агдама, где якобы произошла стычка военных и населения, в ходе которой было применено огнестрельное оружие. Даже предполагались и раненые. В эту группу вошли следователь капитан милиции Леонид Петухов из Кургана, эксперты-криминалисты Андрей Тючнев, Сергей Габа, Петр Любов, родом из Пензы, Черновцов и Архангельска. Они сели в служебную «Волгу» с яркой надписью на ней — «ГАИ». За рулем машины был младший сержант Сергей Шпилев из Курска.

Когда они прибыли в Агдамское отделение милиции, то никого в РОВДе не было, все находились на шоссе, где произошел инцидент. Следственная группа прибыла на место происшествия, где и встретилась с подполковником Цветковым. Было установлено, что с ним из прокуратуры никто не беседовал и не проявлял никакого интереса. Тогда они и начали разбираться, кто стрелял, куда стреляли, попытались осмотреть место. Оказалось, после предупредительных выстрелов никаких пострадавших не было, но было сказано, что кого-то увезли в больницу. После осмотра местности решили ехать в районную больницу. Вот тут огромная толпа преградила им дорогу. У них потребовали документы, фотоаппарат, вещественные доказательства, которые теперь были в портфеле у Петухова: нож, патроны, взрывное устройство. Тут же из «Волги» вытащили Петухова и Шпилева. Их начали избивать. Отобрали пистолеты. У машины проткнули колеса, потом ее перевернули на крышу. Работников милиции посадили в «Москвич». Кто-то открыл заднюю дверцу, и вот тут Андрею воткнули нож в сердце, а Сергею — в область печени. Потом всех их вытащили из «Москвича» и посадили в «Жигули». Петухов и Шпилев держали на руках раненых товарищей. Их повезли в больницу. По дороге умер Андрей, а Сергей скончался после операции.

Убийцу задержали на следующий день. Оказалось, что после совершенного преступления он спокойно спал дома...

В условиях непрекращающейся межнациональной вражды наши воины продолжали кропотливо восстанавливать жизнь и деятельность на территории, подвергшейся разрушительному землетрясению. У людей были теперь и хлеб, и тепло, и свет, и вода. Правда, воду все еще продолжали возить поливочными машинами и армейскими авторазливочными станциями в ряд жилых массивов, где люди жили в домиках-вагончиках.

Я уже упоминал, что сразу после трагедии со всех концов нашей страны по железной дороге их доставляли сюда под жилье. Что поделаться, они были не лучшего исполнения и комфорта, но все же тысячи семей были рады-радешеньки и такой крыше над головой. День и ночь солдаты разгружали на железнодорожных станциях Ленинанкана и Бояндурэ эти вагончики, доставляли их в микрорайоны, где были разобраны завалы, и аккуратно расставляли автомобильными кранами. Тут же электрики подключали свет, включались электрокалориферы, появлялось тепло, и жизнь воскрешалась в этих жилищах. Трудно передать, как простые рабочие, обездоленные и осиротевшие семьи, а то и совсем престарелые люди радовались, что им выделяли домик-вагончик и они спасены. Никогда не забуду радость, которую испытал полюбившийся мне простой человек, шофер по профессии, спокойный и добрый Рафик, когда наконец-то и ему выделили такой домик. У него было двое детей, чудом оставшихся в живых. Правда, сын, студент политехнического института, попал под завалы и получил серьезную травму

головы. Но после лечения все нормализовалось. А вот с женой дела обстояли значительно хуже — у нее был перелом обеих ног, и только в мае он привез ее из больницы в свой вагончик. После неоднократных его просьб я как-то на минуту заглянул к ним и познакомился со всей семьей. Какие они были счастливые в этом примитивном домике — наконец-то собрались все вместе. И уж как благодарили они русский народ, который больше всех помогает армянам в эти трудные минуты их жизни! От этой и ей подобных семей я никогда не слышал даже единого слова в поддержку карабахских неформалов.

Большинство ленинканцев старались свои вагончики непременно установить поближе к центру, а то и на месте своих поверженных домов. В основном мы так и делали, с согласия горсовета. Но вот неприятности произошли в районе аэропорта. Здесь, на отшибе, не знаю, с чьей подачи (наверное, горсовета), были установлены сотни вагончиков, и народ возмутился. Тут оказались многие инвалиды, которым было крайне необходимо проживание поближе к центру, где есть магазины, больницы, телефон. Домиков не хватало. Люди толпились в райкомах и исполкомах, шли с жалобами к нам, военным. А у нас этих домиков и не было. В основном, на мой взгляд, распределение вагончиков было справедливым. Но все же допускались случаи выдачи их за приличные взятки тем, кто в них остро не нуждался. Знал я одного ответственного работника, у которого сохранился дом (в нем и теперь живет его семья), но он пробил себе такой вагончик и установил его, кажется, на даче. Когда я узнал об этом, больше уж с ним не встречался ни под каким предлогом. Не знаю, дошла ли до него причина моего отказа от связывавшей нас продолжительное время дружбы.

В разрушенных населенных пунктах Армении можно было увидеть множество сооруженных на скорую руку жилищ. Одни походили на сарайчики, другие — на что-то среднее между домом и гаражом, а третьи вообще казались курятниками. Так вот, здесь жили те, кому пока не достались домики-вагончики, и они ютились целыми семьями и никуда не хотели уезжать. Это были настоящие патриоты, горячо любящие свои родные места, свою землю, свою родину. Они в большинстве своем активно участвовали в возрождении жизни среди руин и завалов. Я много раз останавливался с Володей Полухиным среди этих «шанхайчиков», заходил в эти жилища и всякий раз убеждался, что тут живут честные, добрые, гостеприимные, трудолюбивые, терпеливые и преданные своей земле армяне.

Однако почти всякий раз в подобной ситуации я убеждался, что не каждому человеку дано выпрямиться во весь рост, не потерять себя. Не забуду такой случай. Однажды ко мне пришел доктор Альберт Оганесович Киракосян, а с ним здоровенный, лет сорока мужчина, ну прямо косяк сажень в плечах. Альберт Оганесович и говорит:

— Николай Дмитриевич, нужно помочь этому товарищу солдатами. Дом у него обрушился, семья осталась без крова: трое детей и родители. Он начал строить небольшой домик типа гаража.

— Ну что ж,— отвечаю,— завтра подойдите к командиру Донецкого полка, и он выделит вам трех солдат, а команду я такую дам.

На том мы и расстались. Но на прощание я попросил Киракосяна, чтобы солдат непременно хорошо кормили. Никаких проблем — был ответ. Но прошел день-другой, и к генерал-лейтенанту А. В. Ермакову обратился с жалобой от этих солдат заместитель командира полка подполковник В. Жиглявский. Он доложил, что солдаты отказались помогать этому товарищу, так как сам он не работает и пишу привозит очень плохую. Анатолий Васильевич тут же ко мне:

— Надо разобраться, Николай Дмитриевич, коль ты отдавал такое распоряжение.

Подполковнику Жиглявскому я сказал, чтобы привел ко мне этих солдат. Через некоторое время они были у меня. Все трое повторили: сам «хозяин» раскатывает на личном автомобиле под «газами», ни одного часа не работал, а нанял каменщика, и вот они вкалывают. Да вдобавок еще и плохо кормит — кашей с хлебом. Я тут же отозвал солдат, а Киракосяну сказал, чтобы больше он мне таких друзей-бездельников не приводил.

А тот товарищ не раз прорывался к разным должностным лицам и жаловался на меня, что я не только грубиян, но и русский шовинист.

Все мы с детства росли в общественной атмосфере, буквально пропитанной интернационализмом. Дружба народов была для нас не каким-то абстрактным лозунгом, а реальностью будней. Разве мы можем забыть об этом, отказаться от интернационалистского наследия нашей страны? Нельзя допустить, чтобы нахлынувшие сегодня трудности и проблемы заслонили фундаментальные ценности, которые сформировались за годы Советской власти и на которых зиждется наша многонациональная страна. Скажу так: всякие попытки исказить и преуменьшить реальные достижения в области национальных отношений — это кощунство перед памятью нескольких поколений советских людей, они не выдерживают критики при сопоставлении с фактами жизни.

Проводя аналогию восстановления городов и сел, разрушенных в период Великой Отечественной войны, и населенных пунктов Армении, пострадавших от землетрясения, я с уверенностью говорю: никогда бы Армения не справилась в одиночку с такой огромной проблемой. Но еще лучше сказал об этом 19 декабря 1989 года на пресс-конференции в Ереване для советских и иностранных журналистов первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Г. Арутюнян: «Трудно сказать, в каком положении Армения находилась бы сейчас, если бы в эти тяжелые дни не подставила нам свое плечо наша великая держава. В благодарной памяти нашего народа навсегда сохранятся всеобщая солидарность, руки помощи, протянутые нам со всех концов страны и всего мира...»

Как и в послевоенные годы, люди ехали в разоренные Города отовсюду без выяснения условий, без переговоров о подъёмных, об окладах и должностях и, как правило, из больших и удобных городов. Вот, к примеру, прибыл из Москвы во главе отряда спасателей Игорь Алексеевич Науменко, проявил себя как великолепный организатор и командир. Талантливейший инженер-строитель, душевный человек

Сотни спасенных жизней на счету его отряда. Недаром после завершения первого этапа спасательных работ Моссовет назначил Игоря Алексеевича начальником проектно-строительной организации по Лениакану. Он как настоящий советский патриот дал согласие и остался строить новый Лениакан в тяжелейших условиях. В короткие сроки он вместе со своими заместителями и начальниками СМУ организовал мощное строительное подразделение. Это тысячи рабочих разных профессий, инженеров, водителей, прорабов, мастеров, начальников СМУ, участков. Но это еще не все: нужно было все строительные материалы — цемент, щебенку, металлическую опалубку, сантехнику и прочее — доставить из Москвы, получить, разгрузить и запустить в дело. Вот тут-то солдаты выручали не раз. Не только Науменко, но практически все начальники ПСО ежедневно подавали заявки на разгрузку вагонов со стройматериалами, особенно в ночное время. А ведь за простой вагонов был жесткий спрос, а то и разнос на заседании штаба, особенно при Владимире Ивановиче Решетилове, который никому не прощал упущений.

И вот спустя уже месяцы, когда я узнал о том, что экстремисты из Азербайджана преступно блокировали железную дорогу и прекратился подвоз строительных материалов, горючего, продовольствия, бумаги и так далее, я сразу же вспомнил Владимира Ивановича Решетилова, который наверняка принял бы такие меры, что эти

экстремисты сами сопровождали бы эшелоны да еще доложили бы ему о сохранности всего имущества. Жаль, что его там уже не было. Под стать Игорю Алексеевичу Науменко и другой начальник ПСО Росжилгражданстроя Валерий Павлович Колчин. Долгие годы он строил крупные промышленные предприятия в районах Сибири. Совсем недавно оказался в Москве, его назначили начальником главка. А с первых дней после землетрясения, тоже со сводным отрядом, в Ленинанкане. Этому отряду обязаны жизнью сотни спасенных людей. Теперь, после кромешного ада на первом этапе, он приступил к строительству новых домов в 58-м квартале города и в районе поселка Мармашен. Отряд одним из первых возвел несколько десятков одноэтажных домиков для жителей города. А как радовались новоселы, получившие первыми ключи от квартир! Валерий Павлович держал длительное время первое место среди всех восьми ПСО. У него лучше и быстрее, чем у других, было освоено строительство монолитных жилых домов, отвечающих требованиям сейсмостойкости. Оказалось, это совсем не простое дело — строить в монолите. Опыт у многих строителей в этом был невелик. Люди работали и учились, на практике осваивали новое дело.

И все же строительство в 58-м квартале, в районе поселка Мармашен, да и в самом Ленинанкане шло медленно. Постоянно возникали неурядицы в проектах застройки домов, школ, детских садов. Порой сидишь на заседании оперативного штаба, где разбираются досадные ошибки и просчеты проектировщиков, и думаешь: ну какой же подлец закладывает в проекты эти ошибки! Как это назвать, когда вдруг в проектах начальники многих ГИСО вскрывают разные отметки для заложения подземных коммуникаций? Их потом сводишь к стыковке, а они не стыкуются. Или выдают уже готовый проект на жилой дом, а коммуникации к нему забыли привязать.

Мне думается сейчас, что со стороны Госстроя СССР контроль был ослаблен. Правда, когда оперативный штаб возглавил заместитель председателя Госстроя СССР Юрий Леонидович Назаров, он повысил требования к разработчикам генплана, уличив их в недобросовестности и искусственной затяжке сроков окончания. Но, как говорится, поезд уже ушел...

Как тут не вспомнить огромный опыт Комитета по делам архитектуры при СНК СССР, который непосредственно организовывал проектно-планировочную работу по целому ряду крупных городов, освобожденных от фашистской оккупации. В эти города были направлены целые бригады, возглавляемые академиками архитектуры и лучшими архитекторами страны, для оказания помощи городским Советам в разработке первоочередных мероприятий по восстановлению и составлению генпланов.

Все в стране понимали, что русская земля издавна славилась красотой не только своего ландшафта, но и древних городов, отдельных ансамблей и зданий, воздвигнутых русскими зодчими. Немецко-фашистские захватчики причинили большой ущерб памятникам русской архитектуры. В развалинах лежали ансамбли и памятники древнерусского зодчества Смоленска, Пскова, Новгорода, Калинина и других городов. В этих памятниках, как в каменной летописи, ярко отразилась многовековая героическая борьба нашего народа за свою независимость.

Вот почему перед государственными органами архитектуры, перед всеми советскими архитекторами ходом исторических событий были поставлены грандиозные по масштабам и величественные по значению задачи — возродить архитектурный облик старейших городов, чтобы остались они в веках свидетельством морального величия и силы нашего города. И мы своими глазами увидели красоту поднятых из руин Ленинграда, Волгограда, Севастополя, Смоленска, Новгорода, Воронежа и других городов. Но мы не знаем, кто конкретно работал над проектами этих городов.

Любуемся сегодня Севастополем — городом-героем. А знает ли читатель, что генеральный план возрождения этого города начал готовиться еще задолго до его освобождения? Над проектом работали в порядке творческого соревнования две группы видных советских архитекторов. Одну из них возглавлял член-корреспондент Академии архитектуры СССР, доктор архитектурных наук, профессор полковник Г. П. Бархин. Он заведовал кафедрой архитектуры и строительства в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева. Мне, адъюнкту академии, посчастливилось слушать его замечательные лекции, в которых порой чувствовалось возмущение тем, как в период правления Н. С. Хрущева поистине терроризировалась творческая работа талантливых архитекторов страны и наши города становились безликими и однообразными. Уму непостижимо, мы за последние 30 лет ничего не построили, что переживёт нас на века. Мы только и знаем, что реставрируем памятники архитектуры и зодчества, но наша работа не выдерживает испытания и одним-двумя десятилетиями. Достаточно взглянуть на храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве, чтобы убедиться в этом...

Другую группу, работавшую над проектом генплана Севастополя, возглавил академик архитектуры М. Я. Гинзбург. Когда проектировщикам потребовались материалы о том, в каком виде находится Севастополь, что в нем сохранилось для восстановления, эти сведения были доставлены нашими военными летчиками. Не только гитлеровцы, но и сами севастопольцы даже не подозревали тогда, что среди советских самолетов, так часто появляющихся над оккупированным городом, некоторые выполняли сугубо мирные задания. Летчики занимались тем, что последовательно заносили на фотопленку один квартал за другим. Они снимали руины Севастополя и одновременно его точный план для советских архитекторов. После освобождения Севастополя группа архитекторов приехала в город и здесь уточняла ранее полученные данные, чтобы окончательно определить контура нового генерального плана.

Архитекторы консультировались с руководителями города и флота, советовались с общественностью о том, каким должен стать возрождающийся город-герой. Сохраняя в основном исторически сложившуюся планировку Севастополя, градостроители в то же время вносили в нее большие поправки, устраняя хаотичность и бесплановость старого города. Узкие и тесные улицы заменялись широкими городскими магистралями, красивыми площадями, просторными скверами, величественными архитектурными ансамблями зданий, сооружений. Город раскрывался морю и солнцу.

Нужно было отразить в архитектурном облике нового города легендарную славу Севастополя, великие ратные и трудовые подвиги народа. 20 сентября 1943 года профессор Г. П. Бархин выступил с докладом на совещании представителей города и флота и познакомил присутствующих с проектом плана. 30 апреля 1946 года проект генерального плана Севастополя был утвержден Советом Народных Комиссаров РСФСР.

Или вот такой интересный факт. Планировка Сталинграда была поручена в порядке творческого соревнования трем организациям: Государственному институту по проектированию городов, архитектурно-планировочной мастерской Наркомата коммунального хозяйства РСФСР и Академии архитектуры СССР. Все организации в 1943 году представили проекты планировки Сталинграда. Экспертная комиссия приняла за основу для дальнейшей разработки генерального плана схему планировки, составленную проектной группой Академии архитектуры под руководством академика К. С. Алабяна в составе архитекторов Н. Х. Полякова, А. Е. Пожарского, Д. М. Соболева, А. А. Дзержкиевы при участии академика А. В. Щусева. В апреле 1945 года СНК РСФСР утвердил проект генерального плана Сталинграда, приняв развернутое решение о мерах по восстановлению города.

А разве так была организована работа по возрождению Разрушенных городов Северной Армении? Ничего подобного.

Послевоенные планы советских архитекторов с энтузиазмом воплощались в жизнь нашими строителями.

Опять возвращаюсь к родному Воронежу, к его молодежи- За активное участие комсомольцев в восстановительных Работах ЦК ВЛКСМ 3 июня 1949 года передал на вечное хранение комсомольской организации Воронежа Красное знамя ЦК ВЛКСМ, установленное для поощрения городских комсомольских организаций в восстановлении 15 русских городов. Молодежь восстанавливаемых городов явилась инициатором многих новых форм социалистического соревнования. Комсомольцы составляли личные пятилетние планы, развертывали борьбу за овладение смежными профессиями, создавали комплексные бригады, боролись за экономию строительных материалов и так далее. Сейчас над этим иронизируют многие наши печатные издания. Кому это выгодно осмеивать трудовой подвиг народа — и невыгодно замечать все более разрастающееся в нашей жизни тунеядство?

...Солдаты Ростовского полка разбирали завалы на крупнейшем предприятии города — «Армэлектроконденсаторе». Огромные пролетные строения цехов завода стояли полуразрушенные. Все оборудование, за исключением тяжелых прессов, было выведено из строя. Тут же стояла масса резервуаров, наполненных какими-то ядовитыми веществами. Около двух недель солдаты день и ночь вытаскивали это оборудование. Потом началась изнурительная работа газорезательными аппаратами — резали длинномерные металлические конструкции. Явно не хватало самих аппаратов. Все, что было в Минчермете, мы реквизируем. Более того, пришлось из других частей гражданской обороны временно передать по нескольку газорезательных аппаратов вместе с расчетами на этот объект. Нужно было разрезать и вывезти огромную массу металла. Чаще всего в этих тяжелых работах не хватало кислорода, который выдавали в Минчермете некие местные деляги. Они заправляли баллоны, доставляемые солдатами. Одно время все шло нормально. Но вскоре с солдат эти проходы стали брать по пять рублей за баллон. Тут уж пришлось потребовать от органов УВД Ленинанкана соответствующего вмешательства. Мало того, что сами толком не работали, так выискивали еще всяческие пути наживы.

На самом заводе никто не помогал солдатам, не испытывал желания трудиться в кромешных завалах. Куда все они разбежались? Однажды зашел к генеральному директору Вороздату Мартиновичу Мартиросяну, а у него сидят человек тридцать молодых и здоровых ребят. Ну, думаю, наконец-то лед тронулся, видно, их совесть проняла, коль заявили к директору. Я поздоровался с Вороздатом Мартино- вичем и присел за длинный стол. Разговор у них шел на армянском языке, но я понял, о чем они говорили: все же шесть месяцев общения с местным населением кое-чему научили- Генеральный директор говорил им примерно следующее: «Вот уже шестой месяц, как вы, молодежь, ничего не делаете, а я плачу вам ежемесячно зарплату. Надо же совесть иметь, настала пора включиться в восстановительные работы. Посмотрите, с раннего утра и до поздней ночи одни солдаты вкалывают на нашем родном заводе. Впору от стыда сгореть. Солдаты — очень терпеливый народ, но ведь о вашем безделье станет вскоре известно всей стране. Я прошу вас завтра же выйти на работу, тем более у многих сохранилось жилье и остались живы близкие».

Но не успел Вороздат Мартинович досказать свою пламенную речь, как один за другим «молодцы» начали в резкой форме говорить, что эта работа им «до лампочки». Я был невольным свидетелем саботажа... комсомольцев.

Наконец нервы у директора не выдержали, и он закричал:

— Вон отсюда, мерзавцы, ни рубля больше не получите!

Дверь директорского кабинета широко распахнулась, и они один за другим повыскакивали из него, словно пробки из бутылок.

Вороздат Мартинович заговорил первым:

— Понимаешь, Николай Дмитриевич, вот уже какую группу молодых рабочих агитирую выйти на восстановительные работы — никто не желает. Все в один голос: «Мы пострадавшие, пока государство платит — работать не будем». Ну что делать, а?

Я попытался успокоить выбитого из нормальной колеи человека. Подсказал: коль на уговоры не поддаются, нужно добиваться соответствующего постановления правительства Армении об обязательном трудовом участии всех людей, способных работать. Мы долго сидели с ним и говорили на эту тему, пытаюсь понять, где зарыт корень. Где начала разрушаться нравственность и где та сила, которая ее разрушает? Несомненно, зарождение разлома нашей морали приходится, хотите или не хотите, на длительный брежневский период застоя. Именно при незабвенном Леониде Ильиче началось, а теперь все еще продолжается деление труда на выгодный, престижный, и невыгодный, рабский. Оказывается, тем же местным делягам куда почетнее возить цветы в Москву и получать солидные барыши, чем в пыли и грязи разбирать завалы. Или скупать в государственных магазинах мясо, чтобы в кооперативных ресторанах убажывать соответствующие элитные слои населения и тоже набивать карманы деньгами.

В 1952 году бывший летчик французского полка «Нормандия — Неман» Герой Советского Союза Франсуа де Кофр говорил: «Мы оставляли наших советских товарищей, их огромный безраздельный вклад в дело, их немислимые страдания, страну, разоренную войной, миллионы убитых, тысячи разрушенных и снесенных с лица земли городов и сел. Но мы оставляли народ, проникнутый сильной и нетронутой, как никогда, верой, мужеством и дисциплиной. Именно этот народ, эти самые люди, воодушевленные той же верой и тем же мужеством, семь лет спустя показали миру, что, если они умели сражаться и победить, еще лучше они умеют восстанавливать, создавать, украшать, преобразовывать свою бескрайнюю страну для счастья своего народа». Что он сказал бы сейчас, этот рыцарь без страха и упрека? И кто сегодня напишет такие вот стихи?

Пусть мы с тобой пришли с войны,
Стуча о камни костылями,
Мы город выстроить должны —
Мы насмерть за него стояли.

Из края в край страны катилась клятва нашего народа возродить родные города — памятники невиданных в истории сражений Великой Отечественной войны советского народа. Эти призывы уже сами по себе ярко выражали замечательную черту характера советского человека — его постоянное горячее стремление к созиданию.

Ведь не в пример этим молодцам с ленинканского завода «Армэлектроденсатор» писала инженер-конструктор Сталинградского тракторного завода Полина Ерохина в 1947 году своей подруге: «Ты удивляешься, Надя, что я вернулась в Сталинград... Ты пишешь: «Как можешь ты быть счастлива, живя среди развалин, в пыльном рабочем поселке совершенно разрушенного города?» Ты послушай меня, Надя. Я выросла и воспиталась на тракторном, знала наших людей. Но сейчас с изумлением смотрела на них: люди, забывая о тяготах жизни, забывая о себе, жили только заводом, только его интересами... Нам, сталинградцам, живется труднее, чем в городах, которых не коснулась война. Мы лишены подчас необходимых бытовых удобств. Все это будет. Зато

мы богаты сознанием того, что живем в городе мировой славы».

Или вот еще один факт для размышления. Как-то меня срочно по телефону разыскал первый секретарь Московского районного комитета партии Ленинанкана Таджат Гегамович Саркисян, энергичный и деловой организатор, весьма коммуникабельный и приветливый человек.— Николай Дмитриевич, я вас убедительно прошу проехать со мной на один любопытный объект. С нами поедет и начальник проектно-строительного объединения Валерий Павлович Колчин. Знаете такого?

- Еще бы! Но у меня нет свободной минуты.
- Хотя бы на часок освободитесь.

Часов в двенадцать я подъехал к зданию райкома партии. Саркисян уже ждал меня. Тут же Валерий Павлович Колчин, его проектировщики. Мы расселись по машинам и минут через двадцать были на месте этого самого любопытного объекта, которым оказался спортивный комплекс. Нас встретил коренастый, симпатичный и скромный молодой человек. Это был председатель спортивного комитета города Роберт Оганесян, который и показал все сооружения комплекса. Осмотр начали с гостиницы, в которой некогда жили спортсмены. Мы прошлись по комфортабельным номерам, залам, служебным помещениям. Меня поразили роскошная отделка, мебель, хрустальные люстры, картины. Все это было почти в первозданном виде, за исключением треснувших стен, потолков, перегородок, лестничной клетки и так далее. Короче говоря, здание было только частично повреждено, и все спортсмены, которые оказались волею случая 7 декабря 1988 года именно здесь, остались в живых. Потом мы осмотрели другие сооружения спорткомплекса. Они были выстроены так же добротнo, оборудованы на широкую ногу. Не могу передать, как великолепно выглядела огромная сауна с бассейном. Все помещения были отделаны изысканными материалами. Но лучше было бы часть денежных средств вложить не в отделку, а на усиление самих зданий и сооружений.

Когда окончили осмотр, я поблагодарил Таджата Гегамовича:

— Спасибо за прекрасную экскурсию, я даже, к своему стыду, не знал, что могут быть такие чудные апартаменты для спортсменов.

— Это хорошо, Николай Дмитриевич, что вам все понравилось, но ведь ни жить, ни тренироваться тут нельзя. Надо все это восстановить.

— А кто же вам мешает собрать тех же самых спортсменов и заняться восстановлением? А то уже, смотрите, идет июнь, а из помещений даже дорогостоящее оборудование не вынесено. Где же все ваши знаменитые чемпионы?

— Все они, как ни странно, разбежались, и их теперь трудно собрать, — вступил в разговор Роберт Оганесян. А спорт в городе поднимать надо.

Наступила пауза. Я не стал больше накалять обстановку, но на душе было горько: все ли эти знаменитые спортсмены из Ленинанкана, мастера и даже заслуженные мастера спорта являются настоящими патриотами и настоящими людьми?..

Воцарившееся молчание неожиданно прервал Валерий Павлович Колчин:

— Мы готовы взять в подряд этот объект, но при условии, что Николай Дмитриевич выделит солдат для уникальной работы. Надо аккуратно разобрать крышу и два этажа, а такие объекты, как столовая, сауна, необходимо будет разобрать и вывезти.

Я искренне уважал Валерия Павловича. В нем была редкая теперь настоящая русская интеллигентность талантливого инженера. Импонировали мне и манера его поведения, и умение ценить дружбу. Еще на чем мы сошлись — так это на поэтической музе. Поздними вечерами подолгу вели разговоры о Пушкине, Баратынском, Фете, Тютчеве, Ахматовой. Наши мнения зачастую совпадали, и мы почти никогда не спорили. Когда к Валерию Павловичу в эти адские условия разрухи и неустроенности приехала

жена, он пригласил к себе на ужин близких друзей. И тут уж я не удержался от чтения стихов. Помню, что все мы в шутку прозвали его Регину декабристкой.

Таджат Гегамович, как бы подводя итог нашей непродолжительной беседе, сказал:

— Ну, я думаю, что коль Валерий Павлович берет этот объект в подряд, то наш генерал в трудную минуту не оставит нас, тем более речь идет сейчас не о спортсменах, а о реабилитации многих искалеченных — и взрослых, и детей.

Делать было нечего, надо было включать этот спорткомплекс в план работ Саратовскому полку. Правда, потом немного поворчал Анатолий Васильевич Ермаков:

— Вечно ты, Николай Дмитриевич, ввязываешься во всякие дополнительные работы.

Я улыбнулся, зная его и человечность, и понятливость. Объект нужно было восстановить ради тех же пострадавших. Ну а именитым спортсменам из Ленинанкана есть над чем подумать. Хотел назвать с десятков фамилий, однако пусть пока останутся безымянными. Молодые — может, еще поймут что-то.

Мои саратовские однополчане вскоре прибыли на объект.

Только что назначенный командиром полка подполковник Николай Васильевич Пулькин, которому я прямо на объекте поставил задачу, без промедления организовал работы. Крышу разобрали быстро, а вот когда стали разбирать стены и железобетонные перекрытия, крепко приваренные к несущим опорам, пришлось попотеть. Гостиничное многоэтажное здание стояло у самого подножия горы, и автомобильный кран можно было установить только в одном месте, у торца, и то с одной стороны. На строительной площадке едва уместили 80-тонный кран «Демаг» фирмы ФРГ, с помощью которого велись основные работы по разборке. Тут же солдаты-сварщики аккуратно разрезали места крепления. Другие с помощью отбойных молотков ряд за рядом разбирали кладку туфа. Кажется, в ней присутствовал на этот раз и цемент. Бывшим строителям еще добавить бы сюда совсем немного совести, и комплекс остался бы неповрежденным. Однако локоток был когда-то близок, да не укусишь. Зримые разломы теперь зияли и в сооружениях ленинанканского спортивного чуда, и в душах его строителей.

Работа кипела в две смены более месяца. Солдаты буквально изнывали от палящего солнца. Благо на территории спорткомплекса оказался большой открытый бассейн, где люди могли хоть малость покупаться. Больше того, в бассейне водилась... форель.

Как-то на закате солнца я возвращался в Ленинанкан с Володей Полухиным из поездки в Абовянский район. Проезжали мимо этого самого спорткомплекса. Смотрим, рядом с бассейном горит костер и с десятков солдат расселись вокруг него, о чем-то мирно беседуют. Я говорю Володе: — Поверни-ка к служивым, порасспросим, чем заняты и чего им не спится.

Подъехали поближе, вышли из машины. Гвардейцы встали, мы с ними поздоровались. Вижу, на костре пристроен котел литров на десять. Спрашиваю:

— Случаем не кашу из топора варите? — Солдаты рассмеялись.

— Да нет, товарищ генерал, — говорит один из них, — если по-честному, мы тут в этом бассейне обнаружили форель. Решили попробовать, что это за рыба, каков ее вкус.

Автор ухи ловко подцепил половником рыбину, налил в металлическую солдатскую миску юшки и сказал:

— Товарищ генерал, снимите пробу. Я взял миску, кто-то из солдат подал мне ложку, я отведал ухи. Она была отменной. Поблагодарив за угощение, я попросил солдат долго не засиживаться и вовремя вернуться в расположение, добавив, чтобы на развод форель в бассейне оставили. С тем и уехали.

Мои однополчане-саратовцы работали на совесть, и в установленный срок, в конце июня, мы передали этот объект Валерию Павловичу Колчину.

...Шли дни, недели, месяцы, отодвигая все дальше и дальше трагический день 7 декабря 1988 года. Никто больше не искал родных или близких в завалах, а страшных руин с каждым днем становилось все меньше и меньше. Уже не оставалось ни одного разрушенного дома, у которого раньше стояла табличка с надписью: «Под завалами людей нет!» Последний такой дом на улице Манушана разобрали и вывезли за город на свалку солдаты Донецкого полка. Командир полка подполковник Р. Ш. Мустафин взял эту последнюю табличку и так стоял с ней в руках, когда мы подъехали к дому с начальником штаба Гражданской обороны Лениакана подполковником Гагиком Геворковичем Григоряном.

Григорян оказался тоже моим бывшим курсантом. Был он трудолюбив и упорен. Только теперь я узнал от него, что, когда он учился, плохо знал русский язык и зачастую по ночам основательно зубрил курс «Машины инженерного вооружения» — предмет, который я читал курсантам. Часто недосыпал. Не раз собирался бросить училище, боясь не осилить науку. Но все же осилил и успешно окончил училище. С тех пор прошло около 20 лет, я никогда не встречал своего ученика. И вот теперь Гагик уже подполковник и на нем большая ответственность за восстановление разрушенного города.

Мы вышли из машины и направились к Мустафину, который четко отрапортовал о ходе работ на всех объектах полка.

— Рашид Шайкулович, чем приглянулась тебе эта табличка?

— Товарищ генерал,— ответил он с грустью,— когда мы выставляли эти таблички после тщательного обследования разрушенных домов, то все же не были уверены, что там нет погибших. А теперь вот душа будет спокойна: домов с такими табличками в моей зоне больше нет! А вот эту табличку я возьму на память обо всем, что увидел и смог сделать со своими воинами в Лениакане.

Пока мы стояли и разговаривали, солдаты дружно подбирали последние кубометры завалов. Тут же работали в паре автопогрузчики и бульдозер. Самосвалы один за другим подъезжали к дому. Вот и последняя машина — от дома не осталось никаких следов, будто его и не было здесь. Тут же подъехали другие самосвалы, но только с землей, они высыпали ее, и бульдозерист мастерски заработал. Готова площадка для установки домиков-вагончиков или палаток. Ведь для пострадавшего населения, нуждающегося в крыше над головой, кроме вагончиков, солдаты установили в разных местах 27 тысяч палаток. Это были целые поселения. И некоторые предприимчивые жители перетаскивали эти палатки с места на место. Я не раз говорил в шутку Григоряну: «Ну когда ты, Гагик, со своим начальником Гражданской обороны, то бишь мэром города, наведешь порядок в этой застройке? Ведь потом, когда нужно будет что-то строить, вы никакой силой людей не уберете».

Гагик улыбался: «Ничего, товарищ генерал, до этого момента так далеко, что я быстрее уйду на пенсию». Но шутки шутками, а его непосредственный начальник, председатель горсовета Эмиль Михайлович Киракосян за серьезные упущения в работе по восстановлению города был освобожден от занимаемой должности. Серьезные просчеты были в организации многих видов работ, о которых я уже рассказывал, и их нельзя было не заметить. Поэтому решение было справедливое. Ведь если уж говорить начистоту, то практически почти все службы гражданской обороны города работали неудовлетворительно. Может быть, за исключением таких, как противопожарная охрана, охрана общественного порядка и частично медицинская. Да и то в первые часы городские службы были в шоковом состоянии. Я уж не раз со всей страстью подчеркивал, что партийные и советские органы в мирные дни нашей жизни должны всерьез заниматься службами гражданской обороны, повседневно интересоваться их готовностью к

действиям в экстремальных ситуациях. Ведь что ни начальник службы гражданской обороны, то солидное должностное лицо с соответствующими ПОЛНОМОЧИЯМИ. К примеру, в медицине это начальник горздравотдела, председатель эвакуационной комиссии — зампред горсовета. Но все они, поглощенные своей работой, зачастую считают гражданскую оборону несерьезным делом и никак не могут понять: за все упущения приходится расплачиваться жизнью людей.

Мне не раз приходилось возглавлять комиссии по проверке состояния готовности гражданской обороны в автономных Республиках, краях, областях, министерствах и ведомствах.

И там, где партийные и советские органы совестливо, со всей ответственностью относятся к вопросам готовности гражданской обороны, так и душа радуется — ведь это же жизнь людей. Мне повезло дважды работать в Томской области. Старинный Томск, основанный в 1604 году, расположен на правом берегу красивой реки Томь, которая впадает в Обь где-то в 60 километрах от города. Железная дорога Белый Яр — Асино — Тайга связывает Томск с Транссибирской магистралью. С ее постройкой в Томск в 1896 году тоже была проложена железнодорожная ветка, и город стал с тех пор крупным центром Сибири. В 1880 году в Томске был основан первый в азиатской части России университет, в библиотеке которого собраны уникальнейшие произведения литературы. Тут же бережно хранится значительная часть личной библиотеки поэта В. А. Жуковского. Во время командировок в свободную минуту я иногда заглядывал сюда.

В Томске первым секретарем обкома КПСС долгое время был Егор Кузьмич Лигачев. Л. И. Брежнев не баловал его своим вниманием, но от простых томичей я узнал о нем много хорошего. Работал он и жил нуждами и заботами сибиряков. Но мне хотелось бы сказать, как он занимался оборонными делами в Томской области. Егор Кузьмич требовал от всех руководителей области серьезного отношения к обучению населения действиям в экстремальных ситуациях, выполнению планов по строительству соответствующих защитных сооружений, повышению готовности формирований гражданской обороны.

Однажды произошел такой случай. О нем мне рассказал бывший начальник штаба Гражданской обороны Томской области полковник Четверяков:

«Как-то поздно ночью ко мне на квартиру вдруг звонит «первый» и спрашивает:

— Что делает гражданская оборона?

Я, узнав его по голосу, отвечаю:

— Сплю, Егор Кузьмич.

— Молодец! — говорит. — Тогда посмотри в окно.

Я посмотрел. Батюшки! Глазам не верю: на улице белым-бело, снегу навалило. А сам думаю: чего это «первый» тревожится, поди, улицы чистить решил ночью.

— Егор Кузьмич, — говорю, — зима на улице.

А он мне в ответ:

— Молодец, что спросонья, но сумел разглядеть зимний пейзаж. Вот что, слушай вводную, в самый раз по твоей военной части. Поднимай немедленно по тревоге все наши городские формирования гражданской обороны, в том числе и автомобильные, и ровно через час я тебя с твоим войском жду на капустном поле за городом, где теперь эта капуста лежит под снегом, ее-то и будем спасать. Есть вопросы у тебя?

— Никак нет, — отвечаю.

— Вот и хорошо, в самый раз проверим боевую готовность наших формирований, посмотрим, на что они способны.

За несколько минут оделся и не помню, чтобы еще когда в жизни так быстро одевался, даже будучи солдатом. Первым делом позвонил оперативному дежурному и

распорядился, какие конкретно формирования поднять по тревоге. Главные из них — это автотранспортные, директоров которых я известил лично. Ровно через двадцать минут сам был в штабе. Время неумолимо сокращало установленный срок. Вот уже и все офицеры собрались. Каждому поставлена конкретная задача по контролю и оказанию помощи в организации работ на капустном поле. Помчались за город. Уже первые колонны автобусов с людьми обозначились светом своих фар.

На душе стало легче. Приезжаю на поле, а там уже с группой обкомовских и облисполкомовских работников стоит Егор Кузьмич и дымит вовсю. Он поздоровался и сказал: — Вот ведь стихия какие кренделя выписывает...

Часам к двенадцати дня капустная эпопея была закончена. Егор Кузьмич поблагодарил всех ее участников, отметив высокую готовность наших формирований. В этот же день, как на фронте, появился приказ начальника Гражданской обороны области о поощрении особо отличившихся».

Или вот другой случай. О нем мне рассказал заместитель председателя Томского облисполкома Габрусенко:

«Однажды Егор Кузьмич собрал всех членов бюро обкома на заседание прямо в лесу. Такого еще отродясь не было. Место это было неподалеку от крутых берегов Томи. Он и облюбывал его. Некоторые в шутку острили — неужто Егор Кузьмич решил устроить пикник в ранние часы субботнего дня?

Как бы там ни было, но приехали, собрались. Егор Кузьмич уселся на пенек. Как обычно, дымит. Не мешкая, объявил Повестку дня: «Сбор денежных средств на строительство памятника погибшим в Великой Отечественной войне воинам-томичам».

— Памятник будем строить,— говорит,— вот на этом месте, где мы с вами сидим. Все молчали. Ой без особых церемоний стал поднимать директоров заводов и спрашивать, кто сколько может выделить денежных средств на строительство. Директора то ли не представляли себе, какая должна быть сумма взноса, то ли решили пожадничать — в общем, стали они называть суммы не более 15 тысяч рублей. Тогда Егор Кузьмич поднялся с пенка и зашагал в лес.

Все в полном недоумении. Никто не знал, что делать. Но заседание бюро он не закрыл. Решили подождать. Проходит минут двадцать, появляется Лигачев. Вновь уселся на свой пенек и говорит:

— Заседание бюро обкома объявляю продолженным.

И опять поднимает по одному директоров заводов. Те уже сообразили, называли сумму взносов приличную. Но каждому названную сумму Егор Кузьмич удваивал. Потом, когда картина более-менее обрисовалась, он всех поблагодарил и закрыл заседание бюро обкома».

Памятник впечатляет. На мраморных плитах высечены фамилии погибших воинов. Не забыли ни одного. Теперь стоит над обрывом Томи этот реквием в камне, и ходят сюда люди, чтобы поклониться солдатам, павшим за честь и независимость нашей Родины.

19 мая — день моего рождения. Счастливое совпадение с Днем рождения пионерской организации. И тут хочешь не хочешь, но и близкие родственники, и друзья-товарищи, как правило, не забывают. На этот раз меня уже разыскали в Ленинкане, в основном по телефону, а кто и телеграммой. Жена по такому поводу прилетела из Москвы накануне дня рождения. Мы разместились у близкого товарища, врача Феликса Григоряна, о семье которого я уже упоминал. Милая и добрая его жена Соня искренне взяла нас на свое попечение на несколько дней. Живут они далековато, за городом. И вот, чтобы особенно не утруждать Соню и не создавать неудобств своим друзьям в поисках дома Феликса, я принял любезное предложение зубного врача Ашота Хачатряна и его

жены Земфиры отметить день рождения у них на квартире в оставшемся невредимым жилым доме, что на улице Горького. Правда, позже Соня и Феликс были расстроены моим решением.

Утром 19 мая из дома Феликса мы с женой решили заехать в оперативную группу, где стоял мой вагончик. Жене было любопытно посмотреть, где я зиму коротал. Не успели подъехать — смотрим, у вагончика собрались офицеры оперативной группы во главе с генерал-лейтенантом Анатолием Васильевичем Ермаковым. Они тепло поздравили меня с днем рождения и преподнесли гвоздики — по числу исполнившихся мне лет.

Откровенно говоря, я не ожидал такого подарка. Целая охапка прекрасных гвоздик едва уместилась в ведре с водой.

Вечером самые близкие мои товарищи к назначенному часу собрались на квартире у Ашота. Мы с женой даже не могли предположить, что ожидало нас впереди. Приглашали на ужин 12—15 человек, а тут вдруг неожиданно-негаданно повалили гости, и в основном местные жители. Боже, что делать? Наши добрые хозяева, Ашот, Земфира и ее сестра Эльвира, нас успокаивали и просили не расстраиваться, а радоваться гостям. Но меня мучил один вопрос: кто же растрезвонил и пригласил такую ораву гостей? В большом, просторном зале вначале стоял только один стол, потом нам пришлось приставлять второй, а чуть позже и третий. Тут же на кухне жена, Земфира и Эльвира начали делать котлеты, подкрепляя стол всякой снедью. Кажется, всем еды хватило, и гости остались довольны, а мы с женой тем более.

За ужином выговорились почти все. Говорили подолгу. Вспоминали, например, о влиянии великих русских правителей на армян, которые и сегодня в большинстве своем это хорошо помнят. Порой дело доходило и до споров, но без оскорблений. Совсем не желая обидеть одного знакомого, я не удержался и сказал ему:

— Рафик, ну откуда у вас, мужиков, такое пристрастие к торговле?

Он, улыбаясь, ответил:

— Николай Дмитриевич, а вы разве забыли, что сама Екатерина приучила нас к этому, лично разрешила свободно торговать как вне, так и внутри России, заниматься различными промыслами? Она же еще в 1770 году, продолжая начинания Петра Первого, предприняла добровольное переселение армян и греков из Крыма на юг России. На новых местах переселенцев согласно ее указаниям предписывалось «обласкать», чтобы не только «перешедшие в пределы сохранены были, но и чтобы находящиеся за границей, видя их, благоденствующих, к ним присоединились». Специальной грамотой императрицы они освобождались от рекрутства, от уплаты государственных податей и повинностей сроком на десять лет. Мероприятия Екатерины Второй осуществлялись через влиятельного государственного деятеля князя Григория Александровича Потемкина. Вот так-то. Совсем неожиданно возник спор о кофе. Одни утверждали, что кофе возник в Турции, другие — в Армении, третьи — во Франции. Спор разрешил наш тамада Феликс Григорян. Он сказал, что нужно читать Н. М. Карамзина, который в «Письмах русского путешественника» писал, что еще при Людовике XIV, в 1669 году, впервые во Франции употребление кофе ввел армянин по имени Паскаль. Он завел кофейный дом и на этом прилично разбогател, а когда умер и мода на кофе прошла, то к его наследникам в гости уже никто не ходил. Однако когда Карамзин был в Париже, то уже существовало около 600 кофейных домов.

Феликса начали подначивать: вот, мол, что запомнил, а то, что Карамзин очень хорошо описал армянского царя Левона VI, который, будучи изгнан со своей земли турками, умер именно в Париже, сохранив великодушное терпение и добродетель,— забыл. Несомненно, Карамзин проявлял огромный интерес к историческому прошлому

Армении. Его сообщения об этой стране были значительно расширены в многотомном труде «История государства Российского». Он кропотливо собрал из различных источников, в том числе из русских летописей, большое количество интересных материалов. Его заслугой является и то, что он первым в русской исторической науке использовал армянские источники.

Немалый интерес вызвал у гостей более подробный рассказ, не помню кого, о том, как Карамзин описал жизнь и деятельность армян в русском обществе. Известно, например, что в 90 верстах от Казани были найдены армянские надписи XII века, свидетельствующие о том, что армяне выменивали русские меха и кожи на персидские товары. Кстати, эти надписи перевел для Петра Великого казанский армянин Иван Васильев в 1722 году.

Совсем незаметно за увлекательными рассказами о Карамзине гости перешли к творчеству великого русского писателя А. С. Грибоедова, который неоднократно бывал в Армении. Он останавливался в Эривани и Эчмиадзине. Как дипломат Грибоедов много сделал для освобождения армянского народа от ига Персии и Турции. В силу своих служебных обязанностей и профессиональной пытливости он хорошо изучил историю Востока, и особенно Армении.

Будучи в составе Эриванского похода в июне 1827 года. Грибоедов сделал запись в дневнике: «Июнь 1. Середа. В Черчены, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них как рапорт принимает». А когда через неделю русские пришли в Эчмиадзин и в знак признания армянское духовенство устроило главнокомандующему торжественную встречу, Грибоедов 8 июня записал в дневнике: «Приезд в Эчмиадзин... духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном. Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея».

Слушая внимательно, как наперебой гости душевно, со всей теплотой делились своими познаниями о братской дружбе между русскими и армянами, я не мог удержаться и тоже вступил в разговор. Моя любимая тема — А. С. Пушкин. Немало мне было известно и об его отношении к армянам. Еще на школьной скамье не раз перечитывал «Путешествие в Арзрум», в котором поэт описал свои яркие встречи с армянами. Со взглядами и национальными качествами армян поэт был хорошо знаком. Он неоднократно подчеркивал их храбрость, преданность, доброту и радушие. За ужином мы не раз вспоминали Каре, который когда-то принадлежал Армении. Многие из нас уже побывали на границе, где на территории Карса когда-то и находилась бывшая столица Ани. Так вот, из описаний А. С. Пушкина я теперь напомнил, как некогда Александр Сергеевич в дождливый вечер подъехал в Карее к баням и его проводник стал стучать в дверь, но никто не открыл ее. «Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговора с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке, — пишет Пушкин.— Он повел меня по узкой лестнице во второе жильё своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала мне руку. (Известно, это признак высшего уважения к гостю, проявленный женщиной. Обычай позже утратился. — Н. Т.) Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем. Вошел меньший брат хозяина, мальчик лет семнадцати... Они сказали мне, что войска наши выступили накануне и что лагерь наш находится в 25 верстах от Карса... Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поварского искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул...

Попутру пошел я осматривать город. Младший из моих хозяев взялся быть моим

чичероном... Мой армянин толковал мне как умел военные действия, коим сам он был свидетелем. Заметя в нем охоту к войне, я предложил ему ехать со мной в армию. Он тотчас согласился... Через полчаса выехал я из Карса, и Артемий (так назывался мой армянин) уже скакал подле меня на турецком жеребце с гибким куртинским дротиком в руке, с кинжалом за поясом, и бредя о турках и сражениях». Возможно ли что-нибудь подобное теперь? Я с усмешкой сказал:

— А найдутся ли такие джигиты нынче?

Мне хором ответили:

— Да!

Неоднократно А. С. Пушкин наблюдал и ощущал на себе гостеприимство, уважение к русскому солдату, высокое воинское мужество, отвагу, храбрость и патриотизм армян. Я напомнил гостям эпизод, когда Пушкин вместе со своим другом Н. Раевским отправился в город, представляющий удивительную картину. «Турки,— пишет Пушкин,— с плоских кровель своих угрюмо смотрели на нас. Армяне шумно толпились в тесных улицах. Их мальчишки бежали перед нашими лошадьми, крестясь и повторяя: «Християн! Християн!..» Мы подъехали к крепости, куда входила наша артиллерия; с крайним изумлением встретил я тут моего Артемия, уже разъезжающего по городу, несмотря на строгое предписание никому из лагеря не отлучаться без особенного позволения». Все это, изложенное Пушкиным под впечатлением своего пребывания в Карее, свидетельствовало о беспредельной преданности армян своему народу и признательности освободителям. Потом я долго читал гостям стихи Пушкина.

К Пушкину я давно неравнодушен. Он — это моя вторая жизнь. У меня есть уникальный томик стихов, подаренный более 20 лет назад женой, с которым я не расстанусь никогда. Он был со мной в Чернобыле в особо опасной зоне АЭС, он путешествовал по всем служебным командировкам, он был в больницах и госпиталях, в отпусках... И вот теперь, когда я вновь в апреле 1990 года оказался с обострившимся своим чернобыльским недугом на больничной койке в Центральной клинической больнице в Москве, он со мной. Я читаю его всякий раз, когда мне совсем плохо и нет сна. Любите Пушкина! В трудную минуту жизни в его стихах вы найдете и успокоение, и тягу к жизни...

В тот вечер из рассказов я впервые узнал о существовании генерала русской армии А. П. Кулебякина, которого война России с Турцией в 1914—1916 годах привела в Армению. Пять месяцев Кулебякин прожил в Западной Армении, в Ване. «Невыразимо тяжелое настроение, — писал он, — навеивает этот дотла разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрашивает ужас запустения и гибели. Красота синего озера Вана в серебряной рамке запорошенных снегом гор, прозрачность вод, ясность неба, чистота воздуха и богатство солнечных красок очаровывают душу каждого наблюдателя. Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца». Как это созвучно теперешним развалинам...

Генерал русской армии Кулебякин оказывал немалую помощь угнетенным армянам. Ко всему он был поэт и издал в пользу пострадавших от войны армян книгу «Отзвуки Вана», в которую вошла поэма «Дверь мсхера», являющаяся частью народного эпоса «Давид Сасунский». Кулебякин обработал ее и издал как самостоятельное, цельное произведение, где отобразил неисчерпаемую силу героев эпоса, их преданность родной земле и своему народу. Очень любопытно, что Кулебякин в герое эпоса Мгере увидел сходство с русским богатырем Святогором. Вот строки из «Обороны Вана»:

Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданье русских бьются.

Я не буду утомлять читателя долгим перечислением наших русских соотечественников, когда-то побывавших в Армении и оставивших свой глубокий след в памяти армянского народа. Мне хочется сказать о другом — как мало теперь бывает подобных вечеров в кругу друзей, близких, родственников. В Москве живу долго, но не припомню, чтобы такая традиция пушкинских времен вновь воскресла. Все застолья застойного периода, да и теперь, неизменно проходили и проходят на один манер — неограниченные выпивки в виде состязаний, кто больше, обильные закуски, а затем споры о перестройке, Б. Н. Ельцине, кооператорах, забастовках, рэкетирах, об Азербайджане и Армении и так далее. Где уж тут место для душевных разговоров, стихов, музыки, искусства? Да мы скоро забудем не только о том, что, к примеру, А. С. Пушкин путешествовал по Армении, Грузии, самой России, Крыму и оставил память потомкам в стихах и прозе, но мы вскоре и его самого-то забудем при таком «почитании». Как же можно без поэзии, культуры строить Светлое будущее?

Современным поколением больше движет материальное обогащение любыми способами и средствами, нежели обогащение духовное. Последнее стало почти неприличным, начиная с бывших верхов и кончая молодежью, в значительной степени втянутой в нездоровую сферу жизни. Преступность, которая, к сожалению, не снижается среди подростков и молодежи, — яркий показатель бездуховности и отсутствия элементарной культуры. Какие там поэтические вечера, когда вышколенные головорезы — рэкетирсы, сотнями объединенные в шайки, грабят и убивают людей! Какие ужасы за 600 секунд передает ежедневно из Питера комментатор А. Невзоров! Волосы дыбом встают от всего этого. Невольно возникает вопрос: кто давал подобным подонкам уроки достоинства, благородства, мужества, патриотизма, кто учил их видеть окружающий мир, ощущать связь времен, кто же, наконец, автор уродования их душ? Неужели в их преступных душах не оставил след наш Пушкин? Или они никогда с ним не соприкасались? Ведь как же хорошо сказал академик Д. С. Лихачев, что Пушкин — это лучшее, что есть в каждом из людей. Это доброта и талант, смелость и простота, верность в дружбе и бескрайность в любви, уважение к труду и к людям труда... Любое из человеческих чувств — любовь, печаль, гнев, грусть, чувство приближающейся смерти — Пушкин поднимал в своей поэзии до высочайшей точки. Его поэзия облагораживает нашу жизнь.

Наверное, нет большей трагедии, что об этом так мало говорят в школе учителя, и говорят по-казенному, что нарушается связь времен и поколений, что для нас не остается ничего святого на земле. Как никогда, теперь нужны в школах уроки чести и достоинства, мужества и патриотизма. Сколь же поучительна в этом плане пушкинская любовь к Отечеству, сколь действенна она! Поэт никогда не прятался от самых сложных вопросов, не отворачивал лица от врагов. Он терпеть не мог патриотизма квасного, кликушествового, истеричного, когда, непрерывно декларируя любовь к Родине, из деклараций этих пытаются выстроить уютный уголок для себя лично, когда мысли о народе и его судьбе напрочь стерты заботами о личной выгоде. Пушкин навсегда остался врагом всякого рода спекуляций на идеях, недвусмысленным врагом провинциализма, понимая, насколько необходимо для судьбы собственной культуры усвоение богатств, созданных человечеством, насколько губительны изоляционизм, одиночество, в которых задыхаются и целые народы, и отдельные личности. О чем думают лидеры литовского «Саюдиса» во главе с Ландсбергисом? Все, что происходит сегодня в Литве, вызывает

огромную всеобщую тревогу, а я лично воспринимаю как беду. Мой, ныне покойный, брат Александр с 1944 по 1951 год проходил службу в Вильнюсе. Он много рассказывал, как вместе с литовцами освобождали от банд «зеленых» и фашистской нечисти эту самую литовскую землю, сколько лазили и утопали в болотах. И умер-то Саша в свои неполные 50 лет от простуженных в ту пору легких. А сколько на этой земле полегло русских солдат!

Советскую Армию встречали с неподдельной радостью и ликованием как освободительницу. Неужели потеряна связь поколений? И как же не стыдно лидерам «Саюдиса» доказывать теперь, что в буржуазной Литве жилось людям лучше! Зачем же врать? Неужто это расчет на то, что у людей короткая память? Кому-то и жилось хорошо, но только не трудовому народу, не тем, кто потом и кровью добывал хлеб. Так и хочется сказать литовским братьям: не давайте себя дурачить дальше. Новоявленные «вожди» преследуют свои интересы, и им наплевать на единство народов, разрыв которого ведет к беде.

Вот почему в эти дни хотелось бы, чтобы литовский народ вспомнил и перечитал Пушкина. А ведь он был и остается политическим писателем. Он драматург, каких у нас до него не было. До и после него... Он критик и историк, он наш современник, установивший непоколебимую связь со множеством поколений. Все, что написал Пушкин, не только утверждало великую нашу национальную общность, но и прочертило пути, на которых эта общность может развиваться успешно и плодотворно. Уважение к собственному, но и уважение к другим народам — вот пушкинский завет, презирающий шовинизм, точно указывающий стратегическое направление национальной судьбе. И ведь не случайно, что первым словом в имени нашего государства стоит «Союз». Связь времен. Связь людей. Союз. Так и хочется сказать: «Люди, любите и изучайте Пушкина, берегите память о нем пуще жизни, иначе потеряем себя, забудем, что мы люди...»

На следующий день, 20 мая, в воскресенье, мы с семьей Абромян поехали в Эчмиадзин посмотреть знаменитый храм, в котором размещается и правит службой верховный патриарх и католикос всех армян Вазген I, народный депутат СССР. И вот перед нами величайшее и уникальное творение Рук человеческих. Мы много часов осматривали храм, потом присутствовали на службе, которую вел сам Вазген I. Я был в форме, меня заметили и пригласили сесть на почетное место для гостей. Я оказался рядом с мужчиной лет сорока. Он был чисто выбрит, подтянут, одет с иголочки и невольно бросался в глаза. Когда я сел, он привстал, прижал правую руку к сердцу и поклонился мне. Я не знал, кто меня так почтительно приветствовал. Однако в храме я не мог долго сидеть и минут через двадцать решил выйти в зал, где меня ожидали жена и мои попутчики.

И вот тут меня спросили:

— Николай Дмитриевич, а вы знаете, кто сидел рядом с вами?

— Откуда же мне знать? Единственное, что могу сказать, — он недурно воспитан и деликатен.

Тогда мой знакомый тихо продолжил:

— Это один из руководителей мафии, известный вор в Армении, но теперь он сидит в тюрьме, как в раю. Сюда его привозят отмаливать свои грехи. Но это прикрытие. Он продолжает руководить всеми грязными делами и из заточения.

Я хотел было спросить, откуда мой знакомый знает его, но передумал.

День моего рождения, отмеченный в Ленинакане, пожалуй, останется в моей памяти на всю жизнь. Я приобрел среди армян много хороших товарищей и знакомых, убедился в их радушии, гостеприимстве, неподдельном уважении к русским и особенно к воинам.

Глава 7

Транспорт — артерия жизни

Восстановление нормальной жизни и деятельности населения разрушенных городов и сел Северной Армении было бы немыслимо без транспорта: воздушного, железнодорожного, автомобильного, морского, хотя моря в Армении нет. Но прежде всего я остановлюсь на железнодорожном транспорте, железнодорожниках.

Несмотря на большие потери и разрушения на железной дороге, ее работники вместе с воинами уже на восьмой день после землетрясения восстановили движение поездов на участке Ереван — Ленинакан — Тбилиси. В обычных условиях на это потребовались бы месяцы, а то и годы. Для выполнения предстоящего огромного объема работ на Ереванское отделение дороги было срочно направлено Министерством путей сообщения СССР 24 поездных и 26 маневренных локомотивов, откомандировано 106 локомотивных бригад, 800 специалистов. С учетом прикомандированных отделение железной дороги было укомплектовано полностью необходимыми кадрами. Уже в январе железнодорожники по всем направлениям обеспечивали подачу под выгрузку с полными сроками ежедневно более 2 тысяч вагонов, а выгружать едва успевали не более 1600. При всей организованности потери все же были неизбежны и составляли порой до 400 вагонов в сутки. Тут была вина и дороги, и грузополучателей. Явно не хватало фронта работ. Ленинакан задыхался от прибывающих составов. Возникла острая проблема, как расширить сеть подъездных и пристанционных путей. Решили срочно соорудить разгрузочную базу в Баяндуре. Нужно было построить восемь самостоятельных тупиков для огромного количества стройматериалов и оборудования, которые стали прибывать лавиной. И снова войны...

Железнодорожный батальон под командованием подполковника Е. Мельниченко в течение месяца уложил 12 километров пути, установил 24 стрелочных перевода, отсыпал 20 тысяч кубических метров балласта. В состав этого батальона были призваны из запаса механизаторы, водители, рабочие, инженеры железнодорожного транспорта. Тут же, в Баяндуре, был разбит палаточный городок, где воины и обосновались. Работа закипела в две смены. Тон задавали воины лучшей роты капитана П. Осадчука. Путьцы, опережая нормативное время, вели укладку звеньев, врезку стрелочных переводов. Быстро и качественно решало самые сложные производственные задачи отделение сержанта Ю. Удотова. Доброго слова заслуживают крановщики рядовые литовец С. Микитас и молдаванин Б. Ротор, машинист УПМ-1 рядовой Виктор Гаруци. Его путеукладчик не знал простоя, вел рихтовку пути в высоком темпе и качественно.

Специальная техника на сооружении всех восьми тупиков работала безотказно. На глазах армян менялась до неузнаваемости местность, прилегающая к станции Баяндур. От главной магистрали ответвлялись жизненно важные тупики, которых с нетерпением ждали все начальники проектно-строительных объединений. Не забыть тревог и волнений Владимира Ивановича Решетилова, который очень часто бывал на этих объектах и подгонял и без того уже загнанных воинов, начальников ПСО В. П. Колчина, И. А. Науменко, Б. П. Сахарова, В. И. Ефимова и многих других ответственных руководителей — посланцев всей нашей страны. Никто не обижался на него за это, все понимали важность момента и старались как можно быстрее выполнить огромный фронт работ. Особое усердие проявляли военные железнодорожники, которые постоянно были в поле зрения Решетилова и которых он не раз отмечал на оперативках. Не многим, наверное, известно, что Россия была страной, в армии которой впервые в мире были созданы железнодорожные войска — еще в 1851 году. В войнах второй половины XIX века и начала

нынешнего русские железнодорожные войска показали, что они являются необходимой частью действующей армии.

Советские железнодорожные войска были созданы по прямому указанию В. И. Ленина 5 октября 1918 года. В годы гражданской войны военные железнодорожники построили и восстановили более 20 тысяч километров пути, обеспечивая работу транспорта в ходе боевых операций.

За годы Великой Отечественной войны железнодорожные войска совместно со специальными формированиями Наркомата путей сообщения на территории СССР и десяти сопредельных стран восстановили и построили столько километров магистралей, что их хватило бы трижды опоясать нашу планету по экватору. А кроме того — мосты, тоннели, линии связи, станции и разъезды.

В послевоенное время военные железнодорожники были участниками строительства 1720 километров железных дорог целины, сооружения новых линий: Усть-Каменогорск Зыряновск, Трансмонгольской магистрали, Абакан — Тайшет, Ивдель — Обь, Тюмень — Сургут, БАМ. Они успешно справились с порученным заданием по ликвидации последствий аварии в Чернобыле, где мы с ними бок о бок были в одном строю...

Надолго в памяти не только воинов, но и жителей городов Ленинанкана и Спитака останутся специальные железнодорожные поезда, а попросту банно-прачечные, которые прибыли из разных военных округов. Всего прибыло четыре банно-прачечных поезда, 32 полевые бани, а для обеспечения населения водой силами трубопроводных подразделений в первые же дни были проложены магистрали общей протяженностью 35,5 километра. В банно-прачечных поездах все оставшиеся в живых люди вместе с воинами смывали пыль и грязь после изнурительных спасательных работ. Вот такой поезд в составе двух десятков ярко-зеленых вагонов прибыл в запыленный и посеревший за дни беды Ленинанкан, который отвык от ярких красок и чистоты. Появление такого состава было признаком возрождения жизни, которая брала свое...

Из Московского военного округа банно-прачечный поезд во главе с начальником капитаном М. Ю. Поликарповым прибыл на десятый день после землетрясения. Как ни торопились, но раньше прибыть не смогли: впереди шли составы с техникой и спасателями. По прибытии, как ни старались, сразу же развернуть и баню, и прачечную не удалось. Дело в том, что определили под стоянку путь, но он был завален обломками рухнувших зданий и не было вдобавок воды. На помощь были даны трубопроводчики. Ровно трое суток расчищали пути от завалов. Стали раскапывать трубопровод, тут же заменили поврежденные участки, врезались в уцелевшие городские магистральные линии. Тут советами, знанием системы водопровода Ленинанкана и некоторыми специалистами помог заместитель председателя горсовета Карлен Данилович Амбарцумян, теперь уже мэр города. А выдавший виды старый паровоз серии «Л» (где его только распали!) работал как бульдозер, сталкивая с путей завалы. Я до сих пор не могу забыть, как воевал бывший начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин с железнодорожниками, чтобы они консервировали и берегли паровозы на трудную годину.

Без отдыха часами работали на морозе сварщики рядовые запаса В. Михеев и А. Зыков. Одновременно готовили к эксплуатации оборудование. Мотористы дизелей рядовые запаса А. Гаврилов и И. Казаков обеспечивали светом не только состав, но и участок улицы. К исходу третьего дня пошла вода. Это была тоже победа. А уже в 23 часа 50 минут 21 декабря 1988 года к работе приступила первая смена. Опробованы все узлы и механизмы, расписан порядок работы смен продолжительностью 10 часов.

Ленинанканцы и вовсе ожили. Длинными очередями тянулись они к этому специальному поезду, именуемому баней. К утру первой банной ночи уже помылось

более 500 человек и постирано было тут же грязного белья 600 килограммов. Жизнь возрождалась с каждым днем после жуткой трагедии. Ну разве армяне забудут это? Думаю, что никогда.

Несмотря на восстановление железной дороги, сооружение воинами-железнодорожниками разгрузочной базы в Баяндуре, все же железную дорогу трясло. И виной этому была не только подземная стихия, которая малость поутихла и за редким исключением напоминала о себе толчками в 3—4 балла. Так, например, 18 февраля 1989 года в 19 часов в результате подземного толчка на перегоне Калтахчи — Налбанд поезд из 32 вагонов с народнохозяйственными грузами сошел с рельсов и разбросал все вагоны по обе стороны полотна. Нам пришлось посылать туда воинов и технику на ликвидацию последствий.

Но речь вовсе не об этом. Трясли дорогу неорганизованность, нестыковка в действиях железной дороги и грузополучателей, подача вагонов на чужие тупики, несвоевременная информация о поступлении грузов и так далее. Помню, прилетел наводить порядок первый заместитель министра путей сообщения СССР Владимир Николаевич Гинько. Несколько дней он с группой железнодорожников разбирался в заторах, выяснял их причины. И вот 4 апреля. В 11 часов мы все — члены оперативного штаба — собрались на совещание, которое проводил Владимир Иванович Решетилов. Первым выступил В. Н. Гинько. Он обвинил грузополучателей в том, что по 500—600 вагонов из двух тысяч остаются зачастую в ночь неразгруженными. «Мы скоро парализуем всю Закавказскую железную дорогу при такой разгрузке,— говорил Владимир Николаевич.— Многие машинисты не выдерживают создавшейся обстановки, бросают поезд и уходят».

Начались дебаты. Но и Гинько начальники ПСО зажали в тиски. И не без оснований. В. И. Ефимов, В. П. Колчин, Б. П. Сахаров прямо говорили, что на железной дороге идет скрытый саботаж. Вагоны подают под разгрузку куда попало, сообщения о прибытии вагонов постоянно запаздывают. Я тоже попросил слова. Сказал, что ежедневно бываю на станциях Баяндур и Лениакан и сталкиваюсь с таким безобразием, когда солдаты со своими кранами часами просиживают в ожидании поступления вагонов под разгрузку. Офицеры бегают по всем восьми тупикам в поисках вагонов. Я поддержал начальников ПСО и предложил немедленно поручить органам КГБ заняться этим вопросом и выяснить обстановку, создавшуюся на железной дороге. С этим же предложением я персонально обратился к первому секретарю Лениаканского горкома Компартии Армении Мисаку Левоничу Мкртчяну. Далее, обращаясь к заместителю министра, я сказал: «Ну не позор ли МПС, что солдаты вручную, ломиками, раскручивают все скрутки на грузах? На это уходит масса времени. Неужели до сих пор так трудно прислать специальные ножницы для резки? И потом, коль так сложились дела на дороге, нужно немедленно создать здесь не группу маловлиятельных представителей МПС, а настоящий штаб, да и пора армию от этих работ и передразг освободить».

Последний удар по железнодорожникам нанес В. И. Решетилов. Он часто выезжал на станции и в Баяндур, и в Лениакан, владел всей обстановкой. Владимир Иванович предъявил серьезные претензии железной дороге, в работе которой до сих пор нет согласованности, четкой координации, наблюдается бесконечная путаница и неразбериха. Он также отметил элементы саботажа, а потому и УВД, и КГБ было указано на эти сомнительные сбои в работе. Остановившись на разгрузке вагонов с цементом, Решетилов сказал, что если нет еще складов, то и нечего выгружать цемент под открытое небо, это преступно. В то же время он обратил внимание всех начальников ПСО на персональную ответственность за своевременную разгрузку стройматериалов.

Владимир Николаевич Гинько не защищал железнодорожников и не сотрясал воздух, а все предложения и замечания принял для устранения. После его отъезда в Москву была усилена группа МПС, ее возглавил начальник главка Владимир Борисович Делов, который день и ночь находился на станциях и руководил своевременной подачей на разгрузку прибывающих эшелонов с грузами. Его отличали высокая личная организованность и огромная трудоспособность, умение находить контакты со всеми начальниками ПСО — грузополучателями, а главное — честность и объективность в оценке положения дел на железной дороге. Несомненно, ему оказывал большую помощь и поддержку в наведении порядка Владимир Иванович Решетилов, который не торопился освобождать от этих работ воинов гражданской обороны. На каждом тупике круглосуточно работали солдаты, офицеры и техника. Как мы с Анатолием Васильевичем Ермаковым ни пытались вырвать солдат из «объятий» железной дороги и Решетилова, это нам не удалось. Начальник дороги приказом поощрил солдат, сержантов и офицеров, особо отличившихся при оказании помощи по разгрузке вагонов, доставке грузов, стройматериалов, домиков-вагончиков и так далее. Разве можно забыть вот такой эпизод. В июне после очередного заседания оперативного штаба, которое проводил теперь уже Леонид Юрьевич Назаров, ко мне подошла группа главных врачей Ленинанкана. Хочу назвать их поименно: объединение скорой медицинской помощи — Рубен Геворкович Хачатрян, первая детская больница — Сусанна Вазгеновна Кинакян, вторая детская больница — Роберт Оганесович Амбарян, первая детская стоматологическая поликлиника — Размик Вагаршакович Мхитарян, противотуберкулезный диспансер — Ирина Степановна Мкртумян, роддом — Владимир Гарегиневич Топикян, Дом ребенка — Римма Оганесовна Есоян, медсанчасть — Размик Адамович Курдян, СЭС — Елена Оганесовна Карапетян. Взяли они меня в окружение и говорят наперебой: «Генерал, вы же знаете, что все наши больницы разрушены и погребены под завалами со многими врачами и больными, а мы ютимся в палатках, поставленных солдатами. Нам по железной дороге доставили вагончики, которые нужно разгрузить, перевезти, установить, а мы уже сами займемся их оборудованием». Я им говорю, чтобы шли к мэру города. Они в ответ: «А что от него толку, у него ни солдат, ни техники...» Отступить было некуда — позади сотни больных, размещенных в палатках.

Руководство этой операцией было возложено на моего ученика подполковника Юрия Анатольевича Базлова, добросовестного и образованного офицера. Он прибыл с Алтая, с курсов гражданской обороны, и по истечении срока командировки согласился еще остаться на три месяца. В течение недели почти круглые сутки солдаты, сержанты и офицеры разгружали с платформ эти самые вагончики и тут же грузили их на шаланды, развозили и устанавливали по Ленинанкану. В штаб оперативной группы шли благодарные отзывы от врачей и больных о солдатском тяжком труде.

Вспоминая теперь о совместной нелегкой работе с железнодорожниками, о трудностях и неурядицах, о круглосуточном функционировании Азербайджанской и Закавказской железных дорог, не могу понять, как могли заблокировать их азербайджанские боевики? Факты — вещь упрямая. Преступники разбирали железнодорожные пути, взрывали мосты, обстреливали поезда. Только за август и сентябрь 1989 года в Армению не поступило более 32 тысяч вагонов с продовольствием, топливом, строительными материалами. А всего за три месяца не прошло в Армению 600 поездов. Однако первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Визиров долго разглагольствовал о примирении и дружбе с армянами и вместе с тем никаких мер не принимал. Как же мог такой человек говорить об интернациональной дружбе, да еще с большой трибуны?! Январские события 1990 года и вовсе показали Визирова как несостоятельного руководителя.

Советский народ с одобрением отнесся к постановлению Верховного Совета СССР

«О неотложных мерах по обеспечению бесперебойного функционирования железнодорожного транспорта и базовых отраслей народного хозяйства» от 3 октября 1989 года. До чего же мы дожили, что для наведения порядка на железной дороге, действительно дороге жизни армянского народа, нужно было поручать Министерству внутренних дел СССР и Министерству обороны СССР силой наводить порядок и остановить разбой! Какой разлом нравственности произошел в сознании людей, настоящих экстремистов, чья преступная деятельность усугубила сложную экономическую ситуацию в стране, вызвала огромные недопоставки продуктов питания, энергоносителей, товаров широкого потребления, строительных материалов и прочего! Полностью было парализовано строительство.

Только в октябре 1989 года, спустя трое суток после постановления Верховного Совета СССР, было восстановлено движение поездов между Азербайджаном и Арменией. Но пропустить накопившиеся более 5 тысяч вагонов в сжатые сроки было невозможно. Потребовались недели, чтобы эти вагоны с грузами, простаивавшие на Северо-Кавказской, Южной, Юго-Восточной, Донецкой, Приволжской, Западно-Казахстанской и Южно-Уральской железных дорогах, отправить по назначению. Стояли без движения 400 поездов и 60 тысяч вагонов. Такого положения на дороге не создавалось даже в период Великой Отечественной войны. Но азербайджанские экстремисты малость просчитались. Для поддержания жизни армянского народа неоценимую услугу оказала авиация — и военная, и гражданская. Она обеспечивала жизнь и деятельность пострадавшего населения и на первом, и на втором этапах спасательных работ. Достаточно сказать, что уже в первые сутки летчики военной транспортной авиации совершили в район бедствия 130 полетов и доставили 700 медицинских работников и спасателей, эвакуировали 2,5 тысячи тяжелораненых и пострадавших людей. С 9 декабря 1988 года началась доставка техники и грузов тяжелыми транспортными самолетами. Нагрузка полетов на ереванский и ленинканский аэропорты увеличилась в семь раз.

В эти дни основная тяжесть легла на ленинканский аэропорт. Его начальник Горишхан Карапетович Карапетян вместе со своими подчиненными сутками напролет обеспечивали посадку и взлет транспортных самолетов. Беспреданно взлетали лайнеры с тяжелоранеными. Сплошным потоком садилась авиация, на борту которых были врачи, спасатели, медикаменты, продовольствие, теплая одежда, обувь, техника. Когда в январе 1989 года мы только что познакомились с Горишханом Карапетовичем, в его внешнем виде все еще оставались следы пережитой напряженной работы в те декабрьские дни и ночи. Тысячи жизней спасли наши доблестные летчики. К великому счастью, выстоял и сам ленинканский аэропорт. Невозможно представить теперь то катастрофическое положение, которое могло сложиться, если бы вдруг был разрушен и он... Видно, и проектировали, и строили воздушные ворота города честные люди. Скажем им сердечное спасибо.

Много теплых слов об авиации сказал близкий мне человек, заместитель главного редактора газеты «Воздушный транспорт» Валерий Герасимович Тамарин, с которым судьба свела на развалинах Ленинкана. Вот что он поведал. В тот день, 7 декабря, как только стало известно о землетрясении, в Министерстве гражданской авиации СССР был создан оперативный штаб для организации и координации воздушных перевозок в пострадавшие районы Армении. Его возглавил сам министр маршал авиации А. Н. Волков. Все подразделения министерства, территориальные управления и объединенные авиаотряды немедленно перешли на круглосуточный режим работы, то есть, как в армии, были приведены в боевую готовность. В аэропортах Еревана и Ленинкана начали работу оперативные группы специалистов министерства во главе с заместителями министра М.

Тимофеевым и О. Смирновым. Первые вертолеты прибыли для оказания помощи из Тбилиси и Еревана. Вот с этого момента и началась эвакуация раненых, доставка крови, медикаментов, врачей и так далее. В зону поражения штабом были срочно перебазированы из ближайших аэропортов 20 вертолетов Ми-8 и три «воздушных крана» Ми-ЮК. Ежедневно выполнялось 250—300 вертолето-вылетов. Для перевозки пострадавших и эвакуации населения было подготовлено более 300 пассажирских самолетов (Ил-86, Ил-62, Ту-154, Ту-134, Як-40). Только за 8—9 декабря самолетами Аэрофлота в зону бедствия отважные летчики доставили около 10 тысяч медицинских работников, горноспасателей и других специалистов.

С 14 декабря Аэрофлоту поручалось эвакуировать женщин и детей в количестве 35 тысяч человек. Для выполнения этого задания было выделено 15 самолетов Ил-86, Ту-154 и Ту-134. Лучшие экипажи и бригады бортпроводников доставили эвакуируемых к местам размещения, в основном в курортные зоны страны.

В первые же сутки авиация доставляла грузы по линии Красного Креста из Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Финляндии, Норвегии, Швейцарии, Австрии, ФРГ.

Для оперативного решения всех возникающих вопросов представителям Аэрофлота за рубежом были даны необходимые поручения и полномочия. Через посольства СССР иностранные государства были проинформированы о том, что перевозка грузов помощи и специалистов, а также обслуживание самолетов, прилетающих в СССР, осуществляются без взимания оплаты, аэронавигационных и других сборов (включая авиатопливо). Только с 9 по 14 декабря на 92 специальных самолетах зарубежных авиакомпаний из Франции, США, Швеции, Индии, Кувейта, Кубы, НРБ и многих других стран мира были доставлены группы спасателей и врачей, а также около 2 тысяч тонн медикаментов и необходимых средств жизнеобеспечения.

В напряженные декабрьские дни обстановка сложилась наиболее трудная в аэропортах Еревана и Ленинакана. Поток самолетов во много раз превышал пропускную способность зоны и возможности их приемки аэропортами. Явно не хватало мест для стоянок. Бесперывно воины Советской Армии разгружали все прибывающие самолеты, они же грузили тяжелораненых и пострадавших.

Общее руководство по координации действий и организации авиаперевозок гражданской и военно-транспортной авиации было возложено на министра гражданской авиации и начальника Главного штаба ВВС.

Особо следует отметить работу коллективов авиаторов Ленинакана, Эребуни и Звартноца, а также оперативной группы авиаторов, прибывших из Москвы.

И все же мне ближе и роднее были авиаторы из Ленинакана, многих из которых я знал лично; всякий раз я удивлялся мужеству, которое они проявили, столкнувшись лицом к лицу с ужасом и смертью в родном городе.

В аэропорту Ленинакана из-за повреждения наземных каналов связи и центрального энергоснабжения временно вышли из строя радиотехнические средства навигации и управления воздушным движением, была нарушена связь аэропорта с городом, повреждения получили и некоторые сооружения аэровокзала. В результате принятых экстренных мер через два часа все средства были включены в работу, задействована диспетчерская связь по радиоканалам... Взлетно-посадочная полоса. Она стала полосой жизни для сотен тысяч людей. Мы идем с Горишханом Карапетовичем по той ее узкой полоске, которая не выдержала огромной нагрузки: верхний слой ее разрушился. Взлет и посадка самолетов прекратились. В два часа ночи штаб принял решение: срочно доставить из Еревана асфальт и дорожную технику. В помощь были выделены солдаты. Неимоверными усилиями работников аэропорта и дорожников

техника и материалы были доставлены. Закипела работа, и вскоре полоса жизни, которую так быстро восстановили, вновь принимала самолеты и отправляла в дальнюю дорогу тяжелораненых... Ленинаканский аэропорт был единственным работающим предприятием, и оно продолжало обеспечивать транспортными услугами зону бедствия. Именно здесь в неординарных и сложных условиях авиаторы проявляли свой характер, стойкость, уровень профессиональной подготовки, способность принимать ответственные решения. Настоящий героизм проявили авиаторы в полетах в ночное время, особенно в первые несколько суток после трагедии. Все экипажи вывозили по несколько сот пострадавших. Самоотверженную работу выполняли диспетчеры аэропорта, не покидая пост сутками.

Всего с 7 декабря до конца 1988 года в Армении было выполнено 1827 пассажирских и грузовых рейсов, в том числе иностранными авиакомпаниями 250. Аэрофлот перевез в Армению: спасателей — 9100, медработников — 1500, строителей-механизаторов — 2287, членов спецкоманд — 2714. Из Армении было вывезено 102 302 человека. Иностранные авиакомпании доставили в район бедствия 2183 человека, в основном спасателей и медперсонал. Самолеты Аэрофлота совместно с военно-транспортной авиацией доставили 27 тысяч тонн груза, 12 тысяч палаток, более 370 тонн продовольствия, около 8 тысяч тонн оборудования и механизмов.

С первых дней бедствия самоотверженно работали экипажи самолетов Ан-26 1-го Краснодарского отряда, возглавляемые А. Сащенко, Ан-24 Воронежского — В. Кострыниным, Тамбовского — А. Мамонтовым, Тульского — Е. Чумериным, Харьковского — В. Фурсом, 2-го Минского — Н. Новиком, В. Моргуном, и другие. Сотни авиарботников проявляли настоящее гражданское мужество и настойчивость в налаживании и восстановлении нормальной жизни и деятельности пострадавшего населения Армении.

И вот теперь, в тяжелые дни блокады на железной дороге, которую учинили азербайджанские мафиози, вновь на помощь пришли наши славные авиаторы. Я давно неравнодушен к авиации, а если точнее, то с детских лет. Во-первых, старший брат, Иван Дмитриевич, был военным летчиком, участником Великой Отечественной войны и, несмотря на то, что стал в 1944 году инвалидом первой группы, до последних дней своей жизни любил авиацию и это манящее голубое небо. Брат Петр Дмитриевич, 1929 года рождения, полковник запаса, почти всю жизнь посвятил авиации. И во-вторых, моей мечтой детства была тоже авиация. Но мечтам не суждено было осуществиться... Вот потому я так люблю этих мужественных и талантливых людей, независимо, военные они или гражданские летчики. Будучи в Чернобыле, мы вместе с ними выполняли невероятно сложную работу в радиационной пекле. Многие из них получили облучение. А теперь вот свела нас судьба в тяжелые дни по ликвидации последствий землетрясения. О замечательных летчиках много писал специальный корреспондент «Воздушного транспорта» Валерий Тамарин. И когда уже более-менее нормализовалась жизнь в Ленинакане и Спитаке и были восстановлены регулярные рейсы по всей стране, Валерий Герасимович продолжал писать об изнурительном солдатском труде на развалинах Ленинакана. Порой было не до интервью: только бы добраться до вагончика и прилечь на свою солдатскую койку. Но заряд энергии, оптимизм этого журналиста никого среди воинов не оставляли равнодушным. И, как правило, говорили ему всю горькую правду.

Мне было очень приятно читать о нем заметку главного редактора «Воздушного транспорта» Ю. Пономаренко от 12 апреля 1990 года, в которой он писал: «...Десятки, сотни телеграмм и писем, одобряющих позицию газеты, приходили в редакцию по публикациям нашего специального корреспондента, заместителя главного редактора Валерия Тамарина. Выступает он, как правило, по самым волнующим людей вопросам —

будь то проблемы социальной защищенности или взаимоотношений в трудовых коллективах, перспективы «неперспективных» предприятий или будущего отрасли. Но во всех его публикациях главным действующим лицом является человек — с его горестями и радостями, надеждами и разочарованиями.

Валерий Тамарин, пожалуй, самый мобильный журналист нашей редакции...

Внимательные читатели, давние подписчики нашей газеты, очевидно, знают, что В. Тамарин первым появляется там, где складывается чрезвычайная ситуация (гибель парохода «Адмирал Нахимов», беда в Западной Грузии, землетрясения в Армении и Таджикистане), или возникают острые конфликты (Закавказье, Прибалтика), или где идут первопроходцы (воздушные десанты на Северный полюс, поход экспедиции Д. Шпаро на Аляску). Нелегко труд корреспондента. Но и благодарен. В. Тамарин — победитель ряда всесоюзных конкурсов журналистов».

Если бы все газетчики были такие, как В. Тамарин! Ведь каждое печатное слово журналиста воспринимается читателями за истину. Но в семье, как говорится, не без уroda...

Хлеб, вода, свет и тепло постепенно вдыхали жизнь в обездоленных и чудом оставшихся в живых людей разрушенных городов и населенных пунктов Армении. Она робко, но пробивалась из этих крошечных развалин, пожарищ и пепла. И уж совсем заговорила о себе, когда дети вновь уселись за обшарпанные школьные парты в солдатских палатках. И защебетали их голоса на уроках и на переменах. Вот он, сквер, что в центре Лениакана. Десятки раз я был здесь с солдатами. Тут они устанавливали школьникам палатки. На скорую руку выложили по обе стороны дорожки, присыпали гравием, приколотили таблички. Вот одна из них: «Средняя школа № 7 имени Акопа Акопяна». Тут и первоклашки, и более взрослые дети. За брезентовой стеной слышен рокот тяжелой инженерной техники, которая вгрызается в развалины жилых домов и прочих сооружений. Несомненно, он мешает ученикам. Мы зашли с Евгением Владимировичем Павловым, оператором и режиссером Центрального телевидения, в 5-й класс. Посредине палатки стоит армейская «буржуйка», до этого знакомая детям разве что по кинофильмам. Дежурный по классу тихо подходит к печке и заправски подсыпает уголь из ведра. Урок проводит Анаит Барсегян. Она проверяет домашнее задание — как дети выучили стихотворение Аветика Исакяна «Эй, джан, Айястан». Желающих прочитать его было много, в классе лес рук... Но вот зазвенел звонок, и дети уже резвятся на улице. Ребята постарше приносят на подносах хлеб, сыр, яйца...

Евгений Владимирович Павлов начинает съемки хронико-документального кинофильма.

Мальчики и девочки понимают, что их снимают для телевидения, и наперебой лезут к камере. Вышли из палаток и учителя. На лицах у них грусть и печаль. Это и понятно. Классы поредели, а многие потеряли своих учеников навсегда...

Вновь зазвенел звонок, а дети все просят еще поснимать их. Евгений Владимирович выполняет просьбу школьников. Это необычайный человек, в котором сочетаются удивительная доброта, любовь к детям, верность дружбе и умение делить горе. На эту съемку Женя потратил пленки больше, чем было запланировано по сценарию. А потом сказал мне: «Где еще может быть подобное после такой стихии...». А вот и учительская палатка. На столах стопки учебников, потрепанных, но извлеченных аккуратно солдатами из-под школьных руин. Явно видно, что учебников гораздо больше, чем учеников... Их слишком много погибло под завалами родных школ. До сих пор в моих глазах стоит жуткая картина — матери на кладбище. Эти минуты невыносимой скорби запечатлел в кадрах тот же Женя Павлов.

Учительница школы № 2 Софья Оганесян. В этой школе погиб ее 16-летний сын Тигран — вместе с товарищами и педагогом, которая вела в эти часы урок. В пединституте погибла ее дочь Армене, Студентка 3-го курса. Женщина, содрогаясь от слез, говорила нам: «Ведь мы всегда считали наших детей святыми и делали все, чтобы они выросли и были счастливыми. Но в один миг все рухнуло и все безвозвратно потеряно. Жить не хочется... Мы теперь не женщины, мы сумасшедшие, и кто поможет нам как-то вернуться к нормальной жизни, чтобы мы смогли вновь рожать детей...»

Так уж получилось, что спустя несколько месяцев я вновь побывал в Ленинакане в командировке. Однажды зашел к своему давнему другу, первому секретарю Ленинаканского городского комитета Компартии Армении Таджату Гегамовичу Саркисяну. Мы долго говорили и вспоминали жуткие дни. И каково же было мое удивление, когда вдруг к нему в кабинет вошла милая учительница — Софья Оганесян. Мы, конечно, узнали друг друга, поздоровались. Теперь она, кажется, малость отошла от страшного горя, и ее добрая улыбка хоть и скрытно, но уже появилась на красивом, еще молодом лице. Мы обмолвились несколькими словами. И как я понял, Софья постепенно возвращалась к жизни...

Наконец-то с Таджатом мы остались одни в кабинете. Я смотрю пристально на это приветливое и давно мне знакомое лицо. И невозможно не заметить и изможденность человека, и глубоко врезанные морщины. Это следы тяжких мук и терзаний души, пережитых в бессоннице ночи. Я не стал лукавить, да и не в моем это характере, а прямо спросил его:

— Ну что, генсек Ленинакана, тяжела шапка Мономаха?

— Ох, как тяжела, мой генерал. Только бы не сломаться. Да и тоска по сыну никак не отступает. А порой, веришь, мне кажется, что он зовет меня по ночам: «Папа, папочка! Ну, где ты?»

Слезы бегут по щекам и у друга, и у меня. Нет, эту тяжелую утрату другу моему никогда не залечить.

Подавлены эмоции. Таджат продолжает:

— Ты понимаешь, Николай Дмитриевич, ну будто мы действительно прокляты богом. Ведь только подумай, какое горе случилось на нашей земле, скольких мы потеряли, а они, эти подонки, преступно заблокировали железную дорогу. А там, в Москве, руководители, которых мы уважаем, все власть употребить не спешат. Что же вы нас бросили на произвол судьбы? Да и ты в том числе, мой генерал, забыл нас. Войска гражданской обороны — и те вывели.

Я молча слушал, и только в душе, во мне, так же как и в нем, все клокотало от сознания бессилия нашего правительства. Ведь, казалось бы, введи чрезвычайное положение на железной дороге, предупреди об этом все население Азербайджана и, если надо, поставь вдоль всей этой дороги потребное количество солдат. Наверняка эта блокада тут же лопнула бы как мыльный пузырь. Никак нельзя было мешкать и лавировать, а тем более либеральничать.

И все же принятые Верховным Советом СССР неотложные меры, пусть и с опозданием, возымели действие: дорога заработала, хотя и ненадолго...

Опять негодует Таджат:

— Ты только подумай, теперь мы не успеваем такое огромное количество вагонов принять под разгрузку. Это ведь тоже не простая проблема: на дороге создалась своеобразная пробка, и мы практически круглые сутки на станциях Ленинакан и Баяндур раскупориваем ее.

— Ну а как со строительством? — спрашиваю Саркисяна.

Ответ был короткий:

— Полный провал планов, утвержденных правительством. А разве могло быть иначе при такой блокаде на дороге? Хорошо хоть часть школ построили, часть восстановили... Давай я завтра и покажу тебе, что у нас построено.

Уже поздно, часов в одиннадцать ночи, мы поехали на ужин к нашему давнему другу Вячеславу Левоновичу Панину. Нас терпеливо ждали. Трудно передать радость от встречи с близкими и полюбившимися тебе чудными людьми. За ужином мы продолжали обсуждать все те же наболевшие вопросы.

На следующий день мы действительно посетили ряд новостроек, и я своими глазами увидел, как медленно идет строительство жилых домов, школ, детских садов. Мы побывали на объектах «Армсевзапстроя». Мой давний знакомый заместитель начальника проектно-строительного объединения Станислав Иванович Мелкумов с болью в сердце рассказывал, как по крохам собирали цемент по всей Армении, лишь бы совсем не остановилась стройка. Многие специалисты из-за длительного простоя покинули Лениакан и разъехались по белу свету.

В этот же день я побывал и в родных Ахурянах. Встретился с Сашиком Гарегиновичем Григоряном, Мартином Качаровичем Тононяном, полковником Владимиром Петровичем Федоровым, Амбарцумом Матевосяном и многими другими товарищами из этого района. И несмотря на радость встречи, все они были опечалены создавшимся положением на железной дороге. Стройка в Ахурянском районе тоже замерла. Но строители из Московской области пока еще не разбежались и сидели в ожидании поступления стройматериалов. По всей видимости, руководство района уговорило москвичей дожидаться прорыва блокады. И они дождались...

Командировка моя на этот раз была непродолжительной. 17 октября поздно вечером оперативный дежурный отыскал меня и сообщил новость: 18 октября в 13.00 нужно быть в Москве на вручении орденов за ликвидацию последствий землетрясения в Армении. Ордена будет вручать лично министр обороны генерал армии Дмитрий Тимофеевич Язов. Я связался со штабом Гражданской обороны Армении и попросил заказать билет на любой рейс в Москву. Тепло попрощавшись с дорогими друзьями, на машине выехал из Лениакана.

Трудно нарисовать ночной горный пейзаж. Горы... Чудные горы... Они стоят в этой безмолвной тишине, словно стражи, замершие на боевом посту. Все остальное вокруг них поглощала ночная тьма. Несмотря на то, что я очень торопился, все же попросил солдата остановить машину. С упоением вдохнул свежий воздух. Поднял голову к звездному небу, отыскал Медведиц — Большую и Малую, сориентировался. Невольно вспомнилось стихотворение Лермонтова:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездой говорит.
В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? Жалею ли о чем?

Чуть-чуть поодаль стояли мои спутники — прапорщик и водитель.

— Нравится ночной пейзаж? — Красиво, товарищ генерал!

— А хотите послушать, как обо всем этом написал наш великий поэт Михаил Юрьевич Лермонтов?

И я без особого стеснения прочитал это стихотворение так, как никогда в жизни не читал.

Мы сели в машину и помчались, разрезая ночную тьму сильным светом фар. Я вспомнил свою жену, которой очень часто читаю стихи, и только те, что ей и мне по душе. А это Рылеев и Мерзляков, Тютчев и Фет, Баратынский и Пушкин... Не подумай, мой читатель, что я «выпендриваюсь». Просто хочу сказать, что в эти минуты мне так не доставало моего близкого, преданного и дорогого друга — жены, которой, как и любой офицер, я приносил немало огорчений.

Всю оставшуюся дорогу до Еревана я не проронил ни слова. Меня терзала тупая, выворачивающая душу боль: ну почему на этой чудной планете, где все так гармонично создано для наших радостей, нашего земного счастья, человек уподобляется зверю? Где тут начало этого жуткого разлома нравственности, куда уйдет его линия? Люди, что же вы творите? Опомнитесь! Посмотрите, как прекрасен мир!..

Я очнулся в тот момент, когда на горизонте огнями высветился ночной Ереван. До чего же красив! Только никак не могу определить, какой лучше — ночной или когда он весь оживает. Нет, пожалуй, все же ночью. В это время по крайней мере скрыты следы зла.

Аэропорт. Мы идем с прапорщиком к военному коменданту. Билет мне тут же вручили. Я сердечно поблагодарил капитана — дежурного по военной комендатуре, вернулся к машине, взял свой портфель, распрощался с моими гвардейцами и — на посадку.

Рано утром был дома. Жена, открыв дверь, удивилась, что раньше времени вернулся из командировки. Такое бывало не часто.

— Не заболел ли?

— Полный порядок. Сегодня сам министр обороны будет вручать ордена, и как бы не прозевать это мероприятие...

Перед самым выездом из дома вдруг позвонил дежурный и сообщил, что нужно быть на вручении в повседневной форме. Особых огорчений не было. Но я подумал, почему же мы за последние годы стали как-то всего стесняться, даже, наверное, и самих себя, а если точнее сказать, то и опасаться своих наград, своей парадной формы. И все это оттого, что престиж армии падает на глазах. Находятся люди, которые открыто плюют армии в лицо, а мы только утираемся...

Чего стоит только один материал белорусской писательницы Светланы Алексиевич, напечатанный 15 февраля 1990 года в «Комсомольской правде»! Беседуя с майором В. Агаповым, который ни разу сам не ходил в бой, эта «инженерша человеческих душ» пыталась натолкнуть его на факты «о засушенных человеческих ушах», которые хранились как боевые трофеи в спичечных коробках, «о расстрелянных караванах», «о диком реве раненых верблюдов», о мальчишках-водоносах, у которых «наши патрули отбирали деньги», и о многом-многом другом. Об этом она якобы слышала во время своих поездок в Афганистан. Несмотря на возражения и протест майора, пасквиль был опубликован. И правильно сделал Агапов, что обратился в суд.

Или вот такой неординарный случай. Однажды наш офицер зашел ко мне и предупредил, что, возможно, его ожидают неприятности. А дело было вот в чем. Ехал он в метро на службу. На одной из остановок входит пожилой генерал, по всей видимости, уже в отставке, участник Великой Отечественной войны. Какая-то девушка тут же встала и уступила ему место. Генерал поблагодарил и продолжал стоять. Вдруг ни с того ни с сего молодой человек снимает с себя норковую шапку и говорит: «Товарищи граждане, сбросимся этому генералу на такси». Пассажиры молчат. Подоспела очередная остановка.

Двери открылись, народу на сей раз входило очень мало. А этот негодяй все еще продолжал корчить из себя шута... Мой сослуживец ударил хорошо — молодца в вагоне только и видели. Дверь захлопнулась, поезд двинулся. Молчание. Наконец одна молодая особа лениво пропела: «Разве можно так бить человека?» И тут вагон взорвало: «Молодец, полковник, молодец! Только так и надо поступать со всякой мразью!»

Чтобы быть услышанным, генерал придвинулся к нашему офицеру вплотную: «Сынок, я воевал, но такого оскорбления никогда не испытывал... Спасибо тебе, сынок, ты защитил не только мою честь, но и честь нашего советского солдата, которому теперь нахально плюют в лицо...»

— Так что, Николай Дмитриевич, ждите неприятных звонков.

Я крепко пожал руку офицеру. А звонков так и не было...

Покрасовался я в парадной форме перед зеркалом, да и давай размундироваться... Благо жена уже ушла на работу, и подначивать было некому. Я быстро надел повседневную форму и бегом на выход.

18 октября 1990 года точно к назначенному сроку я был в новом здании Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, что на Арбате. Здание, облицованное белым мрамором, выглядит изящно. Внутренняя отделка и того лучше. В светлых и просторных коридорах и холле перед залом коллегии мастерски сделаны из цветной мозаики многие ордена нашего Отечества, в том числе и орден Победы. Все выглядело торжественно. Из такого же белого мрамора выстроена академия Генштаба, что на юго-западе Москвы. Многие генералы и офицеры говорят, что эти сооружения — детища Маршала Советского Союза Николая Васильевича Огаркова. О нем до сих пор в среде генштабистов вспоминают как о высоконравственном, образованном и интеллигентном человеке.

Однажды я имел честь удостоиться внимания Николая Васильевича. Только в ту пору он был в звании генерал-лейтенанта и командовал войсками Приволжского военного округа. Будучи полковым инженером в том самом Саратовском полку, что был в Ленинанкане, в 1966 году я присутствовал на окружной конференции рационализаторов и изобретателей в городе Куйбышеве. Мне за разработанную саперную линейку подрывника Н. В. Огарков на этой самой конференции вручил командирские часы. До сих пор в глазах стоит молодой, симпатичный, высокий и стройный наш командующий.

Мне довелось общаться с ныне покойным генерал-полковником Владимиром Владимировичем Турантаевым. От него я тоже услышал самые добрые слова о маршале Огаркове.

Владимир Владимирович прибыл к нам первым заместителем начальника Гражданской обороны СССР. Работал на совесть. Его побаивались, но и уважали. Незадолго до того, как совсем неожиданно Турантаева «ушли» в отставку, он создавал комплекс по проблемам повышения устойчивости работ отраслей народного хозяйства. Владимир Владимирович не гнушался никакой черной работы. Вместе с ним и полковником О. Н. Пашиным мы ездили по министерствам и ведомствам, выбивали дефицитные материалы, комплектующие изделия, оборудование. Как много хорошего и доброго я почерпнул у этого мудрого и опытного человека! Едем мы как-то в машине за город, где строился этот самый комплекс, а он и говорит мне:

— А знаешь, Николай Дмитриевич, ведь меня во время войны чуть дважды не расстреляли.

Я так и ахнул.

— Да ты не бойся, — пошутил он. — Дело было под Кенигсбергом. Приезжает к нам командующий фронтом Маршал Советского Союза Василевский. Я тогда был

начопером в армии, которой командовал генерал Афанасий Павлантьевич Белобородов. И вот Василевский решил посмотреть поближе передний край обороны. Мне генерал Белобородов поручил его сопроводить. Сели мы в машину и — вперед. Едем, едем — чисто поле... И вдруг ни с того ни с сего немцы открыли по нас минометный огонь. Мы тут же развернулись вправо и помчали вдоль линии фронта, маневрируя как только можно. Едва выскочили из-под огня, малость опомнились. Тут и говорит Василевский: «Вы что ж, братец, к немцам решили меня свозить в гости?» Я весь мокрый, истекаю потом, бледный, зуб на зуб не попадает. Говорю: «Товарищ маршал, что хотите со мной делайте, но вот ведь какая оказия получилась. У меня здесь были ориентиры, где повернуть и как кратчайшим и безопасным путем выехать на передний край обороны. Да, видно, ночью танкисты все тут смешали с грязью...»

Маршал, видя мое состояние, поверил, и с тем мы вернулись восвояси. Все пошли на обед. А мне особисты надели наручники. Тут я и осознал, что меня ожидает...

Сопроводили меня для начала в кабинет начальника особого отдела уже в наручниках. Этого позора забыть не могу до сих пор. Если бы я даже и был виновен, то куда мог деться, тем более мы все находились в штабе армии. И спас меня маршал Василевский. За обедом он спросил Белобородова: «А где же, Афанасий Павлантьевич, твой знаменитый полковник?» Тот шепчет на ухо маршалу, что, мол, им уже занялись особисты. В гневе Василевский вызвал начальника особого отдела, выругал его на чем свет стоит, и через несколько минут я ни живой ни мертвый зашел в столовую. Встал как обезумевший и стою. Тогда маршал и говорит Белобородову: «Налей-ка ему чарку». Мне налили граненый стакан водки, и я хватил его залпом. Чуть-чуть позже я стал приходить в себя. Вот так-то, Николай Дмитриевич, бывают в жизни злые шутки...

Владимир Владимирович замолчал и о чем-то задумался. Но я ему напомнил:

— А какой же второй злополучный случай?

Он улыбнулся и начал свой недолгий рассказ:

— Было это под Вислой. Вновь к нам приехал Василевский. Но на этот раз говорит Белобородову: «Поеду посмотрю наблюдательный пункт одного батальона на переднем крае, а в провожатые мне дай того самого начопера». Командарм долго отговаривал маршала от этой поездки, так как на пути был участок открытой местности и он обстреливался противником. Но тот на своем — вперед! Единственное, что я успел, так это дать команду, чтобы мои операторы прозвонили на НП комбату и предупредили его о нашем приезде. Мы надели маскировочные халаты, сели в машину и поехали до пункта, где пересели на лошадей. Несколько километров проехали полугалопом на лошадях. Потом пошли пешком по той самой открытой местности. Вот тут-то нас немцы вновь засекли и открыли огонь. По-пластунски мы едва добрались до НП, а с наступлением темноты более спокойно вернулись назад. Только на этот раз маршал Василевский во избежание повторения инцидента с особистами упредил их лично сам, хотя и были некоторые объяснения. А вот того ретивого особиста больше так и не встречал ни на фронте, ни после победы.

Не раз генерал-полковник Турантаев вспоминал бывшего сапера подполковника Огаркова, будучи командиром на Дальнем Востоке. Он заметил смекалистого и талантливого инженера-фортификатора, вовремя выдвинул его на оперативную работу, потом отправил учиться в академию Генштаба, а дальше тот сам пошел в гору.

Когда мы хоронили Владимира Владимировича, первым в почетный караул у его гроба встал Маршал Советского Союза Н. В. Огарков. Потом он подошел к семье покойного, выразил искреннее соболезнование и сказал жене, Елене Никитичне: «Прошу вас, обращайтесь ко мне по любым вопросам».

С тех пор прошло более десяти лет. Уже не было на посту начальника Генштаба маршала Огаркова, а пересуды долго еще не могли закончиться. Большинство генералов и офицеров в армии весьма сожалели о несправедливом освобождении его от должности. Насколько мне известно, «выдающийся» генсек, умирающий К. Черненко, и решил судьбу Огаркова с подачи Д. Ф. Устинова. Но он оставался в строю.

...И вот июль 1989 года. Новодевичье кладбище. Я прилетел из Армении на похороны близкого мне человека, известного уже читателю Героя Советского Союза генерала армии Александра Терентьевича Алтунина. Трудно поверить, что нет больше его в живых, что мы больше никогда не услышим добрых слов, шуток, не увидим алтунинской улыбки. Рядом с гробом стоят в строю Маршалы Советского Союза Соколов, Куркоткин, Огарков и многие другие, близко знавшие его друзья и товарищи. А ведь всего несколько лет назад горели страсти между Генштабом и Гражданской обороной страны. В военных округах, в союзных и автономных республиках, краях и областях гражданскую оборону хотели объединить с военкоматами. Были проведены крупномасштабные эксперименты в ряде военных округов по объединению. И вот, казалось, победа за маршалом Огарковым. Но в последний момент министр обороны маршал Д. Ф. Устинов поддержал Александра Терентьевича. Система гражданской обороны осталась самостоятельной.

...Все страсти улеглись. Но я хочу сказать совсем о другом. Когда мы с женой приехали на Новодевичье кладбище и на похоронах увидели маршала Огаркова, я был удивлен. Многие генералы и офицеры и думали, и говорили тогда вслух, что Алтунин и Огарков расстались непримиримыми врагами. Ан нет! Часто общаясь с Александром Терентьевичем, я от него никогда дурного слова не слышал о Николае Васильевиче. Он больше всего возмущался его заместителем генерал-полковником В. Л. Аболинсом и отдельными генералами Генштаба.

Видно, все мы глубоко ошибались. Алтунин и Огарков были и остались высоко нравственными людьми, настоящими товарищами. В то же время я не видел на похоронах некоторых генералов из нашей системы, сторонников объединения гражданской обороны и военкоматов, хотя до самой смерти Алтунин им не причинил никакого вреда, только часто журил их при народе. Он прощал своим противникам, особенно после победы.

...Прошло около двух часов, а мы, прибывшие за получением орденов, слонялись взад и вперед, не зная, куда себя деть. Бывает и так. Оказалось, что министр обороны генерал армии Дмитрий Тимофеевич Язов был у Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. И вот наконец-то нас построили в одну шеренгу в зале коллегии. В зал прибыли начальник Генштаба генерал армии М. А. Моисеев, первые заместители министра обороны генералы армии К. А. Кочетов, П. Г. Лушев, главкомы, члены коллегии. От гражданской обороны на вручение прибыли генерал армии В. Л. Говоров и генерал-полковник В. Ф. Грачев. Вскоре прибыл и министр обороны. Начальник Главного управления кадров генерал армии Сухоруков зачитал указ Председателя Верховного Совета СССР. Дмитрий Тимофеевич Язов вручал ордена не спеша, каждого тепло поздравлял, говорил душевные и добрые слова, порою шутил. Потом еще раз от имени Верховного Совета СССР и лично М. С. Горбачева поздравил нас и пожелал всем награжденным доброго здоровья, успехов в службе, в повышении боевой готовности нашей армии⁷.

С министром обороны я познакомился в 1974 году в городе Баку, когда он

⁷ Трудно поверить, что бывший министр обороны Маршал Советского Союза Д.Т. Язов, настоящий солдат своего Отечества, оказался в стане путчистов. Что им руководило? Ведь позже, находясь в заключении, он раскаялся.

командовал армией. Мы готовили одно из крупнейших учений с войсками, республиканскими службами и формированиями гражданской обороны двух республик — Грузии и Азербайджана. Учения были посвящены организации и ведению спасательных и неотложных аварийно-восстановительных работ в районах добычи нефти и газа. Особый акцент делался на борьбу с массовыми пожарами на нефтепромыслах.

Начальник Гражданской обороны СССР генерал армии А. Т. Алтунин обратился с письмом в ЦК Компартии Азербайджана, в котором были изложены основные мотивы выбора района учений. Несмотря на то, что в этот период в республике было развернуто строительство новых предприятий, производств, цехов, шла полным ходом реконструкция предприятий нефтеперерабатывающей промышленности, было дано «добро» на подготовку полигона и основных сил и средств к этому учению. Были выделены денежные средства даже на создание специального кинофильма, который теперь в системе гражданской обороны является уникальным.

После принятия положительного решения я со своим отделом почти в полном составе прибыл в Баку. Подготовкой занимались около полугода. Мои неизменные помощники полковники М. И. Бушуй, С. С. Авакимов, Н. Н. Ирга трудились день и ночь. На Апшеронском полуострове был создан огромный натурный полигон, где были оборудованы специальные нефтяные и газовые скважины, металлические резервуары с бензином и дизельным топливом, железнодорожные пути со стоящими на них емкостями, открытые резервуары с нефтепродуктами и прочее. В районе Старой Калы нам полностью отдали поселок, из которого только что были выселены в комфортабельные квартиры последние жители. Тут был плацдарм для подготовки всего комплекса спасательных и восстановительных работ.

На подготовку к этим учениям, помимо Азербайджанского полка гражданской обороны, был передислоцирован и Грузинский. В этих полках служили русские, грузины, армяне, азербайджанцы, украинцы, белорусы, евреи. Но какая же это была единая армейская семья!

Бакинский полк. Командиром полка был тогда юный подполковник Н. Нещерет, начальником политотдела — подполковник Владимир Вениаминович Юдинский. Это были славные офицеры, они знали своих солдат, их души, настроения, чаяния.

Немного о начальнике политотдела В. Юдинском. Я знаю его много лет. Когда был курсантом в училище, Юдинский был уже помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Он создал вместе с начальником клуба такую самодеятельность, что сейчас слушаю эстрадные концерты, а сам мечтаю: вот бы посмотреть нашу самодеятельность. Какой хор, какие пляски, сольные номера, акробатические этюды, стихи (тут уж без меня не обходилось)! Да разве я смогу забыть игру на аккордеоне и баяне третьекурсника Героя Советского Союза Сергеева! Не удивляйся, читатель, да, был такой курсант Сергеев, 1927 года рождения, старше всех нас. Он попал на фронт в 1944 году, а в 1945-м стал Героем Советского Союза. Жаль, что я не знаю его дальнейшей судьбы. А как пел наш старшина дивизиона, тоже участник войны, в оперетте «Запорожец за Дунаем»! Жаль только, он рано умер — я узнал об этом от Володи Юдинского в Баку. А какой был акробат и сильнейший гимнаст на Украине Леша Страхов! Позже он стал политработником, ныне живет в Москве, полковник запаса. А тогда из-за одних его пирамид вместе с другими гимнастами зрители вставали с кресел в клубе и замирали...

И вот теперь Володя Юдинский развернул партийно-политическую работу среди воинов так, что солдаты, сержанты и офицеры всем своим сознанием, душой и сердцем участвовали в создании этого полигона и одновременно готовились к самим учениям. ЦК Компартии Азербайджана, Совет Министров, штаб Гражданской обороны, основные

службы гражданской обороны постоянно оказывали нам всяческую помощь и поддержку в подготовке грандиозного учения. Отложилась в памяти, и надолго, кипучая деятельность начальника управления пожарной охраны МВД Азербайджанской ССР полковника Ш. П. Мамедова и его заместителя полковника Захарова, начальника штаба Гражданской обороны города Баку Ибрагимова, министра внутренних дел, министра здравоохранения. Можно было вспомнить и десятки других фамилий.

Настали тревожные дни этого учения. Из Москвы прибыли генерал армии А. Т. Алтунин, его боевой заместитель по политчасти генерал-полковник В. А. Греков, генерал-лейтенант Герой Советского Союза Д. С. Ковешников, многие начальники управлений и служб, главный редактор журнала «Гражданская оборона СССР» полковник В. А. Баканов и многие другие.

Учение продолжалось ровно трое суток без перерыва. Мы впервые испытали турбореактивные установки на гусеничном и пневмоколесном ходу в борьбе с пожарами на нефтепромыслах. Море бушующего огня по всему Апшеронскому полуострову укрощали отважные солдаты пожарных войск гражданской обороны и города Баку. Но этих сил было недостаточно. Явно не хватало воды. Был развернут и впервые испытан разработанный нами комплект специального трубопровода с насосными станциями. Борьба с массовыми пожарами оказалась сложной задачей.

На втором этапе целые сутки шло сражение в районе Старой Калы. Тут участвовали и войска, и формирования гражданской обороны с объектов народного хозяйства Баку. Мыслимо, целый поселок отдан для учений! Вот где попотели и солдаты, и личный состав формирований. И на первом, и на втором этапах руководство учением было поручено мне. До сих пор я искренне признателен бывшему моему заместителю полковнику Михаилу Ивановичу Бушую, Сергею Сергеевичу Авакимову, полковнику Ш. Мамедову, Р. Ибрагимову, генералу Н. Казанцеву, Володе Юдинскому, командирам частей и формирований, которые обеспечивали своим активным участием успех данного учения. Мой командный пункт был на крыше старой мечети, а почти рядом стояли все приглашенные во главе с А. Т. Алтуниным, так что чувствовал я себя не лучшим образом.

Теперь уже не помню, возможно, были и упущения, но твердо помню, что эти совместные учения удались и нас искренне благодарили и начальство, и все приглашенные. Позже появился большой приказ начальника Гражданской обороны СССР о поощрении особо отличившихся на учении. Кстати, это учение Азербайджанское телевидение транслировало в ту пору от начала до конца, так что все жители республики имели возможность наблюдать за действиями солдат, сержантов, офицеров и своих земляков.

После разбора учения, которое лично провел генерал армии А. Т. Алтунин, правительство республики дало обед, так сказать, в нашу честь.

Торжественный обед был в разгаре. Тамада, Председатель Совета Министров Азербайджана, часто и подолгу выступал, провозглашал тосты за армию, дружбу, братство и, конечно, традиционный тост — за Леонида Ильича Брежнева. Это не секрет, что на всех официальных приемах неизменно говорили тост за Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Леонидом Ильичом Брежневым. Да не дай бог даже пропустить слово «товарищ»! Подобные тосты возглашались в честь Брежнева и на армейских ужинах по случаю приезда к нам на комплекс военных делегаций из Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии, Кубы. Как правило, эти приемы проводил А. Т. Алтунин. На этих ужинах не раз довелось присутствовать и мне.

Приезжал в те годы учиться на этот комплекс и руководящий состав почти всех наших союзных республик, обычно во главе с Председателями Советов Министров, они же

— начальники гражданской обороны. С ними, как правило, были все министры и отдельные работники республиканских ЦК. Особенно запомнился приезд товарищей из Узбекистана, Армении, Азербайджана, Грузии. И были те же самые тосты за Генсека. В общем, после посещения бывшего министра обороны маршала Д. Ф. Устинова с членами коллегии и делегации ответственных работников во главе с секретарем ЦК КПСС Я. П. Рябовым на комплекс началось целое паломничество. Право, не знаю только, больше для дела или чтобы «проветриться».

На том званом обеде в Баку выступил генерал армии А. Т. Алтунин. Только теперь все присутствующие узнали, что с командармом генерал-лейтенантом Д. Т. Язовым они не только сибиряки, но и земляки — из Омской области — и всю войну сражались с фашистами. Своими осанками земляки походили друг на друга — каждый кося сажень в плечах, рослые, крепкие и интересные генералы. Александр Терентьевич, помню, все подтрунивал над Язовым, как они ходили в детстве драться — ватага хлопцев на ватагу, как ухаживали за девчатами. В общем, вспоминали земляки свою босоногую юность и как-то по-ребячески подшучивали друг над другом.

С тех пор минуло более 15 лет. Сколько воды утекло, сколько перемен произошло в обществе, в сознании наших советских людей! Всем казалось, что несокрушимый Союз Советских Социалистических Республик вечен. Казалось, что братские узы, рожденные в годы гражданской войны и выдержавшие испытание огнем Великой Отечественной, нерасторжимы. Казалось, что мы были счастливы в братской семье народов и что всех нас действительно сплотила великая Русь. Так что же с нами случилось, мои дорогие братья и сестры? Кто вызвал это смятение в наших душах, кто посеял эту страшную национальную рознь? Кто? Ответ не совсем простой, но можно без ошибки сказать: произошел разлом нашей нравственности, нашей совести, разлом наших умов, наших душ и наших сердец.

И этот разлом стал теперь самой страшной нашей бедой, нашей национальной трагедией. Он вызвал и тут уж породил волну преступлений, пролитие крови, беженцев... Турки-месхетинцы из Ферганы, армяне и русские из Баку, азербайджанцы из Еревана — куда уж больше!

Только в Москве насчитывалось в апреле 1990 года около 60 тысяч беженцев. Где их только не размещали! В коридорах постпредств на полу, в дешевых гостиницах, в пансионатах, в солдатских казармах...

Я сижу вместе с другими генералами на совещании у заместителя начальника Гражданской обороны СССР по политчасти генерал-полковника Г. В. Кочкина. Он ставит задачи по приему из Баку семей военнослужащих. Говорит о том, что беженцы — это страшное явление. Далее я уже его не слушаю, наплывают детские воспоминания 1942 года, когда вся наша семья из восьми человек стала бездомной. Это моя мать, старенькая бабушка и шестеро детей. Отец и брат были на фронте. В июне 1942 года все население нашего огромного села Гремяче Воронежской области было изгнано фашистами в считанные часы. Мы остались без крова, одежды, продуктов. Единственное, что успели взять с собой, — корова да лошадь... Все же кое-какие домашние вещи удалось потом вывезти. Жили в землянке, лошадь позднее отняли фашисты. Но к зиме 15-летний брат Саша украл у немцев лошадь, и мы тут же выехали из землянки и нашли приют на зиму в селе Селепяги. Многодетная семья бабушки Вари приютила нас восьмерых в своем доме, где была только одна комната, полати да русская печь. Это было наше спасение.

Но, дорогой читатель, пойми правильно: ведь нас выгнали и сделали беженцами фашисты. А кто повинен теперь? Кто породил ненависть к человеку? Эта ненависть испепеляет душу, оставляет глубокие раны в ней.

Сколько же новых вопросов рождает наше нелегкое время...

Эпилог

Как бы мне хотелось закончить свое повествование на оптимистической ноте. Как бы там ни было, жизнь не замерла на месте. Несмотря на сильнейшее потрясение, жители Армении, особенно пострадавшие от декабрьского жестокого землетрясения, возвратились на родные пепелища, обрели, как говорится, нормальное дыхание.

В Ленинакане и Спитаке, окрестных селах, до основания разрушенных подземной стихией, возводятся красивые жилые массивы, заводы и фабрики, объекты соцкультбыта. Вновь в школах зазвенели радостные детские голоса. Тысячи людей справили новоселье, рождение первенцев.

При каждом семейном торжестве люди добрым словом поминают зодчих, и в первую очередь специалистов проектно-строительного объединения Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР, возглавляемого Валерием Павловичем Колчиным. Остается только преклониться перед мужеством, трудолюбием и выдержкой этого человека. Свою нелегкую ношу несет он достойно. Судите сами. Какое же надо иметь огромное терпение, чтобы в условиях длительной блокады на железной дороге, сбоев с поставкой материалов и оборудования удерживать своих строителей на месте и остаться самому, урывками навещать семью в Москве, обивая пороги всевозможных министерств в поисках остродефицитного железа, цемента, обыкновенных гвоздей и деревянных конструкций! Многие не выдержали такой нервотрепки, плюнули на все и уехали восвояси. А вот Валерий Павлович Колчин не сбежал в трудную минуту, вместе с подчиненными по-хозяйски, доброту делает большое дело.

Мои друзья из Армении подробно сообщают о каждой новостройке, обо всем, чем полна их жизнь. С теплотой вспоминают посещение Ленинакана премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер в июне 1990 года. К предстоящему ее визиту жители многострадального города, несмотря на свое бедственное положение, готовились с энтузиазмом, гостеприимно и доброжелательно встретили главу правительства. Уж что-то, а гостей народ Армении принимать умеет.

Цель приезда главы правительства Великобритании — открыть школу, построенную английскими специалистами по своему проекту. Школа рассчитана на 400 ребят, но уже теперь решено, что будет в ней учиться вдвое больше. В две смены. И это потому, что мест катастрофически не хватает. Школа названа именем поэта Байрона. Тут целый комплекс зданий, в котором кабинеты оборудованы компьютерами, другой оргтехникой. Великолепная столовая, актовый зал, классы — все обошлось в несколько миллионов фунтов стерлингов.

Когда обо всем этом мне рассказали, я с грустью вспомнил, как разбирали останки прежней школы воины полка гражданской обороны, которым командовал подполковник Р. Мустафин. Вспомнил и то, какой переполох был в Ленинаканском горкоме Компартии Армении, когда стало известно, что на месте этой школы англичане построят новую. И надо было к их приезду все остатки школы разобрать и вывезти на свалку. Мне позвонил заведующий отделом горкома Рафаэль Николаевич Акопжян и слезно просил вместе с ним выехать на этот объект и форсировать работы.

Приехали с ним к Мустафину, на месте внимательно ознакомились с положением дел и поставили задачу командиру в две смены организовать работы, чтобы к приезду специалистов из Великобритании все было в порядке.

Солдаты не подкачали — площадка была сдана англичанам в срок.

...Торжественная церемония встречи премьер-министра со школьниками, их

родителями, преподавателями и горожанами была радушной и искренней. М. Тэтчер платила тем же — охотно отвечала на вопросы, заинтересованно осмотрела выставку детского творчества.

И вот тут мой друг, спецкор «Воздушного транспорта» В. Тамарин, о котором я уже упоминал в своих заметках, прорвавшись сквозь толпу, задал М. Тэтчер удивительно любопытный вопрос: «Верите ли вы, госпожа премьер-министр, что в будущем любовь и уважение к человеку станут важнейшим законом нашей цивилизации и тогда отпадет надобность в вооружениях?» М. Тэтчер ответила: «Я думаю, что мы сделали первые шаги к очень тесному сотрудничеству и дружбе между людьми. И теперь уже очень трудно вернуться к старым плохим временам. Поэтому у меня есть большая надежда, что все то, о чем вы спрашиваете, сбудется еще в нашем столетии».

Добрая слава идет в Ленинакане и об австрийских строителях. Они сдали под ключ 110 добротных коттеджей и передали их в дар жителям города. Деревня, поликлиника и больница, церковь, общественный центр, школа, детский сад.

Площадь в поселке названа именем австрийского писателя Франца Верфеля, автора «Сорока дней Муса-Дага», впервые в мировой литературе описавшего ужасы геноцида 1915 года, героическую оборону армянских повстанцев на горе Муса-Даг.

Десятки тысяч граждан Австрии, многие фирмы, общественные организации, различные благотворительные фонды перечислили деньги на строительство жилищ для ленинканцев. Организатором этой благотворительной акции выступила газета «Курир», которая на своих страницах несколько месяцев вела кампанию по сбору пожертвований. Все строительные работы выполнили специалисты и рабочие фирмы «Рогнер».

Радоваться бы таким вестям, а душа болит. События в Армении, особенно вокруг ИКАО, стали настоящей трагедией для тысяч людей. Продолжается самое страшное — смерть снова и снова стучится в дома мирных жителей, похоронками врывается в семьи офицеров и солдат. 13 июля 1990 года в Доме офицеров дивизии имени Дзержинского сослуживцы простились с лейтенантом Павлом Терещенко, скончавшимся от ран в одной из московских больниц. Это он, замполит внутренних войск, вместе с подчиненными 27 мая на железнодорожном вокзале в Ереване вступил в бой с вооруженными налетчиками, пытавшимися разоружить войсковой караул и в упор расстреливавшими солдат.

А буквально накануне, в дни работы XXVIII съезда КПСС, тревожные вести пришли и из Нагорного Карабаха. Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев сообщил делегатам, что 11 июля на территории ИКАО армянскими боевиками была остановлена и в упор расстреляна автоколонна. В результате погибли трое, 24 человека получили ранения, в том числе четверо военнослужащих внутренних войск. Все нападавшие скрылись. При осмотре места происшествия обнаружены ручные гранаты, радиостанции, взрывчатка.

Делегаты выразили справедливое возмущение инцидентом, в том числе от имени азербайджанского народа, терпение которого не беспредельно. Они потребовали от руководства страны, Президента СССР положить конец разгулу, беззаконию, кровопролитию, принять решительные меры для разоружения армянских неконституционных формирований и предотвращения подобных актов.

Каждый советский человек решительно протестует против попыток любыми средствами помешать наметившемуся оздоровлению обстановки в регионе. Разделяю боль солдатских матерей, обратившихся к народным депутатам СССР и РСФСР с просьбой и требованием защитить сыновей, проходящих службу в Закавказье и Средней Азии. До каких пор будет литься невинная кровь? Жертвы призывают к разуму и совести народов, руководителей, деятелей культуры Армении и Азербайджана, священнослужителей —

положить конец взаимным распрям. Пора, давно пора не только ставить вопросы, но и активно участвовать в нормализации обстановки, протянуть друг другу руку дружбы и милосердия.

Немного о прогнозах катастрофических землетрясений и других стихийных бедствий на нашей планете. По мнению французского астролога Надира, в 1993—1994 годах человечество ожидают повсеместные землетрясения, разлом Италии, всплески социальной напряженности на национальной почве и так далее. По расчетам наших специалистов, 1994 год станет годом солнечной активности со всеми вытекающими негативными последствиями. Этот период вызывает у астрологов наибольшие опасения в связи с совмещением орбит планет Нептуна и Урана, а последующее десятилетие совпадает с 400-летним циклом известных в истории неблагоприятных колебаний климата Земли.

Верь не верь астрологам, но увы... Ведь в истории государства Российского можно найти подтверждение. Если вспомнить конец XVI века, то он совпал с кровавым правлением Ивана Грозного. После него пришел разумный и энергичный Борис Годунов. Все московские земли переживали период расцвета. А когда наступил 1601 год, который совпал с появлением кометы, трех солнц, многих лун, то на Землю обрушился шквал огромнейших потрясений. День превратился в ночь, а небо разрывали тысячи молний. Земля дрожала так, что падали головки церквей. Дождь с градом лил не переставая десять недель. Погиб весь урожай. Были запасы хлеба на год. Но трагедия повторилась и в 1602 году, запасы иссякли. Начался страшный голод. По описанию историка Н. Карамзина, за это время только в Москве умерло от голода около 500 тысяч человек.

В нашей стране существует лаборатория прогнозирования будущего при ВНИИ минерального сырья Министерства геологии СССР. Ее заведующий кандидат геолого-минералогических наук И. Яницкий утверждает, что Земля, помимо хорошо известной верхней коры, имеет второй, радиоактивный слой — внешнее ядро, являющееся мощным энергетическим началом. Способы связи активного внешнего ядра Земли с окружающими объектами превосходят любую фантастику. Первой, наиболее подверженной внешнему воздействию, является атмосфера. За ней в порядке роста следуют гидросфера и литосфера. Во всех трех возникают аномалии разной продолжительности — от десятков минут до суток, месяцев, лет. И мощность этих процессов может достичь чудовищных размеров.

Известно, что на надвигающуюся бурю реагируют и люди — возникает чувство усталости, угнетенности, беспричинного страха, появляются мозговые и сердечные кризисы вплоть до потери сознания и смертельного исхода. Так постепенно определились контуры процесса, захватывающего все, начиная с природных катастроф и кончая особым рода патологией.

Я лично не знаю, насколько точны прогнозы лаборатории, хотя были и публикации на этот счет, но хочу сказать совсем о другом — насколько важно человеку быть готовым к действиям в чрезвычайной ситуации, насколько важно, чтобы руководители были подготовлены управлять всем процессом спасательных и других неотложных восстановительных работ, чего, к сожалению, не наблюдалось в Армении при ликвидации последствий землетрясения. Руководство республики не было подготовлено заранее к компетентному управлению всем процессом спасательных работ. В нашей стране к ликвидации последствий стихийных бедствий, крупных производственных аварий и катастроф привлекаются штабы, воинские части и невоенизированные формирования гражданской обороны, а иногда и части Вооруженных Сил. Их техническое оснащение, обученность еще далеки от совершенства. Что ни говорите, а живуча поговорка: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится». Горькие уроки Чернобыля и Армении заставили

круто изменить взгляды на спасательные работы в особых ситуациях. Создаются и оснащаются по последнему слову науки и техники всем необходимым специальные отряды, готовые по первому сигналу прибыть в любую точку нашего Союза, сопредельного государства. Так было в июльские дни 1990 года, когда сильное землетрясение в Иране унесло свыше 50 тысяч людей, оставило без крова 100 тысяч семей. Наша страна одной из первых помогла своему южному соседу: в зону бедствия сразу же прибыли группы советских спасателей и медиков. Первыми поспешили на помощь бригады врачей из Нахичевани, а еще через пару дней в зоне бедствия, помимо московских специалистов-медиков, приступили к работе свыше 20 отрядов азербайджанских медиков — более 300 человек. С первых дней по воздуху, автомобильным и морским транспортом в Иран было переправлено 520 большегрузных автомобилей, тысячи тонн продовольствия, медикаментов, палаток, горючего, строительных материалов. Завидная оперативность!

Заканчивая свою книгу, я вновь и вновь переживаю горькие события в Армении. Горжусь, что рядом со мной были настоящие люди — воины гражданской обороны — коммунисты и беспартийные. Их упорство, исключительное трудолюбие и стойкость в соединении с мужеством, умелой постановкой задач командирами и политработниками оказались сильнее энергии подземной стихии, помогли выстоять армянскому народу в трудную минуту, обрести душевное равновесие, чтобы потом возродить древнюю землю, украсить ее садами.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ ТАРАКАНОВ

ДВЕ ТРАГЕДИИ XX ВЕКА

Издание за счет средств автора

Редактор Е. Л. Скандова

Художественный редактор В. В. Медведев

Технический редактор Т. С. Казовская

Корректор Н. Т. Анисимова

Сдано в набор 22.08.91. Подписано к печати 17.12.91. Формат 84x108^{1/32}

Бумага тип. №1. Литературная гарнитура. Высокая печать.

Усл. печ. л. 22,68+1,68 вкл. Уч.-изд. л. 26,95. Тираж 30 000 экз. Заказ № 617.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель»

121069, Москва, ул. Воровского, 11

Тульская типография, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109

